

Д-41

РАФАЭЛЛО ДЖОВАНЬОЛИ

Д-42

СПАРТАК

ПЕРЕВОД Л. Я. ФРЕНКЕЛЬ
ОБРАБОТКА Н. А. ЖЕЛОВОВСКОГО

ИЛЛЮСТРАЦИИ Н. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

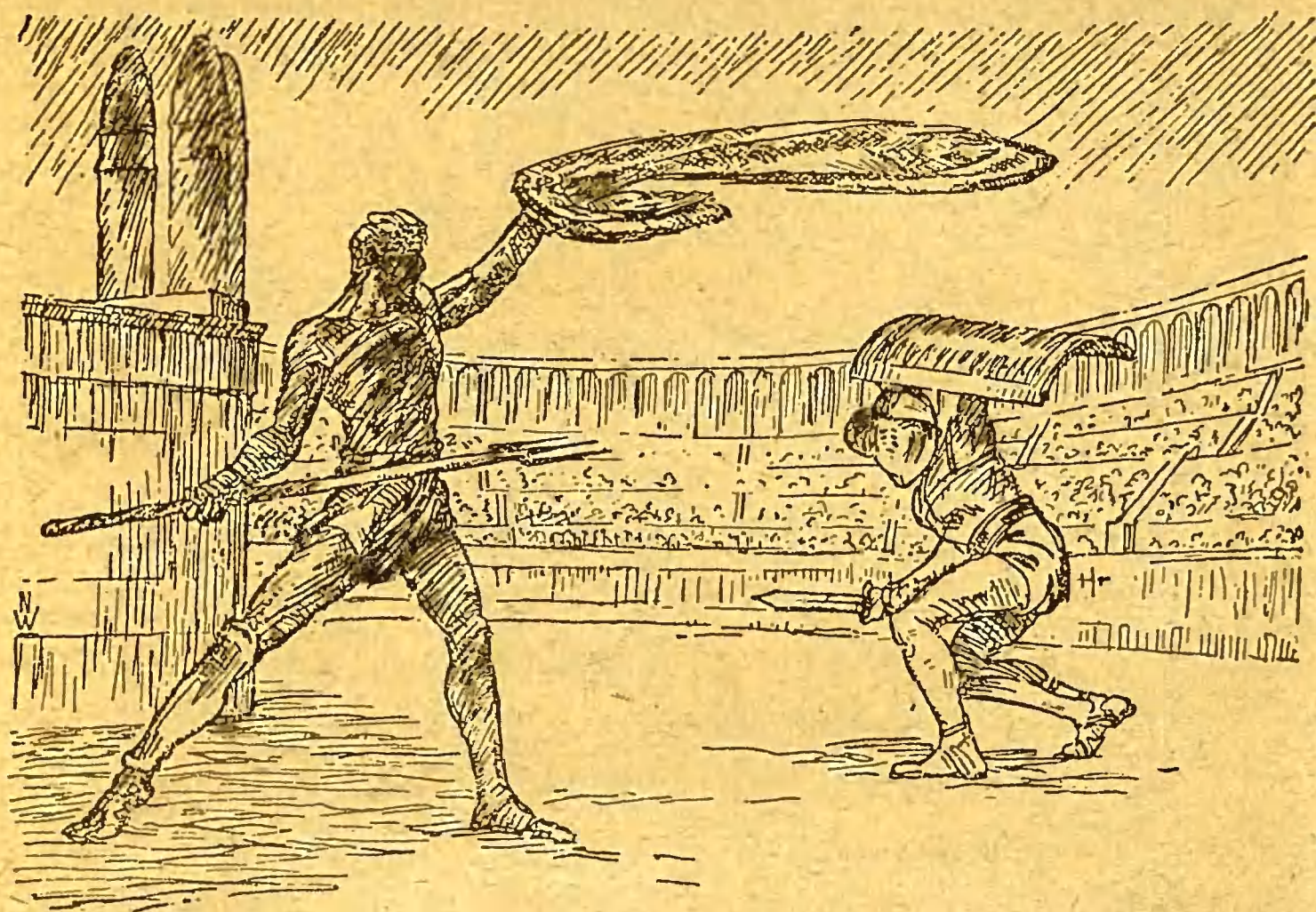
685 207 КХ-ред

Российская государственная
детская библиотека

~~27895~~

1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И КНИГ
ДЕТГИЗА~~

ГЛАВА I

Щедрость Суллы

На рассвете четвертого дня перед ноябрьскими идами (10 ноября) 675 года римской эры, в консульство Публия Сервилия Ватия Изаурика и Аппия Клавдия Пульхра, Рим был заполнен толпами, спешившими отовсюду к Большому цирку.

Рабочие, отпущенники, старые, искалеченные и покрытые рубцами гладиаторы, нищие, изувеченные ветераны гордых легионов, шуты и скоморохи, простолюдины, танцовщицы и толпы резвых детей составляли эту бесконечную вереницу. Радостные лица, веселые взгляды, беззаботные речи, легкие шутки говорили о том, что все они шли на какое-то излюбленное зрелище. Даже печальный вид неба, сплошь покрытого серыми тучами, предвещавшими дождь, не мог смутить веселья, снявшего на всех лицах.

Утренний ветер был свеж и резок, и многие горожане шли, тщательно завернувшись в плащи; а те, кто не имел плащей, кутались, насколько было возможно, — мужчины в свои тоги и аболы, а женщины — в столы и паллы.

Большой цирк находился в Мурсийской долине, между Палатинским и Авентинским холмами; он не достиг еще ко времени событий, описываемых в этой книге, тех необъятных размеров и того великолепия, которые ему придал впоследствии Юлий Цезарь и Октавиан Август; тем не менее он представлял собой громадное здание, вмещавшее свыше ста двадцати тысяч зрителей.

Это грандиозное здание овальной формы на западной стороне было срезано по прямой линии. Здесь помещался оппидум — постройка с тринадцатью арками. В средней арке был один из двух главных входов в цирк, называемый Священными воротами. Через эти ворота на арену входила процессия с изображениями богов, появление которой служило знаком для начала игр.

Под остальными двенадцатью арками были расположены конюшни, или „темницы“, в которых помещались колесницы и лошади, когда цирк служил для бегов, и гладиаторы и хищные звери, когда в цирке должны были происходить кровопролитные состязания.

От оппидума сбегали полными кругами многочисленные ряды каменных ступеней, служивших сиденьями для зрителей. В целях более удобного доступа их пересекали проходы, которые по внутренним коридорам вели к многочисленным выходам из цирка.

Против Священных ворот были расположены Триумфальные ворота — для входа победителей. А по правую сторону от оппидума, ближе к Священным воротам, находились Ворота смерти. В эту зловещую дверь особые служители при помощи длинных крючьев убирали с арены

изуродованные и окровавленные тела убитых или умирающих гладиаторов.

Арену окружал высокий парапет. Вдоль него тянулся ров, наполненный водой, а за ровом подымалась железная решетка. Все эти преграды — парапет, ров и решетка — служили для охраны зрителей от возможного нападения со стороны диких зверей, которые рычали и бесновались на арене.

Таково было устройство грандиозного здания.

Что же происходило в нем в тот день? Какое зрелище привлекало такую массу народа?

Луций Корнелий Сулла Счастливый, властитель Италии, гроза Рима, — может быть, для того, чтобы отвлечься от страданий, которые причиняла ему неизлечимая болезнь, — еще за несколько недель приказал оповестить, что в течение трех дней он будет угощать и развлекать зрелищами римский народ.

И уже со вчерашнего дня вся римская беднота восседала за столами, расставленными на Марсовом поле, шумно пируя вплоть до самой ночи. Этот всенародный пир отличался неслыханным изобилием пищи и вина. Десятую часть своих богатств пожертвовал на угощение римского народа Сулла Счастливый.

Так левой рукой дарил Сулла римлянам богатства, которые он нагребил правой; и граждане Рима, скрывая в душе ненависть к диктатору, с веселым видом принимали от него угощения и зрелища.

Между тем взошло солнце и, прорезывая тучи своими живительными лучами, наполнило цирк ослепительным сиянием.

Более ста тысяч граждан уже заняли места в ожидании своего любимого представления: кровавых сражений гладиаторов. Среди зрителей, занимавших лучшие места, можно было увидеть матрон, патрициев, всадников, сборщиков

податей, аргентариев (банкиров) и богатых иностранцев, которые стекались в Вечный Город со всех концов мира.

Эти любимцы фортуны, пришедшие много позже простого народа, находили себе места более удобные. Многие из тех римлян, которым почти всегда нехватало хлеба, часто крова, но которые при случае имели право с гордостью воскликнуть: „Noli me tangere, civis romanus sum“ („Не смей меня трогать, я римский гражданин“), занимались промыслом локариев: эти гордые бездельники приходили рано утром в помещение, где должно было состояться публичное зрелище, и занимали места для богатых граждан и патрициев. Последние являлись в цирк, когда им было удобно, и, заплатив два или три сестерция, получали от локариев лучшие места.

Многие простолюдины принесли с собой закуску и с аппетитом улетали солонину, ветчину, кровяную колбасу, сырные и медовые пирожки или сухари.

Продавцы жареных бобов и пирожков предлагали желающим побаловать своих жен и детей этими дешевыми лакомствами.

Угощение сопровождалось острыми словечками, непристойными шутками, беззаботной болтовней, громким смехом и частыми возлияниями вина.

Тут и там собирались оживленными группами чинные и важные семьи богачей, всадников и патрициев. Элегантные щеголи покрывали коврами и дыновками каменные сидения, открывали зонтики, чтобы уберечь красивых матрон и стройных девушек от жгучих лучей солнца.

Близ Триумфальных ворот в третьем ряду сидела матрона необыкновенной красоты. Правильные черты лица, большой лоб, красиво изогнутый нос, маленький рот, большие черные живые глаза придавали этой женщине неизъяснимую прелесть.

На ней была туника из белой тончайшей шерсти, отороченная внизу изящной золотой полосой; сверх туники она надела, искусно драпируя складки, белую паллу с пурпурными полосами.

Этой женщине, так роскошно одетой и столь красивой, не было еще и тридцати лет; то была известная Валерия, дочь Валерия Мессалы, единоутробная сестра Квинта Гортензия, знаменитого оратора. Несколько месяцев тому назад Валерия была отвергнута своим мужем под предлогом ее бесплодия.

Возле нее сидел патриций Эльвий Медулий, длинный, бледный, худой, прилизанный и надушенный, с пальцами, унизанными золотыми кольцами; с шеи у него спускалась золотая цепь с драгоценными подвесами на конце.

На неподвижном и невыразительном лице этого человека лежала печать скуки и равнодушия; уже в тридцать пять лет жизнь для него казалась неинтересной. Эльвий Медулий был из тех благородных римлян, которые право жертвовать собой за отечество и славу предоставляли плебеям, сами же проводили жизнь в ленивом бездельи и кутежах.

По другую сторону Валерии Мессалы сидел Марк Деций Целиций, патриций лет пятидесяти, с круглым открытым лицом, веселый, красивый и толстый, который высшим счастьем считал возможно более продолжительное сиденье за столом в триклинии.

Марк Деций Целиций тратил половину своего дня на смакование изысканных блюд. Его повар был одним из известнейших специалистов, которыми гордился в то время Рим. Другую половину дня он посвящал мыслям о вечерней трапезе. Словом, Марк Деций Целиций переваривал обед, мечтая о часе ужина.

Сюда же пришел позднее Квинт Гортензий, брат Валерии, прославленный во всем мире за свое красноречие.

Квинту Гортензию еще не исполнилось тридцати шести лет. Он долго изучал манеру двигаться и говорить, отлично научился гармонически управлять своим жестом и словом, так что и в сенате и в триклинии каждое его движение было полно благородства и величия, казавшихся врожденными. -

В одежде он признавал только темные цвета, но складки его тоги были расположены с тонким изяществом и умением, что еще более оттеняло красоту и величавость его юсanky.

Он уже прошел службу в легионах, участвовал в гражданской войне и в два последние года сделался сначала центурионом, а потом трибуном.

Гортензий был искусным артистом; половиною своих ораторских триумфов он был обязан мелодичному голосу и уловкам декламационного искусства. Даже Эзоп, известный трагический актер, и знаменитый Росций спешили на форум, когда Гортензий произносил там речи, чтобы учиться у него декламации.

Один из отпущенников, по приказу Валерии, принес ей таблички, на которых были начертаны имена сражающихся гладиаторов.

Недалеко от Валерии и ее собеседников сидели под присмотром воспитателя два мальчика, принадлежавшие к классу патрициев и одетые в белые тоги с пурпурными полосами. Эти мальчики, один четырнадцать, другой двенадцати лет, с широкими, костистыми лицами, с резкими чертами, представляли чистый тип римской расы.

Это были Сципион и Катон из рода Порциев, внуки Катона Цензора, который прославился во время второй пунической войны тем, что добивался во что бы то ни стало уничтожения Карфагена.

Сципион, младший из братьев, казался более говорливым и приветливым и часто обращался к Сарпедону (так

назывался их воспитатель). Его старший брат, юный Марк Порций Катон, стоял молча, надутый, с сердитым видом, который вовсе не подходил к его возрасту. Уже теперь говорили о твердости характера этого мальчика и упорной непреклонности его убеждений. Рассказывали, что, когда Катону было восемь лет, во время войны италийских городов против Рима, один из главарей италийцев, Марк Помпедий Силон, схватил его однажды в доме дяди его Друза и, поставив на подоконник, страшным голосом грозил выбросить из окна на мостовую, если он не попросит деда об оказании поддержки италийским городам; но как Помпедий ни тряс мальчика, как ни угрожал ему, он не мог вынудить ни слова, ни жеста, обнаруживающего страх или уступчивость. Этот четырнадцатилетний мальчик уже изучал греческую философию и, в частности, философию стоиков и стремился следовать семейным традициям, связанным с именем его сурового деда; уже теперь виден был в нем настоящий квирит. Впоследствии он окончил самоубийством в Утике и взял с собою в могилу последний клочок знамени свободы латинского народа, завернувшись в него, как в саван.

Как раз под Триумфальными воротами сидел со своим воспитателем еще один мальчик из рода патрициев. С этим мальчиком беседовал юноша лет семнадцати, одетый уже в тогу (признак совершеннолетия), хотя на лице юноши едва пробивался первый пушок. Собеседник мальчика был невысокого роста, болезненный и слабый; на его бледном лице большие черные глаза светились замечательным умом.

Это был Тит Лукреций Кар, обессмертивший впоследствии свое имя поэмой „О природе вещей“. Мальчик был Кай Логий Кассий, из рода патрициев, сын бывшего консула, смелый и крепкий. Впоследствии он сыграл блестящую роль в событиях, предшествовавших падению Римской республики.

Недалеко от Лукреция и Кассия сидел Фауст, сын Суллы, хилый, худой, рыжеволосый, с бледным лицом, с тщеславным и хитрым выражением. Казалось, он гордился тем, что он счастливый сын счастливого диктатора.

Процессия жрецов обнесла уже вокруг цирка изображения богов.

В ожидании прибытия консулов на арене ученики гладиаторов сражались дубинами и деревянными мечами.

Внезапно по всему громадному амфитеатру раздались шумные рукоплескания.

— Да здравствует Помпей!.. Да здравствует Кней Помпей!.. Да здравствует Помпей Великий! — восклицали тысячи голосов.

Помпей занял место на площадке оппидума близ весталок, сидевших уже на своих местах.

Неподвижное лицо его не отражало ни возвышенных мыслей, ни героического характера. А между тем уже двадцати пяти лет он получил триумф за победоносную войну в Африке. Сам Сулла, вероятно в минуту необычайно хорошего настроения, дал ему имя „Великого“.

Когда Помпей вошел в цирк, римский народ бурно проявил перед ним свою любовь и свое восхищение.

Быть может, выказывая расположение Помпею, народ стремился таким образом выразить свою ненависть к Сулле. Не смея обнаружить эту ненависть иным образом, ее проявляли в рукоплесканиях и похвалах Помпею.

Вскоре прибыли консулы Публий Сервилий Ватий Изаурик и Аппий Клавдий Пульхр.

Когда консулы появились на площадке оппидума, все зрители поднялись, как один человек, в знак уважения к высшей власти республики.

Помпей также приветствовал Сервилия и Клавдия, которые ему ответили слишком любезно и почти подобострастно.

На арене с прибытием консулов ученическое сражение прекратилось. Гладнаторы, которые должны были участвовать в представлении, стояли, уже приготовившись и ожидая сигнала, чтобы выйти из темниц. Взгляды всех были устремлены на опидум в ожидании, когда консулы дадут знак к началу состязания; но консулы окидывали взглядом амфитеатр, как бы ища кого-то. Они ожидали Луция Корнелия Суллу, который хотя и сложил с себя звание диктатора, однако, оставался руководителем всего и всех в Риме.

Наконец, раздались рукоплескания, сперва слабые и редкие, а затем все более шумные. Все взгляды обратились к Триумфальным воротам, через которые в сопровождении сенаторов и друзей вошел Луций Корнелий Сулла.

Этому необыкновенному человеку было пятьдесят девять лет. Почти высокого роста, он был хорошо и крепко сложен, но двигался медленно и вяло, как человек с разбитыми силами. Необузданные кутежи, а также изнурительная и неизлечимая болезнь наложили на его лицо и фигуру печать преждевременной старости.

Лицо Суллы, несмотря на правильные черты, было ужасно. Покрытое отвратительной грязновато-красной сыпью, с рассеянными здесь и там белыми пятнами, оно походило, по замечанию одного афинянина, на лицо мавра, осыпанное мукой.

При рукоплесканиях толпы насмешливая улыбка искривила губы Суллы; он прошептал: „Рукоплещите, рукоплещите, глупые бараны!“

Между тем консулы дали сигнал к началу представления, и гладнаторы, числом сто человек, вышли из темниц и стали рядами обходить вокруг арены.

Впереди всех выступали ретиарий и мирмильон, которые должны были первыми сразиться друг с другом. Хотя был близок момент беспощадной борьбы не на жизнь.

а на смерть, они шли, дружески и спокойно беседуя. За ними следовали девять лакеаториев, вооруженных только трезубцами и арканами, которыми они должны были стараться поймать девять секуторов, вооруженных щитами и мечами.

Вслед за этими девятью парами выступали тридцать пар гладиаторов. Тридцать из них изображали фракийцев в пурпурно-красных, а другие тридцать — самнитов в голубых доспехах, все молодые, красивой и воинственной наружности, высокого роста и крепкого телосложения.

Фракийцы были вооружены короткими искривленными на конце мечами и имели маленькие щиты четырехугольной формы с выпуклой поверхностью; на голове у них были небольшие шлемы без забрала. Самниты были вооружены короткими прямыми мечами, закрытыми шлемами с крыльями, небольшими квадратными щитами, железными паручниками, которыми были покрыты правые руки, не защищенные щитом, и, наконец, поножами, защищавшими левую ногу.

Шествие заключали десять пар андобатов, одетых в короткие белые туники и вооруженных только кинжалами, более похожими на простые ножи, чем на мечи; голова у каждого андобата была покрыта шлемом. Опущенное забрало с очень маленькими отверстиями для глаз мешало видеть. Двадцать несчастных должны были сражаться, точно играя в жмурки, до тех пор, пока служители цирка с помощью раскаленных прутьев не сталкивали их друг с другом.

Сто гладиаторов обходили арену под рукоплескания и крики зрителей. Приблизившись к месту, где находился Сулла, они подняли головы и, согласно наставлению, данному им ланистой Акцианом, воскликнули хором: „Привет тебе, диктатор!“

— Недурно, недурно, — сказал Сулла, обращаясь к окружающим. — Эти гордые и сильные молодцы обещают

красивое зрелище. Горе Акциану, если будет иначе! За эти пятьдесят пар гладиаторов он взял с меня двести двадцать тысяч сестерций, мошенник!

Процессия гладиаторов сделала полный круг вдоль арены и, после приветствия консулам, вернулась в свои темницы. На арене, посыпанной мраморным песком и сверкавшей, как серебро, остались лицом к лицу только два человека — мирмилльон и ретиарий.

Настала глубокая тишина. Все взгляды устремились на двух гладиаторов, готовых к схватке.

Мирмилльон, по происхождению галл, был красивый юноша, белокурый, высокого роста, ловкий и сильный. На голове у него был шлем, украшенный серебряной рыбой; в одной руке он держал небольшой щит, а в другой короткий широкий меч. Ретиарий, вооруженный только одним трезубцем и сетью, стоял в двадцати шагах от мирмилльона и, казалось, обдумывал нападение.

Мирмилльон, выставив вперед левую ногу, спирался всем корпусом на несколько согнутые колени и держал меч у правого бедра.

Внезапно ретиарий сделал прыжок и на расстоянии нескольких шагов от мирмилльона с быстротой молнии бросил сеть. Но мирмилльон, пригнувшись к земле, быстрым скачком спасся от сети и кинулся на ретиария, который, увидав свой промах, бросился убежать.

Мирмилльон его преследовал, но ретиарий, более ловкий, сделал круг вдоль арены, добежал до брошенной им сети и поднял ее.

В этот момент мирмилльон настиг его. Ретиарий, мгновенно повернувшись, снова бросил сеть; мирмилльон снова увернулся, пригнувшись к земле. Когда он вскочил, ретиарий ударил его трезубцем, острие которого попало только в щит.

Ретиарий бросился бежать под ропот негодующей толпы,

которая чувствовала себя оскорбленной неопытностью гладиатора, осмелившегося выступить в цирке, не умея искусно владеть сетью.

Мирмилльон, вместо того чтобы догнать ретиария, стал в нескольких шагах около брошенной сети. Ретиарий, поняв маневр противника, остановился и повернул обратно. Обогнув арену, он вновь оказался совсем близко от сети; тогда мирмилльон энергично напал на него, а тысячи голосов яростно кричали:

— Убей ретиария! Убей этого труса! Зарежь его! Пошли его ловить лягушек на берегах Ахерона!

Ободренный криками толпы, мирмилльон наступал. Ретиарий, страшно побледнев, удерживал противника, размахивая трезубцем, и в то же время кружил вокруг мирмилльона, стараясь схватить свою сеть. Внезапно мирмилльон отклонил щитом трезубец противника; меч его уже готов был поразить грудь врага, как вдруг ретиарий, оставив трезубец на щите мирмилльона, стремительно бросился к сети. Все же ему не удалось избежать удара меча. Из его левого плеча брызнула сильной струей кровь. Тем не менее, схватив сеть и отбежав шагов на тридцать, он повернулся к противнику и крикнул:

— Легкая рана, ничего не значит! — И начал петь: — Приди, приди, мой красавец галл, не тебя ловлю, а твою рыбу, ловлю твою рыбу! Приди, приди, мой красавец галл!..

Взрыв веселья встретил песенку ретиария. Громкими рукоплесканиями зрители поддерживали человека безоружного, раненого, истекающего кровью и все же имевшего мужество шутить и смеяться.

Взбешенный насмешками, мирмилльон яростно напал, но ретиарий, отступая прыжками, ловко избегал ударов.

— Приди, галл, сегодня вечером я пошлю жареную рыбу доброму Харону.

Эта новая шутка поправилась толпе и вызвала новое нападение мирмилльона. Вдруг ретиарий бросил свою сеть так удачно, что мирмилльон оказался запутанным в ней.

Он делал неимоверные усилия, чтобы освободиться, но запутывался все больше, под шумный смех зрителей. Ретиарий бросился к месту, где лежал его трезубец; быстро подняв его и возвращаясь бегом к мирмилльону, он кричал:

— У Харона будет рыба! Харон получит рыбу!

Но, когда он приблизился, мирмилльон отчаянным усилием разорвал сеть, и руки его оказались свободными.

В толпе снова раздались рукоплескания.

Приблизившись к мирмилльону, ретиарий замахнулся на него своим трезубцем. Мирмилльон пытался щитом отразить удар, но щит разлетелся вдребезги, и трезубец ранил гладиатора в обнаженную руку. В тот же момент он схватил трезубец левой рукой и, бросившись всей тяжестью своего тела на противника, вонзил в его правое бедро лезвие меча.

Раненый ретиарий оставил трезубец и побежал, обогрив кровью арену; скоро он упал на колени, потом рухнул на землю. Мирмилльон, высвободив ноги из сети, подбежал к поверженному врагу.

Бурные рукоплескания сопровождали последние минуты борьбы. Рукоплескания усилились, когда ретиарий, обернувшись, показал толпе свое мертвенно бледное лицо. Приготовившись бесстрашно и достойно встретить смерть, он обратился к зрителям — таков был обычай — с просьбой даровать ему жизнь.

Мирмилльон, держа ногу на груди ретиария и приставив меч против сердца, поднял голову и стал обводить глазами ряды зрителей, ожидая решения.

Свыше девяноста тысяч мужчин, женщин и детей опустили большой палец правой руки книзу — в знак

смерти, и менее пятнадцати тысяч милосердных подняли его вверх — в знак дарования жизни побежденному.

Мирмилльон приготовился уже проколоть ретиария, как вдруг тот, выхватив у него меч, с силой сам вонзил его себе в грудь. Когда мирмилльон вытащил меч из груди ретиария, лезвие дымилось кровью. Приподнявшись в предсмертной судороге, страшным голосом ретиарий закричал: „Проклятые!..“ и упал мертвым.

ГЛАВА II

Спартак на арене

Толпа бешено рукоплескала. Цирк наполнился гулом и криками.

На арену вышли служители и убрали труп ретиария, удостоверившись прикосновением раскаленного прута, что он действительно мертв. Место, где умерший гладиатор оставил большую лужу крови, было посыпано блестящим порошком мрамора.

Толпа продолжала рукоплескать, наполняя цирк криками: „Да здравствует Сулла!“

А Сулла, обратившись к патрицию Кнею Корнелию Долабелле, сидевшему рядом с ним, сказал:

— Клянусь Аполлоном Дельфийским, моим покровителем, эта чернь действительно подла. Разве она мне рукоплещет? Нет, она рукоплещет моим поварам, приготовившим ей вчера изысканные и обильные блюда. Кажет-

ся, — добавил он, — недурный товар продал мне ланиста Акциан.

— О, ты щедр, великий, — подобострастно сказал сенатор Тит Аквиций.

— Да поразит молнией Юпитер всех подлых льстецов! — ответил бывший диктатор. — Я отказался от диктатуры, вернулся к частной жизни, а вы все же хотите видеть во мне господина. О, презренные люди, могущие жить только в рабском услужении!

— Не все, Сулла, рождены для рабства, — смело сказал один патриций из свиты диктатора. То был Лучий Сергей Катилина.

Двадцатилетний Катилина приобрел славу ужасного человека. Его боялись из-за страшной его вспыльчивости. Катилина убил патриция Гратидиана, проходившего спокойно по берегу Тибра, за то, что тот отказался дать ему под заклад большую сумму денег. То было время проскрипций — время, когда ненасытный в своей свирепости Сулла затопил Рим кровью. Гратидиан не числился в проскрипционных списках, он принадлежал даже к партии Суллы; но Гратидиан был богат, а имущество убитых конфисковывалось. И потому, когда Катилина притащил труп Гратидиана к Сулле, диктатор закрыл глаза на убийство, но широко раскрыл их на оставшееся после убитого громадное богатство.

В другой раз Катилина поссорился со своим братом, убил его и наследовал его имущество, благодаря чему спас себя от разорения, к которому его привели расточительность и кутежи. Сулла и в этот раз посмотрел сквозь пальцы на братоубийство.

При смелых словах Катилины Сулла обернулся к нему и спокойно спросил:

— Сколько ты думаешь, Катилина, есть в Риме граждан, смелых, как ты, и обладающих, подобно тебе, величием души как в добродетели, так и в пороках?

— Я не могу, знаменитый Сулла, рассматривать людей и вещи с высоты твоего могущества; но я признаюсь, что люблю свободу, вплоть до распушенности, и ненавижу тиранию, хотя бы прикрытую великодушием или лицемерно действующую во имя блага отечества. Не входя в разбор твоих действий, я открыто порицаю, как и раньше порицал, твою диктатуру. И я верю, что в Риме есть еще граждане, готовые на все, лишь бы не подчиниться снова диктатуре одного человека, тем более, если этот человек не будет называться Луцием Корнелием Суллой и если чело его не будет увенчано, как у тебя, победными лаврами, приобретенными в сотнях сражений.

— Так почему же, — спросил насмешливо Сулла, — вы не вызовете меня на суд перед свободным народом? Я отказался от диктатуры; так почему же не было предъявлено мне обвинение и почему вы не явились требовать от меня отчета в моих действиях?

— Чтобы не видеть вновь резни и междоусобия, которые в течение десяти лет терзали Рим... Не будем говорить об этом, у меня нет намерения обвинять тебя. Но скажи, не кажется ли тебе, что в жилах нашего народа еще течет кровь великих и свободолюбивых предков? Вспомни о том юноше, который несколько месяцев тому назад, когда ты в присутствии сената добровольно отказался от диктаторской власти, отпустил ликторов и уходил с друзьями домой, начал тебя порицать за то, что ты отнял у Рима свободу, устранил его граждан резней и грабежами и сделался его тираном. Согласись, Сулла, что нужно быть человеком очень твердого закала, чтобы так поступать. Ведь по одному твоему знаку этот юноша мог бы в один миг поплатиться жизнью. Ты был великодушен, и знай, что я это говорю не из лести, так как Катилина не умеет и не хочет льстить никому, даже всемогущему, великому Юпитеру, ты был великодушен и ничего ему не сделал.

Но если встречается юноша неизвестного плебейского звания, — жаль, что я не знаю его имени, — способный на такой поступок, то можно еще надеяться на спасение отечества и республики.

— Да, это был смелый поступок; я всегда восхищаюсь мужеством и люблю храбрецов и не пожелал отомстить за нанесенные мне оскорбления. Но знаешь ли ты, Катилина, какое следствие имели поступок и слова этого юноши?

— Какое? — спросил Сергей, устремив любопытный и испытующий взгляд на диктатора.

— С этого момента, — ответил Сулла, — тот, кому удастся захватить власть, не захочет более от нее отказываться.

Катилина с живостью спросил:

— А найдется ли еще кто-нибудь, кто сумеет и захочет захватить власть?

— Ладно! — указал Сулла на амфитеатр, переполненный римскими гражданами. — Толпа рабов — вот она! Найдутся для нее и господа!

Они беседовали среди гула рукоплесканий. Зрители в это время были заняты кровопролитным сражением, происходившим на арене между лакеаториями и секуторами.

Сражение уже кончилось. Во время перерыва, когда служители убрали с арены трупы и уничтожали на ней следы крови, красавица Валерия встала со своей скамьи и, подойдя сзади к диктатору, вырвала нитку из шерстяной его хламиды. Удивленный Сулла обернулся, и Валерия сказала, улыбаясь:

— Не пойми меня дурно, диктатор; я взяла эту нитку, чтобы иметь долю в твоем счастье.

Вежливо поклонившись и приложив согласно обычаю руку к губам, она вернулась на свое место. Сулла, приятно польщенный ее словами, проводил ее долгим взглядом, которому он постарался придать благосклонность.

— Кто это? — спросил он у приближенных.

— Это Валерия, — ответил Долабелла, — дочь Мессалы.

— А! Сестра Квинта Гортензия...

И Сулла снова повернулся в сторону Валерии, которая смотрела на него влюбленными глазами.

Знаменитый Гортензий, брат Валерии, пересел между тем к Марку Крассу, богатейшему патрицию, известному своей скупостью и честолюбием.

Невдалеке от Красса сидела гречанка редкой красоты, с гибким и стройным станом. Эвтибида — таково было имя этой девушки. Белая, как алебастр, кожа ее лица была тронута легким румянцем; правильный лоб обрамляли тончайшие и вьющиеся рыжие волосы. Огромные миндалевидной формы глаза цвета морской воды смотрели вызывающим взглядом. Маленький красиво очерченный нос был немного вздернут и усиливал выражение дерзкой смелости, которым дышало это лицо. Сверх короткой туники из тончайшей белой ткани, усыпанной серебряными звездочками, на красавице был надет плащ из голубой шерсти, затканной такими же звездами. На лбу сверкала драгоценная диадема. В маленьких ушах висели громадные жемчужины, вставленные в звезды из сапфиров; вокруг шеи обвивалось жемчужное украшенное сапфировой звездой ожерелье. На ногах и на руках были надеты браслеты из серебра изящной работы; серебряным же обручем была стянута тонкая талия, а сандалии на маленьких ногах были привязаны мягкими ремнями из темносиней кожи.

Когда Гортензий подошел к Марку Крассу, тот был поглощен созерцанием очаровательной Эвтибиды, которая, видимо скучая, зевала во весь свой маленький ротик.

— Здравствуй, Марк Красс, — сказал Гортензий, выводя его из оцепенения. — Итак, ты углубился в созерцание звезд?

— Клянусь Геркулесом, ты угадал, — ответил Красс. — Эта...

— Которая?

— Эта красавица-гречанка... сидящая там... двумя рядами выше нас...

— А! Я ее знаю... Это Эвтибида.

— Эвтибида?

— Так ее зовут... Действительно, она гречанка... и куртизанка, — сказал Гортензий, усаживаясь рядом с Крассом, и, заметив, что Красс снова стал любоваться красавицей, прибавил: — Итак, ты потерял голову из-за этой девушки. Но нетрудно завоевать ее внимание; потратив одну тысячную долю своих богатств, ты мог бы ей подарить дворец, который ей теперь приходится нанимать.

Глаза Красса сверкнули и снова потускнели. Повернувшись к Гортензию, он спросил совсем другим тоном:

— Тебе нужно со мной поговорить?

— Да, о тяжбе с банкиром Трабулоном...

— Я слушаю тебя.

И они начали деловой разговор.

Между тем начиналось самое интересное зрелище. Трубы подали сигнал к сражению тридцати фракийцев с тридцатью самнитами. Бойцы выстроились друг против друга.

Разговоры и шум прекратились. Все взоры устремились на арену.

Первое столкновение бойцов было ужасно. Летели перья и осколки шлемов и куски разбитых щитов. Возбужденные гладиаторы бешено поражали друг друга.

Не прошло и пяти минут, как кровь уже текла по арене, на которой лежало трое умирающих.

Зрители в первом напряжении следили за кровавыми перипетиями этой игры. Большинство из них держало пари, кто на десять сестерций, кто на двадцать, а кто

и на пятьдесят талантов, смотря по состоянию. Одни за фракийцев в пурпурно-красных доспехах, другие за самнитов в голубых доспехах.

Через час битва стала подходить к концу; пятьдесят гладиаторов, мертвых и умирающих, обагрили кровью блестящую арену.

Те из зрителей, которые держали пари за самнитов, были уже уверены в выигрыше: семеро самнитов окружили и теснили трех оставшихся в живых фракийцев, которые, прислонившись спинами друг к другу, образовали таким образом треугольник и оказывали отчаянное сопротивление превосходящим численностью победителям. В числе этих трех был Спартак. Его атлетическая фигура и неукротимая храбрость привлекали внимание всех зрителей.

Спартак был белокур; длинные волосы и густая борода обрамляли лицо мужественное и правильное. Большие, полные жизни голубые глаза придавали ему, когда он был спокоен, выражение грусти и доброты.

Спартак родился в Родопских горах, во Фракии. Он сражался против римлян, когда они напали на его родину. Попад в плен, он благодаря своей силе и храбрости был зачислен римлянами в один из легионов и так отличился в войне против Митридата, что был назначен деканом, то есть начальником отряда в десять человек, и получил почетную награду — гражданский венок. Но, когда римляне снова начали войну против фракийцев, Спартак дезертировал и стал сражаться за свое отечество против римлян. Будучи ранен, он снова попал в плен. Вместо смертной казни, к которой присуждали дезертиров, он был продан в гладиаторы.

Прошло два года. Спартак объездил почти все города Италии и принимал участие более чем в ста сражениях, не будучи ни разу тяжело ранен. Он всегда выходил из

любой схватки победителем, создав себе громкую славу в амфитеатрах и цирках Италии.

Ланиста Акциан купил его за очень высокую цену, заплатив двадцать тысяч сестерций (тысячу двести рублей).

И теперь Акциан, прислонившись к одной из дверей темниц, с тревожным лицом следил за ходом битвы.

— Смелее, смелее, самниты! — кричали тысячи зрителей, которые держали пари за самнитов. — Убейте их, зарежьте этих трех варваров!

Сторонники фракийцев поддерживали своих бойцов столь же громкими криками, но у них оставалось слишком мало надежды на выигрыш.

Спартак, еще не раненный, с неповрежденным шлемом и щитом, как раз проколол насквозь одного из семи самнитов. На этот блестящий удар цирк ответил рукоплесканиями.

— Смелее! Браво! Да здравствует Спартак!

Два других фракийца были тяжело ранены; медленно они наносили удары и вяло их отражали — силы их уже были исчерпаны.

— Не подпускайте сзади! Охраняйте спину! — крикнул им Спартак, размахивая с быстротой молнии своим маленьким мечом. — Еще немного... и мы победим!..

Голос его прерывался, по бледному лицу катился пот, а в глазах горел гнев.

Другой самнит получил сильный удар в живот и упал недалеко от Спартака с предсмертным хрипением. Но и один из фракийцев рухнул на землю с разбитым черепом.

Катилина, встав с места, не дышал, не видел ничего, кроме этой кровавой битвы, и не сводил глаз с меча Спартака — он держал крупное пари за фракийцев.

Третий самнит, пораженный Спартаком в шею, присоединился к товарищам, лежавшим на арене, как раз в тот момент, когда второй фракнец, единственная поддержка

Спартак, пронзенный несколькими ударами, упал без стонов мертвым.

Гул, похожий на рев, пробежал по цирку; затем настала глубокая тишина. Можно было ясно слышать тяжелое, прерывистое дыхание гладиаторов.

Спартак в этом сражении получил только три легких раны, скорее даже царапины, благодаря непостижимой ловкости и искусству фехтования; но теперь он оказался один против четырех сильных противников, которые, правда, были ранены.

При падении последнего товарища он счел себя погибшим.

Но внезапно его глаза сверкнули: ему пришла в голову мысль применить старинную тактику Горация против Куриациев.

И он бросился бежать. Самниты стали его преследовать. Среди зрителей послышался ропот.

Но, пробежав и пятидесяти шагов, Спартак внезапно повернулся, напал на ближайшего к нему самнита и воцпил ему в грудь свой кривой меч. Самнит закачался, взмахнул руками и упал; между тем Спартак, встретив второго врага, уложил его на месте среди восторженных криков зрителей, которые теперь поняли его маневр и почти все были на стороне фракийца.

В это время приблизился третий самнит, весь покрытый ранами. Спартак ударил его щитом по голове, не считая пужным прибегнуть к мечу и не желая, очевидно, убивать. Оглушенный самнит повернулся дважды на месте и упал на землю, в то время как последний из его товарищей, выбиваясь из сил, спешил к нему на помощь. Спартак напал на него и обезоружил, выбив из его рук меч. Затем прижал его к себе и повалил на землю, прошептал на ухо:

— Не бойся, Крисс, я надеюсь тебя спасти.

Рукоплескания, подобные грому, раздались в цирке; почти все подняли вверх большой палец правой руки. Жизнь обоих самнитов была спасена.

— Вот очень сильный человек! — сказал Сулле Катилина, по лбу которого текли крупные капли пота. — Это человек, который должен был родиться римлянином!

Между тем зрители кричали:

— Свободу Спартаку!

Глаза гладиатора засверкали, его лицо стало бледнее, чем было; он прижал руку к сердцу, чтобы сдержать его бешеное биение.

— Свободу, свободу! — кричали тысячи голосов.

— Свобода! — прошептал гладиатор. — Свобода! О, боги Олимпа, не допустите, чтобы это было сном!

— Он дезертировал из наших легионов! — раздался громкий голос. — Нельзя дать свободу дезертиру!

Многие граждане, проигравшие из-за мужества Спартака свое пари, кричали злобно:

— Нет, нет, он дезертир!

Лицо фракийца передернулось. Он стремительно повернул голову в ту сторону, откуда раздались враждебные крики.

Но тысячи кричали:

— Свободу, свободу, свободу Спартаку!

Этот человек, игравший в течение полутора часов со смертью, не проявляя ни на миг слабости, теперь почувствовал, что колени под ним подгибаются. Чтобы не упасть без чувств среди цирка, он оперся о плечо одного из лорариев, пришедших для очистки арены от трупов.

— Свободу, свободу! — продолжали кричать в толпе.

— И он ее действительно достоин, — сказал Катилина на ухо Сулле.

— И он будет ее достоин! — воскликнула Валерия.

Ее возглас решил судьбу гладиатора.

— Хорошо, — сказал Сулла, смотря в глаза Валерии, которые с нежностью, любовью и состраданием молили о милости гладиатору, — хорошо... да будет так.

Он наклонил голову в знак согласия.

— Ты свободен, — сказал лорарий Спартаку. — Сулла тебе даровал свободу.

Спартак стоял неподвижно и молча.

— Своей храбростью ты меня разорил, злодей! — про-
бормотал чей-то голос над его ухом.

При этих словах он очнулся; перед ним стоял ланиста Акциан. Он пришел на арену, чтобы поздравить Спартака, так как еще думал, что тот останется его собственностью. Но теперь он уже проклинал храбрость гладиатора. Глупая жалость народа и неуместное великодушие Суллы украли у него, по его мнению, двенадцать тысяч сестерций.

Слова ланисты убедили фракийца в том, что он не грезит. Тогда он поклонился Сулле и народу и ушел с арены в дверь темницы под новый взрыв рукоплесканий.

— Нет, не боги создали все вещи, — говорил в эту минуту Тит Лукреций Кар, возобновляя беседу с маленьким Кассием и юным Каем Меммием Гемеллом, своим лучшим другом, страстным поклонником литературы, искусства и философии.

— А кто же создал мир? — спросил Кассий.

— Вечное движение материи и сочетание невидимых молекулярных тел.

— Не что же тогда Юпитер, Юнона, Сатурн? — спросил ошеломленный Кассий.

— Они создание человеческого невежества и страха. Я познакомлю тебя, милый мальчик, с учением, единственно верным, учением великого Эпикура, который, не страшась ни гремящего неба, ни землетрясений, наводящих ужас на землю, ни могущества богов и их воображае-

мых молний, осмелился проникнуть в сокровенные тайны природы, и открыл происхождение и причину вещей.

В эту минуту воспитатель Кассия напомнил последнему, что отец приказал ему вернуться домой прежде, чем стемнеет, и стал убеждать его уйти из цирка. Мальчик согласился; за ним поднялись Лукреций и Меммий.

Некоторые из зрителей начали расходиться. На скамейках, расположенных над Воротами смерти, сидела красивая, величественная матрона, окруженная юными патрициями и изящными шеголями.

Молодой человек в чересчур длинной тоге, которая прикрывала его худые ноги, с болезненным лицом, но величественного и внушительного вида, встал с своего места.

— Прощай, Галерия, — сказал он, целуя руку молодой женщины.

— Прощай, Марк Туллий, и помни, что я тебя жду послезавтра в театре Аполлона на представление „Электры“ Софокла с моим участием.

— Я приду, будь уверена.

— Будь здоров, прощай, Туллий! — воскликнули сразу много голосов.

— Прощай, Цицерон, — сказал пожилой мужчина, нахмуренный и надушенный.

— Да покровительствует тебе Талия, искуснейший Эзоп, — ответил Цицерон, пожимая руку великого актера.

Приблизившись к красивому человеку лет сорока, сидевшему на скамейке близ Галерии, он, протянув ему руку, сказал:

— И над тобою да реют девять муз, неподражаемый Квинт Росций, друг мой любимый.

И Цицерон удалился, тихо и вежливо пробираясь среди толпы.

Группа зрителей, с которой прощался так приветливо Марк Туллий Цицерон, состояла из Галерии Эмболярнии,

красивой и искуснейшей артистки, игравшей трагические роли, Эзопа, великого трагического артиста, соперника другого бессмертного артиста, Квинта Росция, заставлявшего своей игрой плакать, смеяться и трепетать всех граждан Рима.

Росций в то время был в расцвете своего гения. Его настолько любили в Риме, что все самые выдающиеся граждане гордились дружбою с ним.

Между тем Цицерон, пройдя ряды, отделявшие его от Катона и Сципиона, подошел к мальчикам и после сердечного приветствия сел между ними и начал беседовать с Катонем, к которому питал очень сильную симпатию.

Одаренный пронзительнейшим умом, поразительной памятью и врожденным красноречием, Цицерон усидчивым, страстным и упорным трудом достиг к двадцати шести годам огромной славы, проявляя себя в одно и то же время как философ, оратор и как известнейший, всегда срывавший рукоплескания поэт.

— Правда ли, о; всемогущие боги, то, что рассказывают о тебе? — спросил Цицерон у юного Катона.

— Правда, — ответил ворчливым и суровым тоном мальчик. — Разве я был не прав?

— Нет, ты был прав, храбрый мальчик, — возразил вполголоса Цицерон, целуя Катона в лоб, — но не всегда, к сожалению, можно громко говорить правду, и часто, почти всегда, право должно подчиняться силе.

— Но как это случилось? — спросил он у Сарпедона, воспитателя обоих мальчиков.

— Во время ежедневных убийств, совершавшихся по приказанию Суллы, — ответил Сарпедон, — я обязан был брать мальчиков с собою и посещать диктатора приблизительно раз в месяц для того, чтобы он относился к ним благосклонно и милостиво, занес их в число своих друзей и чтобы в страшной жажде истребления ему никогда не

могла притти безумная мысль сослать их. И Сулла действительно принимал их всегда благосклонно и отсылал их всякий раз с ласковыми словами. Однажды, выйдя из его дома и проходя форум, мы услышали душераздирающие стоны, раздававшиеся из-под сводов Мамертинской тюрьмы...

— И я спросил у Сарпедона, — прервал Катон, — кто испускает эти крики? „Граждане, убиваемые по приказу Суллы“, ответил он мне. „А за что их убивают?“ спросил я его. „За преданность свободе“, ответил мне Сарпедон.

— И тогда этот безумец, — продолжал Сарпедон, — голосом, который был услышан окружающими, произнес: „О, почему ты не дал мне меч для того, чтобы я раньше убил этого злого тирана отечества?“ Теперь скажи, Марк Туллий, как этот факт дошел до твоих ушей?

— Очень многие знают и говорят о нем, удивляясь и восхищаясь мужеством этого мальчика.

— А если, к несчастью, слух об этом дойдет до Суллы? — спросил в отчаянии Сарпедон.

— Ну так что мне до этого? — ответил Катон, нахмурив брови. — То, что я сказал, я подтвердил бы в присутствии этого человека, заставляющего трепетать всех, но не меня, клянусь всеми богами Олимпа!

Цицерон и Сарпедон в изумлении смотрели друг на друга. А мальчик с силой воскликнул:

— О, если бы я носил уже мужскую тогу!

— А что бы ты сделал, безумец? — спросил Цицерон и сейчас же прибавил: — Помолчи-ка лучше!

— Я бы вызвал на суд Луция Корнелия Суллу и обвинил его перед народом!

— Замолчи же! — сказал Цицерон. — Разве ты хочешь подвергнуть нас всех опасности? Неужели ты хочешь, чтобы он в твоих безрассудных словах нашел повод присоединить нас к бесчисленным жертвам своей безумной

жестокости? И если мы дадим себя убить, освободим ли мы Рим от его губительного всемогущества? Страх перед ним оледенил кровь в жилах римлян. Сулла действительно счастливый и всемогущий.

— Вместо того, чтобы называться Счастливым, он бы лучше старался заслужить прозвище Справедливого! — прошептал Катон.

На арене началось новое представление: андобаты развлекали народ кровавой игрой, в которой все двадцать несчастных гладиаторов должны были расстаться с жизнью.

Сулле уже наскучило это зрелище. Занятый одной лишь мыслью, завладевшей им несколько часов тому назад, он встал и направился к месту, где сидела Валерия. Подошел к ней, любезно поклонился и, лаская ее взглядом, спросил:

— Ты свободна, Валерия?

— Несколько месяцев тому назад я была отвергнута моим мужем, но не за какой-либо позорный проступок с моей стороны, напротив...

— Я это знаю. А меня ты любила бы?

— От всего сердца, — ответила Валерия, потупив глаза.

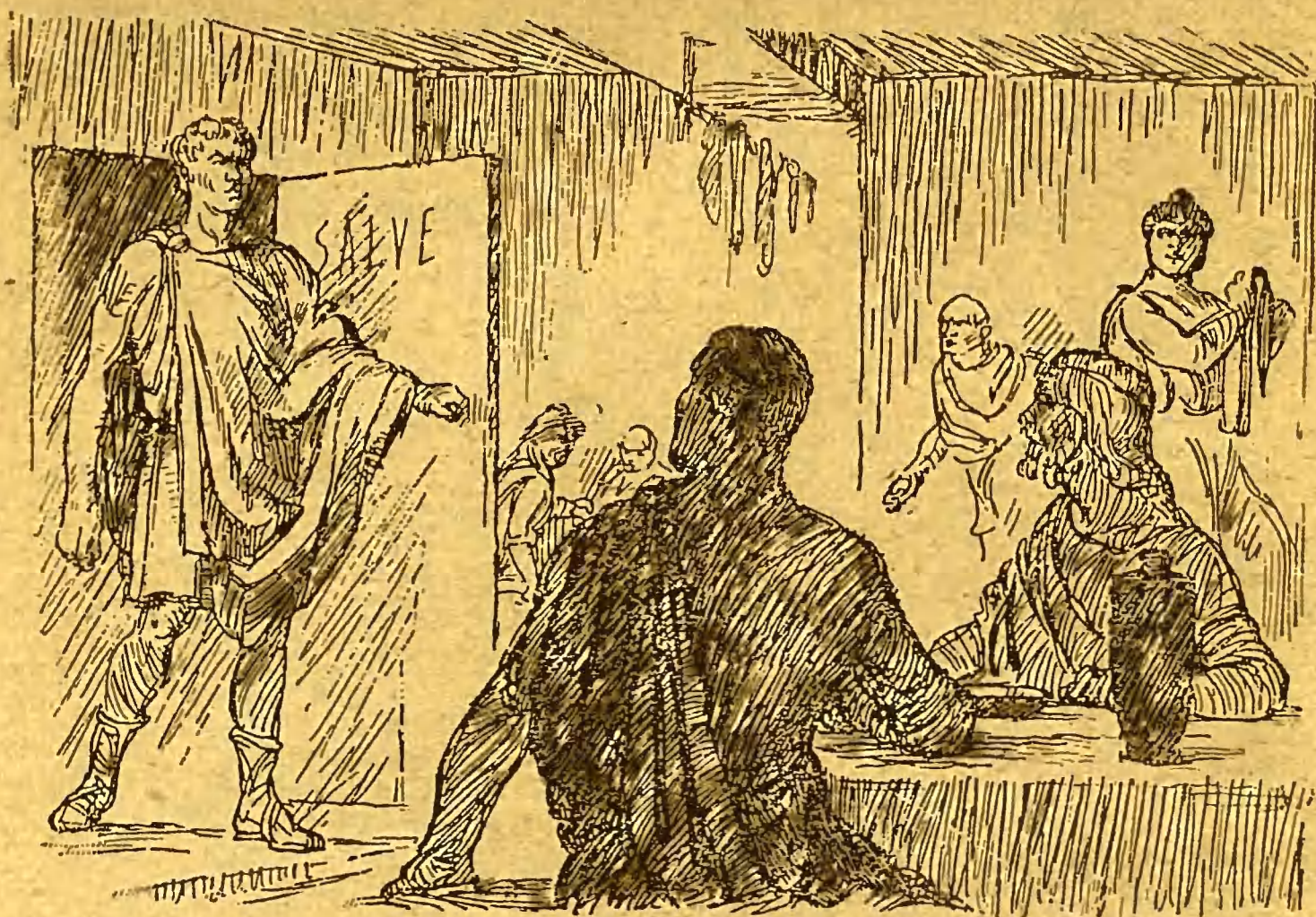
— Я тебя тоже люблю, Валерия, и думаю, никогда я так не любил.

И бывший диктатор Рима сказал, поцеловав ее руку:

— Через месяц ты будешь моей женой.

И в сопровождении своих друзей он ушел из цирка.

ГЛАВА III

Таверна Венеры Либитины

На одной из отдаленных узких и грязных улиц, близ старинной городской стены, стояла открытая днем и ночью таверна, посвященная Венере Либитине, то есть Венере Погребальной. Эта богиня ведала похоронами и могилами, а таверна находилась между кладбищем для простонародья и полем, куда бросали тела рабов и самых презренных людей — постоянную и любимую пищу волков и коршунов. Гниющее мясо заражало кругом воздух. На этом поле полвека спустя развел богач Меценат свои знаменитые сады, которые доставляли к его патрицианскому столу самые вкусные овощи и самые лучшие фрукты, выращенные на удобрении из плебейских костей.

Над входом в таверну висело вышедшее из-под пьяной кисти какого-то скверного маляра изображение Венеры, более похожей на отвратительную мегеру, чем на богиню

красоты. Фонарь, раскачиваемый ветром, едва разгонял мрак, царивший в грязном переулке, освещал бедную Венеру и привлекал внимание прохожих к сухой ветке, прикрепленной над входной дверью таверны.

Спустившись по нескольким камням, заменявшим ступеньки, посетитель попадал в закопченную сырую комнату.

Направо от входа возвышался камин, в котором пылал огонь и готовились в оловянных сосудах традиционная колбаса из свиной крови и неизбежные битки. Никто не пожелал бы расследовать, из какого рода продуктов приготовляла их Лутация Одноглазая, собственница и хозяйка этого грязного заведения.

Четыре статуэтки из терракоты помещались в небольшой нише, близ камина. Они представляли *ларов*, то есть гениев — покровителей дома. Перед ними горел светильник, и были положены венки и пучки цветов. Возле, за небольшим грязным столом, на позолоченной пурпурного цвета скамейке сидела хозяйка.

Вдоль стен стояли старые обеденные столы, длинные, неуклюжие скамьи и хромоногие табуретки.

С потолка спускалась оловянная лампа с четырьмя светильниками, которые вместе с горящим в камине пламенем наполовину разгоняли мрак, заполнявший комнату.

В стене, противоположной входной двери, находилась другая дверь; она вела во вторую комнату, поменьше первой и не такую грязную. Все ее стены не особенно стыдливый художник ради забавы покрыл рисунками самого непристойного содержания. В углу горела масляная лампа с одним режком. Всю верхнюю часть комнаты она оставляла в полной темноте, слабо освещая только пол и два обеденных ложа.

Около часа первой зари (приблизительно час ночи) в тот день, 10 ноября 675 года, таверна Венеры Либитины была полна посетителями, которые наполняли гулом и га-

мом не только самую лачугу, но и улицу, на которой она находилась.

Лутация Одноглазая вместе со своей черной, как сажа, рабыней-эфиопкой изо всех сил старалась удовлетворить требования голодных посетителей, раздававшиеся со всех сторон.

Лутация, высокая, сильная, полная и краснолицая женщина, в свои сорок пять лет могла бы еще считаться красавицей, если бы лицо ее не уродовал длинный и широкий шрам, пересекавший лоб и правый глаз. Из-за этого уродства Лутация была прозвана Моноколой, то есть Одноглазой.

Впрочем, несмотря на уродство, болтливая, любезная и веселая Лутация привлекала в свой кабачок многочисленных посетителей из самых низов римского населения.

Плотники, кузнецы, гончары, могильщики, атлеты из цирка, комедианты и шуты, гладиаторы, нищие, мнимые калеки и распутные женщины были обычными гостями Лутации. В таком месте не могли, конечно, бывать банкиры, всадники и патриции. Но Лутация Одноглазая не была щепетильна и думала, что Юпитер поместил солнце на небе для того, чтобы светить как богатым, так и бедным. Если для богатых были винные погреба, кондитерские, рестораны и гостиницы, то бедняки должны были иметь свои таверны, а квадранс (четверть копейки), асс (две копейки) и сестерций (девять копеек) бедняка и раба ничем не отличались от тех же монет зажиточного горожанина и гордого патриция.

— Клянусь рогами Вакха Дионисия, дашь ты нам, наконец, эти проклятые битки? — крикнул громовым голосом старый гладиатор, лицо и грудь которого были сплошь покрыты шрамами.

— Прозакладываю сестерций, что Лувений, могильщик, принес ей с Эсквилинского поля такого мяса, которое служило добычей воронам и вполне может быть начин-

кой для адских битков! — вскричал сидевший тут же нищий.

Громкий хохот раздался в ответ на эту шутку. Низкого роста, неуклюжий и толстый могильщик, которого звали Лувением, разразился ругательствами.

— Как честный могильщик клянусь, ты должна была бы, Лутация, в биток этого негодяя Велления (так звали нищего) положить мясо, которое он нитками привязывает к своей груди, чтобы разжалобить чувствительных граждан несуществующими язвами и выманить у них побольше денег.

Новый взрыв смеха раздался при этих словах.

— Если бы Юпитер не был лентяем и не спал так крепко, то он давно бы испепелил своей молнией этот злобонный бездонный мешок — могильщика Лувения, — ответил нищий.

— Клянусь черным скипетром Плутона, я на твоей варварской роже кулаками устрою такую язву, которая тебе даст право молить людей о сострадании! — вскричал могильщик в бешенстве, подымаясь с места.

— Ну, подойди, подойди, дурак! — Веллений вскочил и сжал кулаки. — Подойди, чтобы я тебя послал к Харону, и, клянусь крыльями бога Меркурия, я сам вложу монету между твоими грязными волчьими зубами.

— Перестаньте вы, старые клычи! — зарычал Кай Тауривий, огромного роста атлет из цирка. — Перестаньте, или, клянусь всеми богами Рима, я так ударю вас друг о друга, что раздроблю ваши съеденные червями кости и превращу вас в истрепанную мочалку.

Готова была начаться драка, но, к счастью, в эту минуту Лутация и Азур, ее черная рабыня, поставили на столы два огромных блюда, наполненных доверху дымящимися битками, на которые все набросились с волчьей жадностью. Между тем в другой группе посетителей велись

разговоры на излюбленную тему дня — о гладиаторских играх в цирке. Присутствовавшие на них свободные граждане рассказывали рабам, не имевшим права входить за ограду цирка.

Все прославляли мужество и силу Спартака.

Тем временем Лутация поставила на стол кровяную колбасу, и на некоторое время разговоры прекратились.

Первым нарушил молчание старый гладиатор, воскликнув:

— Я сражался двадцать два года в амфитеатрах и цирках и сохранил, однако, свою шкуру, хотя она, правда, продырявлена, зашита и перешита. И вот я должен вам сказать, что никогда я не знал более красивого гладиатора, более сильного человека и более ловкого фехтовальщика, чем этот непобедимый Спартак.

— Если бы он родился римлянином, — покровительственно прибавил атлет Кай Тауривий, по происхождению римлянин, — он стал бы героем.

— Жаль, что он варвар! — сказал с оттенком презрения Эмилий Варин, красивый юноша лет двадцати, на лице которого виднелись уже морщины, указывавшие на развратную жизнь и преждевременную старость.

— А все-таки он очень счастлив, этот Спартак! — вздохнул старый легионарий из Африки, с широким шрамом на лбу и хромой. — Хотя и дезертир, он все же получил в дар свободу! Случаются же вещи, никогда не виданные! Эх! Сулла был в эту минуту в хорошем настроении, что решился на такую щедрость.

— Представьте себе досаду ланисты Акциана, — заметил старый гладиатор.

— Да, он кричал, что его ограбили, разорили, убили. Положим, Сулла заплатил ему щедро.

— Ну что ж, товар, надо сказать правду, был хорош и красив!

— Не спорю, но и двести двадцать тысяч сестерций красивы и хороши.

— Клянусь Геркулесом, очень и очень хороши! — сказал атлет. — Если бы я их имел... мне хотелось бы их испробовать во всех видах и всеми способами.

— Ты думаешь, Тауривий, что мы не сумели бы оценить прелесть двухсот двадцати тысяч сестерций?

— Не все умеют копить деньги, но все умеют их тратить.

— Не хотите ли вы сказать, что Сулле тяжело достались его богатства?

— Первую долю их он получил от одной женщины из Никополиса, которая, уже довольно пожилой, влюбилась в него и, умирая, оставила его единственным наследником своих богатств.

— А ведь в юности он был довольно беден.

— Потом в войне против Митридата и при взятии Афин он сумел захватить себе львиную долю добычи.

— Потом пришло время проскрипций. По его приказу было зарезано семнадцать бывших консулов, семь преторов, шестьдесят эдилов и квесторов, триста сенаторов, тысяча шестьсот всадников и семьдесят тысяч граждан, а все имущество этих лиц было конфисковано. Разве при этом Сулле ничего не перепало?

— Я бы хотел иметь ничтожную частицу того, что досталось ему во время проскрипций.

— Однако, — сказал Эмилий Варин, — этот человек стал из очень бедного страшным богачом, из ничтожества — триумфатором и диктатором Рима; ему народ воздвиг золотую статую перед рострами с надписью: „Корнелий Сулла Счастливый — император“, и все же этот всемогущий человек поражен недугом, против которого бессильны все золото и все лекарства!

— И поделом ему, — вскричал хромой легионарий, ко-

торый, как участник африканских войн, был почитателем памяти Кая Мария, — этому дикому зверю, этому чудовищу в образе человеческом! Страшной болезнью отомщена ему кровь шести тысяч самнитов, которые сдались под условием, что им будет сохранена жизнь, и которых он приказал, все шесть тысяч, убить в цирке стрелами. И когда при криках этих несчастных все сенаторы, собравшиеся в курии Остильской, в страхе вскочили с мест, он спокойно сказал: „Не тревожьтесь, отцы сенаторы: это по моему приказу наказывают нескольких злоумышленников; продолжайте ваше заседание“.

— А резня в Пренесте, где он приказал убить в одну ночь все двенадцать тысяч жителей без различия пола и возраста, за исключением того гражданина, у которого он гостил?

— А Сульмона, Сполетиум Терни, Флоренция, все эти великолепные города Италии, которые за приверженность к Каю Марию были сравнены с землей и разрушены вопреки данному им слову?

— Эй, ребята! — закричала Лутация со своей скамейки, где она готовила на оловянной сковороде жаркое из зайца. — Мне кажется, что вы говорите дурно о диктаторе Сулле Счастливом. Советую вам держать язык за зубами. Я не желаю, чтобы в моей таверне оскорбляли имя величайшего гражданина Рима.

— Вот тебе на! Эта проклятая кривоглазая принадлежит к партии Суллы! — воскликнул старый гладиатор.

— Кого ты ожидаешь сегодня в свой кабаk, чтобы угостить этими кошками, изжаренными под зайцев? — спросил нищий Веллепий.

— Может быть, ты ожидаешь самого Марка Красса?

— Нет, она ждет на ужин Помпея Великого!

Хохот и насмешки продолжались, как вдруг в дверях

появился человек колоссального роста, сильного телосложения, еще красивый, несмотря на седину в волосах.

— Добро пожаловать, Требоний! — воскликнуло одновременно много голосов.

Требоний был прежде ланистой. Он закрыл несколько лет тому назад свою школу и теперь жил на сбережения, но не терял связи с гладиаторами.

Втихомолку рассказывали, что во время гражданских смут патриции поручали ему вербовать гладиаторов. Говорили, что он имел под рукою многочисленные толпы, с которыми в назначенное время являлся на форум или в комиции, когда требовалось напугать судей или оказать давление на исход выборов магистрата. Утверждали, что Требоний извлекал большую выгоду из своего знакомства с гладиаторами.

Как бы то ни было, Требоний был их другом, покровителем, и потому-то в этот день он, по окончании зрелищ в цирке, дождался Спартака, обнял его, расцеловал и пригласил на ужин в таверну Венеры Либитины.

В кабаке Лутации он вошел в сопровождении Спартака и группы гладиаторов.

Спартак был все еще в пурпурной тунике, в которой сражался в цирке. На плечи он набросил плащ, какой обычно носили солдаты и который он только что взял на время у одного центуриона, приятеля Требония.

Посетители кабака обменялись шумными приветствиями с прибывшими. Присутствовавшие на зрелищах в цирке с гордостью показывали героя дня тем, которые его еще не знали.

— Сюда, сюда, красавец-гладиатор, — сказала Лутация, ведя новых гостей в чистую комнату, — здесь приготовлен ужин для вас. Твоя Лутация, Требоний, подумала о тебе и надеется, что такого жаркого из зайца не едали даже за столом у Марка Красса.

— Сейчас оценим, что ты сумела приготовить, плутовка, — ответил Требоний, потрепав по спине хозяйку, — а пока принеси-ка нам кувшин старого велитернского.

— Клянусь милостивыми богами! — воскликнула Лутация. — Он спрашивает, старо ли мое велитерское. Подумать только — ему пятнадцать лет! На его печати стоят имена консулов Кая Целия Кальда и Лиция Домиция Энобарба.

И в то время как Лутация говорила эти слова, Азур принесла кувшин, с которого она сняла печать, и приглашенные стали ее рассматривать, передавая друг другу.

Вскоре гладиаторы оценили искусство Лутации в приготовлении жареного зайца и возраст велитернского.

Ужин был неплохой, вино в избытке. В комнате стало шумно от веселых речей. Один Спартак, которым все восхищались, может быть, от волнений, пережитых в этот день, а может быть, от чрезмерной радости из-за неожиданно приобретенной свободы, не был весел и ел неохотно.

Ни любезности, ни остроты, ни смех не могли рассеять его задумчивости.

— Клянусь Геркулесом, Спартак, друг мой, я тебя не понимаю, — сказал, наконец, Требоний. — Что с тобою? Ты не пьешь...

— Клянусь Юноной, матерью богов, — воскликнул один из гладиаторов, в котором по выговору можно было угадать самнита, — можно подумать, что ты сидишь не за дружеской пирушкой, а на поминках, и не празднуешь свою свободу, а оплакиваешь потерю матери!

— Моя мать! — произнес с глубоким вздохом Спартак и стал еще грустнее.

Требоний, поднявшись и взяв в руки стакан, воскликнул:

— Предлагаю тост за свободу!

— Да здравствует свобода! — закричали с сверкающими глазами гладиаторы, вскочив и подняв вверх стаканы.

— Счастлив ты, Спартак, что мог добиться ее при жизни, — грустно сказал молодой белокурый гладиатор. — Мы ее получим только со смертью.

При первом возгласе: „Свобода!“ лицо Спартака прояснилось, глаза зажглись. Он встал, поднял свой стакан и ясным, сильным и звучным голосом воскликнул:

— Да здравствует свобода!

Но при словах молодого гладиатора он снова поник головой и в наступившем молчании вполголоса медленно и раздельно произнес одну строфу из песни, которую в часы упражнений напевали гладиаторы школы Акциана:

Свободным он родился,
Не гнул ни разу спину,
Потом попал в железные
Оковы на чужбину.
И вот не за отечество,
Не за богов родимых
Теперь он биться должен.
Не за своих любимых,
Сражаясь, умирает
Гладиатор.

— Наша песня! — прошептали друг другу гладиаторы с удивлением и радостью.

Потом, как будто равнодушно, Спартак спросил белокурого гладиатора:

— К какой школе ты принадлежишь?

— К школе ланисты Рабеция.

Спартак поднял стакан, выпил его содержимое и, как бы обращаясь к входившей в этот момент рабыне, сказал:

— Света!

Гладиаторы обменялись между собой быстрым взглядом. Белокурый юноша, как будто продолжая начатую беседу, ответил:

— И свободы... Получил же ты ее по заслугам, мужественный Спартак.

На этот раз уже Спартак обменялся с ним быстрым взглядом. И, как бы в ответ на его слова, раздался громкий голос человека, появившегося в дверях:

— Да, ты заслужил свободу, непобедимый Спартак!

Все головы повернулись к дверям. На пороге стоял закутанный в широкий темный плащ Луций Сергий Катилина.

При слове „свобода“, подчеркнуто произнесенном Катилиной, Спартак и все гладиаторы, за исключением Требония, взглянули на вошедшего с изумлением и вопросом.

— Катилина! — воскликнул Требоний, сидевший спиной к двери и потому последним заметивший его приход.

Он поспешно поднялся, поклонившись почтительно, и указал:

— Здравствуй, знаменитый Катилина... Какой доброй богине обязаны мы честью видеть тебя в этот час и в этом месте?

— Я как раз тебя искал, Требоний, — сказал Катилина. — А также, — прибавил он, обернувшись к Спартаку, — и тебя.

Услыхав имя Катилины, известного в Риме своей жестокостью, буйствами, силой и мужеством, гладиаторы переглянулись, пораженные и испуганные, и даже сам Спартак, сердце которого никогда не трепетало от страха, вздрогнул и нахмурил лоб.

— Меня? — спросил он с изумлением.

— Да, именно тебя, — ответил спокойно Катилина, усаживаясь на предложенную ему скамейку и сделав знак всем садиться.

— Я не знал, что найду тебя здесь, — пояснил он и, обратясь к Требонию, продолжал: — но был почти уверен, что найду здесь тебя, Требоний, и от тебя я предполагал узнать, где сумею разыскать этого мужественного и доблестного человека.

Спартак, все более изумляясь, смотрел на Катилину испытующим взором.

— Тебе была дарована свобода, и ты ее достоин. Но тебе не дали денег, на которые ты мог бы прожить, пока найдешь способ их зарабатывать. Своей храбростью ты добыл мне сегодня добрых десять тысяч сестерций, выигранных на пари у Кнея Корнелия Долабеллы, и я тебя искал, чтобы отдать тебе часть этого выигрыша. Он принадлежит тебе по праву, так как если я рисковал деньгами, то ты в течение двух часов ставил на карту свою жизнь.

Спартака тронула эта предупредительность, оказанная столь знатным лицом ему, уже давно отвыкшему от доброго к себе отношения.

— Очень тебе благодарен, знаменитый Катилина, за твое благородное предложение, которого, однако, я не могу и не должен принять. Я буду обучать борьбе, гимнастике, фехтованию в школе моего прежнего хозяина и, следовательно, сейчас же найду средства жить своим трудом.

Катилина между тем протянул Требонию свой стакан, велел ему смешать велитернское с водой и, отвлекши этим его внимание, торопливо прошептал на ухо Спартаку:

— Ведь и я страдаю от ненависти олигархов; и я раб презренного римского общества; и я — гладиатор среди патрициев; и я желаю свободы... знаю все... и буду с вами.

Немного приподнявшись, он сказал более громким голосом, так, чтобы все его слышали:

— Теперь ты не откажешься от двух тысяч сестерций?

И протянул Спартаку изящный маленький кошелек.

— Повторяю: я не дарю их, ты их заработал; они твои. Это — твоя часть нашей сегодняшней добычи.

Все присутствующие выразили свое восхищение перед щедростью Катилины, а он схватил правую руку Спартака и пожал ее таким образом, что гладиатор снова вздрогнул.

— Теперь ты веришь, что я все знаю? — вполголоса спросил патриций.

Спартак был ошеломлен, убедившись, что Катилина знал их тайные знаки и слова. Он ответил на пожатие и, спрятав на груди под туннику кошелек, сказал:

— Благодарю тебя, благородный Катилина. Завтра, если ты согласен, я приду вечером в твой дом выразить всю мою признательность.

— В моем доме, Спартак, ты будешь всегда желанным гостем.

— А теперь, — прибавил Катилина, обратившись к Требонию и остальным гладиаторам, — разопьем чашу фалернского, если только эта конура может оказать гостеприимство фалернскому вину.

— Если моя бедная таверна удостоилась чести принять в своих стенах такого знаменитого патриция, как ты, Катилина, то, конечно, провидящие боги помогут бедной Лутации найти в ее погребе маленькую амфору фалернского, достойного стола Юпитера.

И, поклонившись Катилине, Лутация вышла, чтобы принести вина.

— А теперь выслушай меня, Требоний. — И Катилина тихим голосом стал о чем-то говорить с ланистой.

— Понял... Эзефор — банкир, контора которого находится близ угла Священной и Новой улиц, по соседству с курией Остильской, — сказал Требоний.

— Правильно. Ты пойдешь туда, будто по своему почину, и намекнешь ему в туманных выражениях об опасности, которая ему угрожает, если он вызовет меня к претору для немедленной уплаты пятисот тысяч сестерций, которые я ему должен.

— Понял.

— Ты ему скажешь, что подслушал разговор о том, как несколько молодых патрициев, преданных мне, собрали (без моего ведома, конечно) отряд гладиаторов, чтобы сыграть с ним скверную шутку...

— Я понял, Катилина. Не сомневайся, все будет исполнено.

Тем временем Лутация принесла фалернское, разлитое в чаши, и оно было сейчас же испробовано.

— Как ты его находишь, знаменитый Катилина? — спросила Лутация.

— Вино недурное.

— Оно времен консульства Луция Марция Филита и Секста Юлия Цезаря.

— Ему, значит, только двенадцать лет, — сказал Катилина и вдруг стал задумчив.

Он был по своей натуре человеком искренним даже в жестокости и не умел скрывать своих страстей. Все, как в зеркале, отражалось на его мужественном мускулистом лице.

— О чем ты думаешь, Катилина? Что тебя так огорчает? — спросил патриция Требоний.

— Я думал, — ответил Катилина, устремив взгляд на стол, — что в том году, когда было налито в кувшин это фалернское, был предательски убит в портике своего дома трибун Ливий Друз. А за несколько лет до этого умертвили трибуна Луция Апулея Сатурнина. А еще ранее зверски зарезали Тиберия и Кая Гракхов, двух великих граждан, которые были украшением нашей родины. И всякий раз

за одно и то же дело — за дело немущих и угнетенных; и всякий раз одной и той же преступной рукой — рукой бесчестных аристократов! Неужели написано в заветах великих богов, что угнетаемые никогда не получают покоя, что немущие никогда не получают хлеба, что человечество всегда будет разделено на два лагеря — волков и ягнят, пожирающих и пожираемых?

— Нет, клянусь всеми богами Олимпа! — воскликнул Спартак, ударив кулаком о стол.

Между тем в первой комнате таверны шум и крики все усиливались, соответственно количеству вина, которое поглощалось находившимися там пьяницами.

Вдруг Катиллина и его сотрапезники услышали общий хор голосов:

— А, родопея, родопея!

При этом имени Спартак вздрогнул. Оно напомнило ему родную Фракию, горы, дом, семью. Сколько утраченного счастья! Сколько сладких и печальных воспоминаний!

— Добро пожаловать, прекрасная родопея! — воскликнули разом десятка два пьяниц.

— Дайте ей вина, ведь она пришла выпить, — сказал могильщик, и все столпились вокруг пришедшей девушки.

Родопея была красивой девушкой, высокой и стройной, с чистым лицом, с правильными чертами, с очень длинными белокурыми волосами, с живыми и выразительными голубыми глазами. На ней была надета синяя туника, украшенная серебряной каймой, серебряные браслеты на руках, а лоб был повязан синею шерстяной лентой. По всему ее виду можно было догадаться, что она не римлянка, а рабыня, и притом низшего сорта. Легко можно было понять, какую злосчастную жизнь она принуждена была вести.

Но сердечное и довольно почтительное отношение к ней дерзких и бесстыдных завсегдатаев кабачка Венеры

Погребальной показывало, что эта девушка сумела приобрести бескорыстное расположение столь грубых и злых людей.

Однажды, попав в заведение Лутации, вся окровавленная от побоев, которым подверг ее хозяин, она в слезах, страдая от жажды, попросила глоток вина. С этих пор родошея через два-три дня, всякий раз, как ей представлялась возможность, заходила вечером в кабачок Лутации, чтобы отдохнуть здесь четверть часа от того ада, в котором она принуждена была жить.

Родошея поместилась близ скамьи Лутации и потягивала из стакана албанское вино. Крик, вызванный ее приходом, уже прекратился, но в комнате поднялся новый шум.

Могильщик Лувений и его сотоварищи, разгоряченные вином, начали разговаривать о Катилине, по адресу которого эти пьяницы извергали всякие хулы, хотя остальные посетители старались призвать их к более мягким выражениям.

— Нет, — кричал Веллепий, нищий, — клянусь Геркулесом, патрициям, этим подлым пиявкам, сосущим нашу кровь, не следует позволять приходить сюда и оскорблять нас своим проклятым присутствием!

— И кто этот богач, погрязший в кутежах и преступлениях? Зачем приходит он в роскошной своей латиклаве смеяться над нашей нищетой, первой причиной которой является он сам и все его друзья патриции?

Так говорил, беснуясь, Лувений, стараясь вырваться из рук атлета Тауривия, который не давал ему броситься в другую комнату.

— Замолчи же, проклятый пьяница! Зачем оскорблять того, кто тебя не трогает? И разве ты не видишь, что с ним двенадцать гладиаторов, которые разорвут на куски твою старую шкуру?

— Плевать на гладиаторов! — заревел, как безумный, Эмилий Варин. — Вы — свободные граждане и, клянусь всемогущими молниями Юпитера, боитесь этих презренных рабов! Клянусь божественной красотой Венеры Афродиты, я хочу, чтобы этому негодяю в роскошной тоге был дан урок, который навсегда отнял бы у него охоту любоваться несчастьем бедного плебса.

— Убирайся на Палатин! — кричал Веллений.

— Провались хоть к Стиксу, только вон отсюда!

— Пусть они оставят нас, эти подлые аристократы, пусть задыхаются в своих грязных кутежах на форуме, Капитолии и Палатине!

— Вон отсюда патрициев, вон аристократов, вон Катилину! — закричали разом восемь или десять голосов.

Услыхав эти крики, Катилина нахмурил брови, вскочил с места и стал в дверях, выпрямившись во весь свой гигантский рост; скрестив руки на груди, с высоко поднятой головой, он закричал:

— Эй, что вы там квакаете, глупые лягушки? Зачем вы пачкаете своими грязными устами уважаемое имя Катилины? Чего вы хотите от меня, презренные черви?

Звук его мощного голоса на мгновение испугал смутьянов, но вскоре раздался чей-то возглас:

— Мы желаем, чтобы ты ушел отсюда.

— На Палатин! На Палатин! — воскликнули другие.

— Или в тюрьму, там твое место! — пронзительно закричал своим хриплым полуженским голосом Эмилий Варин.

— Так попробуйте же прогнать меня. Смелее, подлая чернь! — И Катилина расправил руки, как это делают, готовясь к борьбе.

Плебеи колебались, но только на мгновение. Могильщик Лувений бросился на Катилину и тотчас упал на

спину от двух ударов, которые тот нанес с быстротой молнии в его плешивый, голый череп.

Сильным пинком в живот Катилина поразил бросившегося на него с кинжалом в руке нищего Велления и опрокинул его наземь.

При этом падении враги Катилины, тесно столпившиеся у двери второй комнаты, отступили, а он выхватил свой короткий меч и бросился вперед. Нанося удары плашмя по спинам пьяниц, он кричал страшным голосом:

— Подлая чернь, нахалы, готовые лизать ноги того, кто вас топчет, и оскорблять того, кто спускается до вас, чтобы протянуть вам руку!..

Едва Катилина оставил дверь свободной, в комнату ворвались Требоний, Спартак и их товарищи.

При натиске гладиаторов весь пьяный сброд обратился в стремительное бегство.

— Подлые пьяницы!.. — тяжело дыша, кричал Катилина, преследуя бегущих до выходной двери. — А вы замолчите, наконец, проклятые префики!

И он бросил пять золотых Лутации, которая вместе с рабыней причитала, оплакивая понесенные убытки:

— Вот тебе, несноснейшая плакса, Катилина оплачивает счет этих мошенников.

Во время всей суматохи родопея оставалась на своем месте и разглядывала Катилину и его друзей расширенными от страха глазами. Вдруг она побледнела, как полотно, и вскричала, бросившись к Спартаку:

— Это ты! Я не ошиблась... Ты Спартак!

Гладиатор быстро обернулся на голос и, взглянув на девушку, в изумлении и в необычайном волнении воскликнул:

— Возможно ли? Мирза! Сестренка!..

Брат и сестра бросились в объятия друг другу.

Но после первых слез и поцелуев Спартак, освободив-

шись от ее объятий, схватил ее за руку, отодвинув от себя, оглянул с головы до ног и побледнел:

— Ах!.. — Он с жестом презрения и отвращения оттолкнул девушку. — Кем ты стала?..

— Да!.. — рыдая, ответила девушка. — Да! Я раба одного негодяя... Под ударами розог, под раскаленным железом он принуждает меня к такой жизни...

Глаза Спартака наполнились слезами.

— И Юпитер владеет молниями?.. Разве Юпитер бог?.. Нет, Юпитер — шут, Юпитер — клоун, Юпитер — презреннейший негодяй!

И он снова прижал ее к сердцу.

Мирза плакала, спрятав лицо на груди брата.

— Будь проклята позорная память о первом человеке, который произвел свободных и рабов!.. — воскликнул фракиец.

ГЛАВА IV

Что делал Спартак, став свободным гражданином

Прошло два месяца.

Утром накануне январских ид (12 января) 676 года сильный северный ветер дул по улицам Рима, и хлопья снега медленно падали на мокрую и грязную мостовую.

Улицы были довольно пустынные, но тысячи граждан толпились под портиками общественных зданий и храмов. Особенно много народу было внутри базилики Эмилия, грандиозного здания, состоявшего из обширного портика, окруженного великолепной колоннадой.

Здесь в беспорядке толпились патриции и плебеи, ораторы и дельцы, горожане и приезжие торговцы. Кругом стоял шум голосов, и происходило непрерывное движение.

В глубине главного портика находилась широкая и длинная балюстрада, отделявшая часть портика от осталь-

ной базилики и образовавшая как бы особое помещение, где было сравнительно тихо. Там ораторы выступали с защитительными речами перед судьями, которые обычно в этом месте разбирали дела. Наверху колоннады, вокруг всей базилики, тянулась галлерея, с которой удобно было наблюдать за тем, что происходило внизу.

В этот день каменщики, каменотесы и кузнецы работали на карнизе галлерей, украшая ее бронзовыми щитами, на которых были изображены сцены из сражений Мария с кимврами.

Базилика Эмилия была выстроена предком Лепида, выбранного в этом году вместе с Катулом в консулы.

Марк Эмилий Лепид принадлежал к партии Мария, и первым его государственным делом было украсить в память Мария базилику, выстроенную его прадедом. Этим он хотел сделать угодное народной партии назло Сулле, который разрушил все арки и памятники, воздвигнутые в память его доблестного соперника.

На галлерее, опершись локтями о мраморные перила, стоял Спартак и рассеянно наблюдал толпившийся внизу народ..

Недалеко от него три гражданина оживленно беседовали между собою.

Двое из них, атлет Кай Тауривий и бесстыдный Эмилий Варни, были посетителями кабачка Лутации Одноглазой. Третий их собеседник был одним из тех праздношатающихся граждан, которые жили, ничего не делая, на счет ежедневных подачек какого-либо патриция; они объявляли себя его клиентами, сопровождали его на форум, подавали голос согласно его приказанию, расхваливали его, льстили ему и надоедали, постоянно выпрашивая подачки.

В то время, после побед в Африке и Азии, в Рим начала проникать восточная роскошь, и Греция, побежденная силою римского оружия, покоряла в свою очередь

победителей развращенностью изнеженных нравов. Рабы, число которых все увеличивалось, заменили во всех работах свободных римских граждан и лишили их труда — самого могучего источника силы, нравственности и счастья. Под видимым величием, богатством и мощью в Риме уже чувствовались признаки грядущего упадка.

Клиентелла была одной из тех язв, которые вызывали наибольшую степень разложения. Всякий патриций, всякий человек консульского звания, всякий честолюбец, который был достаточно богат, имел при себе пятьсот — шестьсот клиентов, а у иных бывало и свыше тысячи. Эти трудоспособные бездельники исполняли обязанности клиентов, как в прошедшие времена их предки занимались ремеслами кузнеца, каменщика или сапожника. Пинчие, в грязных тогах, преступные и продажные, несмотря на свою гордую тунику римского гражданина, они жили интригами, продажей своих голосов, милостыней и низкопоклонством.

Субъект, стоявший в галлерее базилики Эмилия и болтавший с Каем Тауривием и Эмилием Варинтом, был одним из таких выродившихся римлян. Имя его было Апулей Тудертинец, так как его предки пришли в Рим из города Туди. Он был клиентом Марка Красса.

Итак, в тот ненастный день на галлерее базилики Кай Тауривий, ЭмилиЙ Варин и Апулей Тудертинец болтали, стоя подле задумавшегося Спартака.

— Этот простак Сулла, — говорил Кай Тауривий, — думал, что достаточно снести статую, воздвигнутую в честь Мария на Пинчийском холме, и арку в Кампидолии, воздвигнутую в честь его побед над тевтонами и кимврами, чтобы уничтожить всякую память о бессмертных подвигах мужика из Арпина! А вот консул Лепид приказывает поместить великолепные бронзовые щиты с изображениями побед Мария.

— Этот Лепид стал колючкой в глазу счастливого диктатора! — добавил Эмилий Варин.

— Пусть так! — сказал с выражением презрения толстобрюхий клиент Красса. — Какое беспокойство, по-вашему, может доставить Лепид Сулле? Не больше, чем мошка слону!

— Но разве ты не знаешь, что Лепид не только консул, а еще и богач, богаче твоего патрона, Марка Красса?

— Что он богат, я знаю, но что он богаче Красса, не верю.

— А видел ли ты портики его дома, самые великолепные во всем Риме? Это единственный дом, у которого портик из нумидийского мрамора.

— Ну! И ты думаешь, что этим Лепид сумеет внушить страх Сулле?

— Это доказывает, что он могуществен и пользуется расположением народа...

— Вот как! Он пользуется симпатиями плебса, который порицает его за безумную и безмерную роскошь?

— Нет, это не плебс его порицает, а завистливые патриции, которые не могут позволить себе того же.

— Вот увидите, — сказал Варин, — в этом году должно произойти нечто неожиданное.

— Почему же?

— Потому что в Ариминском округе случилось чудесное происшествие.

— Что же там произошло?

— Один петух в имении Валерия заговорил человеческим голосом.

— О! Если это правда, это поистине необыкновенное чудо и предвещает страшные события.

— Но ведь об этом говорит весь Рим, об этом рассказывает сам Валерий, его домашние и рабы.

— Действительно, необычайное чудо! — пробормотал Апулей Тудертинец.

— Коллегия авгуров уже собралась, чтобы разгадать тайну, которую знаменует такое странное явление, — продолжал своим пронзительным голосом Эмилий Варин, — для меня же, хотя я и не авгур, дело ясно, как свет солнца.

— О! — воскликнул насмешливо клиент Марка Красса. — Ну, если ты знаешь больше авгуров, разъясни-ка нам сокровенный смысл этого чуда.

— Это предостережение богини Весты, оскорбленной скандальным поведением одной из ее жриц.

— А!.. Хорошо сказано... — засмеялся Тауривий. — Ведь Варин намекает на недозволенную любовную связь весталки Лицинии с твоим патроном Марком Крассом.

— Позор и клевета! — воскликнул с негодованием верный клиент. — Подлы те, которые говорят это.

— И все-таки я это говорю, — возразил саркастическим тоном Варин. — А если ты мне не веришь, то послушай всех добрых квиритов. Все в один голос кричат против кощунственной любви, которую твой патрон питает к красивой весталке.

— Повторяю: это клевета!

— Ну, добрейший Апулей Тудертинец, что ты так говоришь, — это в порядке вещей, но, клянусь жезлом бога Меркурия, вовсе не следует, чтобы и мы заблуждались, подобно тебе. Любовь не из тех вещей, которые можно долго скрывать, и, если бы Красс не любил Лицинии, он не сидел бы постоянно близ нее на всех публичных зрелищах и не осаждал бы ее своими непрерывными заботами и нежными взглядами. Ты все-таки говоришь „нет“, а мы говорим „да“, и молись Венере Мурцийской с таким же усердием, с каким ты принимаешь щедрости Красса, чтобы цензор не вмешался в это дело.

Спартак, погруженный в глубокую задумчивость, не замечал болтовни своих соседей.

После того, как он нашел свою сестру в таком позорном положении, первой его заботой было вырвать девушку из рук ее хозяина. И нужно сказать, что Катилина с щедростью, свойственной его характеру, но на этот раз не совсем бескорыстной, сейчас же передал в распоряжение бывшего гладиатора остальные восемь тысяч сестерций, выигранных им в тот день у Долабеллы, для того, чтобы Спартак мог выкупить Мирзу.

Спартак принял с признательностью эти деньги, обещав Катилине вернуть их, чего последний вовсе не желал. Затем он отправился к хозяину своей сестры. Как легко было предвидеть, последний, увидев настойчивость Спартака, заломил за девушку непомерную цену — пятьдесят тысяч сестерций (около пяти тысяч золотых рублей).

Спартак просил, умолял гнусного торговца человеческим мясом; но злой человек, уверенный в своих правах и имея на своей стороне закон, оставался непреклонным.

Тогда Спартак, придя в бешенство, схватил негодя за горло и задушил бы его в несколько секунд, если бы, к счастью для мошенника, он не вспомнил о Мирзе, о своей родине и о тайном предприятии, в котором он был самым могучим двигателем и которое неизбежно погибло бы вместе с ним.

Он сдержал себя и выпустил хозяина Мирзы, оглушенного, почти без чувств, с вылезшими из орбит глазами и с посиневшим лицом. Дав ему отдышаться, Спартак спросил спокойным голосом:

— Итак, ты хочешь... пятьдесят тысяч сестерций?

— Я... больше ничего не хочу... уходи... в ад... или я... позову всех моих рабов...

— Прости меня, я погорячился... Послушай, мы сумеем притти к соглашению.

— К соглашению с человеком, который с первого раза душил людей? Уходи прочь!

Спартак, однако, сумел успокоить этого грабителя, и они согласились на том, что Спартак дает ему тут же две тысячи сестерций с условием, чтобы Мирзе было отведено особое помещение в том же доме, где будет жить Спартак. Если по прошествии месяца Спартак не выкупит сестры, хозяин Мирзы вновь вступает в свои права над нею.

Золотые монеты сверкали заманчиво, условие было выгодным, и рабовладелец согласился.

Тогда Спартак отправился к Требонию и попросил у него совета, что делать дальше.

Требоний с полной готовностью обещал свое содействие, и успокоенный Спартак отправился к Катилине и с благодарностью отдал ему восемь тысяч сестерций, в которых он больше не нуждался.

Мятежный патриций долго беседовал с гладиатором в своей библиотеке о делах очень серьезных, если судить по предосторожностям, принятым Катилиной для того, чтобы ему не мешали во время этой беседы. С этого дня Спартак часто приходил в дом патриция, и между ними как будто установилась связь, основанная на взаимном уважении и дружбе.

Все это время ланиста Акциан не переставал ходить за Спартаком, убеждая его принять на себя управление всей школой или снова стать гладиатором. В этом случае ланиста готов был заплатить Спартаку такую огромную сумму, какая никогда не предлагалась свободнорожденному. Кроме рабов, взятых на войне, которые поступали в продажу и предназначались в гладиаторы, и кроме тех, которых судьи приговаривали к этому ремеслу, бывали еще гладиаторы-добровольцы. Обычно это были или бездельники, кутилы и забияки, погрязшие по уши в долгах, не имевшие средств удовлетворить свою необузданную страсть к

удовольствиям, или люди, относившиеся с презрением к жизни, или опытные фехтовальщики. Они продавали себя ланисте и оканчивали жизнь на арене амфитеатра или цирка.

Спартак решительно отверг все предложения своего прежнего ланисты, который все-таки не переставал вертеться возле него, наподобие злого гения.

Требоний искренно полюбил Спартака, а быть может, имел в будущем большие виды на него. Он очень энергично занялся вопросом о Мирзе. Он был дружен с Квинтом Гортензием, был горячим поклонником его красноречия и посоветовал его сестре Валерии купить Мирзу для ухода за ее особой. Мирза была вежливой и образованной девушкой, прекрасно говорила по-гречески и хорошо знала мази и благовония, употребляемые при туалете знатной женщины, и обращение с ними. Она понравилась Валерии, и та сейчас же купила ее за сорок пять тысяч сестерций и увезла ее вместе с другими своими рабынями в дом Суллы, женой которого она стала с 15 декабря прошлого года.

Избавив Мирзу если не от рабства, то во всяком случае от позора и бесчестия, Спартак отдал все силы самому важному для него делу. Он часто беседовал с Катилиной, ежедневно посещал все гладиаторские школы и обходил трактиры и харчевни Субурры и Эсквилина, где всегда искал общества гладиаторов и рабов.

О чем он мечтал? Что задумал?

Но вернемся к нашему рассказу.

Человек среднего роста, крепкого телосложения, с энергичным лицом, с черной, как смоль, бородой и черными глазами ударил по плечу Спартака.

— Ты настолько погружен в свои планы, что глаза твои смотрят в упор, но ничего не видят!

— А, Крисс! — воскликнул Спартак, потирая рукою лоб. — Я действительно не видел тебя.

— И, однако, ты на меня смотрел, когда я проходил там, внизу, с нашим ланистой Акдианом.

— Да будет он проклят! Ну, как дела?

— Я видел Арторикса после его возвращения.

— Был он в Капуе?

— Да.

— С кем-нибудь виделся?

— С одним германцем, неким Окномао, которого считают среди всех остальных самым сильным и энергичным человеком. Этот Окномао занят мыслями, подобными нашим; он принял всей душой наш план, дал присягу и обещал распространять нашу святую идею, — извини, если я говорю „нашу“, когда я должен был бы сказать „твою“, — среди наиболее смелых гладиаторов из школы Лентула Батиата. Однако, Арторикс предупреждает, что он мало осторожен и неблагоразумен.

— Клянусь Геркулесом, это плохо!

— И я то же подумал.

Оба гладиатора замолчали. Потом Крисс спросил:

— А Катилина?

— Я начинаю убеждаться, что он никогда не будет с нами.

— Значит, ложной является слава, которая идет о нем, и сказкой хваленое величие его души?

— Нет, у него великая душа, большой ум, но он пропитан всеми предрассудками своего воспитания, чисто римского. Я думаю, что он желает воспользоваться нашими мечами для того, чтобы изменить существующий порядок управления, но не для того, чтобы исправить варварские законы, благодаря которым римское общество тиранствует над всем миром. Сегодня вечером пойдем вместе в его дом и постараемся притти к соглашению относительно общего выступления, но я боюсь, что мы ни к чему не придем.

— А наша тайна известна ему и его друзьям?

— Если нам не удастся сговориться, они все же нас не предадут. Римляне ведь не считают нас способными на серьезную угрозу их власти. Мы в их глазах раса низшая, не люди.

— Ах, Спартак! Больше, чем за жизнь, которую ты мне спас в цирке, я благодарен тебе за наше дело. Руководи нами, объединяй нас, чтобы нам удалось померяться силой в открытом бою с этими знатными разбойниками... Тогда мы покажем им, люди мы или раса более низкая...

— О, до конца жизни все силы я отдам ради нашего дела! Я доведу его до победы или погибну в борьбе...

В этот момент возле них раздался пронзительный голос Эмилия Варина:

— Итак, иди, Кай, иди, Апулей; пойдем в храм Раздора узнать результат совещания сената.

— А разве сегодня сенат собрался в храме Согласия?

— Да.

— В старом храме или в новом?

— Ах, как ты глуп! Если бы сенат собрался в храме, посвященном истинному Согласию Фурием Камиллом, я бы сказал тебе: „Пойдем в храм Согласия“. Но если я сказал: „Пойдем в храм Раздора“, то разве ты не понимаешь, что я говорю о храме, кощунственно освященном кровью народа и позорнейшим убийством Гракхов.

— И Варин прав, — сказал на ходу Кай Тауривий, — не именем Согласия, а именем Раздора надо было назвать этот храм.

Три сплетника двинулись к наружной лестнице, ведущей в портик базилики, а за ними в небольшом отдалении последовали оба гладиатора.

Едва Спартак и Крисс достигли портика базилики, как какой-то человек подошел к фракийцу. Это был лависта Акциан.

— Итак, Спартак, когда же ты решишь вернуться в мою школу?

— Да поглотит тебя Стикс еще при жизни! — вскричал гладиатор, сердито повернувшись к своему прежнему хозяину. — Когда ты оставишь меня в покое?

— Но я, — сладким голосом сказал Акциан, — надоедаю тебе только для твоего же блага.

— Выслушай меня, Акциан, и запечатай хорошо в памяти мои слова. Я не мальчик и не нуждаюсь в опекуне, и если бы даже нуждался в нем, то никогда не желал бы иметь его в твоём лице. Не попадайся мне на пути, или, клянусь тебе Юпитером родопским, богом отцов моих, я опущу на твой голый старый череп свой кулак с такой силой, что отправлю тебя прямо в ад, а там пусть будет, что будет. — И, помолчав, он добавил: — Ты ведь знаешь силу моего кулака. Ты помнишь, как я отделал десять твоих рабов-корсиканцев, которые, вооруженные деревянными мечами, напали на меня все разом?

Ланиста рассыпался в извинениях и в предложениях дружбы. Спартак закончил:

— Итак, уходи! Пропади с глаз моих и впредь мне не попадайся.

Оставив сконфуженного Акциана, оба гладиатора пошли через форум к Палатину, к портику Катулла, где Катилина назначил свидание Спартаку.

Дом Катулла был одним из самых роскошных и изящных в Риме. Великолепный портик был украшен военной добычей, отнятой у кимвров, — бронзовым быком, перед которым эти враги Рима приносили присягу. Здесь патриции и патрицианки любили гулять и заниматься гимнастическими упражнениями. Здесь же было место свиданий элегантной молодежи.

Когда оба гладиатора пришли к портику Катулла, он был окружен густыми рядами граждан, которые смотрели

на женщин, собравшихся в этот день под портиком в большем, чем обычно, количестве, из-за непрекращающейся изморози и мелкого дождя.

Здесь сверкали красотой матроны и девицы, принадлежавшие к самым видным фамилиям Рима.

Поистине привлекательное зрелище представляли их блистающие белизной руки, их девственные, едва прикрытые груди и олимпийские плечи среди блеска золота, жемчугов, яшмы и рубинов, в разнообразии цветных пеплумов, палл, стол и туник из топчайшей шерсти и легких тканей.

Некоторые из патрицианок качались на качелях, другие забавлялись игрой в мяч, самой любимой игрой римлян. Большая часть женщин прогуливалась, чтобы согреться.

Спартак и Крисс остановились несколько позади толпы патрициев и всадников, как полагалось людям их положения, и стали искать глазами Катилину. Он стоял возле колонны, рядом с сенатором Квинтом Курионом, отличавшимся пьянством и пороками, и с юным Луцием Кальпурнием Бестией.

Стараясь не толкать знатных людей, гладиаторы приблизились к страшному патрицию. Катилина, саркастически улыбаясь, говорил в эту минуту своим друзьям:

— Я желаю познакомиться с весталкой Лицинией, которой этот толстяк, Марк Красс, дарит ласки, и рассказать ей о его любви к гречанке Эвтибиде.

— И передай ей, что он дал Эвтибиде двести тысяч сестерций, — сказал Луций Бестия.

— Марк Красс, дающий двести тысяч сестерций женщине!.. Но ведь это чудо, более удивительное, чем происшедшее в Аримине, где, как рассказывают, петух заговорил по-человечьи.

— Вещь удивительная при его скупости, — согласился Квинт Курион, — но в конце концов для Марка Красса

двести тысяч сестерций значат то же, что крупинка в сравнении со всем песком светлого Тибра.

— Он прав, — сказал, раскрыв глаза от жадности, Луций Бестия. — Что это для Марка Красса, имеющего больше семи тысяч талантов?

— То есть больше полутора биллионов сестерций. (Около пятнадцати миллионов рублей.)

— Сумма, которая казалась бы невероятной, если бы не было известно, что она действительно существует!

— И вот в этой хорошо управляемой республике, — сказал с горечью Катилина, — для человека низменной души и посредственного ума открыта широкая дорога к величию и к почестям. Я же, чувствуя в себе силу и способности довести до успешного конца любую войну, никогда не мог добиться назначения командующим, так как я беден и обременен долгами. Если завтра у Красса явится ради тщеславия желание быть назначенным в какую-либо провинцию или совершить военный поход, он этого добьется немедленно. Он настолько богат, что может купить не только простой народ, несчастный и голодный, но даже жадный и богатый сенат — весь целиком.

— И при этом, — добавил Квинт Курций, — весьма нечистым был источник его безмерных богатств.

— Конечно, — подхватил юный Бестия, — ведь как он их добился? Он скупал по самой низкой цене имущество, конфискованное у жертв введенной Суллою проскрипции; он давал деньги взаймы под высокие проценты; он приобрел около пятисот рабов — архитекторов и каменщиков — и выстроил с помощью их множество домов на пожарищах, доставшихся ему почти даром.

— И вот половина домов в Риме принадлежит ему.

— И разве все это справедливо, — спросил с яростью Бестия, — разве это честно?

— Не в напрасных жалобах и пустых возгласах должны

мы разливаться, юноша, — сказал серьезным тоном Катилина, — но обдумать в тиши наших домов план действия, а в свое время привести его в исполнение. Молчи и жди, Бестия. Быть может, не замедлит притти день, когда и мы сможем нанести страшный и решительный удар этому гнилому строю, при котором мы стоим в подполье и который, несмотря на свой внешний блеск, весь в трещинах и разлагается.

В это время четыре сильных раба подали украшенные пурпуром и золотом носилки, и Валерия, жена Суллы, окруженная свитой патрициев, появилась у входа в портик.

Лицо ее было очень бледно, а большие черные глаза, несколько расширенные и почти неподвижные, придавали ей вид скучающей, что было, по правде говоря, странно, так как она вышла замуж немногим более месяца назад.

Усевшись в носилки, Валерия задернула занавески и знаком приказала рабам двинуться в путь.

Спартак, который вместе с Криссом находился позади толпы, увидел красавицу и, узнав в ней госпожу своей сестры, толкнул локтем своего товарища:

— Смотри! Валерия, жена Суллы!

— Клянусь священной рощей Арелаты, она красива, как сама Венера.

Носилки супруги счастливого экс-диктатора прошли мимо двух гладиаторов, и скучающие глаза Валерии остановились на Спартаке.

Матрона вдруг очнулась от своей рассеянности, лицо ее покрылось румянцем; она высунула даже немного голову из-за занавесок и долго глядела на гладиатора.

— Вот так штука! — воскликнул Крисс, от которого не скрылись эти несомненные знаки внимания знатной дамы к его товарищу. — Дорогой Спартак! Фортуна, капризная женщина, схватила тебя за чуб, или, скорее, это ты, Спар-

так, поймал за косу непостоянную богиню. Держи ее крепко, друг, пусть она оставит что-нибудь в твоих руках, если даже убежит от тебя...

И, повернувшись лицом к Спартаку, он заметил, что тот побледнел.

— Замолчи же, наконец, дурень! Что ты бредишь о Фортуне и волосах? Клянусь дубиной Геркулеса, я думаю, ты здесь видишь не более андобата. — И, прекратив разговор на эту смущавшую его тему, Спартак подошел к Катилине. Он спросил патриция тихим голосом:

— Должен ли я прийти сегодня вечером в твой дом, Катилина?

Тот повернулся.

— Да, конечно; но не говори: „сегодня вечером“ — уже вечер, скажи: „скоро“.

Спартак, поклонившись, отошел.

— Клянусь Плутоном, ты совершенно запутал ту нить, которая до сих пор вела меня в лабиринт твоей души, — сказал Бестия, смотревший с изумлением на Катилину, фамильярю беседовавшего с гладиатором.

— А в чем дело? — спросил наивно Катилина.

— Римский патриций, достаивающий своей дружбой самую низкую и презренную породу гладиаторов!

— Какой скандал, да? Ужасно, не правда ли? — И, не дожидаясь ответа, Катилина сказал: — Ожидаю вас на заре в своем доме; поужинаем, повеселимся и... поговорим о серьезных делах.

Спартак и Крисс, между тем, отправились по Священной улице к Палатину, как вдруг они столкнулись с молодой женщиной, великолепно одетой. Она шла в сопровождении рабыни; за ней следовал раб. Эта женщина, с рыжими волосами, белоснежным лицом и большими зелеными глазами цвета морской воды, была так красива, что Крисс остолбенел.

Клянусь Гезом! Какое чудо красоты!

Красавица не обратила внимания на восхищение Крисса. Но она пристально посмотрела на фракийца и, будто узнав в нем знакомого, сказала по-гречески:

— Да благословят тебя боги, Спартак!

— Спасибо, — ответил с удивлением Спартак. — Спасибо, красавица, и да будет к тебе милостива Венера Кипидская.

Девушка, приблизившись к Спартаку, прошептала:

— Света и свободы!

Фракинец нахмурил брови с явным выражением недоверия:

— Не понимаю, что означают твои шутки, красавица.

— Ты неудачно притворяешься: это пароль угнетенных. Я — куртизанка Эвтибида, бывшая рабыня, тоже в числе угнетенных.

И, схватив огромную руку Спартака, она с очаровательной улыбкой пожала ее условным образом своей нежной, крошечной ручкой.

— Я живу на Священной улице, близ храма великого Януса. Приходи, я смогу оказать немалую помощь в благородном предприятии, за которое ты взялся.

Спартак стоял в нерешительности, а она умоляла нежнейшим голосом с милым жестом доверия и мольбы:

— Приходи!

— Приду, — ответил, наконец, Спартак.

— Прощай же! — сказала куртизанка.

— Прощай, — ответил Спартак.

— Прощай, — сказал Крисс, — самая божественная из всех богинь красоты!

И, не двигаясь с места, он продолжал пристально смотреть на удалявшуюся красавицу, пока Спартак, тряхнув его, не сказал:

— Итак, Крисс, когда ты думаешь двинуться?

Галл очнулся и пошел, не переставая время от времени оборачиваться.

— И ты не хочешь, чтобы я тебя называл возлюбленным сыном Фортуны? Ах, неблагодарный!.. Ты должен бы воздвигнуть храм этой капризной богине, распростершей свои крылья над тобою.

— Для чего заговорила со мною эта несчастная?

— Я не знаю и не хочу знать, кто она; знаю только, что Венера, если она существует, не может быть прекраснее этой девушки.

В этот момент один из рабов, сопровождавших Валерию, подошел к гладиаторам.

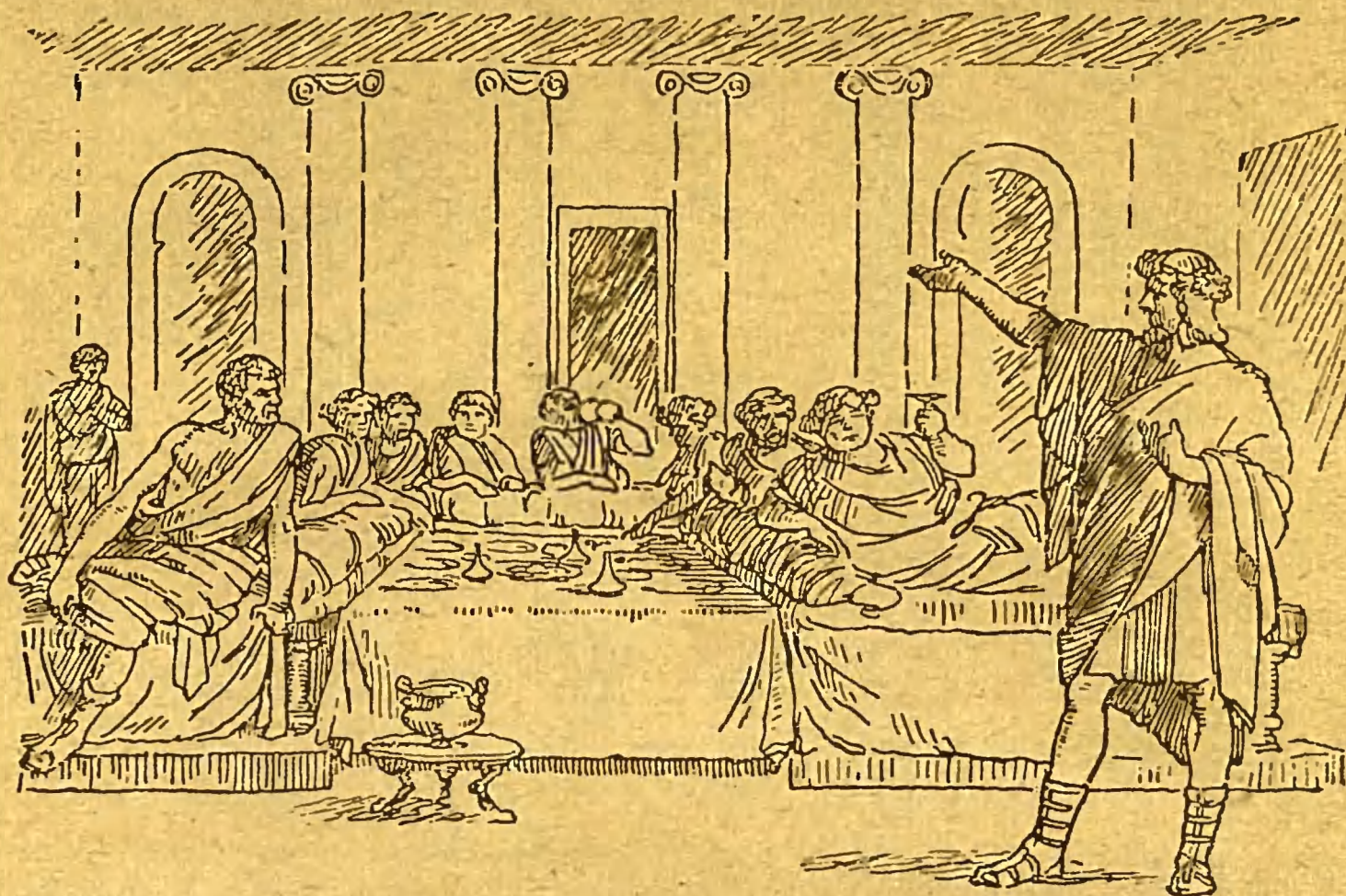
— Кто из вас Спартак?

— Я, — ответил фракиец.

— Твоя сестра Мирза ожидает тебя сегодня в самый тихий час ночи в доме Валерии. Она должна говорить с тобой о деле, которого нельзя отсрочить.

— Буду у нее в этот час.

ГЛАВА V

Столовая Катилины и приемная Валерии

Дом Катилины, расположенный на южной стороне Палатинского холма, по внешности не бросался в глаза, но внутри отличался роскошью и удобствами не менее, чем прочие жилища виднейших патрициев.

Обширная столовая — триклиний — была разделена на две части шестью колоннами из тиволийского мрамора, вокруг которых обвивались гирлянды из плюща и роз, распространявших аромат и свежесть.

Вдоль стен среди гирлянд виднелись здесь и там мраморные статуи, исполненные с поразительным мастерством. Тонкая мозаика на полу изображала хороводы нимф, сатиров и фавнов.

В глубине, за колоннами, вокруг круглого мраморного стола находились три высоких обеденных ложа из бронзы с пуховыми подстилками и с покрывалами из тончайшего пурпура. Золотые и серебряные лампы искусной работы

спускались с потолка, не только освещая зал, но и распространяя сильный опьяняющий аромат.

У стен стояли три бронзовых шкапа, отделанных сплошь гирляндами и листьями изысканной, тончайшей работы, полные серебряных сосудов всевозможной формы и размеров. От одного шкапа до другого тянулись скамейки также из бронзы, покрытые пурпуром. Двенадцать бронзовых статуй, изображавших рабов-эфиопов, поддерживали серебряные канделябры, которые усиливали освещение залы.

Здесь, развалившись на обеденных ложах, возлежали, кроме Катилины, Куриона и Луция Бестии, Кай Антоний, юный патриций, обремененный долгами, и Луций Кальпурний Пизон, тоже погрязший в долгах, распутный патриций, человек грубый, дикий, сластолюбивый и невежественный. Возле Пизона, на втором ложе, занимавшем середину и считавшемся почетным, возлежал юноша, которому едва минуло двадцать лет, женственной красоты, с наруганным лицом, с надушенными завитыми волосами, с запавшими глазами, с увядшими щеками и хриплым голосом. Это был Авл Габиний Нипот, самый близкий друг Катилины.

Рядом с ним возлежал Корнелий Лентул Сура, другой юный патриций, не менее остальных распутный и расточительный, но храбрый духом и сильный физически.

Возле него сидел Цетег, задорный и смелый юноша, жаждавший новизны и смут. Последним на этом ложе возлежал Кай Веррес, человек честолюбивый, жестокий, жадный к наживе и весьма алчный к деньгам, который немного спустя прославил свое имя преступлениями по службе и хищениями.

Все приглашенные были одеты в обеденные одежды из тончайшей белоснежной шерсти, а головы их увенчаны венками из плюща, лавра и роз.

Великолепный ужин приходил уже к концу. Смех, шутки, непристойные слова, стук чаш и оживленная болтовня наполняли комнату, свидетельствуя о высоких качествах повара и виночерпиев Катилины.

В углу залы находились флейтисты и мимы обоего пола в слишком коротких одеждах, увенчанные цветами, и время от времени подходящей музыкой и танцами увеличивали шум и веселье пира.

— Подлей мне фалернского, — вскричал охрипшим голосом сенатор Курион, протянув руку с серебряной чашей к одному из виночерпиев, — я хочу восхвалить щедрость Катилины, и пусть лопнет скряга Красс со всем своим богатством!

— Красс — вот мой кошмар, предмет всех моих мыслей, видение всех моих снов! — вздохнул Кай Веррес.

— Его несметные богатства не дают тебе спать, бедняга Веррес? — спросил иронически Авл Габиний, поправляя белой рукой локоны искусно завитых и надушенных волос.

— Эти дураки Гракхи и слабоумный Друз хотели поднять город, чтобы поделить поля между плебеями, — сказал Кай Антоний. — Но они не думали вовсе о бедных патрициях! Кто, кто беднее нас?! Доходы с наших имений пожирают ненасытные банкиры, которые под предлогом получения процентов налагают арест на эти доходы раньше, чем приходят сроки уплаты наших долгов.

— Из-за скупости бесчеловечных отцов и из-за непреклонности законов мы осуждены на то, чтобы проводить лучшие годы нашей юности в бедности, томясь неосуществимыми желаниями! — добавил Луций Бестия, судорожно сжимая чашу, только что им опорожненную.

— Мы в насмешку рождены патрициями, — заметил с грустью Лентул Сура.

— Оборванцы в тогах, вот кто мы!..

— Лишенные ценза, одетые в пурпур!

— Угнетенные и нищие, которым нет места на пиру богатой Римской республики!

— Смерть ростовщикам и банкирам!

— В ад все законы двенадцати таблиц!

— И преторианский эдикт!

— К Эребу отцовскую власть!

— Да ударит молния Юпитера Громовержца в сенат и испепелит его!

— Но пусть Юпитер сперва предупредит меня, чтобы я мог отсутствовать в этот день! — пробормотал совершенно опьяневший сенатор Курион.

Взрыв хохота вызвало это неожиданно мудрое замечание пьяницы.

В триклиний вошел раб и, приблизившись к хозяину дома, прошептал ему несколько слов.

— А, клянусь богами ада!.. — обрадовался Катилина. — Наконец! Введите его и приведенную им с собою тень. (Так называли товарища, которого приглашенный имел право привести с собой на пир.) Окажите им полное уважение. Обмойте им ноги, вытрите их мазями, дайте им обеденную одежду и венки!

И раб, поклонившись, вышел.

Катилина крикнул триклинарху:

— Эпафор, освободи стол от остатков ужина и поставь две скамьи против главного ложа для друзей, которых я ожидаю; очисти комнату от мимов, музыкантов и рабов и приготовь в экседре все для веселой, приятной и продолжительной беседы.

Возвещенные рабом гости появились в венках из роз и белых тогах. Это были Спартак и Крисс.

— Да будет покровительство богов над этим домом и его благородными гостями, — сказал Спартак, входя в комнату.

— Здравствуйте все, — прибавил Крисс.

— Честь и слава тебе, храбрейший Спартак, и твоему другу, — ответил Катилина, поднявшись навстречу.

И, взяв Спартака за руку, он сам повел его к ложу, которое раньше занимал, и пригласил его возлечь здесь, а сам, усадив Крисса на одну из поставленных против почетного ложа скамеек, уселся на другой рядом с ним.

— Итак, Спартак, ты не пожелал провести этот вечер за моим столом вместе с столь благородными и храбрыми доношами? — И при этом он указал на гостей.

— Я не мог, Катилина. Я должен был отправиться в одну харчевню, посещаемую гладиаторами, чтобы встретиться с людьми, имеющими влияние среди них.

— Итак, — спросил вдруг насмешливым тоном Луций Бестия, — итак, мы, гладиаторы, думаем о своем освобождении, толкуем о своих правах и готовимся поддерживать эти права с мечом в руках?..

Лицо Спартака вспыхнуло; он ударил кулаком о стол и порывисто воскликнул:

— Клянусь всеми молниями Юпитера, пусть...

Но внезапно прервал себя и, переменив тон, сказал спокойно:

— С согласия высших богов и вас, благородные и мужественные патриции, мы возьмемся за оружие ради свободы угнетенных!

— Такое высокомерие подстать Луцию Корнелию Сулле Счастливому! — заметил Кай Антоний.

Катилина прекрасно понимал, до чего могут довести Спартака сарказмы патрициев. Он решил вмешаться и, приказав рабу налить фалернского новопршедшим, поднялся с места.

— Вам, благородные римские патриции, у которых неблагоприятная судьба отняла то, на что вы, по величию ваших душ, имеете несомненное право: свободу, власть

и богатство; вам, гражданскую доблесть и мужество которых я знаю; вам, верные друзья мои, представляю я этого доблестнейшего руднария, Спартака, который по силе своего тела и по крепости души был бы вполне достоин родиться римским гражданином и патрицием. Он, сражаясь в наших легионах, доказал свое мужество, заслужив гражданский венок и чин декана...

— Что не помешало ему дезертировать из нашего войска при первом же удобном случае, — прервал Луций Бестия.

— Ну так что? — возразил Катилина. — Поставите ли вы ему в вину, если он нас, сражавшихся против его родной страны, оставил для того, чтобы защищать свое отечество, своих родных, своих ларов? Кто из вас, если бы попал в плен к Митридату и был зачислен в его войска, при первом же появлении римского орла не счел бы своим долгом и своей честью оставить ненавистные знамена варвара и вернуться в ряды своих сограждан?

Шепот одобрения пронесся после этих слов, и Катилина, пользуясь благоприятным настроением слушателей, продолжал:

— Теперь я видел, вы видели, весь Рим видел и восхищался, как этот сильнейший человек, непоколебимо и непобедимо сражаясь в цирке, совершил подвиги, достойные не гладиатора, но способнейшего командира. И этот человек высокого духа, но с несчастной судьбой, подобно нам, раб, как и мы, угнетенный, как и мы, несчастный, с некоторого времени направил свои мысли на трудное, опасное, но благороднейшее предприятие: он организовал тайный заговор между гладиаторами и, связав их священной клятвой, замышляет поднять их в определенный день против тирании, которая присуждает их к смерти на посмешище людям в амфитеатрах, и вернуть их свободными в родные им страны. Разве не то же задумали вы

и я уже с давнего времени? Чего требуют гладиаторы? Чего требуем мы? Против чего желаем мы восстать, если не против этой олигархии, против которой также и они желают подняться? Ибо с того времени, как республика попала во власть немногих, только им платят дань цари и тетрархи, племена и народы, а все остальные храбрые, знатные и простые граждане, все мы становимся подонками общества, несчастными угнетенными, недостойными и презренными.

Ропот пробежал среди молодых патрициев, и глаза их засверкали ненавистью, гневом, жаждой мщения.

Катилина продолжал:

— У нас нищета в домах, долги кругом, настоящее печально, будущее еще мрачнее. Зачем влачить такую несчастную жизнь? Почему же мы не проснемся?

— Проснемся же! — сказал хриплым голосом задремавший Курион, услышав последние слова Катилины, но вовсе не уловив их смысла, и стал тереть себе глаза.

Как сильно ни были увлечены речью Сергия заговорщики, но никто не мог удержать взрыва смеха при глупой выходке Куриона.

— Пусть тебя уберет Минос и судит по твоим заслугам, проклятое чучело, набитое грязью и налитое вином! — заревел Катилина, сжав кулаки.

— Молчи и спи, проклятый! — закричал Бестия и толкнул Куриона так, что тот растянулся на ложе.

Катилина продолжал:

— И вот теперь, уважаемые граждане, я созвал вас сюда в этот вечер для того, чтобы совместно разобрать, выгодно ли нам привлечь в наше предприятие Спартака и его гладиаторов. Если мы должны поднять восстание против знати, против сената, в руках которых высшая власть, государственная казна и наши страшные легионы, то мы, конечно, одни не сумеем это сделать, и нам при-

дется все равно искать помощи у тех, которых по праву следует считать пригодными для этого дела, которые имеют желание последовать за нами и мстить за притеснения. Война ничего не имеющих против имеющих все, война рабов против господ, война угнетенных против угнетателей должна быть и нашим делом. И с тем, что мы не будем пригодны для дела гладиаторов, нами руководимых, нами управляемых и введенных в римские легионы, я никак не могу согласиться. Убедите меня в противном, и тогда отложим осуществление нашего плана на лучшие времена.

Нестройный ропот раздался после слов Катилины, которые, очевидно, большинству не понравились. Спартак, самым внимательным образом следивший за настроением патрициев, побледнел, но спокойным голосом начал говорить так:

— Я решился прийти сюда, чтобы сделать тебе приятное, Катилина, тебе, человеку, которого я очень уважаю. Но я вовсе не надеялся, что эти благородные патриции могут быть убеждены твоими словами, в реальности которых и сам ты вовсе не убежден, хоть и говоришь их вполне искренно. Итак, позволь мне, и пусть разрешат мне твои доблестные друзья, говорить откровенно и открыть перед вами свою душу. Вас, свободных граждан знатного происхождения, держит в стороне от управления государственными делами и лишает богатства и власти каста олигархов, враждебная народу, смелым людям и новаторам, каста олигархов, власть которой свыше станет как ввергает Рим в пучину раздоров и мятежей.

Поэтому для вас восстание сводится к свержению нынешнего сената и действующих законов, к замене последних другими, более справедливыми для народа и равномерно распределяющими богатства и права, к замене сенаторов людьми, отобранными среди вас и ваших

друзей. Но для вас, как и для нынешних властителей, останутся всегда варварами народы по ту сторону Альп и по ту сторону моря, и вы захотите, чтобы все они были под игом Рима и платили вам дань; вы захотите, чтобы ваши дома, дома патрициев, были наполнены рабами, чтобы в амфитеатрах, как и ныне, устраивались кровавые бои гладиаторов. Именно этого вы желаете и ничего другого не можете желать, и все это для вас выражается, коротко говоря, в одном — стать самым на место теперешних властителей.

Но для нас, несчастных гладиаторов, дело совсем в другом. Нас презирают и считают самым низшим классом людей, мы лишены свободы и отечества, осуждены сражаться и убивать друг друга на потеху другим; поэтому мы ищем полной свободы, мы хотим отвоевать свое отечество и свои дома, и в силу этого мы восстанем не только против теперешних властителей, но также и против тех, которые придут на смену, будут ли они называться Суллой или Катилиной, Цетегом или Помпеем, Лентулом или Крассом.

С другой стороны, нам, гладиаторам, предоставленным самим себе, поставившим себя одних против страшной и непобедимой мощи Рима, можно ли надеяться на победу? Нет, победа невозможна, и пока я мог предполагать, что люди консульского звания и патриции станут во главе гладиаторских легионов и дадут свое достоинство и имя войску, я оживлял надежды многих моих товарищей по несчастью пылом моих собственных надежд; но теперь, когда я вижу, — в долгих беседах с тобой, Катилина, я уже это понял, — что предрассудки вашего воспитания никогда не позволят вам быть нашими вождями, я убеждаюсь в невозможности нашего предприятия, о котором я мечтал и которое лелеял в тайниках своей души, которому я отдавался в долгих грезах и от кото-

рого с чувством беспредельного сожаления я теперь отказываюсь окончательно, как от явного безумия. Разве можно было бы иначе назвать наше восстание, даже если бы мы могли поднять пять, десять тысяч человек? Какой авторитет имел бы, например, я или другие из моего класса, может быть, даже более храбрые, чем я, какое значение, какой престиж? В пятнадцать дней наши два легиона были бы раздавлены, как это произошло двадцать лет тому назад с теми восставшими гладиаторами, которых один доблестный римский всадник, по имени Минудий или Веций, собрал возле Капуи.

Трудно передать впечатление, произведенное речью Спартака, этого, по мнению гостей, варвара и притом самого презренного. Одни удивлялись его красноречию, другие — возвышенности его мыслей, третьи — глубине его политических идей, а в общем все остались чрезвычайно польщены выказанным им уважением к всемогуществу римского имени. И удовлетворенное самолюбие гражданина, которое так ловко пощекотал бывший раб, вылилось в общих похвалах, открыто рассыпаемых мужественному фракийцу, которому все, и первым Луций Бестия, предложили покровительство и дружбу.

После долгих обсуждений заговорщики решили, что надо отложить предприятие на время, более благоприятное для осуществления смелого плана.

Спартак предложил свои руки и руки немногих гладиаторов, которые в него верили и его уважали, — он все время напирал мимоходом на слово „немногие“, — в распоряжение Катилины и его друзей. Затем он сам и с ним Крисс выпили чашу дружбы, которая пошла кругом и в которую гости бросали лепестки роз с венков, и, попрощавшись с хозяином дома и с его друзьями, покинул пир.

Выйдя на улицу, оба они направились к дому Суллы.

Крисс первый попытался начать разговор:

— Объясни мне, надеюсь...

— Молчи, ради Геркулеса! — прервал его Спартак. — Позже ты узнаешь все.

И они продолжали идти молча. Наконец, отойдя шагов триста от дома Катилины, Спартак заговорил вполголоса:

— Там было слишком много людей; не все они на нашей стороне и не все владели своим рассудком, чтобы можно было доверяться этим юношам. Ты слышал: для них наш заговор ликвидирован, должен исчезнуть, как бред больного мозга. Ты сейчас вернись в школу гладиаторов Акциана и перемени наш пароль приветствия и секретный знак при рукопожатии. Паролем будет: „постоянство и победа“; знаком — три легких удара указательным пальцем правой руки одного о ладонь правой руки другого.

И Спартак, взяв правую руку Крисса, три раза надавил своим указательным пальцем на его ладонь, говоря:

— Вот так. Ты понял?

— Да, — ответил Крисс.

— А теперь не теряй времени. Пусть каждый начальник звена предупредит своих пять гладиаторов, что наш заговор стоял под угрозой раскрытия и что всякий, кто произнесет прежний пароль и употребит прежние знаки, рискует окончательно погубить наше дело. Завтра мы встретимся рано утром в школе Юлия Рабеция.

И Спартак, пожав руку Крисса, быстрым шагом пошел к дому Суллы. Здесь его проводили в маленькую комнату, в которой жила его сестра.

Мирза завоевала полное расположение Валерии и уже занимала ючень важную должность заведующей туалетом. Она ожидала своего брата и, как только тот показался в дверях, бросилась к нему, обняла и стала покрывать его лицо поцелуями.

После первых приветствий Мирза сообщила Спартаку, что позвала его по приказу Валерии, которая часто расспрашивала ее о рудиирии и, узнав, что он еще не связал себя никакой службой, хочет предложить ему управление гладиаторской школой, которую Сулла недавно организовал при своей даче в Кумах.

— А если я соглашусь управлять этой школой, не потребует ли Валерия, чтобы я вновь запродам себя, или она оставит меня свободным? — спросил Спартак.

— Об этом она ничего не сказала, но, судя по ее хорошему отношению к тебе, наверно, она согласится оставить тебя свободным.

— Значит, она очень добра, эта Валерия?

— Настолько же добра, насколько прекрасна.

— О, тогда ее доброта не имеет границ.

— Мне кажется, что ты чувствуешь к ней любовь.

— Я... огромную, но благоговейную и почтительную, какую может и должен человек в моем печальном положении питать к столь знатной матроне.

— Только поклянись, что ты не проронишь ни одного слова ей, так как она запретила мне говорить тебе об этом... Чувство любви к ней тебе внушили высшие боги как долг благодарности: именно Валерия убедила Суллу в цирке дать тебе свободу. Только, пожалуйста, не проговорись, что ты знаешь об этом. А теперь пойду предупрежу госпожу о твоём приходе.

И легкая, как мотылек, Мирза исчезла в маленькую дверь. Ошеломленный Спартак этого даже не заметил.

Полтора месяца тому назад, отправившись в дом Суллы повидать свою сестру, он встретил Валерию, выходящую к носилкам, и она произвела на него незабываемое впечатление.

Несмотря на все попытки изгнать из сердца этот образ, любовь к Валерии овладела им всецело.

Как бы влекомый таинственной силой, он стал приходить к портику дома Суллы и, там спрятавшись за колонной, ожидал выхода Валерии; и каждый раз, видя ее, находил более прекрасной и каждый день испытывал по отношению к ней все более сильное чувство.

Однажды Валерия его заметила. На мгновение рудиярию показалось, что она посмотрела на него благосклонно, почти ласково, и — он готов был подумать — с любовью. Но он тотчас отогнал от себя эту мысль, как обман своих глаз, как невероятную фантазию своих желаний.

Легко представить себе впечатление, которое слова Мирзы должны были произвести на бедного гладиатора. Он находился в нескольких шагах от этой женщины, нет, не женщины, а богини, ради которой он готов был отдать свою кровь, жизнь, славу. Сейчас он услышит ее голос, увидит вблизи ее лицо, глаза, улыбку... Несколько минут отделяли его от счастья, о котором он даже не осмеливался мечтать.

— Ах, пусть боги помогут мне сохранить рассудок, — прошептал он, поднеся руки ко лбу, как бы для того, чтобы сдержать биение крови в висках или рассеять туман, окутавший его мозг.

Мало-по-малу он стал приходить в себя и сознавать, где он находился. Это, конечно, комната его сестры: небольшое ложе стояло в одном углу, две маленьких скамейки из позолоченного дерева находились у стен, тут же помещался маленький деревянный шкафик с бронзовой инкрустацией, а над ним масляная лампа из терракоты, выкрашенная в зеленый цвет, в виде ящерицы, изо рта которой выходил фитиль.

Постепенно он овладел собой. И когда через несколько минут Мирза вошла и позвала его в приемную Валерии, он принял это со спокойным видом, хотя лицо его покрылось мертвенной бледностью.

Мирза спросила:

— Что это с тобой, Спартак? Дурно тебе?

— Нет, нет... Никогда я себя не чувствовал так хорошо, — ответил рудиарий, спускаясь за сестрой по узенькой лестнице (рабы в римских домах жили в верхнем этаже).

Приемная Валерии в ее зимнем помещении (в патрицианских домах обычно было столько же отдельных помещений, сколько времен года) представляла собой маленькую изящную комнату, в которой несколько труб из листового железа, умело скрытых в складках роскошной драпировки, распространяли нежную теплоту.

Стены были украшены богатой шелковой материей голубого цвета, свисавшей с потолка почти до самого пола прихотливыми складками и причудливыми фестонами и покрытой, точно облаком, тонкой белоснежной кисеей, по которой в изобилии были рассыпаны совсем свежие розы, наполнявшие комнату нежным благоуханием.

С потолка спускалась роскошная золотая лампа с тремя рожками, изображавшими цветущую ветку розы. Она распространяла в комнате голубоватый матовый свет и теплый запах арабских благовоний, которые были примешаны в масло, пропитывавшее фитили лампы.

Никакой мебели не было, кроме ложа — кушетки со спинкой — и нескольких скамеек, покрытых белым и голубым шелком, да небольшого драгоценного ларца. На верху ларца стоял графин из прозрачного горного хрусталя с рельефными изображениями цветов натуральной окраски, в котором находился приятный тепловатый напиток из консервированных фруктов. Драгоценная мурринская чашка, вывезенная из отдаленнейших восточных стран, свадебный подарок Суллы, стояла около графина. За эту чашку Сулла заплатил не меньше трех миллионов сестерций. В этой уединенной, тихой, полной благоухания комнате на мягкой кушетке полулежала в удобной позе Валерия, одетая

в белоснежную шерстяную тунику, отороченную синими лентами; ее черные густые волосы были небрежно распущены по плечам. Опершись правым локтем о подушку, она поддерживала голову маленькой, как у ребенка, белоснежной рукой.

Валерия, казалось, дремала или глубоко задумалась.

Она не вздрогнула при легком шуме, произведенном открывшейся дверью, и не слыхала, когда дверь закрылась за ушедшей Мирзой.

Спартак стоял молча, не шевелясь, погруженный в благоговейное созерцание прекрасной матроны.

Так прошло несколько минут. Было слышно прерывистое и взволнованное дыхание рудиария. Внезапно Валерия вздрогнула, будто кто-то ее позвал, приподнялась и повернулась лицом, сразу покрывшимся румянцем, к фракийцу:

— Ах, ты здесь? Да окажут тебе покровительство боги, мужественный Спартак, и... садись, — сказала она, указывая на одну из скамеек.

Спартак уже собрался с духом. Но голосом, слабым от внутреннего волнения, он ответил:

— Боги ко мне благосклонны гораздо больше, чем я это заслужил, божественная Валерия. Они оказали мне величайшую милость, которая может выпасть на долю смертного: твое покровительство.

— Ты не только храбр, ты еще и любезен.

И она вдруг спросила по-гречески:

— В твоей стране до того, как ты попал в плен, ты был одним из вождей твоего народа?

— Да, — ответил Спартак на том же языке, на котором он говорил если не с аттической, то во всяком случае с александрийской изысканностью. — Я был вождем одного из самых сильных фракийских племен Родопских гор, и у меня был дом, многочисленные стада овец и быков и плодороднейшие пастбища. Я был богат, могуществен,

счастлив, и, поверь мне, божественная Валерия, я был справедлив и милостив. — Он глубоко вздохнул. — И я не был варваром, не был презренным гладиатором!

Валерию схватило чувство жалости. Она подняла на трюдиария глаза, сверкающие лаской, почти нежностью.

— Я часто беседовала о тебе с милой Мирзой; я видела твою необыкновенную храбрость и теперь, когда с тобой разговариваю, убеждаюсь, что ты никогда не заслуживал презрения как по своему образованию, так и по манерам; ты похож скорее на грека, чем на варвара.

Слезы показались на глазах Спартака.

— О, будь благословенна за эти слова, милосерднейшая из женщин, и пусть вышние боги окажут тебе предпочтение перед всеми смертными, так как ты это вполне заслуживаешь, и сделают тебя счастливейшей среди людей!

Наступило долгое молчание. Слышно было только дыхание Валерии и Спартака.

Валерия, наконец, заговорила:

— Если ты сейчас свободен от всяких обязательств, согласишься ли ты взять на себя руководство шестьюдесятью рабами, из которых Сулла хочет сделать гладиаторов на своей вилле в Кумах?

— Я готов сделать все, что тебе угодно, так как я твой раб и весь в полном твоём распоряжении, — едва внятно ответил Спартак.

Валерия встала, шатаясь, сделала несколько шагов и, остановившись возле трюдиария, спросила чуть слышно:

— Спартак, будь откровенен, скажи мне: что ты делал несколько дней тому назад, спрятавшись за колонной портика этого дома?

Стыд овладел Спартаком при мысли, что его тайна уже больше не тайна, что Валерия посмеется над безумным пылом, который побудил его, презренного гладиатора, поднять взор на одну из самых прекрасных и знатных

патрицианок Рима. Он молчал. Он чувствовал весь неза-
служенный позор своего положения. Он дрожал от горя
и стыда. Валерия сделала еще шаг и снова спросила его
голосом мягким, с оттенком нежности:

— Итак... скажи мне, что ты там делал?

Руднарий упал к ее ногам.

— Прости! Прикажи своему надсмотрщику бить меня
розгами... Пошли, чтобы меня распяли на Сессорском поле...
Я это заслужил.

— Встань! Что с тобой?

— Клянусь тебе, что я тебя обожал, как обожают
Венеру, как обожают Юпону...

— Ты приходил, чтобы взглянуть на меня?

— Прости меня... Молиться на тебя приходил я.

— Встань, Спартак, благородное сердце...

Валерия сжала руку Спартака.

— Нет, у твоих ног мое место, божественная Валерия...

Он схватил руками край ее туники и стал целовать.

— Встань, встань, не это место тебе подходит, — про-
шептала Валерия.

И Спартак, покрывая жаркими поцелуями руки Ва-
лерии, встал, взглянул на нее влюбленными глазами, по-
вторяя, как в бреду:

— О, божественная! О, божественная!

ГЛАВА VI

Угрозы, интриги и опасности

— Итак, — говорила Эвтибида, развалившись на груди мягких подушек в экседре своего дома, — разузнал ли ты что-нибудь о планах гладиаторов? Или надо признать, что и здесь ты никуда не годишься?

Собеседником ее был мужчина лет пятидесяти, с безбородым, женственным лицом, сплошь покрытым морщинами, под слоем белил и румян. По одежде сразу можно было узнать в нем актера.

— О, клянусь маской Мома! Честное слово Метробия, задушевного друга Корнелия Суллы в течение тридцати лет, ты не должна меня ругать. Я узнал много и ничего...

— Что означают твои слова?

— Будь терпелива. Ты ведь не сомневаешься в том, что я, Метробий, старый актер на мимических ролях и

в течение тридцати лет привыкший изображать женщин на народных представлениях, владею искусством обольщать людей? Особенно когда эти люди — варвары или невежественные гладиаторы и когда я имею в распоряжении такое верное средство, как золото.

— Да, я не сомневалась в твоей ловкости, потому я тебе и дала это поручение, но...

— Но, пойми, прекраснейшая Эвтибида, что при всей моей ловкости я не могу открыть того, чего нет. Гладиаторы не замышляют никакого заговора. Тебе придется получить доказательства моей ловкости в другой раз и по другому поводу.

— Возможно ли это?

— Это несомненно, прекраснейшая дева.

— Однако, два месяца тому назад я имела сведения, что гладиаторы были в заговоре, организовали тайный союз, у них был свой пароль, условные знаки приветствия и свои гимны и они, повидимому, замышляли восстание, нечто вроде бунта рабов в Сицилии.

— И ты серьезно верила в возможность восстания гладиаторов?

— А почему нет? Разве они не умеют сражаться и не умеют умирать?

— Да, в амфитеатрах...

— Но раз они умеют сражаться и умирать для развлечения народа, неужели они не смогут сражаться и умирать ради своей свободы?

— Эх! Раз ты это утверждаешь, допустим, что они устраивали заговор... Но я тебя могу решительно заверить, что заговора у них больше нет. Гладиаторы действительно могли бы выступить, если бы римские патриции, враги законов и сената, взяли на себя командование над ними. Но эти патриции, как ни подлы они, все же не решились стать во главе гладиаторов...

— Однако, был такой момент? Скажи мне, Метробий...

— Сперва удовлетвори мое любопытство, — спросил актер, — откуда ты получила сведения о заговоре гладиаторов?

— От одного грека... моего соотечественника, тоже гладиатора...

— Ты, Эвтибида, на земле более могущественна, чем Юпитер на небе. Одной ногой ты попираешь Олимп олигархов, другой — грязное болото черни...

— Ах! Я делаю все, чтобы стать богатой и могущественной, чтобы мне завидовали... Чтобы наслаждаться всеми радостями, всеми удовольствиями жизни, после которой, как учит божественный Эпикур, уже нет ничего. Ты знаешь, для чего я пускаю в ход все искусство и все средства обольщения, которыми меня одарила природа? Именно для того, чтобы суметь стоять одной ногой на Олимпе, а другой в болоте и...

— Но в грязи можно испачкаться.

— А после можно и вымыться. Разве мало терм в Риме? Разве нет ванны в моем доме? Но подумайте, о, вышние боги, только подумайте, кто осмеливается читать трактат о морали? Человек, который провел всю свою жизнь в пучине самых грязных мерзостей, самых низких гнусностей!

— Ну, давай перестанем рисовать такими живыми красками мой портрет: ты рискуешь сделать его очень похожим и заставить людей убегать прочь при виде моей грязной личности. Ведь я это сказал в шутку! Мораль у меня в пятках. Что ты хочешь, чтобы я с нею сделал?

И с этими словами Метробий приблизился к Эвтибиде и, взяв ее руку, стал целовать, говоря:

— А когда же я получу награду от твоего благодарного сердца?

— Награду? Благодарное сердце? Но за что оно должно быть благодарным, старый сатир? — сказала Эвтибида, от-

нимая руку и ударив Метробия по лицу. — Ведь ты все же не узнал, что замышляют гладиаторы?

— Но, прекраснейшая моя Эвтибида, — возразил старик жалобным голосом, — мог ли я открыть то, чего не существует?

— Ну, хорошо, — сказала девушка, бросив на комедианта ласковый взгляд, сопровождаемый очаровательной улыбкой, — если ты хочешь заслужить мою благодарность...

— Приказывай, божественная...

— Ты должен продолжать слежку, так как я не уверена в том, что гладиаторы совсем оставили мысль о восстании.

— Я буду следить в Кумах, отправлюсь в Капую...

— И прежде всего, если ты хочешь открыть что-нибудь, ты должен следить за Спартаксом.

И при этом имени щеки Эвтибиды покрылись ярким румянцем.

— О, что касается Спартакса, то вот уже месяц, как я слеую за ним по пятам, не только из-за тебя, но также за мой счет... Я хочу сказать — за счет Суллы.

— Что? Как? Что ты сказал?.. — спросила с выражением крайнего интереса куртизанка.

Метробий осмотрелся кругом, как бы боясь, что его услышат, и затем, приложив палец к губам, сказал вполголоса:

— Это мое подозрение... И так как я могу ошибиться и так как этим я вмешиваюсь в дела Суллы... то я не буду говорить об этом ни одной живой душе до тех пор, пока не получу подтверждения.

На лице Эвтибиды отразилось такое волнение, которое изумило Метробия. Женское ли любопытство, или желание увидеть, до чего может дойти сила ее чар над старым распутником, а может быть, еще какие-нибудь тайные причины подстрекали ее, но в ней загорелось желание во что бы то ни стало узнать тайну Метробия.

Она спросила:

— Спартак, может быть, посягает на жизнь Суллы?

— Что это тебе взбрело в голову?

— Так в чем же дело?

— Я не могу тебе сказать... Узнаешь после...

— Сейчас! Не правда ли, ты мне сейчас скажешь, мой славный Метробий? — Она взяла одной рукой руку комедянта, а другой гладила его лицо. — Клянусь Аполлоном Дельфийским, моим покровителем, никто не узнает от меня о том, что ты мне скажешь. Ну, скажи своей Эвтибиде, добрый Метробий! Моя благодарность тебе будет безгранична!

И, лаская старика, пуская в ход чарующие взгляды и нежные улыбки, она скоро добилась своего.

— Видно, нет никакой возможности от нее отделаться, пока не исполнишь ее желания, — сказал, наконец, Метробий. — Видишь ли, я подозреваю и имею к этому основания, что Спартак влюблен в Валерию, а она в него.

— А! Клянусь адскими факелами Эриний! — вскричала, сжимая кулаки и внезапно побледнев, Эвтибида. — Может ли это быть?

— Все заставляет меня верить этому, но у меня нет верных доказательств... Помни, не пророни никому ни слова...

— Ах! Вот почему... Только другая женщина... другая, другая!.. — воскликнула она с диким бешенством. — Итак, вот кто тебя побеждает своей красотой... бедную, безумную... вот кто тебя победил!

Она закрыла лицо руками и безудержно зарыдала.

Метробий сразу понял, что Эвтибида, по которой вздыхали самые знатные и богатые патриции и которая до сих пор не любила никого, пылала страстью к гладиатору и, очевидно, была отвергнута.

Надо отдать справедливость Метробию: он почувство-

вал глубокое сострадание к этой несчастной и стал ее утешать.

— Но, может быть, это еще неправда... Я, может быть, ошибся... Может быть, это плод моей фантазии...

— Нет, ты не ошибся... Нет, это не фантазия... Это правда, я знаю, я чувствую, — возразила девушка, вытирая глаза краем пурпурного плаща, и добавила глухим голосом: — Во всяком случае хорошо, что я это узнала...

— Но, пожалуйста, не выдай меня...

— Не бойся, Метробий, не бойся. Напротив, я тебя отблагодарю, насколько могу, и, если ты поможешь мне довести до конца мой план, ты увидишь, какой благодарной может быть Эвтибида. Ступай. Отправляйся немедленно в Кумы... сейчас... сегодня же... И следи за каждым их шагом, за каждым движением, за каждым вздохом... И дай мне в руки улики, и мы отомстим сразу и за честь Суллы и за мою женскую гордость. Обожди меня. Я сейчас вернусь. Она вышла и, вернувшись через минуту, подала Метробию тяжелую кожаную сумку.

— Возьми эту сумку; в ней находится тысяча аурей. Подкупи рабов, соблазни рабынь, но достань доказательства. Понимаешь? И если тебе понадобятся еще деньги...

— Но мне хватит и этих...

— Хорошо. Трать их не скупясь... Но отправляйся сегодня же и не останавливайся ни разу в пути... и вернись с доказательствами.

И, говоря это, она почти вытолкнула Метробия из экседры, проводила его по коридору мимо алтаря, посвященного домашним богам, мимо бассейна для дождевой воды, через атриум, в переднюю и предупредила раба, который исполнял обязанности привратника:

— Ты видишь, Гермоген, этого человека? Как только он придет... В каком бы часу он ни пришел, ты тотчас же проводишь его в мои комнаты.

И, попрощавшись с Метробием, она вернулась к себе, заперлась в своем кабинете, бросилась на диван и разразилась плачем. Кусая свои белоснежные руки, она шептала:

— О, эвмениды... Дайте мне отомстить... и я вам воздвигну великолепный алтарь... Мести я жажду, мести хочу. Мести...

Чтобы объяснить этот яростный гнев нежной Эвтибиды, мы в немногих словах расскажем читателям о том, что произошло за два месяца, с того дня, когда Валерия, побежденная любовью к Спартаку, отдалась ему.

Валерия с каждым днем открывала новые достоинства в благородной душе Спартака и уже не только любила его без памяти, но уважала его, поклонялась ему и восхищалась им.

Спартак в опьянении любовью, как все счастливые люди, стал эгоистом, забыл своих товарищей, цепи рабства, которые так недавно спали с него, святое дело свободы, которое он так долго обдумывал и которое он клялся довести до конца во что бы то ни стало.

И вот в то время, когда Спартак считал себя самым счастливым в мире, после настойчивых приглашений Эвтибиды он отправился к ней.

Эвтибида была родом из окрестностей Афин. Воины Суллы, осаждавшие этот город за восемь лет до описываемых событий, привели ее, четырнадцатилетнюю, в Рим в числе прочей добычи.

Попав в руки одного развратного патриция, Эвтибида привыкла к ночным кутежам, к роскоши, к беспорядочному образу жизни. Она всецело отдалась позорной жизни куртизанки. Кроме редкой красоты, природа щедро одарила ее умом, а условия жизни развили в ней неслыханное коварство и вероломство.

Когда все тайны зла стали ей уже известны, когда она пресытилась наслаждениями, Эвтибида потеряла всякий

вкус к порочной жизни и как раз в этом состоянии духа увидела Спартака. Его геркулесовская сила, мужество и красота зажгли в ней желание покорить этого героя. В том, что ее желание легко исполнимо, Эвтибида не сомневалась. С этой целью она заманила Спартака в свой дом и пустила в ход все средства обольщения, но убедилась, что перед ней единственный мужчина, который остается к ней равнодушным. Единственный, которого она могла бы полюбить! Тогда прихоть куртизанки неожиданно для нее самой превратилась в настоящую страсть, страшную, благодаря порочности этой женщины.

Спартак вскоре отправился в Кумы, в окрестностях которых Сулла устроил себе роскошную виллу. Там Спартак должен был обучать гладиаторов.

Эвтибида, глубоко оскорбленная в своем чувстве и самолюбии, пыталась забыть рудиярия, выбросить образ из памяти. Но усилия ее были напрасны. С виду беззаботная и счастливая, она глубоко страдала.

Вот почему с такой радостью ухватилась она за возможность отомстить сразу и человеку, которого она в одно и то же время ненавидела и любила, и счастливой сопернице.

В то время как Эвтибида давала волю порывам своей ревности, а Метробий верхом на породистом коне направлялся в Кумы, важные события происходили в таверне Венеры Либитины.

В сумерки семнадцатого дня апрельских календ (16 марта) 676 года около двадцати гладиаторов собрались у Лутации Одноглазой, чтобы поесть сосисок и жареной свинины и выпить велитернского и тускуланского вина.

Во главе стола в качестве руководителя этого пиршества сидел Крисс, который благодаря своей силе и мужеству завоевал не только авторитет среди своих товарищей, но и доверие и уважение со стороны Спартака.

Стол, вокруг которого сидели гладиаторы, был приготовлен во второй комнате харчевни. Гладиаторы чувствовали себя здесь свободно и уютно и могли без опаски беседовать, тем более, что в первой комнате в этот час было мало посетителей.

Усевшись за столом вместе со своими товарищами, Крисс заметил, что в одном углу комнаты находился маленький столик с остатками закусок, а перед ним стояла скамейка, на которой, очевидно, недавно сидел человек.

— Ну-ка, скажи, Лутация, Кибела, мать богов, — спросил Крисс, обращаясь к хозяйке, — кто обедал за этим столиком?

Лутация обернулась и воскликнула с изумлением:

— Куда же он ушел? Вот штука! Ах! Да поможет мне Юнона Луцина... Он меня ограбил, не уплатив по счету!

И с этими словами Лутация побежала к столику, а Крисс снова спросил у нее:

— Он? Но кто этот неизвестный?

— Ах! — облегченно вздохнула Одноглазая. — Я его оклеветала... Я знала, что он честный человек. Он оставил на столе восемь сестерций в уплату по счету... даже больше, чем с него следовало; в его пользу остается четыре с половиной асса.

— Пусть тебя поразит рак, но ты скажешь, наконец...

— О, бедный человек, — продолжала Лутация, убирая со столика, — он забыл дощечку со своими записями и свою палочку, бедняга.

— Пусть Прозерпина сегодня же вечером съест твой язык, сваренный в сладком уксусе, старая мегера! Ты назовешь, наконец, нам имя таинственного посетителя? — закричал, выйдя из себя, Крисс.

— Ну, я вам скажу его имя, попрошайки; вы любопытнее баб, — ответила, рассердившись, Лутация. — За этим столиком ел торговец зерном из Сабинны, прибывший в Рим

по своим делам; уже несколько дней, как он приходит сюда в этот именно час.

— А ну-ка, покажи мне, — сказал Крисс, забирая у Лутации маленькую деревянную дощечку, покрытую воском, и костяную палочку, оставленные на столе.

Здесь были в самом деле отмечены разные партии зерна с соответствующими ценами сбоку и с именами собственников зерна, которые, повидимому, получили от торговца задатки.

— Но я не понимаю, — продолжала между тем Лутация Одноглазая, — когда этот добряк ушел?.. Я могу поклясться, что, когда вы вошли, он был еще здесь. А! Понимаю! Должно быть, когда я готовляла сосиски из свинины для вас я не слыхала, как он меня позвал, а он торопился и ушел, оставив деньги, как честный человек.

И Лутация, взяв обратно палочку и дощечку с записями, ушла со словами:

— Завтра, если он придет, а он наверно придет, я отдам ему все, что ему принадлежит.

Гладиаторы ели в полном молчании. Наконец, один спросил Крисса:

— Нет ли известий о солнце? ¹

— Оно все время за тучами, — ответил Крисс ².

— Однако, это странно, — заметил тот.

— И непонятно, — проговорил другой.

— А муравьи? ³ — спросил третий, обращаясь к Криссу.

— Они растут числом и усердно занимаются своим делом в ожидании наступления лета ⁴.

¹ С о л н ц е — Спартак.

² Он не прислал приказов и хранит молчание.

³ А заговорщики?

⁴ Сигнал восстания.

— О, пусть придет скорее лето, и пусть солнце взойдет во всемогуществе своих лучей, обрадует трудолюбивых муравьев и сожжет крылья коварным осам¹.

— А скажи, Крисс: сколько видно звезд?²

— Две тысячи двести шестьдесят на вчерашний день.

— А появляются ли новые?

— Все время, до тех пор, пока лазурный свод небес не засверкает над миром, покрытый мириадами звезд.

— Гляди на весло³, — сказал один, увидя эфиопку-рабыню, которая внесла вино.

Когда рабыня ушла, гладиатор, по национальности галл, произнес на ломаном латинском языке:

— В конце концов, мы здесь одни и можем говорить, не затрудняя себя условным языком. Я спрашиваю без всяких фокусов: увеличивается ли число наших сторонников? Растем ли мы с каждым днем? Когда мы сможем, наконец, вступить в бой и показать гордым и глупым нашим господам, что мы мужественнее и храбрее, чем они?

— Ты слишком спешишь, Брезовир, — возразил Крисс, — ты слишком спешишь и горячишься. Число вступающих в союз растет изо дня в день; число защитников святого дела увеличивается с каждым часом, с каждым мгновением... Сегодня вечером, в час первого факела, в лесу, где находится гробница Пумы, будут приняты в члены нашего союза еще одиннадцать верных и испытанных гладиаторов.

В этот момент у одного из гладиаторов упал меч. Он нагнулся, чтобы поднять его, и вдруг воскликнул:

— Под ложем кто-то есть!

¹ Римлянам.

² Каково число сторонников?

³ Берегись!

Все вскочили, поднялся переполох. Крисс тотчас skoмандовал:

— Гляди на весло! Брезовир и Торкват, прогоните насекомых¹, а мы изжарим рыбу².

Два гладиатора, исполняя приказ, побежали к двери и здесь остановились, приняв самый беззаботный вид. Остальные, подняв доже, обнаружили человека лет тридцати, который лежал там скорчившись. Схваченный четырьмя сильными руками, он стал умолять о пощаде.

— Ни звука, — приказал тихим и грозным голосом Крисс, — и ни одного движения, или ты умрешь!

И десять сверкающих мечей поднялись над неудачником. Если бы он только попытался подать голос, в один миг был бы отправлен на тот свет.

— А! Это ты торговец зерном, оставляющий на столах сестерции без счета? — спросил Крисс, в глазах которого сверкал мрачный огонь.

— Поверьте мне, доблестные, я не...

— Молчи, трус! — один из гладиаторов ударил его ногой.

— Эвмакол, обожди, надо, чтобы он сказал, зачем и кем он был послан.

И Крисс обратился к минимому торговцу зерном:

— Итак, не для спекуляции зерном, а для шпионажа и предательства...

— Клянусь высшими богами...

— Кто ты? Кто тебя послал сюда?

— Не убивайте меня... Я все вам скажу... Из милосердия, из жалости, не убивайте меня!

— Это мы посмотрим... а пока говори.

— Меня зовут Сильвий Корденний Веррес... Я — грек... бывший раб... теперь вольноотпущенник Кая Верреса.

¹ Пусть оберегают выход.

² Захватим шпиона.

— А! Так ты по его приказу пришел сюда?

— Да, по его приказу.

— А что мы сделали Каю Верресу? И какая цель у него шпионить за нами и доносить на нас? Ведь если он хотел знать о наших тайных собраниях, то, очевидно, за тем, чтобы донести сенату.

— Не знаю... этого я не знаю, — сказал все время дрожавший отпущенник Кая Верреса.

— Не притворяйся... не строй дурака! Если Веррес мог тебе доверить такое деликатное и опасное поручение, ты, наверно, знаешь, что он задумал против нас. Итак, говори все, что тебе известно. Мы не простим тебе замалчивания или обмана.

Сильвий Кордений понял, что с этими людьми шутить нельзя, и, как утопающий хватается за соломинку, он решился откровенным признанием попытаться спасти свою жизнь.

И он рассказал все, что знал.

Кай Веррес, узнав в триклинии Катилины, что существовал союз гладиаторов для организации восстания против Рима, не мог поверить, чтобы эти храбрые, презирающие смерть люди так легко отказались от предприятия, в котором они ничего не теряли, а могли выиграть все. Он не поверил словам Спартака, а, напротив, был убежден, что заговор продолжает расти и что в один прекрасный день гладиаторы без помощи патрициев поднимут знамя восстания. Кай Веррес, очень жадный на деньги и считавший, что все средства хороши и допустимы, лишь бы нажиться, решил устроить слежку за гладиаторами, овладеть нитями их заговора и донести сенату; он надеялся в награду получить крупную сумму денег или управление провинцией, где он мог бы „честно“ разбогатеть, грабя обывателей, как это обыкновенно делали квесторы, преторы и прокопсулы.

Чтобы добиться своей цели, Веррес с месяц тому назад поручил следить за гладиаторами и разузнавать все их планы своему преданному отпущеннику и вершому слуге Сильвию Кордению.

Кордений в течение месяца посещал все притоны, кабаки и харчевни в бедных кварталах Рима, где чаще всего собирались гладиаторы. Подслушивая и высматривая, он собрал некоторые улики и в конце концов пришел к заключению, что в отсутствие Спартака руководителем заговора, если таковой действительно существовал, был Крисс. Поэтому он стал следить за Криссом, и так как галл часто посещал харчевню Венеры Либитины, то Сильвий Кордений в течение шести или семи дней приходил туда ежедневно, а иногда даже два раза в день; и когда он узнал, что именно в этот вечер состоится собрание начальников групп, на котором будет Крисс, он решился забраться под обеденное ложе в тот именно момент, когда приход гладиаторов отвлек все внимание Лутации Одноглазой, чтобы ни у кого не возникло подозрений по поводу его внезапного исчезновения.

Когда Сильвий Кордений кончил свои отрывистые и бессвязные показания, Крисс, внимательно наблюдавший за ним, сказал:

— Ну, знаешь, ты крупный плут. И под твоим багряным видом скрывается тонкий ум и большая хитрость.

— Но я ведь не сделал вам ничего дурного... Я исполнял приказания моего патрона; примите во внимание мою искренность. Клянусь всеми богами Олимпа и ада не передавать никому, и даже Верресу, ничего из того, что я узнал и что произошло между нами, только оставьте меня живым... Отпустите меня!

— Не торопись, добрый Сильвий, мы об этом еще поговорим, — возразил с иронией Крисс.

И, подозвав восемь гладиаторов, он им сказал:

— Выйдем на минутку.

А остальным приказал:

— Стерегите этого... и не трогайте его!

Гладиаторы вышли из таверны в переулок.

— Как поступить с этим негодяем? — спросил Крисс.

— Что за вопрос? — ответил Брезовир. — Убить его, как бешеную собаку.

— Дать ему уйти — было бы все равно, что самим довести на себя, — сказал другой.

— Сохранить ему жизнь и держать его пленником в каком-либо месте было бы опасно, — заметил третий.

— И где мы могли бы его спрятать? — спросил четвертый.

— Итак, смерть?

Крисс всех обвел глазами.

— Теперь ночь...

— Улица пустынная...

— Мы отведем его на самый верх холма, в конце этой улицы...

— *Mors sua — vita nostra* (его смерть — наша жизнь), — заключил приговор Брезовир, произнося с варварским акцентом эти четыре латинских слова.

— Так, значит, необходимо, — сказал Крисс, сделав шаг к дверям кабачка, но тут же остановился. — Кто же убьет его?

Никто не дал сразу ответа, и только после минуты молчания один сказал:

— Убить безоружного и без сопротивления...

— Если бы у него был меч... — сказал другой.

— Если бы он мог или хотел защищаться, я бы взял на себя это поручение, — прибавил Брезовир.

— Но зарезать безоружного... — заметил Торкват.

— Храбрые и благородные вы люди, — сказал взволнованный Крисс, — и достойные свободы. Однако, необ-

ходимо, чтобы для блага всех кто-нибудь поборол свое отвращение и привел в исполнение приговор, который нашими устами произнес суд Союза угнетенных.

Все стояли, опустив головы.

— С другой стороны, — продолжал Крисс, — разве он пришел сразиться с нами равным оружием и в открытом бою? Разве он не шпион? Если бы мы его не накрыли в его тайнике, не донес ли бы он на нас через два часа и не были бы все мы брошены завтра в Мамертинскую тюрьму и через два дня распяты на кресте на Сессорском поле?

— Правда, правда, — прошептало несколько голосов.

— Итак, именем суда Союза угнетенных я приказываю Брезовиру и Торквату убить этого человека.

Оба названных гладиатора наклонили головы, и все с Криссом во главе вернулись в харчевню.

Сильвий Кордений Веррес устремил на них взгляд, полный тревоги и ужаса, и побледнел — ничего для себя хорошего он не прочел на их лицах.

— Ну, как? — произнес он голосом, полным слез. — Вы меня пощадите? Оставьте мне жизнь? Я... на коленях жизнью ваших отцов, ваших матерей, ваших дорогих... смиренно вас заклинаю...

— Разве у нас есть отцы и матери? — сказал с потемневшим лицом Брезовир.

— Разве осталось у нас что-нибудь дорогое? — сказал со сверкающими гневом глазами другой гладиатор.

— Вставай, трус! — закричал Торкват.

— Молчать! — воскликнул Крисс и, обращаясь к отпущеннику Кая Верреса, прибавил: — Ты пойдешь с нами. В конце этой маленькой улицы мы посоветуемся и решим твою судьбу.

И, сделав знак товарищам вывести Сильвия Кордения, которому он оставил надежду на спасение, чтобы тот шел

с ними без криков и шума, Крисс вышел в сопровождении тащивших отпущенника, более похожего на мертвеца, чем на живого человека.

Один гладиатор остался, чтобы заплатить за ужин и вино. Лутация среди выходивших двадцати не заметила своего торговца зерном. Между тем гладиаторы, повернув направо от харчевни, стали подыматься по грязной и извилистой улочке, которая оканчивалась у городской стены; дальше начиналось открытое поле.

Выйдя из города, группа остановилась, и Сильвий Кордений, упав на колени, начал плакать и просить пощады.

— Хочешь ты, подлый трус, сразиться равным оружием с одним из нас? — спросил Брезовир.

— О, пожалейте, пожалейте!.. Ради моих сыновей прошу вас о милосердии!

— Но у нас нет сыновей! — закричал один.

— Мы были осуждены не иметь их никогда! — прорычал другой.

— Итак, ты умеешь только прятаться и шпионить. Честно сражаться ты не хочешь?

— О, спасите меня! Я вас умоляю о жизни!..

— Иди в ад, трус! — и Брезовир вонзил свой короткий меч в грудь отпущенника.

— И с тобой вместе все подлые трусы, без мужества и без чести, — прибавил самнит Торкват, дважды ударяя упавшего.

Гладиаторы, сомкнувшись вокруг умирающего, стояли неподвижно и молча следили за последними его судорогами.

Брезовир и Торкват несколько раз воткнули свои мечи в землю, чтобы стереть с них кровь, раньше чем она свернется, и вложили их обратно в ножны.

Серьезные и молчаливые вышли они из пустынного переулочка на более оживленные улицы.

Восемь дней прошло после рассказанных событий, когда однажды вечером, в час первого факела, через Капуанские ворота въехал в Рим человек, верхом на лошади, кутаясь в плащ, чтобы хоть немного укрыться от проливного дождя. Всадник и конь задыхались от продолжительной езды и были с головы до ног покрыты грязью.

Проехав ворота, всадник прищпорил коня, в короткое время доскакал до Священной улицы и остановился перед домом, где жила Эвтибида. Соскочив с коня и схватив бронзовый дверной молоток, он несколько раз сильно ударил в дверь. Ему сейчас же ответил лай сторожевой собаки, непременно принадлежности римского дома. Послышались шаги привратника, который приказал собаке замолчать и торопливо стал открывать.

— Да благословят тебя боги, добрый Гермоген. Я Метробий и явился из Кум...

— С благополучным приездом...

— Я мокр, как рыба... Юпитер, властитель дождей, пожелал позабавиться, показав мне, как хорошо работают его шлюзы... Позови кого-нибудь из слуг, прикажи отвести это бедное животное в конюшню и дать ему овса.

Привратник шелкнул средним пальцем правой руки о большой — это был знак, которым вызывали рабов, — и, взяв у Метробия повод, ответил:

— Входи же, Метробий, ты знаешь расположение дома. Возле галлерей ты найдешь Аспазию, горничную госпожи; она доложит о твоём прибытии. О лошади я позабочусь.

Метробий переступил порог, стараясь не поскользнуться, что было бы самым худшим предзнаменованием, и вошел в переднюю, на мозаичном полу которой при свете бронзовой лампы виднелась надпись: *Salve* (здравствуй). То же слово, услышав шаги гостя, стал повторять попугай, сидевший в клетке у стены.

Эвтибида находилась в своей благоухающей ароматами и согретой печами зимней приемной. Раскинувшись в удобной позе на мягкой кушетке, она была занята выслушиванием признаний в любви, которые расточал ей юноша, сидевший у ее ног. Она теребила его густые, мягкие волосы, а он говорил ей поэтические, полные нежности слова.

Юноша был Тит Лукреций Кар, уже знакомый читателю. Он в то время работал над планом своей бессмертной поэмы. Проникнутый с самого детства учением Эпикура, он и в жизни применял наставления своего учителя и не желал серьезной и глубокой любви, а искал легкого и кратковременного увлечения, „чтобы стрелами новой любви прежнюю быстро прогнать...”

Это, впрочем, не помешало ему кончить самоубийством в сорок четыре года от безнадёжной любви.

Во всяком случае Лукреций был юноша привлекательный, талантливый и приятный собеседник; он обладал большими средствами и не скупился на траты для своих удовольствий. Поэтому Эвтибида принимала его ласковее, чем других, более богатых и щедрых поклонников.

— Итак, ты меня любишь? — кокетничала куртизанка, играя локонами юноши. — Я тебе не надоела?

— Нет, я тебя люблю все сильнее, так как любовь — единственная вещь, которой, чем больше владеешь, тем больше ее чувствуешь.

В эту минуту раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросила Эвтибида.

И голос Аспазии негромко ответил:

— Прибыл Метробий из Кум...

— Ах! — воскликнула Эвтибида, вскочив с кушетки и вся покраснев. — Он приехал? Проводи его в экседру... Я сейчас приду.

И, обращаясь к Лукрецию, поднявшемуся с недовольным видом, она торопливо сказала ласковым голосом:

— Обожди меня... Ты слышишь, как неистовствует буря на улице? Я сейчас вернусь... и, если известия, которые привез этот человек, будут таковы, каких я страстно желаю, если ненависть моя может быть утолена сегодня желанной мстью... я буду весела.

И она ушла, оставив Лукреция рассерженным и полным любопытства. Юноша стал в раздумье ходить по комнате.

Буря бушевала, и частые молнии наполняли приемную мрачным сверканием, раскаты грома потрясали дом, слышался шум дождя и града, а северный ветер дул с пронзительным свистом в двери, окна, во все щели.

— Юпитер, бог простого народа, развлекается и показывает свое разрушительное всемогущество! — прошептал юноша с легкой улыбкой.

Поэт уселся на кушетку и отдался во власть ощущений, вызванных в нем борьбой стихий. Взяв навощенную дощечку, лежавшую на изящном шкапчике, он стал быстро писать на ней серебряной палочкой с железным шакопечником.

Тем временем Эвтибида, войдя в экседру, где находился Метробий, крикнула рабыне:

— Разожги сильнее огонь в камине, дай Метробию сухую одежду и ужин повкусней!

Подойдя к Метробию и пожав его руки, она спросила:

— Хорошие известия ты принес, мой славный Метробий?

— Хорошие из Кум, но самые скверные с дороги.

— Вижу, бедный мой Метробий; садись сюда, ближе к огню! — Она придвинула скамейку к камину. — Скажи, есть у тебя доказательства?

— Золото, прекраснейшая Эвтибида, как ты знаешь, открыло Юпитеру бронзовые ворота башни Данаи...

— Брось болтать! Неужели купанье, которое ты перенес, не научило тебя говорить короче?

— Я подкупил одну рабыню и через маленькое отверстие в двери мог несколько раз видеть, как Спартак в час крика петухов входил в комнату Валерии.

Эвтибида сделалась похожей на разъяренную тигрицу.

— О, боги ада, помогите мне! И все дни... таким образом... эти бесчестные наносят оскорбления достойному уважения имени.

— Думаю, что в пылу страсти они не обратили внимания даже на несчастные дни.

— Теперь несчастный день придет для них! Их проклятые головы я посвящаю богам ада! Скорее переодевайся и иди поужинать! В триклинии дождись меня!

И она исчезла.

„Не хотел бы я впутываться в какое-нибудь скверное дело, — думал старый комедиант, направляясь в одну из комнат, назначенных для гостей. — С этой упрямой головкой... от нее можно ожидать всего... Даже мне страшно стало, до чего она разозлилась!“

Переодевшись, актер отправился к триклиний, где его ожидал роскошный ужин. Среди кушаний и фалерского вина достойный муж старался забыть о злополучном путешествии и заглушить в себе предчувствие тяжелого и близкого несчастья.

Он еще не кончил, когда Эвтибида с бледным лицом, но уже спокойная вошла в триклиний со свертком папируса, завернутого в разрисованный суриком пергамент и обвязанного шнурком. Края тонкого пергамента были склеены воском с печатью Эвтибиды, на которой была вырезана Венера, рождающаяся из пены морской.

Смущенный Метробий спросил:

— Прекраснейшая! Кому адресовано это письмо?

— Луцию Корнелию Сулле.

— Клянусь маской бога Мома! Не будем спешить с нашими решениями, дитя мое!

— Пашими? При чем ты тут?

— Но да поможет мне всеблагой Юпитер! А если Сулле не понравится, что вмешиваются в его дела? Если вместо того, чтобы обидеться на свою супругу, он обидится на доносчиков? И если он решит обидеться на меня?

— А мне что до этого?

— Но... моя девочка... если для тебя ничего не значит гнев Суллы... он очень много значит для меня...

— Но кто о тебе думает?

— Я, прекрасная Эвтибида, любезная людям и богам. Я очень крепко люблю себя.

— Но я не упомянула твоего имени... И во всем, что может произойти, ты будешь совершенно в стороне.

— Понимаю... очень хорошо... но видишь, моя девочка, я задушевный друг Суллы в течение тридцати лет...

— О, я знаю это... даже более задушевный, чем это нужно для твоей доброй славы.

— Это неважно... Я знаю этого зверя... то есть человека... и, несмотря на дружбу, которая меня связывает с ним столько лет, я знаю, что он способен свернуть мне голову... как курицу. Я уверен, что он прикажет почтить меня самыми пышными похоронами и битвой пятидесяти гладиаторов вокруг моего костра. Однако, к несчастью для меня, я не смогу насладиться этими зрелищами...

— Не бойся, — сказала Эвтибида, — с тобой не случится никакого несчастья.

— Все в воле богов, которых я всегда почитал.

— А пока почти Вакха и выпей во славу его пятидесятилетнего фалернского, которое я сама тебе смешаю.

И она налила вино из кувшина в чашу комедианта.

В триклиний вошел раб в дорожном костюме.

— Помни мои наставления, Демофил, и нигде не останавливайся до Кум.

Слуга взял из рук Эвтибиды письмо, положил его между

курткой и рубашкой и, поклонившись госпоже, завернулся в плащ и вышел.

Эвтибида, успокоив Метробия, вышла из триклиния и вернулась в приемную. Лукреций, держа в руке дощечку, собирался перечитывать то, что он написал.

— Извини меня, я должна была оставить тебя одного дольше, чем хотела... но я вижу, что ты не потерял времени. Прочти мне эти стихи; ведь твое воображение может проявляться только в стихах... и притом в великолепных стихах.

— Ты и буря, которая свирепствует снаружи, внушили мне эти стихи, и поэтому следует, чтобы я их тебе прочел... Когда я пойду домой, я прочитаю их буре.

...Ветер морей пенстою волны бичует,
Рушит громады судов и небесные тучи разносит
Или же, мчась по полям, стремительным кружится вихрем,
Мощные валит стволы, неприступные горные выси,
Лес, низвергая, трясет порывисто: так несется
Ветер, беснуясь, ревет и проносится с рокотом грозным.
Стало быть, ветры — тела, но только не зримые нами.
Море и земли они воздымают, небесные тучи
Бурно крушат и влекут внезапно поднявшимся вихрем,
И не иначе текут они, все перед собой повергая,
Как и вода, по природе своей, хоть и мягкая, мчится
Мощной внезапной рекой, которую, вздувшись от ливней,
Полнят, с высоких вершин низвергаясь в нее, водопады,
Леса обломки неся и стволы увлекая деревьев.
Крепкие даже мосты устоять под внезапным напором
Вод неспособны: с такой необузданной силой несется
Ливнем взмущенный поток, ударяя в устои и сваи.
Опустошает он все, грохоча: под водою уносит
Камней громады и все преграды сметает волнами.
Так совершенно должны устремиться и ветра порывы,
Словно могучий поток, когда, отклоняясь в любую
Сторону, гонят они все то, что встречают и рушат,
Вновь налетая и вновь, а то и крутящимся смерчем
Все захвативши, влекут и в стремительном вихре уносят.

Эвтибида была гречанкой и очень культурной. Она

не могла не почувствовать восхищения от силы, изящества и мудрой подражательной гармонии этих стихов, замечательных тем более, что на латинском языке тогда еще не умели писать хорошие стихи. Она выразила Лукрецию свое восхищение в словах, полных искреннего чувства, в ответ на что поэт, поднявшись и прощаясь с нею, с улыбкой сказал:

— Ты заплатишь за свое восхищение потерей этой дощечки, которую я забираю с собой...

— Но которую ты мне лично принесешь обратно, как только перепишешь эти стихи на папирус.

И Лукреций, обещав девушке вернуться, ушел.

Проводив поэта, Эвтибида направилась в свою спальню. Горничная Аспазия помогла своей госпоже раздеться и вышла. Но Эвтибида не могла заснуть. Она начала размышлять над тем, что сделала, над последствиями, которые вызовет ее письмо. Может быть, разъяренный Сулла скроет свой гнев до глубокой ночи, проследит за любовниками, захватит их в объятиях друг друга и убьет их.

Мысль о том, что она вскоре услышит о смерти и позоре Валерии, этой самоуверенной и надменной матроны, которая казалась ей в тысячу раз преступнее, чем она сама, — мысль о том, что она узнает о смерти этой женщины, наполнила ее грудь радостью и смягчила муки ревности.

Но Спартак! Эвтибида постепенно пришла к мысли, что Спартак был гораздо менее виновен, чем Валерия. В конце концов, ведь он был бедный руднярий, и для него жена Суллы должна была казаться богиней. Эта женщина, верно, его завлекала и очаровывала; он не сумел и не смог сопротивляться... Так именно и должно было быть. Как мог иначе какой-то гладиатор поднять дерзкий взор на жену Суллы? Смерть Спартака казалась теперь Эвтибиде несправедливой и незаслуженной. Мало-по-малу

она стала засыпать; некоторое время глубокая тишина в комнате нарушалась лишь беспокойным дыханием спящей.

Вдруг Эвтибида вскочила с ложа с ужасным стоном и прерывистым голосом закричала:

— Нет, Спартак, не я тебя убиваю!.. Это она!.. Ты не умрешь!..

Накинув широкий белый плащ, она вызвала Аспазию и приказала ей сейчас же разбудить Метробия.

Много усилий потратила Эвтибида, чтобы убедить комедянта немедленно пуститься вдогонку за Демофилом и помешать письму попасть в руки Суллы.

Метробий был утомлен прежней поездкой, разоспался от выпитого вина, согрелся под пуховыми одеялами. Понадобилась вся обольстительная ловкость Эвтибиды, чтобы он через два часа согласился ехать.

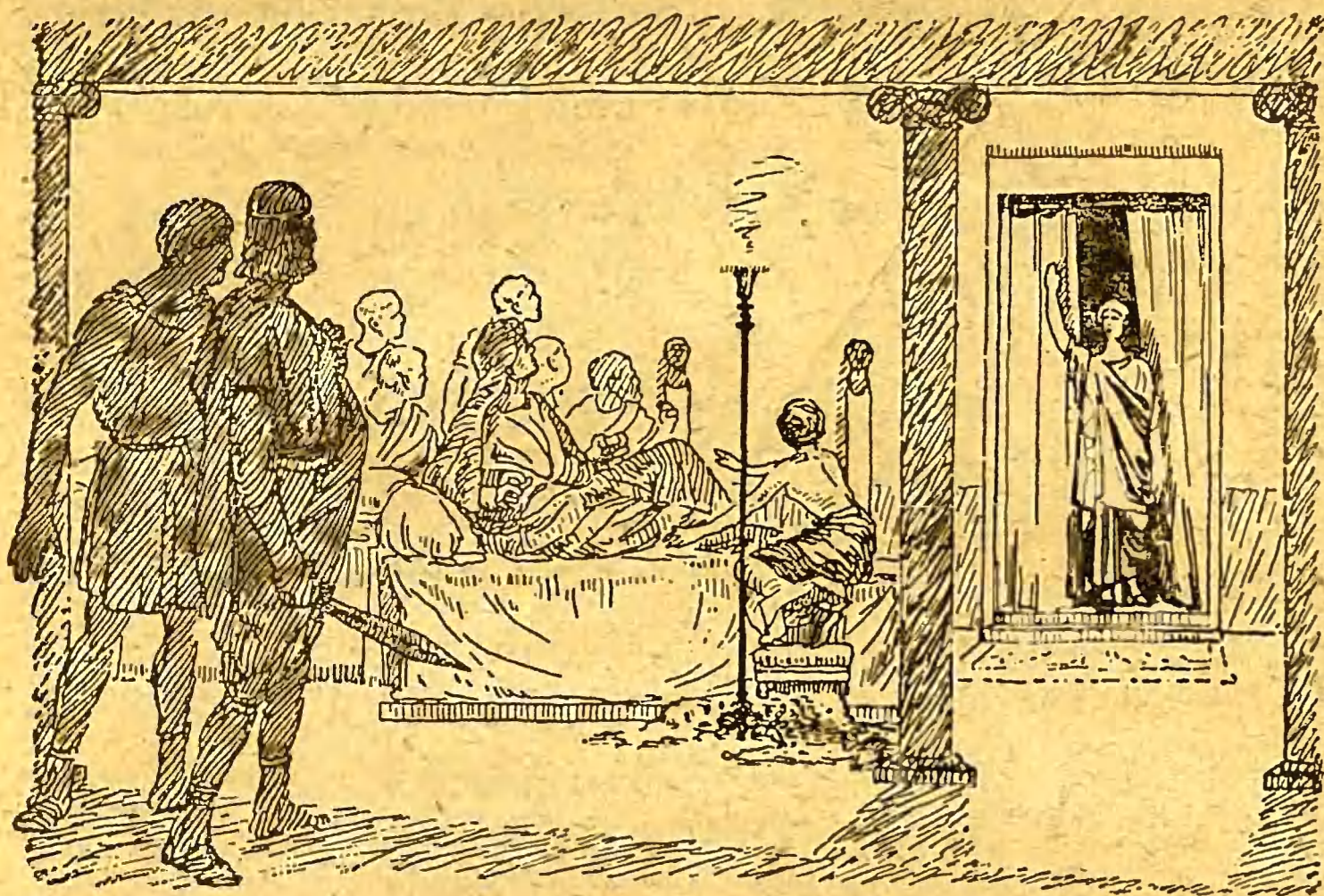
Буря перестала бушевать, небо блистало, все усыпанное звездами, и только холодный ветер мог причинить неудобство путешественнику.

— Демофил, — сказала Эвтибида, — опередил тебя на пять часов. Надо, чтобы ты летел на своем коне...

— Если бы он был Пегасом, я бы, конечно, заставил его летать... — вздохнул Метробий.

Через несколько минут послышался топот лошади, пущенной в бешеный галоп.

ГЛАВА VII

Как смерть опередила Демофила и Метробия

Глазам путника, который, выехав из Рима через Капуанские ворота и доехав до Капуи, поворачивал на дорогу к Кумам, представлялась чарующая картина. Цветущие холмы, покрытые масличными и апельсиновыми деревьями, виноградниками, фруктовыми садами, чередовались там с плодоносными нивами и зелеными лугами, на которых бродили бесчисленные стада овец и рогатого скота. Дальше тянулось побережье, на котором сменяли друг друга очаровательные города — Кумы, Байи, Неаполь, Геркуланум, Помпея, окруженные пышными храмами, великолепными виллами, уютными рощами и красивыми озерами.

Все это улыбающееся побережье Неаполитанского залива представляло собой как бы один огромный город, омываемый голубым морем. А вдали цветущим венком возникали из моря красивые островки, покрытые тер-

мами, дворцами и пышной растительностью, — Исхия, Протида, Низида и Капри. Всю эту чудесную местность освещало вечно сияющее солнце и ласкали дуновения всегда мягкого, теплого ветерка.

Недаром римляне утверждали, что именно здесь ладья Харона перевозила умерших в Елисейские поля.

Доехав до Кум, путешественник видел великолепный, богатый, многолюдный город, расположенный частью на крутой, обрывистой горе, частью на ее склоне и на равнине у моря.

Кумы были одним из наиболее посещаемых мест в сезон купания, и богатые люди, имевшие собственные виллы, охотно проводили здесь часть осени и весны.

Город был великолепно обстроен: портики, базилики, форумы, цирки, грандиозный амфитеатр (развалины которого остались и поныне) и в акрополе на горе великолепный храм Аполлона, один из самых красивых в Италии, украшали его.

Невдалеке от Кум, на холме, с которого открывался вид на побережье и залив, расположена была грандиозная дача Луция Корнелия Суллы.

Все, что тщеславный ум, оригинальный и богатый фантазией, каким был ум Суллы, мог придумать, было собрано на этой даче. Она простиралась до самого моря, где Сулла приказал сделать специальный бассейн для прирученных рыб, за которыми тщательно ухаживали.

Самый дом мог бы считаться роскошным даже в Риме.

В нем была баня, вся из мрамора, с пятьюдесятью отделениями для горячих, теплых и холодных ванн, устроенных со всем возможным тогда комфортом. Были оранжереи с цветами и птицами, обнесенные оградой рощи, в которых бродили олени, косули, лисицы и всякого рода дичь.

Прошло уже два месяца, как сюда удалился всемогущий диктатор Рима, отказавшийся от управления госу-

дарством и пожелавший вести уединенную жизнь частного человека.

Здесь он проводил дни, работая над своими сочинениями, которые он посвятил Луцию Лицинию Лукуллу, тому Лукуллу, который спустя три года был избран в консулы, победил Митридата в Армении и Месопотамии, а еще позже стал знаменитым среди римлян, не столько из-за побед, сколько из-за утопченной роскоши и великолепных пиров, память о которых дошла до нашего времени.

Ночи Сулла проводил в шумных и непристойных оргиях; восходящее солнце заставляло его еще возлежащим за столом, пьяным и сонным, среди толпы мимов, шутов и комедиантов — обычных товарищей его по кутежам.

Три дня спустя после событий, описанных в конце предыдущей главы, Сулла приказал устроить ужин в триклиннии Аполлона Дельфийского, наиболее обширном и великолепном из четырех триклинний, которые были в его огромном мраморном дворце.

Вокруг трех столов было расположено по девяти обеденных лож.

Двадцать пять приглашенных сидели вместе с Суллой за столами. Одно место оставалось свободным — место Метробия, находившегося в отсутствии.

Экс-диктатор, увенчанный розами, в белоснежной застольной одежде, возлежал на среднем ложе среднего стола, возле своего лучшего друга — актера Квинта Росция, который был даром пира. По веселому смеху Суллы, по оживленному его разговору можно было подумать, что никакая забота не отравляет его души.

Но, всматриваясь внимательнее, легко было заметить, как за четыре месяца он постарел, исхудал и стал еще страшнее. Кровоточивые нарывы, покрывшие лицо, значительно разрослись, волосы совершенно поседели, во всей его фигуре было выражение уныния, слабости и страда-

ния — результат постоянной бессонницы, на которую он был осужден мучившим его недугом.

Однако, в пронзительных голубовато-серых глазах все еще сверкала энергия, а усиленным воли он скрывал от других свои мучения, и иногда, особенно во время оргии, казалось, что он забывал о своей болезни.

— Ну, расскажи, Понциан, — обратился Сулла к патрицию из Кум, — расскажи, что сказал Граний.

— Но я не слыхал его слов, — возразил спрошенный, сильно побледнев.

— У меня тонкий слух, ты знаешь, Понциан, — сказал Сулла спокойно, но страшно нахмутив брови, — и я слышал, что ты сказал Элию Луперку.

— Однако... поверь мне... счастливый и всемогущий...

— Ты произнес следующие слова: „Граний, эдил в Кумах, отказался от уплаты штрафа, наложенного на него Суллой“, и тут ты посмотрел на меня и, заметив, что я слушаю, замолчал. Теперь я предлагаю тебе сказать мне точно, слово за словом, что он говорил.

— Но позволь мне, о Сулла... Ты величайший среди римлян...

— Мне не нужны твои похвалы! — воскликнул Сулла хриплым и грозным голосом и, поднявшись на ложе, стукнул кулаком по столу. — Подлый льстец! Похвалы я себе сам начертал своими подвигами и триумфами в консульских записях, и мне не нужно, чтобы ты их повторял, болтливый ворон. Слова Грания, вот что я хочу знать, и клянусь арфой божественного Аполлона, моего покровителя, клянусь Луцием Корнелием Суллой, что ты своим труном унавозишь близлежащие огороды.

Призывая имя Аполлона, Сулла коснулся правой рукой золотой статуэтки этого бога, которую он вывез из дельфийского храма и носил постоянно на шее на золотой цепочке.

При этой клятве все присутствующие побледнели и замолчали, растерянно поглядывая друг на друга. Прекратились музыка и танцы, и гробовая тишина сменила царивший до того шум и гам.

Несчастный Понциан, заикаясь от страха, произнес:

— Граний сказал: „Теперь я не уплачу: Сулла скоро умрет, и я буду освобожден от уплаты“.

— А... — сказал Сулла, и красное лицо его стало бледным от гнева. — А... Граний с нетерпением ожидает моей смерти... Bravo, Граний... Он предусмотрителен... Он все предвидит... Но все дело в том, не промахнется ли он в своих подсчетах?.. Кризогон!

Кризогон, его отпущенник и наперсник, подошел к экс-диктатору, и тот тихо, спокойным голосом отдал ему приказание, на которое Кризогон ответил наклоном головы и направился к двери, а Сулла вслед ему закричал:

— Завтра!

Затем, повернувшись веселым лицом к гостям, воскликнул, поднимая чашу с фалернским вином:

— Клянусь всеми богами Олимпа, трусливые овцы, не думаете ли вы, что присутствуете на моем поминальном пиру?

— Пусть боги избавят тебя от мысли об этом!

— Пусть Юпитер тебе пошлет благополучие, и пусть Аполлон тебя защитит!

— Долгие лета могущественному Сулле! — закричали хором гости, поднимая чаши с пенящимся фалернским.

— Выпьем за здоровье и славу Луция Корнелия Суллы Счастливого! — воскликнул ясным и звучным голосом Квинт Росций.

И все присоединились к этому тосту, а Сулла, ставший снова веселым, обнимая и целуя Росция, закричал цитристам и мимам:

— Эй, пачкуны, что вы там делаете? Вы хороши

только на то, чтобы пить мое фалернское... Проклятые негодяи, пусть вас сейчас охватит вечный сон смерти!

Музыканты сразу заиграли, а мимы и танцовщицы пустились в пляску.

На средний стол был подан орел, сделанный так искусно, что птица казалась живой. В клюве орел держал лавровый венок с пурпурной лентой, на которой золотыми буквами были написаны слова: „Sullae Felici Epafrodito“, что означало: „Сулле Счастливному, любимцу Венеры“. „Эпафродит“ было одним из наиболее приятных для уха Суллы названий.

Под рукоплескания гостей Росций вынул венок из клюва орла и подал его красивой отпущеннице, сидевшей рядом с Суллой.

Та положила поверх венка из роз, уже украшавшего голову Суллы, лавровый венок и нежным голосом произнесла:

— Тебе, любимцу богов, непобедимому императору, эти лавры присудило восхищение всего мира.

Сулла дважды поцеловал в лицо девушку. Присутствующие зааплодировали.

Сулла между тем вскрыл ножом шею и живот орла; оттуда выпало множество яиц, которые были розданы пирующим, и каждый нашел внутри яйца зажаренного бекаса, приправленного желтым проперченным соусом. Двенадцать красивых рабынь подливали в чаши драгоценное фалернское. Потом подали огромный пирог, верхняя корка которого из теста и меда изображала круглую колоннаду. Едва корка была надрезана, из пирога вылетело столько же воробьев, сколько было пирующих. Каждый воробей имел на горле ленточку, к которой был привязан подарок с именем каждого гостя.

Аплодисменты и смех встретили этот сюрприз, приготовленный искуснейшим поваром Суллы. Шум, крики

и гам, производимые погоней за птичками, продолжались долгое время. Наконец, Сулла воскликнул:

— Эй! Сегодня я в веселом настроении и хочу угостить себя и вас зрелищем, которое не часто дается на пирушках... Слушайте, мои любимые друзья!.. Хотите в этом зале увидеть бой гладиаторов?

— Гладиаторов!.. Гладиаторов!.. Да здравствует Сулла!.. Щедрейший Сулла!..

Вскоре, введенные Кризогоном, в зале появились десять гладиаторов, пятеро из которых были в одежде фраккийцев, а другие пять — в одежде самнитов.

— А Спартак? — спросил Сулла Кризогона.

— Его не нашли в школе. Вероятно, он у своей сестры.

В это время в триклиний вошел запыхавшийся Спартак. Он приложил руку ко рту, приветствуя Суллу и его гостей.

— Я хочу оценить, Спартак, — сказал Сулла рудиярию, — твое искусство в обучении фехтованию. Сейчас мы увидим, чему научились и что знают твои ученики.

— Только два месяца, как они упражняются в фехтовании, и ты найдешь очень слабым опыт, который они могли вынести из моего обучения.

— Увидим, увидим, — сказал Сулла. Затем, обращаясь к гостям, он добавил: — Я не ввожу новинки в наши обычаи, устраивая для вас бой гладиаторов во время пирушки, я только возобновляю обычай, бывший в силе два века тому назад у жителей Кампании, ваших славных предков, о сыны Кум, первых обитателей этой провинции.

Спартак стоял, едва сдерживая негодование. Но, когда среди обреченных на бойню он заметил Арторикса, горестный гнев охватил его.

Арторикс, молодой галл с прекрасным лицом, был благороднейшим юпошей, сильнее всех преданным Спартаку. Спартак любил его, как брата.

Устанавливая бойцов, он тихо сказал молодому галлу:
— А почему пришел ты?

— Уж давно, — ответил Арторикс, — мы сыграли между собой в кости на право идти последним навстречу смерти, и я оказался в числе тех, которые проиграли. Сама судьба хочет, чтобы я был среди первых десяти.

Рудиарий ничего не возразил. Но, когда подготовка к бою была закончена, он, обращаясь к Сулле, сказал:

— Позволь мне, о великодушный Сулла, послать в школу за другим гладиатором, чтобы поставить его на место этого, — и он показал на Арторикса.

— А почему этот не может сражаться? — спросил экс-диктатор.

— Потому что он значительно искуснее остальных, и сторона фракийцев, на которой он должен сражаться, была бы неизмеримо сильнее другой...

— И поэтому ты хочешь заставить нас ожидать? Пусть сражается и этот храбрец: мы не хотим ждать, и тем хуже для самнитов!

И среди охватившего всех нетерпения Сулла сам подал сигнал к битве.

Через двадцать минут один фракиец и два самнита были убиты, два других несчастных лежали на полу раненные, умоляя Суллу о жизни, которая и была им дарована.

Единственный оставшийся на ногах самнит отчаянно защищался против четырех фракийцев, но был насквозь пронзен Арториксом, который из сострадания к нему — он был его друг — с глазами, полными слез, убил его, чтобы избавить от мучительной агонии.

Триклиний задрожал от аплодисментов.

Их прервал Сулла, воскликнувший хриплым голосом:

— Ну-ка, Спартак, возьми щит и меч мертвого фракийца и докажи свою силу, сражаясь один против четырех!

Шумный восторг встретил предложение Суллы. Рудий, ошеломленный этим приказом, повернулся к Сулле.

— Но, великий и счастливый диктатор... я позволю себе обратить твоё внимание на то, что я не гладиатор: я — рудий и свободен, а у тебя исполняю только обязанности ланисты.

— Ха!.. Ха-ха!.. — разразился пьяным и язвительным смехом Сулла. — И ты тот храбрейший Спартак? Ты боишься смерти? Боишься?.. Презренное отродье!.. Но, клянусь палицей Геркулеса, ты будешь сражаться! Кто тебе подарил жизнь и свободу, трусливый варвар? Разве не Сулла?.. И Сулла тебе приказывает сражаться... И ты будешь сражаться... клянусь всеми богами Олимпа... ты будешь сражаться!

Спартак протянул руку, чтобы схватить меч и с яростью тигра броситься на Суллу, но удержался. Машинально, почти не понимая, что он делает, он поднял щит, взял меч и громко дрожащим от гнева голосом сказал:

— Я не трус и не варвар. Я буду сражаться, чтобы доставить тебе удовольствие, о Луций Сулла. Но, клянусь всеми твоими богами, что если, к несчастью, мне придется рапнуть Арторикса...

Пронзительный женский крик внезапно прервал безумную речь гладиатора.

В глубине залы, у стены, к которой Сулла сидел спиной, на пороге двери, белая, как мел, стояла Валерия.

Когда раб пришел за Спартаком от имени Суллы, фракнец был у нее. Этот вызов и в такой час удивил и смутил рудия и сильно испугал Валерию. Откинув в сторону правила приличия и осторожности, она отправилась в триклиний, имея, вероятно, намерение явиться веселой и принять участие в пире. Однако, сражение гладиаторов, которое она впервые видела так близко, слишком взволновало ее. Она стояла, притаившись за портьерой, сдержи-

вая отвращение и негодование. Когда Спартак схватил оружие и, почти не владея собой, обратился к Сулле, Валерия поняла, что дальше медлить нельзя: первое резкое слово рудиярия могло погубить его. И она закричала, привлекая к себе внимание гостей и Суллы.

— Валерия! — воскликнул изумленный Сулла, с трудом приподнимаясь с ложа, к которому приковало его фалериское. — Валерия, ты здесь... и в этот час?

Все встали или пытались встать и более или менее почтительно, но молча приветствовали матрону.

— Привет всем, и пусть боги покровительствуют непобедимому Сулле и его друзьям! — сказала, приходя в себя, Валерия.

Ее появление показалось Спартаку сверхъестественным вмешательством богов.

Пока Сулла с большим трудом старался придать своему телу вертикальное положение, Валерия совершенно овладела собой и продолжала, улыбаясь:

— Ты столько раз меня приглашал, о Сулла, на пиршку, что сегодня вечером я, услышав веселый шум из этой залы, решила надеть застольное платье и зайти сюда выпить из чаши дружбы и затем уговорить тебя уйти в свои комнаты ради твоего здоровья не позже часа первой зари. Но, придя сюда, я увидела здесь сверканье мечей и лежащие на полу трупы. Что же это, наконец? — Тут голос матроны зазвучал негодованием. — Вам недостаточно бесчисленных жертв в цирках, и вы с диким наслаждением воскрешаете запрещенные варварские обычаи? Во время веселья вы хотите упиваться предсмертными муками, повторять тубами, сведенными от вина, судороги губ, сведенных жаром агонии и отчаянием?

Все молчали с опущенными головами, и сам Сулла, который сперва пытался связать несколько слов, замолк, как человек, уличенный в преступлении.

Только гладиаторы, и в особенности Спартак и Арторикс, смотрели на Валерию глазами, полными любви и благодарности.

— Ну, — сказала она, обращаясь к рабам, — уберите немедленно эти трупы, вымойте пол и обрызгайте его благовониями да налейте в мурринскую чашу Суллы фалернского и пустите ее в круговую гостям в знак дружбы.

В то время как рабы спешно выполняли приказание, гладиаторы удалились.

И в наступившей тишине чаша дружбы, в которую лишь очень немногие гости кидали лепестки роз из своих венков, сделала круг среди пирующих; а затем, молча и пошатываясь, один за другим все вышли из триклиния; одни направились в комнаты для гостей, а другие — в Кумы.

Сулла, опьянев, снова свалился на ложе и молча лежал, пока Валерия, встряхнув его, не сказала:

— Теперь уже час петухов; решишься ли ты, наконец, удалиться в спальню?

При этих словах Сулла медленным и тяжелым движением поднял свое лицо к жене и забормотал:

— И ты... кончила тем... что устроила разгром... триклиния... чтобы отнять у меня мои... развлечения. О, клянусь Юпитером... это шелепо... это — умаление всемогущества... Суллы Счастливого... апафродита... диктатора... Клянусь всевышними богами... я властвую в Риме... и над всем миром... и не желаю, чтобы надо мной были хозяева, не желаю... Метробий... где ты, мой дорогой Метрสบий?.. Приди ко мне на помощь... я хочу выгнать вон... я хочу отказаться от этой... и пусть она заберет с собой ребенка, которым она беременна... которого я не желаю признать своим...

Презрение сверкнуло в черных глазах Валерии. Она сделала угрожающий жест и с отвращением приказала:

— Эй, Кризогон, позови рабов и вели перенести в спальню твоего господина; он пьян и обожрался, как грязный могильщик.

Кризогон и двое рабов потащили Суллу в его спальню, а Валерия вернулась к себе.

Сулла, уложенный в постель, проспал весь остаток ночи и большую часть следующего утра.

В последние дни он страдал больше, чем прежде, от своей накожной болезни, которая вызывала у него нестерпимый зуд. Едва проснувшись на следующий день, он сейчас же встал с постели, накинул поверх рубашки широкую тогу и, опираясь на Кризогона, отправился через атриум в баню. Миновав залу ожидания, он вошел в раздевальню, изящную комнату с мраморными стенами и мозаичным полом. Из этого зала три двери вели: одна — в помещение с холодным душем, другая — в залу с бассейном теплой воды, и третья — в горячую баню.

Сулла сел на мраморную скамью, покрытую подушками и пурпурной тканью, и при помощи рабов разделся, потом вошел в помещение горячей бани. Эта комната была тоже из мрамора, с отверстиями на полу, из которых выходил раскаленный воздух, поднимавший ее температуру.

Там находился полукруглый мраморный альков с мраморной скамьей и небольшой бассейн с горячей водой.

Сулла вошел в альков и стал поднимать железные гири разного размера, начав с самых маленьких и переходя постепенно к более тяжелым. Размяв свои члены и вызвав испарину, он погрузился по шею в бассейн. Раб взял бронзовую скребницу и стал тереть ему зудевшую кожу.

— Посмотри-ка, что там за шум в раздевальной, — обратился Сулла к Кризогону.

Отпущенник вышел.

Между тем Сулла, лицо которого, может быть из-за вчерашнего кутежа, казалось более постаревшим и мертвен-

ным, чем в предыдущие дни, стонал от жестоких болей и жаловался на необычную тяжесть в груди. Потом он стих, опустил голову на край бассейна и, казалось, заснул.

Через несколько минут вернулся Кризогон, и Сулла, вздрогнув, поднял голову.

— Что с тобой? — спросил отпущенник, подбежав с тревогой к бассейну.

— Ничего... какая-то сонливость... знаешь, я видел сон.

— И что же тебе приснилось?

— Я видел мою любимую жену, Цецилию Метеллу, умершую в прошлом году, и она звала меня с собой.

— Не обращай внимания, Сулла, на эти суеверия....

— Суеверие? Зачем так думать о снах, Кризогон? Я всегда относился с очень большим доверием к снам и поступал всегда так, как мне через них приказывали божества. Зато в каждом походе успех сопровождал меня.

— В твоих походах ты обязан победой своему уму и доблести, а не внушениям снов.

— Больше, чем ум и храбрость, Кризогон, имела значение благосклонная судьба, поэтому именно ей я только и доверялся. Поверь мне, самыми успешными были те мои походы, которые я проводил стремительно и без размышления.

Воспоминания о славных походах, казалось, успокоили Суллу, и Кризогон решил доложить ему, что прибыл Граний, которого диктатор вчера на пиру приказал вызвать из Кум, и ждет его приказаний.

Едва Сулла услышал имя Грания, как лицо его передернулось от гнева. Весь загоревшись, он закричал хриплым, яростным голосом:

— Введи его... сейчас же... сюда... ко мне... этого наглеца... который осмелился, один во всем мире, издеваться над моими решениями и желает моей смерти.

И худыми, костлявыми руками он судорожно сжимал края бассейна.

Кризогон вышел и тотчас же вернулся с эдилом Гранием.

Это был человек лет сорока, богатырского сложения, и на его лице, заурядном и грубом, отражались хитрость и злоба. Но, входя в ванную комнату к Сулле, он был бледен и плохо скрывал страх. Рассыпаясь в поклонах и целуя руки, он обратился к Сулле дрожащим голосом:

— Да покровительствуют надолго боги великодушному Сулле Счастливому!

— Ты не так говорил третьего дня, подлый негодяй, когда, смеясь над моим приговором, которым ты справедливо был присужден к уплате штрафа в государственную казну, кричал, что не хочешь платить, так как через день-другой я умру, и с тебя сложат штраф.

— Нет, никогда! Не верь этой клевете... — бормотал Граний.

— Трус, теперь ты дрожишь!.. Ты должен был дрожать тогда, когда ты оскорбил самого могущественного и счастливого из людей... Трус!..

И с этими словами Сулла ударил по лицу несчастного, который упал у бассейна.

— Жалости! Прошу тебя о жалости!

Но Сулла в бешенстве кричал рабам:

— Эй, вы, лентяи!.. хватайте его, бейте до смерти, здесь, при мне... душийте его... убейте!..

И, так как рабы не решались, он снова закричал:

— Задушите его, или я прикажу всех вас распять, клянусь факелами и змеями эриний!

Рабы бросились на несчастного эдила, повалили его на пол и стали бить его и топтать, а Сулла, подобно дикому зверю, который чует смерть, все кричал:

— Ну же, сильнее!.. бейте... топчите... душийте этого

труса... душийте его, душийте... ради всех богов ада душийте его!..

И в тот момент, когда Граний, наконец, испускал дух, Сулла, истощенный усилиями, криками и приступом бешеной злобы, упал навзничь в бассейн и прохрипел голосом, таким слабым, какого никогда у него не слышали:

— На помощь... умираю...

Подбежал к нему Кризогон, подбежали другие рабы и подняли его, прислонив к стене бассейна.

Лицо бывшего диктатора помертвело. Глаза закрылись, стиснутые зубы скрипели, губы искривились в судороге, он весь дрожал.

В то время как Кризогон и остальные рабы старались привести его в чувство, внезапные приступы кашля потрясли его тело, и немного спустя, извергая огромное количество крови, с придушенными стонами и не открывая глаз, он умер.

Так закончил жизнь в шестьдесят лет этот человек, столь же великий, сколь и коварный. Он совершил великие дела, но навлек на свое отечество еще большие несчастья и, прославленный как великий вождь, он оставил в истории по себе память, как о худшем гражданине. Трудно решить, чего в нем было больше: мужества и энергии или коварства и лицемерия.

Потому-то консул Кней Патрий Карбон, из партии Марция, сражавшийся долгое время против Суллы, имел обыкновение говорить, что, когда он боролся против льва и лисицы, живших в душе Суллы, лисица доставляла ему большие затруднения.

Он умер, насладившись всем, что только может быть доступно человеку, и поэтому слыл счастливейшим, если счастьем считать достижение желаемого.

Едва Сулла испустил дух, как в ванную комнату вошел раб Эвтибиды. Он долго стоял, пораженный случившимся,

затем, приблизившись к Кризогону, передал ему письмо, говоря:

— Красавица Эвтибида, моя госпожа, поручила мне передать письмо в руки Суллы, но так как боги пожелали наказать меня, заставив увидеть мертвым величайшего из людей, я передаю тебе это письмо, адресованное ему.

Кризогон, бывший вне себя от горя, машинально взял письмо и положил его между туникой и рубашкой, продолжая хлопотать около тела своего господина.

Между тем в доме распространилась весть о смерти Суллы. Начался переполох. Все рабы сбежались в ванную, и в то время как они громко рыдали, явился, тяжело дыша, комедиант Метробий, только что прискакавший из Рима.

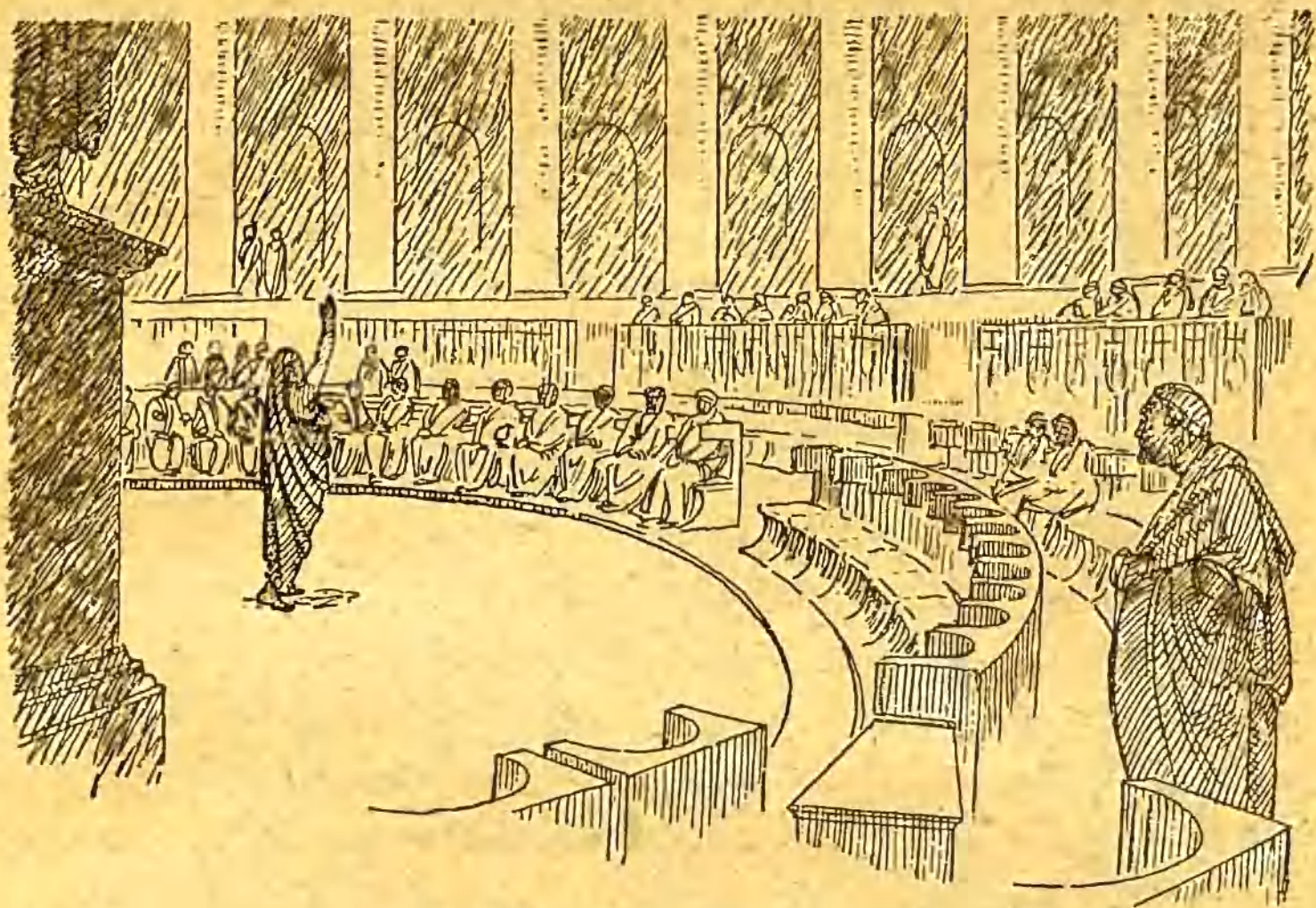
Он вбежал в растерзанной одежде и обливаясь слезами:

— Нет... этого не может быть... нет... нет... это неправда!

И, увидев труп Суллы, разразился рыданиями и, опустившись на пол близ бездыханного тела, стал покрывать поцелуями его лицо, восклицая:

— В мое отсутствие ты умер, несравненный друг!.. любимейший друг!.. Мне не пришлось услышать твоих последних слов... не пришлось принять последнего поцелуя... о Сулла, мой любимейший, о мой дорогой Сулла!..

ГЛАВА VIII

Последствия смерти Суллы

Слух о смерти Суллы распространился по Италии с быстротой молнии, и поднялось сильнейшее волнение, особенно в Риме.

Сперва было общее изумление, затем стали возникать толки, расспросы и расследования: всем хотелось знать, почему, как и когда произошла эта неожиданная смерть.

Партия олигархов, патриции и богачи оплакивали смерть великого человека как народное бедствие, незаменимую утрату и требовали для умершего героя, как для спасителя республики и полубога, императорских похорон, почестей, статуй и храмов.

К ним в Риме присоединились с излияниями печали десять тысяч рабов, получивших от Суллы свободу. После победы его партии в честь его имени они составили отдельную трибу десяти тысяч Корнелиев, и Сулла роздал им часть имущества попавших в проскрипционные списки.

Эти десять тысяч человек были всем обязаны Сулле и боялись, чтобы с его смертью у них не было отнято все то, чем он их так щедро одарил.

Кроме них, в Италии были еще сто двадцать тысяч бывших легионеров Суллы, которые в его лице обожали своего великого вождя и благодетеля.

С другой стороны, сотни тысяч высланных, сотни тысяч жертв ярости Суллы, все многочисленные приверженцы Мария открыто проклинали убийцу их родных и друзей, разрушившего их благосостояние, желали новых перемен, волновались, надеялись и призывали к мщению.

К ним присоединился и плебс, у которого Сулла отнял многие его права и привилегии.

На форуме, в базиликах, под портиками, в храмах, на улицах, в лавках, на рынках — всюду толпились люди всякого возраста и положения, узнавали и передавали новости; одни громко оплакивали несчастье, другие еще громче благословляли богов, освободивших, наконец, республику от тирана.

Затевались ссоры, раздавались взаимные угрозы, вспышки затаенных обид, скрытой ненависти, гнева; смешение страстей, желаний, страха и надежд.

Многие сенаторы, граждане и отпущенники из трибы Корнелиев отрастили себе бороду в знак траура, оделись в темные тоги и ходили по городу со скорбным видом; многие женщины бегали с распущенными волосами из храма в храм, призывая покровительство богов, как будто бы Рим из-за смерти Суллы подвергся высшей опасности.

Другие юсыпали их упреками и насмешками, дерзко и весело прохаживались по форуму и улицам, радуясь смерти Суллы.

В центральных местах города, где на преторских досках вывешивались законы, можно было прочесть спустя три дня после смерти Суллы следующую эпитаграмму:

Хозяином Рима, диктатор счастливый,
Сулла назвал себя горделиво;
Но за такое дурное желание
Боги послали ему наказание:
Безумца, который надежду питал
Рим пред собою склонить в унижении,
Для мук, каких никто не знавал,
Боги отдали вшам на съедение.

В других местах появились надписи: „Долой законы о расходах на пиршества!“, это были законы, в которых особенно проявился ненавистный деспотизм Суллы; или: „Требуем неприкосновенности трибунов!“, которая Суллой была произвольно уничтожена, или еще: „Слава Каю Марию!“

Консул Марк Эмилий Лепид, который еще при жизни Суллы не скрывал своего враждебного отношения к нему, теперь говорил и действовал решительно, в уверенности, что за ним партия Мария и народ.

Лутаций Катулл, другой консул, давал понять, что он будет твердо стоять на стороне сената и закона.

В эту смуту впутался и Катилина. Он и его друзья вели агитацию среди недовольных, возбуждая в них ненависть к олигархии.

Сенат собрался в юрии Остийской для обсуждения вопроса, как почтить умершего триумфатора, победителя Митридата.

Председателем собрания был Публий Сервилий Ватий Изаурик, бывший консул и человек выдающийся по своей доблести и мудрости. Открыв заседание, он предоставил слово Лутацию Катуллу. Последний напомнил в скромной и сдержанной речи о славных деяниях, совершенных Суллой, и о Югурте, взятом в плен в Африке, и об Архелее, разбитом при Херонее, и о Митридате, побежденном и прогнанном в глубь Азии, и о ликвидации губительного пожара гражданской войны; отметил его смелость и храб-

прость и обратился к сенаторам с просьбой, чтобы такому человеку были оказаны погребальные почести, достойные его и римского народа, полководцем и вождем которого он был.

В заключение он предложил, чтобы останки Суллы с торжественной пышностью были перевезены из Кум в Рим и похоронены на Марсовом поле.

Краткая речь Катулла вызвала шумное одобрение почти на всех скамьях, занятых сенаторами, и сильный ропот осуждения на галлерее, где теснилась публика.

Когда шум утих, встал Лепид и произнес следующее:

— Мне жаль, до огорчения жаль, о отцы-сенаторы, что я должен сегодня разойтись в мнении с моим знаменитым коллегой Катуллом, в котором я первый признаю и ценю доблесть и благородство души; но мне кажется, что как раз под влиянием благородного своего сердца, а не в интересах государства и не ради чести нашего отечества, он внес предложение, не только неуместное, но вредное и несправедливое. Он из-за доброты своего сердца привел все доводы в пользу умершего Луция Корнелия Суллы, которые могут побудить это высокое собрание оказать его трупу императорские почести и устроить царские похороны на Марсовом поле. Но если, под влиянием чрезмерной своей доброты, мой коллега вспомнил о заслугах и благородных делах покойного, он позабыл или, лучше сказать, ему нужно было забыть о тех бедствиях, которые Сулла причинил своему отечеству; скажем открыто, без боязливой притворства и без стеснения, о пороках, которыми он запятнал свое имя и одного из которых было бы достаточно, чтобы омрачить и даже совершенно уничтожить память о его подвигах и победах.

На этот раз сильный ропот поднялся среди сенаторов, и громкие рукоплескания раздались на галлее.

Ватий Изаурик дал знак трубачам, и они звуком труб призывали народ к тишине.

— Да, заявим откровенно, — продолжал свою речь Умилий Лепид, — имя Суллы зловеще для Рима. Оно напоминает только попранные законы отечества, разрушенный авторитет трибунов, затоптанное в грязь достоинство консулов, деспотизм, введенный в правило, убийства по произволу тысяч и тысяч невинных граждан, позорные проскрипции, грабежи и хищения по его приказу, его именем, совершенные во вред отечеству, для уничтожения республики.

И вот такому человеку, при имени которого не пайдется ни одного честного гражданина, который не вспомнил бы о каком-либо несчастье, такому человеку, который всякий свой каприз и всякую свою страсть делал законом, — вот такому человеку мы хотим сегодня воздать торжественные почести и устроить царские похороны и общенародный траур.

Как же это? Мы похороним Луция Суллу, разрушителя республики, на Марсовом поле, где подымается почитаемая могила Публия Валерия Публиколы, бывшего одним из основателей этой республики. Именно там, на этом поле, где, по специальным постановлениям сената, были погребены смертные останки наиболее знаменитых и доблестных граждан прошлого времени, допустим ли мы, чтобы лежал труп того, кто наиболее благородных и выдающихся граждан нашего времени отправил в ссылку или убил? Предоставим ли мы пороку то, что наши отцы в прошлом времени установили как награду за добродетель? И почему мы совершим это дело, столь низкое, столь противное нашему достоинству, нашей совести?

Может быть, из страха перед двадцатью семью легионами, сражавшимися за него и расквартированными ныне в наиболее красивых местностях Италии, где он большо

всего свирепствовал и где сильнее всего проявлялась его жестокость? Или же мы поступим так из боязни перед десятью тысячами самых подлых рабов, которых он по своему произволу, по деспотическому капризу, наперекор нашим обычаям и законам, сделал свободными и возвел в самое почетное и уважаемое звание — звание римского гражданина?

Я допускаю, что под влиянием упадка духа и под действием страха, распространяемого им повсюду, благодаря его роковому всемогуществу при его жизни никто не осмеливался призвать народ и сенат к охране законов нашей родины; но ради всех богов, покровителей Рима, я вас спрашиваю, отцы-сенаторы, что теперь вас принуждает признавать справедливым того, кто был несправедливым, чувствовать как человека великой души того, кто был порочным и самым вредным гражданином, и постановить о воздании почестей, оказываемых только великим и добродетельным мужам, худшему и наиболее гнусному из сыновей Рима?

О дайте мне, дайте возможность, отцы-сенаторы, не отчаиваться совершенно о судьбах нашего отечества, позвольте мне питать надежду, что мужество, добродетель, чувство собственного достоинства и совесть присущи еще этому высокому собранию, что не низкий страх, но глубокое чувство собственного величия преобладает еще в римских сенаторах! Отклоните, как факел новых гражданских смут, как недостойный и бесчестный декрет, внесенное предложение о погребении на Марсовом поле и с почестями, предоставляемыми великому гражданину и знаменитому императору, тела Луция Корнелия Суллы.

Шумными рукоплесканиями приняты были слова Марка Эмилия Лепида, и рукоплескал не только народ, собравшийся на галлереи, но также и многие сенаторы при этой мужественной и полной глубокого чувства речи консула.

Тогда поднялся Кней Помпей Великий, один из наиболее молодых и наиболее любимых сенаторов и государственных деятелей в Риме; он в своей речи, правда негладкой и неизящной, так как он не был красноречив, но в прочувствованных, идущих из сердца словах, воздал посмертную хвалу Луцию Сулле. Он не превозносил его блестящих подвигов и благородных дел и не защищал его достойных порицания действий и позорных фактов, приписывая их не человеку, но ненормальным условиям пришедшей в расстройство республики, властной необходимости, диктуемой страшными моментами, когда Сулла находился во главе всего государства.

Большое впечатление произвела на всех, и в особенности на сенаторов, откровенная, простая и одушевленная речь Помпея.

Предложение Катутла было поставлено на голосование, и в его пользу высказались четыре пятых присутствующих сенаторов.

Требующееся по закону тайное голосование дало следующие результаты: триста двадцать семь голосов за предложение Катутла и девяносто три против.

Победа оказалась на стороне партии Суллы, и собрание было закрыто при сильнейшем возбуждении, которое, распространяясь из юрии Остийской на соседние площади и улицы, вызвало бурные манифестации.

Тысячи и тысячи голосов приветствовали консула Лепида, а другие, преимущественно из трибы Корнелиев, в отместку аплодировали Помпею Великому. Взаимные угрозы, брань и оскорбления кончились бы, несомненно, кровопролитием, если бы Помпей, с одной стороны, и Лепид — с другой, проходя через толпу под руку, не призывали бы оба громкими голосами каждый своих сторонников к спокойствию, к порядку, к тишине, предлагая всем разойтись по домам.

Повсюду: в трактирах, харчевнях, в столовых, на людных перекрестках города, на форуме, в базиликах и под портиками происходили ожесточенные ссоры и кровопролитные столкновения, так что этой ночью пришлось оплакивать многих убитых и еще больше раненых и были попытки поджечь дома наиболее известных приверженцев Суллы.

В то время как в Риме разыгрывались эти события, другие, весьма важные для течения нашего рассказа, произошли в Кумах.

В день смерти Суллы, через несколько часов после этого события, на виллу умершего диктатора прибыл со стороны Капуи человек, по одежде и по виду гладиатор, и, как только вошел, спросил, может ли он видеть Спартака.

Это был человек лет сорока, колоссального роста и геркулесовского сложения. Смуглое, грубое его лицо было сплошь изрыто оспой. В черных, маленьких, полных огня и смелости глазах было что-то свирепое, почти звериное. Густая грива волос и взъерошенная борода еще более усиливали это впечатление дикости.

Но, несмотря на непривлекательную внешность, этот человек как-то располагал к себе. Лицо его дышало откровенностью, грубой честностью, дикой, но благородной гордостью.

В ожидании Спартака этот огромный человек стал прогуливаться по аллее, ведущей к зданию школы. Спартак, завидя гостя, бросился к нему. Оба гладиатора несколько раз поцеловались. Спартак спросил:

— Ну, что нового, Окномло?

— Новости старые, — ответил гладиатор звучным, глубоким и приятным голосом. — Я говорю, что тот отчаянный лентяй, кто не бодрствует, кто не готовится, кто ничего не делает. Я говорю, Спартак, мой любимый, что, по-

моему, пришло время взять в руки мечи и поднять знамя восстания.

— Тише, Окномао. Клянусь богами, покровителями Германии, ты хочешь провалить наше дело.

— Напротив, я хочу видеть его увенчанным самыми успешными результатами...

— А раз так, то имей в виду, что не криками, горячий ты человек, но благоразумием и осторожностью мы добьемся успеха.

— Добьемся успеха? Но когда же? Вот именно это я и хотел узнать.

— Когда заговор созреет...

— Конечно, со временем все образуется! Но такие плоды, как наше восстание, знаешь, как они созревают? Здесь нужны смелость, мужество, дерзость... Начнем немедленно, а раз мы выйдем на улицу, то увидишь, что дело пойдет само собой.

— Имей терпение, горячий ты человек! Сколько примкнуло к нашему союзу за три месяца в школе Лентула Батната, к которой ты принадлежишь?

— Сто тридцать.

— Сто тридцать из десяти тысяч гладиаторов!.. И тебе кажется, что плоды наших трудов созрели?

— Раз начнется восстание, то подымутся и остальные.

— Но как они примкнут к нам, раз они не знают, в чем дело, кто мы, к какой цели стремимся, какими средствами располагаем для успешного завершения нашего плана? Тем вероятнее будет наша победа, чем глубже будет доверие, которое мы внушим нашим товарищам. Например, ты, Окномао, сильнейший среди десяти тысяч гладиаторов школы Лентула Батната, что ты сумел сделать до сего дня? Как ты использовал свое влияние, завоеванное по праву силой и мужеством? Сколько людей ты собрал и привлек в наш боевой союз?

Сколько таких, которые знают сущность задуманного нами дела? Много ли таких в школе Лентула, которые знают меня или по крайней мере Крисса?

— Но именно потому, что я не такой образованный, как ты, потому что я не умею говорить красиво и убедительно, я и добивался от нашего ланисты Батиата, чтобы он тебя пригласил в качестве учителя фехтования. И вот...

И с этими словами Окномао вынул из-за пояса небольшой лист папируса, свернутый в форму письма, и отдал его Спартаку.

Спартак с загоревшимися глазами дрожащей рукой сорвал печать и прочел письмо.

Батиат писал, что, наслышавшись об искусстве Спартака, он приглашает его к себе в Капуу в качестве учителя фехтования и обещает ему роскошный стол и большое жалованье.

— И почему, — заговорил Спартак, пряча письмо за пазуху, — почему ты, неистовый Окномао, не передал мне сразу этого письма, вместо того чтобы расссышаться в пустых разговорах? Там, в Капуе, среди десяти тысяч товарищей, мое место. Там я постепенно поговорю со всеми и внушу им веру в наше дело, согревающую мне грудь. Оттуда в определенный день по условному сигналу выйдет войско в десять тысяч рабов, разбивших свои цепи и кинувших кольца этих цепей в лицо угнетателям, десять тысяч рабов, которые из железа своих позорных цепей выкудут лезвия непобедимых мечей... Ах, наконец, я заберусь в гнездо, где смогу отточить зубы змеенышам, которые будут жалить крылья гордых римских орлов!

Окномао с восторгом слушал эту возбужденную речь.

— Я счастлив твоей радостью, и еще больше будут довольны сто тридцать вошедших в союз, которые с нетерпением тебя ждут...

И он посмотрел на Спартака с нежностью и любовью, что вдруг воскликнул:

— Знаешь, Спартак, с тех пор, как я тебя увидел в первый раз, более месяца тому назад, ты стал любезнее и красивее... Извини меня, можно было бы даже сказать: изнеженным, но это слово к тебе не подходит...

Тут Окномао замолчал, так как Спартак, внезапно побледнев, прошептал так тихо, что великан не разобрал слов:

— Ах!.. Клянусь богами!.. А она, как...

И несчастный рудиарий, вознесенный любовью к свободе, братской привязанностью к угнетенным, мечтой и надеждой на победу до высшего энтузиазма, стоял теперь молча, подавленный тяжестью неожиданного напоминания.

Наконец, германец сказал голосом, который он всячески старался сделать мягким и сердечным:

— Итак, ты нас покинешь, Спартак?

— О, никогда! Никогда!.. — воскликнул фракиец. — Я скорее оставлю мою сестру, оставлю скорее... — Он на миг остановился, а затем продолжал: — Я оставлю все... но не дело угнетенных рабов...

И после новой короткой паузы добавил:

— Не надо мешкать, Окномао, иди за мной. Хотя сегодня день глубокого траура в этом доме, в кухне Суллы мы найдем, чем подкрепить тебя. Но ни одного слова о нашем союзе, ни одной вспышки гнева, ни одного проклятия!

И Спартак повел гладиатора к дому.

Через двенадцать дней после опубликования сенатского постановления об оказании за счет государства торжественных царских почестей телу Луция Корнелия Суллы похоронное шествие двинулось из виллы диктатора по направлению к Риму.

Когда погребальная колесница тронулась в путь, за ней следовали, кроме консула Лутация Катулла, двухсот сенаторов и такого же количества римских всадников, все патриции из Кум, Капуи, Байи, Геркуланума, Неаполя, Помпеи и остальных городов и деревень Кампании, представители всех муниципий и городов Италии, двадцать четыре ликтора, консульские знамена, орлы всех легионов, сражавшихся за Суллу, и, кроме того, до пятидесяти тысяч легионеров, по своей инициативе прибывших с оружием, чтобы отдать последние почести своему непобедимому вождю, тысячи Корнелиев, пришедших нарочно в грязной одежде из Рима, многочисленные отряды трубачей, флейтистов и цитристов, толпы матрон, одетых в серые тоги и в самом строгом трауре, и бесчисленные массы народа, пришедшие в Кумы из разных частей Италии.

Десять дней продолжалось медленное шествие, и на каждой остановке в каждом городе к нему присоединялись новые толпы, усиливая торжественность и пышность, равных которым не было никогда.

Около десяти тысяч жителей Рима вышли из города на Аппиеву дорогу навстречу похоронному шествию.

Когда кортеж достиг Капуанских ворот, назначенный сенатом распорядитель похоронами привел в порядок всю эту массу, чтобы еще больше увеличить грандиозность церемонии. В самый город похоронный кортеж вступал в следующем порядке.

Впереди всех шел распорядитель в сопровождении двенадцати ликторов, одетых в темное. Затем группа музыкантов, игравших на длинных погребальных флейтах, а за ними следовало более пятисот префик, одетых в траур, которые, обливаясь слезами, со стонами и воплями вырывая себе волосы, во весь голос прославляли подвиги и добродетели покойного.

И так как распорядитель предупредил префик, что

на эти похороны государственная казна будет очень щедра, слезы, проливаемые ими по Сулле, были безутешны; плач, казалось, шел из самых сердец, а добродетели экс-диктатора Рима были, по словам префик, таковы, что все добродетели Камилла и Цинцинната, Фабриция и Фабия Максима, Катона и Сципиона качеством и количеством были ниже у этих шести вместе взятых, чем у одного Суллы.

Новая группа музыкантов шла за префиками и наполняла воздух печальными мелодиями, а за музыкантами несли золотые венки, числом больше двух тысяч, дары городов и легионов, сражавшихся за Суллу и его друзей.

Вслед за погребальными дарами несли изображения предков Суллы, трофеи его побед, а также боевые награды, полученные им: венки и цепи.

Потом новая группа музыкантов, а за ней Метробий в одежде и знаках отличия Суллы, тщательно загримированный под покойного: его обязанностью было изображать Суллу, каким он был при жизни. Непосредственно позади Метробия следовали отделанные золотом и драгоценными камнями носилки; в них покоилось тело Луция Корнелия Суллы, покрытое императорскими знаменами.

За носилками шли родственники Суллы, жрецы, весталки, сенат, сословие всадников; дальше толпы граждан. Слуги и рабы покойного вели его боевого коня, собак и других животных, особенно любимых Суллой; их должны были принести в жертву во время сожжения трупа. Последними выступали легионы, сражавшиеся под начальством Суллы.

На форуме была сделана остановка; там ораторы говорили надгробные речи.

Затем в прежнем порядке кортеж возобновил свое шествие по направлению к Марсову полю, где все уже было приготовлено для погребальной церемонии.

Носилки были опущены рядом с костром, и Валерия,

приблизившись к труп, закрыла ему глаза, как следовало по обычаю, и, вложив ему в рот медную монету, которая должна была служить платой Харону за переезд через волны Ахерона, поцеловала мертвого в губы, произнося обязательные слова: „Прощай, мы в порядке, природой нам предназначенном, все последуем за тобой“.

Тогда все оркестры и хоры заиграли и запели грустные песни, и началось заклание жертвенных животных, кровь которых, смешанную с молоком, медом и вином, разбрызгали кругом по земле. Стоявшие вблизи костра стали кидать туда мази, масла, духи и ароматные вещества разного рода, бесчисленное количество венков из цветов и лавра, так что весь костер был покрыт ими и кругом него образовался широкий слой.

В это же время гладиаторы из школы, принадлежащей Сулле, за исключением Арторикса, которому, по просьбе Спартака, Валерия приказала остаться в Кумах, начали около костра сражение, и через некоторое время все они были мертвы, так как в погребальных боях не полагалось дарить жизнь никому из этих несчастных.

Когда обряды закончились, Помпей Великий, взяв факел из рук жреца, который по обычаю поджигал костер, пожелал сам, с целью воздать большие почести умершему другу, поднести огонь к костру, наверху которого завернутые в ткань из асбеста были положены останки Суллы.

Оглушительные рукоплескания раздались по всему полю. Пламя вспыхнуло в один момент и охватило костер среди облаков густого и душистого дыма.

Через полчаса от тела того, который столько лет заставлял дрожать Рим и Италию и своим именем наполнил весь мир, осталось немного костей и пепла; их тщательно собрали и поместили в бронзовую урну с богатыми орнаментами из серебра и с великолепными инкрустациями из золота.

После того, как префики собрали прах Суллы, особые служители, используя оставшуюся массу мазей, слепили из нее тут же на месте две статуи в память о покойном, представляющие одна Суллу, а другая ликтора.

Спартак как ланиста, состоявший на службе у Суллы, должен был тоже надеть траур, участвовать в шествии и присутствовать при избиении своих воспитанников, которых он посвятил не только в тайны фехтовального искусства, но и Союза угнетенных. Поэтому со вздохом облегчения он встретил окончание похорон и поспешил уйти; пользуясь геркулесовской силой своих локтей, он прокладывал дорогу среди массы народа, который, как волны во время отлива, с шумом хлынул с Марсова поля в город.

Солнце зашло, и сумерки переходили в ночь, но оживленное движение не прекращалось, и повсюду слышались, с одной стороны, замечания о пышности похорон и сожаления по умершем, а с другой — едкие остроты, насмешки и проклятия по адресу Суллы и его сторонников.

Спартак сравнительно быстро дошел до гладиаторской школы Юлия Рабеция, где он назначил свидание Криссу.

Крисс очень обрадовался, узнав о предложении Ленгула Батиата, и горячо уговаривал Спартака немедленно отправиться в Капую.

— Теперь успех нашего предприятия, — сказал он в заключение дружеской беседы, — в твоих руках, Спартак, и если ты питаешь другое чувство, более сильное, чем благородная мысль об освобождении рабов, то всякая надежда увидеть торжество нашего великого дела исчезнет для нас навсегда.

— Какое бы чувство ни волновало мою душу, ничто, Крисс, слушай, ничто в мире не сможет отвлечь меня от выполнения нашего дела; ничто не может заставить меня свернуть, даже на минуту, с пути, который я себе начертил; ничто и никто не отстранит меня от моих намерений.

Расставшись с Криссом, из школы Юлия Рабеция Спартак направился к дому наследников Суллы. Он вошел в комнату Мирзы, которая, увидя его, воскликнула:

— Наконец! Уже около часа тебя ожидает госпожа.

Она пошла доложить о его приходе и тотчас же ввела рудиария в приемную. Валерия, бледная, закутанная в темную траурную тогу и серую кисею, поднялась ему навстречу.

— Спартак... Спартак мой... — говорила она. — Любишь ли ты еще меня больше всего на свете?

Спартак, которого все эти дни мучила мысль о Валерии, не сразу смог заговорить.

— А почему, Валерия, ты задаешь мне такой вопрос? Может быть, я чем-нибудь тебя обидел? Дал тебе повод сомневаться в моей нежности, в моей преданности, в моем поклонении тебе, которая для меня все, все на свете? В тебе я сосредоточил всю свою привязанность, тебе я посвятил все чувства моего сердца. Всегда я буду тебя обожать, если даже... когда даже...

И вдруг он заплакал.

— Что с тобой? Почему ты плачешь?

В этот момент раздался легкий стук в дверь.

— Что ты, Мирза? — спросила Валерия.

— Приехал брат твой, Гортензий, и спрашивает тебя, — ответил голос рабыни по ту сторону двери.

— Уже! Пусть он подождет... Попроси его подождать минутку.

— Сейчас же исполню.

Валерия, прислушиваясь к удаляющимся шагам Мирзы, торопливо сказала Спартаку:

— Вот... он уже пришел... Именно из-за этого я тебя с таким нетерпением ждала. Гортензий... знает все... что я люблю тебя, что ты любишь меня...

— Что ты говоришь!.. Каким образом?

— Я сама не знаю... Он мне об этом коротко говорил; он сказал, что придет сегодня вечером... Спрячься в ту комнатку. Невидимый, ты услышишь все и узнаешь, как может любить Валерия, и, что бы ни произошло здесь, ни одного слова, ни одного движения, пока я тебя не позову.

И она опустила портьеру; потом, прижимая к груди ладони, чтобы сдержать трепет сердца, села на ложе и, приняв спокойный вид, позвала обычным голосом:

— Мирза!

Девушка появилась в дверях.

— Приведи теперь Гортензия.

Знаменитый оратор, с бородой, не бритой уже пятнадцать дней, в темной тунике, в тоге из темной шерсти, серьезный и нахмуренный, вошел в приемную своей сестры.

— Здравствуй, милый Гортензий! — сказала Валерия.

— Здравствуй, сестра, — ответил тот неласково.

— Не сердись на меня, брат мой, и говори со мной откровенно.

— Не одно только несчастье должно было свалиться на меня со смертью нашего любимейшего Суллы, но еще неожиданный, незаслуженный стыд узнать, что дочь моей матери, забыв об уважении к себе самой, ко мне, к крови Мессалы, к брачному ложу Суллы, покрыла себя позором, войдя в непристойную любовную связь с презренным гладиатором. О, Валерия, что ты сделала?

— Ну, Гортензий, ты предъявил мне обвинение и в очень тяжелой форме; прежде чем я буду защищаться, я тебя спрашиваю, откуда идет это обвинение?

Гортензий ответил отрывисто:

— Из многих мест... Через шесть или семь дней после смерти Суллы Кризогон передал мне это письмо.

И Гортензий подал Валерии измятый папирус. Она его развернула и прочла:

*„Луцию Корнелию Сулле,
императору, диктатору, счастливому, эпифродиту,
дружеский привет.*

Теперь вместо обычного: „берегись собаки“, ты бы мог написать на наружной стене твоего дома: „берегись змей“, даже змей, так как не одна, а две змеи свили себе гнездо под твоей крышей: Валерия и Спартак.

Не дай себе увлечься внезапным гневом: подстереги их в час первого крика петухов, и ты увидишь, какое издевательство совершается над именем, над брачным ложем самого страшного и могущественного человека в мире.

Пусть боги надолго тебя сохраняют и предохраняют спредь от подобных несчастий“.

Щеки Валерии покрылись пламенем при первой строчке этого письма, а когда она кончила, лицо ее стало бледным.

— А откуда Кризогон получил это письмо?

— К сожалению, сколько он ни пытался восстановить в памяти, он никак не мог вспомнить.

— В анонимном доносе, — спокойным голосом сказала Валерия, — никогда не следовало бы видеть доказательства.

— Но дело в том, что Метробий, в безутешном горе из-за смерти своего друга и считая своим священным долгом отомстить за поруганные имя и честь его, пришел ко мне через несколько дней после смерти Луция и представил мне доказательства твоей любовной связи с Спартаксом.

— Довольно, довольно! — закричала Валерия, услышав, что тайна ее любви стала известной такому презренному человеку, как Метробий. — Довольно, Гортензий! Ты предъявил мне свое обвинение, теперь буду говорить я.

И она встала, подняла гневное лицо к брату, скрестила руки на груди и, сверкая глазами, сказала:

— Да, я люблю Спартакса, и что же из этого?.. Да, и его люблю, люблю всем пылом моего сердца, ну и что же?

— О, вышние боги, о, вышние боги! — воскликнул, растерявшись, Гортензий.

— Оставь в покое вышних богов, которые тебя не слышат, а слушай меня, когда я тебе говорю... Да, я буду его любить всегда, — повторила горячо Валерия, — и я тебя спрашиваю: ну и что же?

— Но пусть Юпитер тебя защитит, ты меня пугаешь... ты сумасшедшая женщина...

— Нет, я только женщина, желающая нарушить ваши деспотические законы, ваши невыносимые золотые цепи, которыми вы, победители мира, связываете запястья и лодыжки своих женщин! Вот чего я хочу, и уверяю тебя, мой брат, что это не сумасшествие, а, наоборот, может быть доказательством возвращения разума. А! И Метробий меня обвиняет, Метробий — этот гнусный, порочный паяц! И он меня обвиняет? Поистине удивительно! И я не могу понять, почему ты, Гортензий, который придаешь столько веса обвинению Метробия, почему ты не предложишь сенату выбрать его цензором... Ведь он был бы цензором, достойным римских нравов! Метробий, охраняющий целомудренных весталок!.. Волк, ведущий ягнят на пастбище!.. Это именно то, что еще недостает мерзейшему Риму, где Сулле, наполнившему город убийствами, воздвигаются статуи и храмы и где под сенью двенадцати таблиц ему было дозволено провоздить на моих глазах, рядом с моими комнатами все ночи в грязных оргиях. О, законы отечества, как вы щедры и справедливы!.. Они мне тоже разрешали кое-что: право оставаться спокойной свидетельницей всего этого и даже проливать слезы, но тайно, на подушки вдовьего ложа, и, наконец, право увидеть себя отвергнутой в любой день по единственной и очень подходящей причине, — что я не дала наследника своему господину и хозяину! И, конечно, я перед лицом этих законов нарушила свой долг... я признаю это... но я не намерена

ни защищаться, ни оправдываться: мое нарушение долга в том, что я не имела мужества уйти со Спартаксом из дома Суллы. Но за то, что я полюбила этого человека, я не только не признаю себя преступной, но горжусь этой любовью. У него благородное и великодушное сердце и ум, достойный великих дел, и если бы он одержал победу во Фракии над римскими легионами, он вызывал бы больше восхищения, чем Сулла и Марий, и его боялись бы больше, чем Аннибала и Митридата! Но побежденного вы его сделали гладиатором.

— Итак, ты восстаешь против законов нашего отечества, против наших обычаев, против всякого чувства приличия? — спросил с изумлением и печалью великий оратор.

— Да, да, да... Я восстаю... я отказываюсь от римского подданства, от своего имени, от своего рода... я не желаю ничего и ни от кого... я уйду жить в какую-нибудь уединенную виллу; я удалюсь в какую-нибудь провинцию или во Фракию, к Родопским горам, вместе со Спартаксом, а вы, все мои родные, не услышите больше ни слова от меня.

Валерия упала на ложе бледная и обессиленная.

Гортензий, поглядев на сестру с состраданием, сказал ей мягким и нежным голосом:

— Я вижу, милая Валерия, что ты чувствуешь себя сейчас нехорошо...

— Я? — воскликнула матрона, быстро поднимаясь. — Я чувствую себя великолепно, я...

— Нет, нет, Валерия, поверь мне, тебе нехорошо... ты взволнована... ты во власти чрезмерного возбуждения, которое отнимает спокойствие и ясность ума, необходимые для беседы на такую серьезную тему... Вернемся завтра, послезавтра, словом, в более подходящее время к обсуждению этого вопроса.

— Все-таки я тебя предупреждаю, что я непреклонна...

Хорошо... Мы поговорим об этом... А пока я прошу богов, чтобы они тебя охраняли, и ухожу. Прощай, Валерия.

— Прощай, Гортензий!

И оратор вышел, а Спартак вбежал в комнату, бросился к ногам Валерии, обнимая ее и целуя, и благодарил за ее благородство.

— Да, всегда с тобой я хочу жить, всегда с тобой, благороднейший Спартак; я буду твоей женой, и горы твоей гостеприимной Фракии будут приюгом нашей любви, — говорила Валерия, прижимая Спартака к своему сердцу.

Несколько минут они молчали. И вдруг в глубокой тишине раздался хор молодых голосов, звонких и сильных, исполнявший на полуварварском языке — смеси греческого с фракийским — следующую песню:

Свобода! Свобода! Богиня богинь!
К великому подвигу сердце зажги,
Слабейших из смертных в бою не покинь!
Свобода! Свобода! Богиня богинь!
Над нами раскинешь ты крылья свои
В тот час, когда грозные грянут бои;
Когда нападут легионы врагов,
В мечи превратишь ты оковы рабов!
И в странах позора, где царствует гнет,
Пусть самый лепивый оружие берет,
Пусть самый трусливый выходит вперед!
Свобода! Свобода! Богиня богинь!
Свобода! Свобода! Пусть груб наш напев,
Удвой наше мужество, силу и гнев!
Дай твердость свою истомленным плечам, —
Тебя призывая; мы рвемся к мечам!
К оружию, товарищи, смерть палачам!

Спартак отстранился от Валерии. Он весь превратился в слух, как будто его жизнь зависела от этой песни.

Песня смолкла... Схватив руки Валерии, Спартак воскликнул:

— Прости меня... я не могу быть всецело твоим... и больше не принадлежу себе...

— Что ты говоришь?.. Какая женщина может оспаривать у меня власть над твоим сердцем?..

— Это же женщина, — возразил печально гладиатор. — Я связан священной и нерушимой клятвой... и не принадлежу больше себе самому...

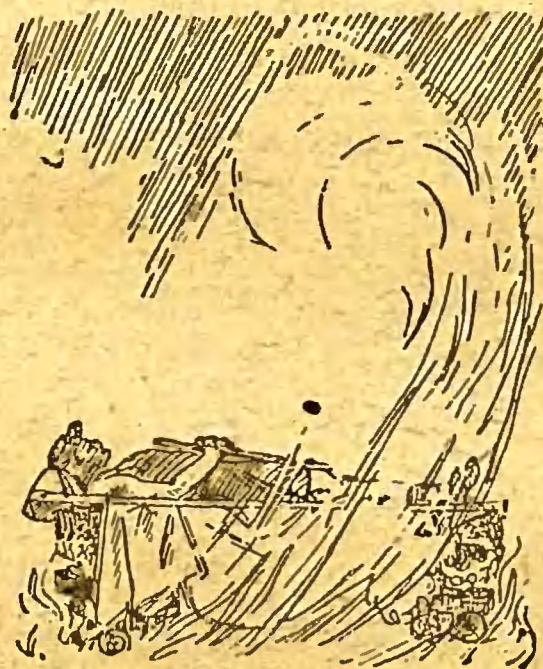
— Но почему же ты не откроешь мне твою тайну? Разве ты можешь сомневаться в моей любви, в моей безусловной преданности? Разве я тебе не дала достаточно доказательств этого?.. Ты хочешь еще других!.. Говори... приказывай... чего ты хочешь от меня?..

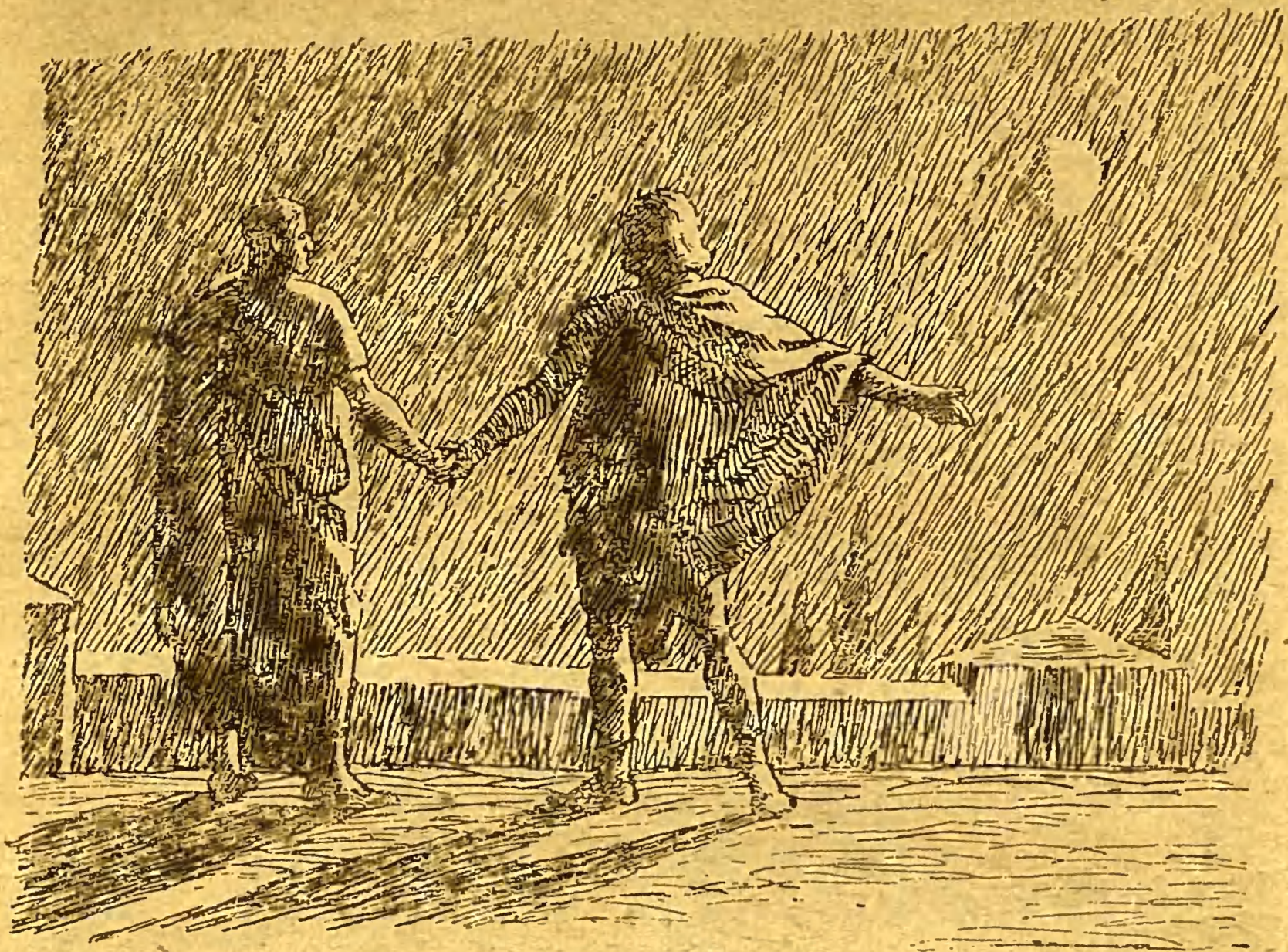
— Увы! Я не могу, — повторил с отчаянием Спартак, — я не имею права говорить!

Валерия, плача, его обнимала. Вырываясь от нее, он сказал:

— Но я вернусь после того, как получу разрешение нарушить для тебя мою клятву... я вернусь завтра, послезавтра, как только смогу. И ты меня простишь и будешь любить меня еще больше... если между нами может существовать любовь, более сильная, чем та, которая нас сейчас связывает... Прощай!..

Сделав над собой сверхчеловеческое усилие, Спартак вырвался из рук любимой женщины и вышел!

ГЛАВА IX

Как пьяница думал, что он спас республику

15 февраля 680 года наступил день Луперкалий — так называлось празднество в честь волчицы, вскормившей Ромула и Рема, основателей Рима, и в честь бога Пана. Жрецы, называемые луперками, выбирались на этот праздник среди наиболее знаменитых юношей из сословия патрициев.

С утра луперки совершали жертвоприношения в пещере, где, по преданию, волчица питала будущих царей. После жертвоприношения начался роскошный пир.

В религии древних, как и в современной, все обряды были предлогом для веселых сборищ, более или менее неприличных, более или менее тайных, устраиваемых большей частью плутами за счет легковерия простаков. В данном случае луперки сами несли расходы по празднеству: большой честью считалось звание жреца-луперка.

Между тем пещера, лес и все окрестные дороги наполнились народом, среди которого было очень много женщин и немало патрицианок — девид и замужних — в сопровождении рабынь и слуг.

Шумной толпой вышли луперки из пещеры и, взяв в руки кнуты, сделанные из шкур жертвенных животных, стали хлестать народ, толпившийся на улицах. Девушки считали, что эти удары жертвенных плетей облегчают вступление в брак, а замужние женщины твердо верили в их оплодотворяющую силу.

На всех улицах можно было видеть матрон и девид, бегущих навстречу луперкам и протягивающих руки для того, чтобы получить удар.

Опираясь на одну из колонн портика храма Эскулапа, стоял молодой человек, с лицом, выражавшим полное равнодушие. Он был высокого роста, полный сил и идеально сложенный. Его черные и блестящие волосы были старательно расчесаны, завиты и надушены. У него был высокий и широкий лоб и глаза очень красивого разреза, выразительные, пронзительные и властные; одет он был с чисто преческим изяществом. Поверх туники из белоснежного полотна, отороченной пурпуром и стянутой на талии шнурком из пурпурной шерсти, была надета тога из тончайшего белого сукна, по краям которой тянулась широкая синяя полоса. Изящные складки тоги подчеркивали линии его красивой фигуры.

Имя этого юноши было Кай Юлий Цезарь. Ему в это время минуло двадцать шесть лет. Он уже пользовался безграничной популярностью за свою талантливость, образованность, красноречие, приветливость, храбрость, силу духа и никем не превзойденное изящество.

В восемнадцать лет Кай Юлий Цезарь, бывший со стороны своей тетки Юлии племянником Кая Мария и по своим симпатиям — марианцем, женился на Корнелии,

дочери Луция Корнелия Цинны, ярого сторонника победителя певтонов и кимбров. Как только Сулла сделался диктатором, он потребовал от молодого Цезаря, чтобы тот разошелся со своей женой. Цезарь не захотел подчиниться, и за это Сулла осудил его на казнь. Только вмешательство наиболее авторитетных людей из партии Суллы и коллегии весталок спасло ему жизнь.

Однако, Цезарь не чувствовал себя в безопасности в Риме. Он знал, что Сулла сказал про него: „Я в этом Юлии предвижу много Мариев“, и удалился в Сабину; там он блуждал по горам Лациума и Тибертина до тех пор, пока Сулла не умер.

После смерти диктатора он участвовал в нескольких походах и отличился своей храбростью. Затем отправился в Грецию, где собирался слушать философов и посещать школы знаменитых ораторов. Но корабль, на котором он плыл, был захвачен пиратами, и Цезарь со всеми своими слугами попал в плен. Тут Цезарь выказал не только мужество, но и способность повелевать.

Он спросил у пиратов:

— Какой выкуп хотите вы взять за меня?

— Двадцать талантов, — ответили ему.

— Я стою не меньше пятидесяти, и эта сумма будет вам уплачена, но только знайте: получив свободу, я первым делом поймаю вас и прикажу распять на крестах.

Цезарь не сомневался, что патрицию из рода Юлиев дадут на честное слово такие огромные деньги. Он послал несколько слуг в соседние греческие города и действительно получил требуемую сумму.

Но как только он вышел на свободу, не медля собрал несколько трирем в соседних портах, погнался за пиратами, напал на них, победил, взял в плен и передал претору на распятие. Узнав, что претор вместо того, чтобы казнить, пытался продать их в рабство, Цезарь своею

властью велел их всех распять, заявив, что он готов отвечать за это перед сенатом и римским народом.

Таков был человек, стоявший у портика храма Эскулапа и наблюдавший толпу, которая сновала кругом.

— Привет божественному Юлию! — произнес мим Метробий, вышедший из храма Эскулапа с компанией комедиантов и акробатов.

— А, Метробий! — воскликнул с насмешливой улыбкой Юлий Цезарь. — Ты тратишь не зря свою жизнь. Ты не пропускаешь ни одного праздника и ни одного даже ничтожного случая повеселиться.

— Эх, божественный Юлий! Будем наслаждаться жизнью, дарованной богами. Эпикур предупредил нас, что...

Но Цезарь, прервав цитату из Эпикура, движением пальца подозвал мима к себе.

С поспешностью Метробий отделился от своих товарищей, один из которых крикнул ему вслед:

— Мы будем ждать тебя в столовой Эскулапа.

— Я сейчас приду, — ответил мим и, подойдя к Цезарю, сказал со льстивой улыбкой: — Какой-то бог покровительствует мне сегодня, если предоставляет случай оказать услугу тебе, божественный Кай, светило рода Юлиев.

— О ничтожной услуге я тебя буду просить, добрый Метробий. Приходи сегодня вечером к ужину в мой дом, и я тебе тогда скажу спокойно, в чем дело.

— О, какая удача... какая честь... как я тебе благодарен, милостивейший Юлий!..

— Прекрати твои излишества и возвращайся к своим друзьям. Я жду тебя сегодня в час сумерек.

И величественным жестом Цезарь попрощался с Метробием, который, снова рассыпавшись в приветствиях и поклонах, отправился в столовую Эскулапа.

Радость еще больше возбудила его аппетит. Усевшись за стол, он с усердием принялся за еду и за отличное велитернское, которое владелец столовой всегда имел в запасе для своих постоянных посетителей.

Так просидел он часа два в компании за веселой беседой. В голове у него изрядно зашумело; однако, мимособразил, что еще через час он потеряет способность двигаться и пропустит ужин у Цезаря. Эта мысль заставила его встать, и он, спотыкаясь, неверными шагами вышел из столовой.

До сумерек оставалось часа два. У Метробия еще хватило здравого смысла понять, что ему лучше всего провести это время на свежем воздухе — так скорее улечутся винные пары, и он приведет себя в порядок.

Приняв это мудрое решение, Метробий выбрался из порога и углубился в лес, где была гробница легендарного царя Нумы Помпилия. Там он облюбовал себе огромное дерево, возвышавшееся на краю поляны, и расположился под ним, опершись спиной о многолетний его ствол.

Торжественная тишина леса настроила его на мечтательный лад.

— Однако, — рассуждал он, — хорошо на лоне природы... и привлекательность пастушеской жизни не является всецело поэтическим измышлением... Хороша пастушеская жизнь! Вдали от шума больших городов... среди торжественной тишины полей... в приятной уединенности на мягкой травке... среди прыгающих козлят, блеяния ягнят... журчания ручейка... пения соловья... Хороша пастушеская жизнь!

Вскоре веки Метробия потяжелели, и мысли стали путаться; пытаясь одолеть сон, он продолжал бормотать:

— И почему этот Нума был трезвенником? Иначе он превратил бы в прекрасное фалернское вино в своих

ручьях, и я не испытывал бы такой жажды... Фалернское, да... но хорошее, а не это предательское велитернское... как в столовой Эскулапа, от которого у меня голова идет кругом, в ушах жужжит, как будто я попал в осиное гнездо...

Тут Метробий заснул.

Ему спилось, будто он находится на поле, высохшем и бесплодном, будто над ним сверкает жгучее солнце. Метробий чувствовал, как в горле у него пересохло, и испытывал жгучую жажду, стеснение в груди, беспокойство, тревогу... И вот он услышал журчанье ручья, побежал по направлению к нему... бежал... бежал... Но ноги утяжелели, и ступни точно приклеились к земле. Метробий видел, что в ручье течет фалернское, но, странно, журчание ручья походило на шопот человеческих голосов. Метробий умирал от жажды. Наконец, он подбежал к ручью; когда же бросился на землю, чтобы напиться этого прекрасного вина, ему навстречу вдруг появился царь Нума Помпилий с белой длинной бородой. Царь смотрел на Метробия грозно и осыпал его бранью. Какой звучный и металлический голос был у Нумы Помпилия! Вдруг в ручье вместо фалернского потекла кровь. Нума Помпилий грозно закричал:

— У тебя жажда крови, тиран! Так напейся крови братьев, подлый трус!

Метробий почувствовал, что сердце у него сжимается; он боялся этого старика с неумолимым голосом и бросился бежать, спотыкаясь о сучья и падая...

Тут он проснулся.

В первый момент он не мог понять, во сне или наяву он все еще слышит голос Нумы Помпилия, произносивший страшные слова. Но скоро мим убедился, что действительно проснулся, и понял, что голос, слышанный им во сне, был настоящим живым голо-

сом, который раздавался недалеко от него на лесной поляне.

— И смерть за смерть! Постараемся по крайней мере умереть ради нашей пользы, а не для развлечения наших повелителей, — говорил с жаром и энергией этот голос. — Бешеные звери в образе человеческом жаждут крови, как львы Ливийской пустыни; они наслаждаются видом крови угнетенных; хорошо же, пусть они придут со своими мечами и станут под удары наших мечей и будут вынуждены смотреть, как течет их кровь, смешиваясь с нашей, и поймут, что сердце бьется и у рабов, и у гладиаторов, и у угнетенных... И убедятся, клянусь всеми богами, обитающими на Олимпе, в том, что для всех одинаково должно светить солнце, а земля давать плоды, для всех равным образом жизнь должна доставлять радости и удовлетворение!

Шопот одобрения послышался в ответ на эти страстные слова.

Метробий быстро понял, что здесь происходило собрание людей, замышлявших, очевидно, что-то против республики.

Голос показался ему знакомым. Но чей это был голос? Где в другое время слышал его Метробий? Когда? Этого он никак не мог сообразить.

Во всяком случае комедиант решил не делать шума и не высываться.

Он понял, что, если его заметят, он может попасть в скверную историю.

Он тихоенько присел на корточки, невидимый за стволом громадного дерева, и стал внимательно слушать.

— Итак, после четырех лет подпольной упорной работы можем ли мы, наконец, сказать, что возшла долгожданная заря искупления? — спросил другой голос, хриплый и глубокий, на скверном латинском языке.

— Сможем ли мы в конце концов начать бой? — спросил еще один.

— Сможем, — ответил голос, услышанный Метробием при пробуждении. — Арторикс отправится завтра.

Услышав это имя, Метробий узнал говорившего: то был Спартак. Метробий понял сразу, о чем здесь говорили.

— Арторикс завтра отправится в Равенну, — продолжал Спартак, — и предупредит Граника, чтобы он держал наготове свои пять тысяч двести гладиаторов, которые образуют первый легион нашего войска. Вторым будешь командовать ты, Крисс; он состоит из семи тысяч семисот пятидесяти членов нашего союза, живущих в Риме. Третьим и четвертым будем командовать я и Окномао. Их составят десять тысяч гладиаторов, находящихся в школе Лентула Баттата в Капуе.

— Двадцать тысяч гладиаторов в строю, разделенные на легионы! — воскликнул громовым голосом германец Окномао. — Клянусь богами ада! Бьюсь об заклад, что мы увидим, как завязывают на спине свои доспехи гордые легионеры Суллы и Мария!

— А теперь из сострадания к нашим угнетенным родным странам, ради успеха нашего дела, ради святой верности, нас соединяющей, — сказал Спартак, — будем осторожны и благоразумны и не допустим, чтобы из-за безрассудной смелости в одно мгновение погибли все результаты четырехлетней работы. Подобное безумство оказалось бы преступлением. В течение пяти дней вы услышите о первых наших выступлениях и увидите себя хозяевами Капуи. Как только Окномао и я соберем наши отряды, мы попытаемся нанести удар по столице Кампании; тогда вы в Равенне и в Риме поднимите ваших и соединитесь с нами. До тех пор, пока Капуя не восстанет, пусть во всех отрядах царит наружный мир и спокойствие.

Последовала оживленная и беспорядочная беседа, в которой приняли участие все собравшиеся, представлявшие верховный штаб Союза угнетенных.

После обмена предупреждениями гладиаторы стали расходиться, но Спартак, окликнув их, сказал:

— Братья, не все в одну сторону. Надо возвращаться в город по двое или по трое на расстоянии пяти- или шестисот шагов друг от друга.

И в то время как гладиаторы уходили из лесу по разным дорогам, Спартак, проходя с Криссом, Окномао и Арториксом мимо дерева, у которого лежал дрожащий Метробий, сказал Криссу:

— С тобой мы увидимся позже, в тихий час ночи, у Лутации Одноглазой, и ты мне тогда скажешь, сможем ли мы рассчитывать на прибытие через пять дней обещанного оружия.

— Я иду повидаться с погонщиком мулов, обещавшим переправить этот груз возможно скорее.

И Крисс быстро пошел в одну сторону, а Спартак, Окномао и Арторикс повернули в другую.

— Вот так штука! — Метробий делался все храбрее по мере того, как удалялись гладиаторы. — Вот так штука!.. Какая буря собирается над республикой! Двадцать тысяч вооруженных гладиаторов! Этого вполне достаточно, чтобы началась вторая война рабов, как было в Сицилии... И еще более опасная... Этот Спартак силою духа и предприимчивостью много выше Эвна, командовавшего сицилийскими рабами. Само провидение привело меня в этот лес... Вышние боги избрали меня своим орудием, чтобы спасти республику от гибели...

Тут он вспомнил о Цезаре, ожидавшем его к ужину. Час сумерек давно уже миновал, и приближался тихий час ночи, но Метробий подумал, что раскрытие такого заговора заставит Цезаря простить его опоздание.

Как только гладиаторы исчезли из виду, Метробий вышел из-под своего прикрытия и поспешил к дому Цезаря. Войдя туда, он потребовал свидания наедине, чтобы сообщить Юлию важные новости. Цезарь сначала не обратил внимания на слова глупого пьяницы, но, подумав немного, попросил разрешения у своих гостей оставить их на короткое время и прошел из триклиния в библиотеку, где возбужденный Метробий рассказал ему о заговоре гладиаторов. Цезарь был заинтересован. Он задал миму ряд вопросов, желая удостовериться, что все это не галлюцинация пьяного мозга Метробия. В конце концов он убедился в действительности рассказанного, но с недоверчивой улыбкой сказал Метробию:

— Я не хочу оспаривать сообщенных тобою фактов, но признайся, что от твоего рассказа за милю несет сказкой и виновато в этом лихорадочное возбуждение твоего мозга под влиянием велитернского.

— Что мне нравится велитернское, особенно если оно хорошее, и что сегодня вечером голова у меня была не в порядке, я тоже не буду оспаривать, но относительно слов, слышанных мною в лесу, клянусь тебе, божественный Юлий, я передал их точно. Хороший сон и свежий воздух вполне отрезвили меня к тому времени. Итак, захочешь ли ты оставить республику в опасности, не предупреждая консулов и сенат?

Цезарь молчал в раздумье.

Метробий нетерпеливо ждал ответа.

Наконец, Цезарь сказал:

— Я хотел бы лично убедиться в действительной серьезности этой опасности. Я хотел бы проверить положение, прежде чем решить, как лучше поступить. Иди в триклиний и жди меня там; но ни с кем не говори, — ты понимаешь меня, Метробий? — ни о том, что ты слышал в лесу, ни о том, о чем мы с тобой здесь говорили.

Через час я вернусь, и тогда мы обсудим, что следует сделать для блага республики.

— Я сделаю, как ты приказал, Цезарь...

— И ты будешь доволен: мое сердце, Метробий, умеет быть признательным, и не написано в книге судеб, что Кай Цезарь умрет с челом, увенчанным только простыми лаврами, даруемыми на беге в цирке.

Юлий прошел в комнату рядом с библиотекой, там переменял застольную одежду на темный плащ слуги, спрятав под ним перевязь меча и прикрыв концом плаща голову. Потом повторил Метробию, чтобы он ожидал его в триклинии и никому не говорил о заговоре гладиаторов. Приказав одному из слуг следовать за собой, он вышел из дома и направился быстрыми шагами к кабачку Венеры Либитины.

Кроме дома, который Цезарь имел на Палатине, у него был еще один в самом центре Субурры, и он иногда проживал в этом доме с целью приобрести популярность среди бедняков, населявших этот район Рима. Цезарь часто надевал вместо латиклавы грубую тунику, обходил грязные и темные улицы Субурры и Эсквилина, оказывая щедрую помощь бедноте, и знал, как свои пять пальцев, все закоулки этой клоаки, полной несчастья и позора.

Войдя в кабачок Венеры Погребальной, он прошел сразу во вторую комнату, где сидели за столом восемь или девять рудиириев и гладиаторов.

Он приветствовал эту группу обычным „Salvete“ (здравствуйте), сел вместе со своим рабом на табуретки в углу, приказал эфиопке-рабыне подать две чаши вина и обменивался с рассеянным видом незначительными словами со своим спутником, зорко следя за гладиаторами и внимательно прислушиваясь к их беседе.

Узнав Спартака, Цезарь стал всматриваться в него и с проникательностью, свойственной гениальным людям,

сразу понял, что перед ним человек мужественного сердца и высокого ума.

Рабыня Азур тем временем принесла вина, и Цезарь, взяв чашу, предложил рабу другую, сказав: „Пей!“, а сам, поднося чашу ко рту, лишь сделал вид, что пьет; он обычно пил только воду.

Спустя некоторое время Цезарь встал и подошел к гладиаторам:

— Привет тебе, мужественный Спартак! Не согласишься ли ты поговорить со мной?

Все повернулись, и несколько голосов воскликнули с изумлением:

— Кай Юлий Цезарь!

— Ну, потише! — И будущий диктатор дружелюбно улыбнулся. — Не надо, чтобы завтра весь Рим знал, что один из понтифексов прогуливается ночью по кабакам Субурры и Эсквилина.

Спартак ответил:

— Я себя назову счастливейшим, Кай Юлий, если мое содействие может принести тебе пользу в каком-либо деле.

— Итак, ты согласен оставить не надолго общество этих молодцов и пройтись со мной до ближайшей городской стены?

— Для бедного рудпария большая честь совершить прогулку с таким благородным и знаменитым квирилом.

— Никогда не бывают бедными те, которые сильны, — сказал Цезарь, направляясь к выходу и дав знак рабу ожидать его здесь.

— Ах! — вздохнул Спартак. — К чему сила льву, когда он в цепях?

Они вышли на улицу и в молчании направились к тому месту у стены возле поля, где четыре года тому назад гладиаторы убили отпущенника Кая Верреса.

Полная луна озаряла сады, огороды, виноградники и безграничные поля, тянувшиеся вплоть до склонов тускланских и лапидумских холмов, которые чернели на краю горизонта. Цезарь первым нарушил молчание:

— Сколько тебе лет, Спартак?

— Тридцать три.

— Ты фракиец?

— Да.

— Я знаю фракийцев, как храбрых людей и на поле сражения и в любой опасности. А ты не только сильный и мужественный, но и отличаешься благородными манерами и образованием.

— А откуда тебе это известно?

— От одной женщины... Но, слушай, Спартак, тебе и делу, которому ты себя посвятил, грозит опасность.

— О каком деле и о какой опасности ты говоришь? — спросил Спартак в изумлении.

— Я узнал все, но я пришел сюда не для того, чтобы причинить тебе вред, Спартак. Наоборот, мною руководит желание спасти тебя. Некто, сидя за деревом в лесу, невольно слышал вашу беседу этой ночью.

— О, проклятие богам! — закричал Спартак в отчаянии.

— Этот человек еще не сообщил консулам о своем открытии, но, как бы я ни пытался его задержать, он это сделает неминуемо сегодня ночью или завтра на заре, и твои четыре легиона гладиаторов будут рассеяны, прежде чем они соединятся.

Спартак был в страшном волнении; схватившись за голову, он прошептал:

— Пять лет работы, надежд, борьбы, труда должны пойти прахом в один момент. Все будет кончено, и не останется никакой надежды, и снова будем мы рабами влачить эту подлую жизнь...

Цезарь почувствовал уважение к его отчаянию, столь благородному, столь мучительному и глубокому. Он против воли восхищался этим гладиатором, который в любви к свободе черпал силы для дела, достойного лишь греческих или римских героев; который в невероятно трудных условиях, с упорством, с предусмотрительностью, со смелостью сумел собрать армию в двадцать тысяч воинов.

Глаза Цезаря загорелись. Он подумал: если бы ему дать под начало эти четыре легиона, двадцать тысяч бойцов, он завоевал бы весь мир и стал бы властелином Рима, грозой патрициев, кумиром простого народа.

Так погруженные, один — в тревогу, другой — в честолюбивые мечты, оба молчали. Спартак, вдруг очнувшись, с жестом, полным дикой энергии, сказал:

— Нет, клянусь молниями Юпитера Карателя, этого не будет!

— А что же ты сделаешь? — спросил Цезарь.

Спартак посмотрел в спокойные глаза Цезаря:

— А ты, Цезарь, нам друг или враг?

— Я желал бы быть первым и ни в коем случае не буду вторым.

— Тогда ты можешь сделать для нас все: наше спасение в твоих руках.

— Каким образом?

— Выдай нам человека, владеющего нашей тайной.

— То есть чтобы я, римлянин, допустил восстать всех рабов Италии на гибель Риму, когда я могу помешать этому?

— Ты прав, я забыл, что ты римлянин.

— И желаю, чтобы весь мир стал подвластным Риму.

— В тебе, значит, олицетворяется тирания латинян над всеми народами земли. У тебя зародилась мысль, бо-

лее грандиозная, чем у Александра Македонского! После того, как римские орлы раскинут свои крылья над всей землей, ты хочешь заковать их в цепи, сжать их в железном кулаке? Рим — властитель народов, ты — властитель Рима!

Цезарь, глаза которого сверкнули, сказал:

— О чем я мечтаю, никто не знает, и, быть может, я сам не знаю. Но вот ты, Спартак, с удивительным упорством и опытностью великого полководца, собравший войско рабов, организовавший их в легионы и готовый руководить ими во время восстания, скажи мне, что у тебя на уме? Чего ты желаешь?

— Я желаю уничтожить этот развращенный римский мир и на его развалинах увидеть зарождение независимости всех народов; я желаю искоренить позорные законы, которые делают одного человека господином, а другого рабом. Я желаю разбить цепи несчастных, прикованных к колеснице римских побед; я желаю сжечь все амфитеатры, в которых народ, подобный хищному зверю и называющий нас варварами, опьяняется резней и бойней между людьми, рожденными для культуры, для счастья, для любви. Я желаю, ради всех молний всемогущего Юпитера, увидеть уничтожение на земле рабства, появление солнца свободы. Свободы я ищу, свободы жажду, свободу жду и призываю. Свободу как для отдельных людей, так и для народов, великих и малых, для могучих и слабых, а вместе со свободой — мира, процветания, справедливости и всего высшего счастья, которым бессмертные боги дали человеку возможность наслаждаться на земле.

Цезарь слушал Спартака с улыбкой сострадания, качая головой, и, когда тот окончил, спросил:

— А потом, благородный, заблуждающийся человек, а потом?

— А потом царство права над силой, разума над страстями, а потом равноправие среди людей, братство среди народов, торжество добра среди человечества.

— И ты веришь в возможность всех этих прекрасных вещей? Бедный мечтатель!

Цезарь замолк на минуту, а затем продолжал:

— Выслушай меня, Спартак, и взвесь хорошенько мои слова, продиктованные чувством, которое ты мне внушил и которое гораздо прочнее и сильнее, чем ты можешь думать, хотя Цезарь не легко дарит свое чувство и еще труднее — свое уважение. Дело, с которым ты себя связал, более чем невозможное, это безусловно химера как по цели, которой ты добиваешься, так и по средствам, которыми ты располагаешь. Что твои двадцать тысяч гладиаторов смогут испугать Рим, ты, наверное, и сам не думаешь, и если ты на что-либо рассчитываешь, то на огромное число рабов, которых слово „свобода“ привлекает под твои знамена. Но допустим, что число этих рабов дойдет до ста, до ста пятидесяти тысяч, допустим, чего никогда не может быть, что они окажутся благодаря тебе связанными железной дисциплиной и будут сражаться самым лучшим образом, одушевленные мужеством отчаяния. Думаешь ли ты, что они сумеют победить четыреста тысяч легионеров, покорителей царей Азии и Африки, являющихся гражданами и собственниками? Ведь эти легионеры будут яростно сражаться с вами, рабами и лишенными имущества, носителями, на их взгляд, разрушительных принципов, торжество которых принесет им разорение. Вы будете сражаться, движимые отчаянием, они — инстинктом самосохранения; вы — ради завоевания прав, они — за свою собственность, и нет никакого сомнения, кто в конце концов победит. Превосходя вас численностью, они найдут в каждом городе, в каждой муниципии союзника, вы же — врага; для них — все богатства

государственной казны и все богатства патрициев; за них авторитет римского имени, мудрость опытных полководцев, интересы всех городов и всех граждан, бесчисленные корабли республики и вспомогательные войска со всей земли. Твое мужество, твоя гордость, твой великий ум достаточны для того, чтобы внести порядок и дисциплину в толпу варваров, упрямых, диких, уроженцев самых различных стран, не связанных славными традициями, деловыми и кровными узами, почти не знакомых с целями, ради которых они будут сражаться. Ты — я это признаю — с твоей твердой волей, с твоим умом вполне способен командовать войском, но ты сумеешь добиться только того, чтобы скрыть недостатки твоего войска, как скрывают язвы на теле, чтобы поколебать у противника надежду на победу. Но, проявляя чудеса проницательности и доблести, сумеешь ли ты одержать победу?

— Ну, так что же? — воскликнул Спартак с беспечностью гения. — Я встречу славную смерть за правое дело, и кровь, пролитая нами, оплодотворит поле свободы, ляжет новым позорным клеймом на чело угнетателей, родит бесчисленных мстителей. Вот самое лучшее наследство, которое можно оставить потомкам: пример для подражания!

— Величайшее самоотвержение, но бесплодная и ненужная жертва. Теперь, когда я тебе показал, что средства, которыми ты можешь располагать, недостаточны для достижения твоей цели, я тебе докажу, что самая эта цель есть заблуждение возбужденной фантазии, неуловимый для человечества призрак, который издали кажется близким и живым, но чем ближе ты его настигаешь, тем дальше уходит он от тебя; и когда ты думаешь, что его вот-вот поймал, он исчезает у тебя на глазах.

С тех пор, как человек покинул леса и стал жить в обществе, исчезла свобода и возникло рабство. Всякий закон, ограничивающий права индивидуума в пользу кол-

лектива, есть насилие над свободой. Везде и всегда более сильный и более хитрый будут господствовать над народными массами. Даже наиболее мудрые и хорошо организованные республики не смогли уйти от этого закона, имеющего корни в самой природе человека; печальный конец Фив, Спарты и Афин свидетельствует об этом. И даже в нашей Римской республике, основанной на власти народа, ты видишь, вся власть теперь захвачена кучкой патрициев, владеющих всеми богатствами, а следовательно, и всей силой, и сделавших уже эту власть наследственной. Свободны ли даже римские граждане, которым нехватает хлеба, у которых нет крова и плаща, чтобы укрыться от зимних холодов? Они самые низкие рабы первого, кто им встретится и выразит желание купить их голос; право голоса — единственное наследство, единственное богатство этих нищих повелителей мира. Свобода — это слово, лишенное смысла, это струна, которая всегда звучит в душе масс и часто помогает именно тирану.

Я тоже, Спартак, страдаю от высокомерной спеси этих ненавистных патрициев и удручен печалью и несчастьями бедного плебса, но я вижу, что только на гибели первых может создаться благополучие последнего; для того чтобы уничтожить господство олигархов, надо подлаживаться к страстям народа, но держать его в узде, руководить им с железной волей и с величайшей авторитетностью. И так как человек человеку волк, так как человеческий род судьбой разделен на волков и ягнят, на коршунов и голубей, на пожирающих и пожираемых, то я уже сделал свой выбор и поставил перед собой трудную задачу: овладеть властью и переставить судьбы обеих сторон, сделав угнетателей угнетенными, пожирающих — пожираемыми.

— Но, следовательно, ты, Цезарь, хоть и частично, одушевлен моими же чувствами...

— Да, и я чувствую жалость к рабам, к которым я всегда милостив, и сострадание к гладиаторам. Но, чтобы достигнуть поставленной цели, мне необходимо гораздо больше искусства, чем насилия, больше ловкости, чем силы, смелости и вместе осторожности — неразлучных спутников на опасном пути. Я чувствую, что мне суждено достичь большой высоты, я хочу ее достичь и достигну. Мне выгодно использовать встречающиеся на пути силы подобно реке, которая, собирая в свое лоно все потоки, впадает в море, бурная и могучая. И я обращаюсь к тебе, Спартак, так как ты наделен величайшим мужеством и избран для великих дел, и говорю тебе: желаешь ли ты оставить безумную мысль о невозможном восстании и стать вместо этого помощником и спутником судьбы Цезаря? У меня своя звезда — Венера, моя прародительница, которая ведет меня по тропе жизни и предвещает мне высокую судьбу. Раньше или позже я получу управление какой-либо провинцией и легионы. Тогда я буду одерживать победы, получать триумфы, стану консулом; я буду сокрушать троны, покорять народы и подчинять государства...

Цезарь был чрезвычайно возбужден, и его лицо казалось озаренным блеском сверкающих глаз. Его взволнованный голос, его величественный и внушительный вид на мгновение очаровали Спартака. Но Цезарь замолчал, и Спартак, освободившись от власти его красноречия, спросил строгим голосом:

— А потом?

— А потом... власть над всем миром! Итак, — сказал Цезарь уже спокойным тоном, — брось это дело, заранее осужденное на неудачу, и убеди своих товарищей перетерпеть все, с тем чтобы у них осталась надежда завоевать свои права путем законным, а не с оружием в руках. Будь моим другом и последуй за мной в моих походах; ты получишь под команду храбрых бойцов и тогда сумеешь выка-

зять в полном блеске необыкновенные способности, которыми тебя одарила природа...

— Невозможно! Спасибо тебе, Кай Юлий, за высокую оценку, данную мне, и за любезное предложение, но у меня своя судьба и свой путь, и я не могу и не желаю оставить своих братьев по рабству. Если там, наверху, еще существует справедливость, то наше дело не погибнет; а если люди и боги будут сражаться против меня, я, как Аякс, сумею пасть не покорившись, мужественно и спокойно.

Цезарь снова был восхищен этим человеком. Крепко пожав Спартаку руку, он сказал:

— Да будет так! И, так как ты бесстрашен, я тебе предвещаю счастливую судьбу, ибо я знаю, насколько бесстрашие души помогает избегать несчастий. Я от души желаю тебе счастья, — оно играет во всех делах большую роль, особенно в военных делах и в короткие периоды великих революций. А ты, который сегодня вечером был готов видеть окончательный провал своего дела, если Фортуна повернется к тебе лицом, можешь легко, благодаря своевременным мерам, оказаться завтра близким к успеху и триумфу. А теперь поспеши в Капую: я не сумею, да и не должен помешать тому человеку отправиться к консулам с целью раскрыть ваш заговор. Итак, постарайся, если счастье на твоей стороне, попасть туда раньше гонцов сената... Прощай!

— Пусть боги тебе покровительствуют, Кай Юлий... и... прощай!

Понтифекс и рудиарий снова пожали друг другу руки и молча спустились по пустынной улице к кабачку Вены Либитины. Цезарь, уплатив по счету, направился в свой дом в сопровождении раба. Спартак же, в лихорадочной тревоге, созвав своих товарищей, каждому из них отдал приказания: Криссу поручил уничтожить всякие следы за-

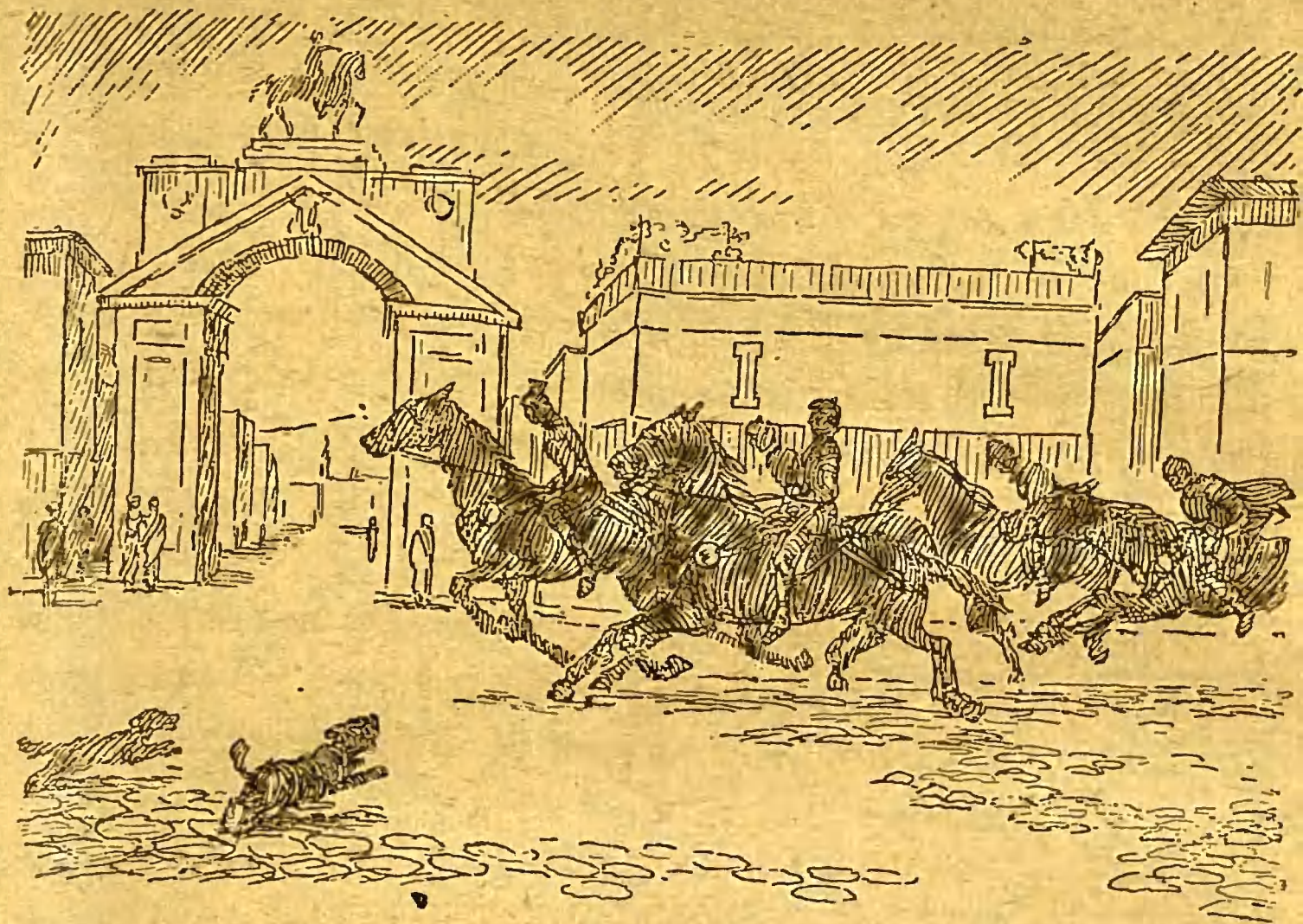
говора между гладиаторами Рима, Арториксу — мчаться в Равенну к Грапику, а сам с Окномао, сев на двух сильных коней и взяв с собой пять талантов из кассы Союза угнетенных, чтобы иметь возможность в пути купить новых лошадей, крупной рысью помчался к Капуанским воротам.

Цезарь, вернувшись к себе и войдя в триклиний, узнал, что Метробий под влиянием фалернского снова загорелся пламенной любовью к отечеству и, испугавшись продолжительного отсутствия Цезаря, с которым, по его мнению, произошло несчастье, ушел к консулу спасать республику.

Цезарь подумал:

„Теперь гладиаторы и посланцы сената будут состязаться в беге, и как знать, кто придет первым? Вот так очень часто от самых ничтожных обстоятельств зависят самые серьезные события! Здесь все зависит от лошади!“

ГЛАВА X

Восстание

Капуя, богатая, веселая столица Кампаньи, самой плодородной, самой цветущей, самой красивой провинции Италии, в период, к которому относятся события, потеряла большую часть прежнего своего блеска.

Когда Кампанья сделалась римской провинцией, в Капую стало стекаться очень много римских горожан и патрицианских семейств, чтобы наслаждаться здесь приятной мягкой зимой, и город в короткое время сделался многолюдным, пышным и богатым.

Когда же Аннибал одержал при Каннах победу над римлянами, Капуя перешла на сторону победителя, сделавшего из этого очаровательного города базу для своих военных операций. Но скоро Аннибал был побежден, и с его поражением закатилась звезда Капуи. Римляне частью умертвили жителей, частью изгнали, частью продали в

рабство, а город заселили колонистами — горцами и земледельцами, которые оставались верны Риму.

С того времени прошло сто тридцать восемь лет, и колонии легионеров, организованные Суллой вокруг Капуи, вновь способствовали ее расцвету. Имея до ста тысяч жителей, опоясанная крепкими стенами, с прекраснейшими улицами, великолепными храмами, грандиозными портиками, дворцами, термами и амфитеатрами, Капуя своим внешним видом не только соперничала с Римом, но и превосходила его.

20 февраля 680 года, в час, когда солнце медленно заходило за вершины холмов, в Капуе наблюдалось обычное при наступлении вечера движение народа. Рабочие заканчивали работы, закрывались лавки.

Граждане, проходившие по великолепной Албанской улице, останавливались в изумлении при виде отряда из десяти всадников с декурием во главе, мчавшегося во весь карьер. Лошади были покрыты грязью и пылью, из ноздрей их шел пар, с удил капала пена. Все это доказывало, что они очень поспешно сделали большой путь и что отряд имел важное поручение.

Всадники остановились у дома Меция Либеона, который в качестве префекта управлял городом от имени римлян.

Декуршон спешился, вошел в портик и потребовал, чтобы его немедленно допустили к префекту, которому он должен передать очень важные письма от римского сената.

Через некоторое время несколько рабов спешно вышли из дома префекта и направились бегом по разным направлениям.

Все это возбудило любопытство уличной толпы. Любопытство перешло в тревогу, когда увидели трибуна военной охраны Тита Сервилиана, спешно шагавшего к дому префекта.

А в то время, как военный трибун входил в дом префек-

та, вдоль акведука, доставлявшего в Капую воду с соседних холмов, двигались, тяжело дыша, покрытые грязью и пылью, два человека, оба огромного роста и крепкого сложения; по одежде и оружию можно было узнать в них гладиаторов.

Это были Спартак и Окномао. Выехав из Рима ночью с 15-го на 16-е этого же месяца, они мчались во весь карьер, и, хотя они меняли лошадей на каждой почтовой станции, их все же нагнал декурион с десятью солдатами, который летел в Капую предупредить префекта о готовящемся восстании. Тогда Спартаку и Окномао пришлось свернуть с главной дороги и отказаться от услуг почтовых станций. Они ехали проселками и старались наверстать время, срезывая углы и извилины дороги, скача напрямик. Им удалось на целый час обогнать гонцов сената; они уже приближались к Капуе, как вдруг в семи милях от города лошадь Спартака, потеряв силы, упала вместе с седоком, и так неудачно, что левая рука рудиария оказалась вывихнутой.

Вскочив на ноги, Спартак, несмотря на жестокую боль, даже не подумал о вывихнутой руке и сказал:

— Семь миль! Нам остается только семь миль, а мы, да будут прокляты враждебные нам боги, должны отказаться от всякой надежды прибыть во-время. Если бы твой конь мог нас провезти еще три или четыре мили, то остальное мы сделали бы очень быстро пешком. Ведь у нас час выигрыша. Наши враги по меньшей мере еще час по прибытии гонцов должны будут затратить на то, чтобы сделать распоряжения.

— Соображение твое правильно, — ответил германец, — но сможет ли это бедное животное подвезти нас, да еще прысью, даже две мили?

Действительно, лошадь Окномао едва держалась; от нее шел пар, бока ее тяжело ходили.

Тогда эти два изнуренных, почти не евших несколько дней человека решили бросить лошадь. Молчаливые, бледные, покрытые потом, они шли с такой скоростью, что меньше чем в полтора часа оказались у ворот города.

Здесь пока все было спокойно. Двое сторожей спали, растянувшись на деревянных скамьях; трое сидели на корточках на мраморных ступеньках, которые вели к земляной насыпи у городской стены, и были заняты игрой в кости; двое остальных зевали и болтали друг с другом.

Спартак и Окномао, приняв вид ничтожных рабов, смиренно и молча продвигались вперед; они прошли уже первую арку ворот, внутри которой была подвешена посредством цепей спускающая решетка, пересекли проход, где находилась лестница, ведущая к земляной насыпи и в караульные помещения, и уже готовились войти под вторую арку, в которой собственно и были ворота в город, как вдруг со стороны города появился центурион в сопровождении тридцати легионеров в полном вооружении, в шлемах, в латах, со щитами, копьями, мечами и дротиками. Центурион держал в руке жезл — знак своего звания. Войдя под арку ворот, он закричал так, как кричат при военной команде: — К оружию!

Сторожевые легионеры поспешно вскочили и с быстротой, какой от них нельзя было ожидать, выстроились во фронт.

Спартак и Окномао, задержанные по знаку центуриона, отступили на несколько шагов и обменялись быстрым взглядом. Руднорий едва успел удержать правую руку германца, уже схватившегося за рукоятку меча.

— Разве так несут охрану, негодяи? — спросил строго центурион. — Так стерегут, лентяи?

И он ударил жезлом одного из легионеров, который опоздал занять место в строю.

— А ты, — обратился он к сконфуженному началь-

пику караула, — плохо следишь за дисциплиной, и я лишаю тебя звания начальника. Гладиаторы угрожают восстанием. Дело может оказаться очень серьезным. Опустите решетку, закройте ворота, будьте настороже, как во время войны, расставьте часовых и действуйте, как в час сильной опасности.

Центурион повернулся к Спартаку и Окномао и спросил, нахмутив брови:

— Вы гладиаторы?

— Гладиаторы, — спокойно ответил Спартак.

— Из школы Лентула, конечно?

— Ты юшибаешься, доблестный Попилий, мы на службе у префекта Либеона.

— Ты меня знаешь?

— Я видел тебя много раз в доме нашего господина.

— В самом деле, — сказал Попилий, вглядываясь в гладиаторов, лица которых он слабо различал в наступившей уже темноте, — в самом деле, мне кажется...

— Мы два гиганта-германца, назначенных на службу к Лелии Домиции, супруге Меция, носилки которой мы всегда сопровождаем.

Спартак за четыре года жизни в школе Лентула Баттата привлек в Союз угнетенных нескольких гладиаторов, принадлежавших патрицианским семьям в Капуе, и хорошо знал двух гладиаторов-германцев гигантского роста, которые были собственностью префекта Меция Либеона.

— Верно! — сказал центурион. — Ты прав! Теперь я вас узнаю...

— Даже... я вспоминаю, что встретил тебя, — продолжал Спартак с невинным видом, — в тихий час ночи у входа в дом трибуна Тита Сервилиана, куда мы двое провожали Домицию на носилках. Да, эти ночные прогулки нашей госпожи так часты, что....

— Молчи... ради твоих варварских богов, грязный

кимвр! — воскликнул Попилий, которому пришлось не по вкусу, что в присутствии легионеров говорили в таком духе о далеко не безупречном поведении жены префекта. — А откуда вы идете?

— Из Куманской виллы нашего господина, куда мы провожали транспорт драгоценной утвари.

— Вы ничего не знаете об этом восстании, задуманном в школе Лентула Батната?

— А откуда нам знать об этом, господин? И если бы задорные и буйные ученики Лентула решили совершить какое-либо сумасбродство, то они, конечно, не пришли бы говорить об этом с нами, так как они завидуют нашей жизни. Нам хорошо у нашего превосходного господина.

Это было верно, и слова Спартака были настолько естественны, что убедили центуриона. Однако, он счел нужным сказать:

— Меня смешит восстание гладиаторов, но мой долг принять все зависящие от меня меры предосторожности. Поэтому я приказываю вам сдать мечи... Хотя добрейший Медий великолепно обращается с вами, много лучше, чем заслуживает такой сброд, как вы, все-таки вы — гладиаторы, подлые люди, способные на все... Подать сюда ваши мечи!

Тут вспыльчивый Окномао так яростно схватил свой меч, что чуть не испортил все дело. Спартак во-время успел отнять у него меч и в то же время, вынув левой рукой своей, подал почтительно оба меча центуриону; чтобы помешать Окномао разразиться какой-либо вспышкой, он поспешил сказать:

— Ты нехорошо делаешь, Попилий, сомневаясь в нас, и едва ли за твое недоверие наш господин будет тебе благодарен; во всяком случае, вот тебе наши мечи, и позволь нам вернуться в дом Медия.

— В пом, что я сделал, презренный гладиатор, я сам

отдам отчет твоему господину, а теперь убирайтесь оба отсюда.

Спартак вместе с германцем, дрожащим от ярости, поклонившись центуриону, вошли в город, сдерживая шаг, чтобы не возбудить подозрения.

Выйдя на Албанскую улицу, оба гладиатора заметили необычное движение, шум, беготню, возбужденное оживление. Они все больше убеждались, что план их уже провалился, что они слишком поздно придут в школу гладиаторов.

Удалясь от ворот на выстрел из лука, они бегом помчались к школе.

Школа Лентула Батиата находилась в одном из наиболее отдаленных кварталов города, у самой городской стены. Она помещалась в восемнадцати или двадцати домах, построенных по одному плану. Каждый дом состоял из соединенных между собой двухэтажных флигелей, расположенных вокруг внутреннего двора. Во дворе гладиаторы занимались гимнастикой и фехтованием; впрочем, на случай дождя имелись специально для этого приспособленные залы. Во флигелях были жилые комнаты-клетушки, каждая на одного человека, без мебели, только с лежком из сухих листьев или соломы. В каждом доме помещался, кроме того, склад оружия, которое выдавалось гладиаторам для публичных выступлений. Помещения складов были защищены железными решетками и дубовыми дверями с массивными замками, ключи от которых хранились у владельца школы.

Между домами школы протянулись узкие запутанные улочки, которые когда-то составляли часть города, но после попытки гладиаторов поднять восстание, бывшей за двадцать восемь лет до описываемых событий, вся территория школы была окружена стеною. Таким образом, школа Лентула Батиата представляла собою нечто вроде маленькой крепости внутри города. Улицы вокруг ее стен, беспоря-

дочные и мрачные, являлись как бы предместьем этой крепости.

Подойдя к школе, Спартак и Окномао увидели сверкавшие при свете смоляного факела копья, мечи и шлемы легионеров.

— Слишком поздно, — прошептал Окномао. — Школа окружена... Что нам делать?

— Подожди.

И Спартак, напрягая слух, стал следить за движением факела, который все удалялся в глубь улиц и скоро исчез из виду.

— Они только начали окружение школы. Теперь они размещают отряды солдат на каждом перекрестке. Мы лучше знаем эти запутанные проходы и достигнем старой части стены минут на десять раньше. Там она не очень высока, и мы легко перелезем.

Действительно, Спартак и Окномао, скользя по темным и запутанным дорожкам, скоро достигли стены в намеченном месте.

Окномао с ловкостью, которую трудно было предположить в его гигантской фигуре, начал карабкаться на стену, пользуясь выступами камней, лишенных штукатурки, и скоро добрался до верха и начал спуск по другой стороне, еще более трудный, чем подъем.

Спартак, следуя за германцем, схватился правой рукой за острый край выступавшего из стены камня и начал подниматься; но, когда он, забыв о вывихе, пустил в дело левую руку, крик боли сорвался с его губ, и он упал навзничь на землю.

— Что случилось, Спартак? — спросил приглушенным голосом Окномао, который уже соскочил со стены внутри школы.

— Ничего... — ответил рудирий и в порыве неукротимой воли, не обращая внимания на страдания, снова с

ловкостью серны стал взбираться наверх. — Ничего... моя вывихнутая рука... ничего... я доберусь к тебе...

При последних словах его мужественная фигура действительно показалась на верху стены, и Окномао увидел, как Спартак стал спускаться с камня на камень, из расщелины в расщелину.

Как только он сыркнул на землю, Окномао поспешил к нему и испугался: рудий с посиневшим лицом напоминал привидение.

— Спартак, — воскликнул германец, — ты страдаешь больше, чем может вынести человек! Ты упадешь в обморок... садись сюда.

И говоря так, Окномао осторожно усадил фракийца на камень, прислонив спиной к стене.

Спартак действительно был в состоянии полного изнеможения. Его бледные губы судорожно подергивались, и он чуть слышно стонал. Едва Окномао прислонил его к стене, как Спартак склонил голову на плечо и застыл. Он казался мертвым.

Суровый германец, неожиданно превратившийся в сестру милосердия, смотрел на друга, не зная, что делать; но, наконец, он взял левую руку Спартака за кисть и, осторожно подняв рукав туники, обнажил ее. Рука сильно вздулась и опухла. Окномао решил, что в данный момент лучше всего будет сделать перевязку, и начал отрывать край своего плаща.

Но в это время Спартак от сильной боли застопал, вздрогнул, открыл глаза и пришел в себя.

Он осмотрелся кругом, собрал свои силы и, поднявшись на ноги, насмешливо воскликнул:

— Браво, герсей! Клянусь Юпитером Олимпийским, Спартак превратился в жалкую бабу! Дело гибнет, а я падаю в обморок.

С трудом Окномао мог его убедить, что пока все кру-

гом спокойно, что они пришли еще во-время, что обморок длился только минуты две и что состояние его руки очень тяжелое.

И, говоря так, германец крепко перевязал руку Спартака, придав ей горизонтальное положение на уровне груди.

— Так ты будешь страдать меньше. Спартаку достаточно одной правой руки, чтобы быть непобедимым!

— Лишь бы нам удалось достать мечи!

И они быстро направились к ближайшему дому школы и вошли во двор.

Там пятьсот гладиаторов стояли, собравшись в когорты. Они сразу узнали Спартака и Окномао и подняли радостный крик.

— Тихо! — скомандовал Спартак.

— Тихо! — повторил Окномао.

— Молчите и соблюдайте строй; теперь не время для пустых криков.

И, как только настала тишина, Спартак спросил:

— А где трибуны, центурионы, начальники?

— В здании Авроры, совещаются, что делать дальше, — ответил, выходя из рядов, один из деканов. — Школа окружена римскими когортами, а склады оружия охраняются многочисленными отрядами легионеров.

— Я уже знаю. Окномао, идем в здание Авроры! А вы, — обратился Спартак к гладиаторам, — ради всех богов неба и ада соблюдайте порядок и тишину.

Они направились к зданию Авроры и вошли в фехтовальный зал. Там около двухсот главарей — трибунов, центурионов и членов верховного штаба Союза угнетенных — обсуждали при свете факелов план дальнейших действий.

— Спартак! — воскликнуло несколько голосов при появлении тудиярия.

— Спартак! — повторили все с радостным изумлением.

— Мы погибли, Спартак! — сказал председатель собрания.

— Нет еще, — ответил фракиец, — если мы сумеем захватить хоть один склад оружия.

— Но как мы сможем это сделать? Мы безоружны!

— Много у нас факелов?

— Триста пятьдесят или четыреста наберется.

— Вот наше оружие! — воскликнул Спартак. — Среди всех десяти тысяч гладиаторов, собранных в этой школе, вы самые смелые, и выбор ваших товарищей вы должны оправдать сегодня своей отвагой и львиным мужеством. Готовы ли вы на все?

— На все готовы! — ответили в один голос двести гладиаторов.

— Тогда скорей... Соберите факелы... Удвоим, утроим их число, если это возможно, зажжем их и вооружимся ими. Бросимся на стражу ближайшего склада, обратим ее в бегство, затем подожжем дверь и получим столько оружия, сколько нам нужно для достижения победы. Клянусь священными богами Олимпа, не все потеряно, пока есть вера в дело; не все потеряно, пока есть мужество; напротив, победа обеспечена, если мы будем тверды в решении победить или умереть!

Энтузиазм Спартака моментально передался гладиаторам. В один миг они собрали разнообразные факелы — из пакли, пропитанной смолой и салом, из скрученных веревок, смазанных смолой и воском, пучки смолистых дощечек, соединенных в трубки и наполненных воспламеняющимся материалом, — зажгли их все и, яростно размахивая ими, как мечами, были готовы пойти в бой.

В это время центурион Попилий, усилив все сторожевые посты у ворот города, привел к школе триста с лишним легионеров и вместе с ними поступил под команду

трибуна Тита Сервилиана. Одновременно подошли к главным воротам школы почти семьсот солдат городской милиции под непосредственным начальством префекта Медия Либена.

Префект был человек лет пятидесяти, высокого роста, очень толстый, с свежим, румяным лицом, на котором с первого же взгляда можно было прочесть любовь к миру, желание покоя, стремление к эпикурейским наслаждениям за чашей и обедом. Восстание гладиаторов, разразившееся над городом подобно буре, поразило его, как человека, внезапно пробужденного среди приятного сна. Несчастный префект растерялся и запутался, как дышленок в пакле.

Солдаты городской милиции потребовали, чтобы он сам повел их в бой с гладиаторами. Он пробовал увернуться, доказывая, что его присутствие необходимо в префектуре, что он человек тоги, а не меча, чиновник, а не военачальник.

Но настояния капуанских сенаторов, крики солдат, а главное, упреки собственной супруги докончили его, и он, как жертва на закланье, двинулся во главе милиции к гладиаторской школе.

Едва его отряд подошел к главным воротам школы, трибун Сервилиан объявил совещание начальников всех отрядов, чтобы обсудить план ближайших действий.

На совещании бедный префект мог проговорить только несколько бессвязных и бессодержательных фраз. Но энергичный трибун Сервилиан выступил с уже готовым предложением.

— Я думаю, — сказал он, — что можно принять только один план для ликвидации заговора этого сброда: стеречь и защищать залы, где хранится оружие, запереть ворота школы и охранять их, чтобы помешать бегству гладиаторов, загородить все улицы и выходы в город. Обо всем этом я уже позаботился. Теперь у меня остается

около ста пятидесяти легионеров, которых я, соединив с храбрыми милиционерами города, мог бы повести против бунтовщиков, чтобы заставить их разойтись и вернуться в клетки.

— Очень хорошо, превосходно задумано! Это как раз то, что я хотел предложить! — воскликнул Меций Либеон.

— Что касается тебя, мудрый Либеон, то так как ты, наверно, желаешь принять прямое участие в действиях...

— О... когда ты здесь... храбрый и опытный в сражениях... О, нет... никогда не будет, чтобы я...

— Так как ты этого желаешь, — продолжал, прерывая префекта, трибуна, — ты можешь остаться с сотней этих капуанских солдат у ворот Геркулеса, отстоящих отсюда на два выстрела из лука, чтобы охранять вместе с поставленными уже там легионерами выход. — И он незаметно прошептал на ухо Либеону. — Ты не подвергнешься там никакой опасности.

— Превосходно! — сказал, несколько осмелев, Меций Либеон. — Ну, так иди и действуй, храбрый и прозорливейший юноша, я же пойду с сотней воинов к указанному мне посту, и если те попытаются выйти отсюда... им плохо придется... хотя в конце концов я человек тоги... да... Но я еще помню свои юношеские военные подвиги... и горе этим несчастным!

И, пожав руку Сервилиану, он с отрядом капуанских солдат направился к доверенному ему посту.

Тем временем группа гладиаторов, вооружившись факелами, готовилась овладеть складом оружия. Вход в этот склад охранялся пятьюдесятью рабами и легионерами, решившимися защищать дверь склада от мятежников ценою жизни.

Но в ту минуту, когда Спартак, Окномао и их товарищи готовы были атаковать склад, звук труб нарушил тишину ночи и печально пронесся по дворам.

— Тише! — воскликнул Спартак, останавливая своих товарищей.

Вслед за звуками труб раздался голос общественного глашатая, который от имени римского сената требовал, чтобы бунтовщики возвратились в свои камеры, предупреждал, что в случае неповиновения после второго трубного сигнала они будут разогнаны военной силой республики.

Один миг Спартак стоял в нерешительности, собираясь с мыслями, а затем повернулся к своим товарищам и сказал:

— Если атака удастся, то мечей хватит нам для того, чтобы завладеть остальными складами школы. Если же мы будем отбиты, нам останется один лишь выход: первые центурионы из обоих восставших легионов должны сейчас же вернуться к своим частям и, если через четверть часа они не услышат звуков нашего гимна, предложить всем молча разойтись по камерам. Это будет знаком, что мы не смогли захватить оружие. Мы же в этом случае свалим на землю и подожжем ту калитку, которая находится на половине расстояния выстрела из лука от ворот Геркулеса, и, добравшись до трактира Ганимеда, вооружимся там чем возможно, преодолеем все препятствия и в количестве ста, шестидесяти, тридцати, словом, все, кто из нас останется в живых, разобьем лагерь на горе Везувий и подыдем там знамя свободы. В таком случае по самым коротким дорогам, безоружные или вооруженные, группами или поодиночке, пусть соберутся туда все наши братья. Оттуда начнется война угнетенных против угнетателей.

И, видя, что два первых центуриона колебались покинуть свое место здесь, где в данный момент была наибольшая опасность, Спартак сказал им:

— Армодий, Клувиан, именем верховного штаба приказываю вам идти.

Оба юноши скрепя сердце удалились, направляясь каждый к своему отряду.

Тогда Спартак скомандовал:

— Вперед!

И вместе с Окномао, войдя первым в коридор, где находился вход в склад, он с быстротой молнии бросился на легионеров, охранявших двери.

Между тем трубы безрезультатно протрубили второй раз, и отряды римлян двинулись одновременно на три двора, где собрались гладиаторы, и начали метать дротики в безоружных. Гладиаторы стали отступать в свои камеры.

— Оружия! — кричали беззащитные.

Но буря дротиков продолжала свирепствовать, и скоро отступление гладиаторов превратилось в бегство.

Тогда началась давка у выходов, в узких коридорах. Слышались ругательства, дикие крики, просьбы и мольбы, стоны раненых и умирающих.

Избиение гладиаторов в первых трех дворах и их бегство повлекли за собой расстройство и упадок духа в когортах, собравшихся на остальных дворах; ряды восставших начали быстро редеть, приходить в расстройство.

Между тем Спартак и Окномао с двумя товарищами — теснота коридора не позволяла сражаться более чем четверем в ряду — в короткое время успели прогнать легионеров от двери склада. Гладиаторы, запрудившие коридор, стали сваливать факелы в кучу перед дверью, стараясь поджечь ее.

Но легионеры, убежавшие от Спартака, успели предупредить Сервилиана об опасности, угрожавшей складу. Центурион Попилий со своим отрядом поспешил к школе Геркулеса, бросился в коридор, где дверь уже начала пылать, и приказал метать в гладиаторов дротики.

Отряд Спартака стал отступать, но так как здесь были самые храбрые и сильные гладиаторы, они отступали в

полном порядке, кидали в римлян факелы, вынимали дроты из тел раненых и убитых и, действуя ими, как мечами, сбивались от легионеров.

Выйдя с Окномао во двор, Спартак увидел беспорядочное бегство гладиаторов и по крикам, возгласам и воплям понял, что внутри школы все потеряно, что остался один путь к спасению — прорваться и искать убежища на Безувии.

Он вернулся в дом и закричал громовым голосом, который был слышен среди рева и шума схватки:

— У кого есть меч, пускай останется здесь и защищает возможно дольше этот выход.

Несколько гладиаторов, вооруженных отнятыми у легионеров мечами и копьями, стали живой изгородью у выхода, которым тщетно старался завладеть Цопилий.

— Следуйте за мной! — закричал Спартак, размахивая факелом.

И вместе с Окномао он быстро направился к тому месту в окружающей школу стене, где была небольшая калитка, уже много лет наглухо запертая.

Для того, чтобы сжечь ее, понадобилось бы по меньшей мере полчаса, а секир и молотков, чтобы свалить эту калитку, у гладиаторов не было. Что было делать?

Тут Окномао заметил мраморную колонну, лежавшую у стены, и закричал:

— Выходи, кто сильнее!

Моментально семь или восемь гладиаторов вышли вперед и стали перед Окномао, который выбрал одного из них, самнита, почти такого же гиганта, как он сам, и, наклонившись над колонной и положив руки под один ее конец, сказал:

— Ну, а теперь ты, и посмотрим, насколько ты силен; берись за другой конец.

И они, подняв без труда и раскачав эту огромную

глыбу, кинули ее со всей силой в дверь, затрепавшую под страшным ударом.

Дважды должны были юба силача повторить этот маневр, чтобы, наконец, дверь упала на землю; тогда двести гладиаторов, погасив факелы, в молчании вышли за стену и направились по узким и грязным улицам города к трактиру Ганимеда.

Это был ближайший к школе Лентула и наиболее посещаемый гладиаторами трактир.

Хозяин его, рудиарий, большой друг Спартака, принимал участие в заговоре.

Спартак, Окномао и еще несколько гладиаторов вошли в трактир, который отстоял едва на выстрел из самострела от ворот Геркулеса, где находился пост легионеров милиции под начальством трусливого префекта Медия Либеона.

Спартак подбежал к печи и взял огромный вертел, а Окномао и остальные собрали в охапку вертела, ножи и косы и стали распределять это оружие между товарищами. В результате вооружились почти все двести человек. Тогда в полном молчании они подошли к воротам Геркулеса и бросились на легионеров, совершенно не ожидавших нападения с этой стороны.

Схватка длилась всего несколько минут; отчаянный натиск гладиаторов быстро привел к разгрому малочисленных легионеров. Несчастный префект бросился на колени:

— Я — человек тоги... Я не сделал... ничего дурного... милости... о, доблестные... пощады!..

Тут Окномао нанес ему удар в грудь, от которого тот покатился кубарем.

Гладиаторы двинулись к городской стене. Тут Спартак остановился и сказал Окномао:

— Мы должны разделиться на два отряда. Половина из нас задержится здесь, чтобы оказать сопротивление

нашим преследователям и дать время другой половине перебраться через городскую стену.

— Остаюсь я! — закричал Окномао.

— Нет, ты поведешь к Везувии, а я останусь здесь...

— Ни в коем случае. Если я умру, ты сумеешь продолжать войну, а если ты погибнешь, все будет кончено.

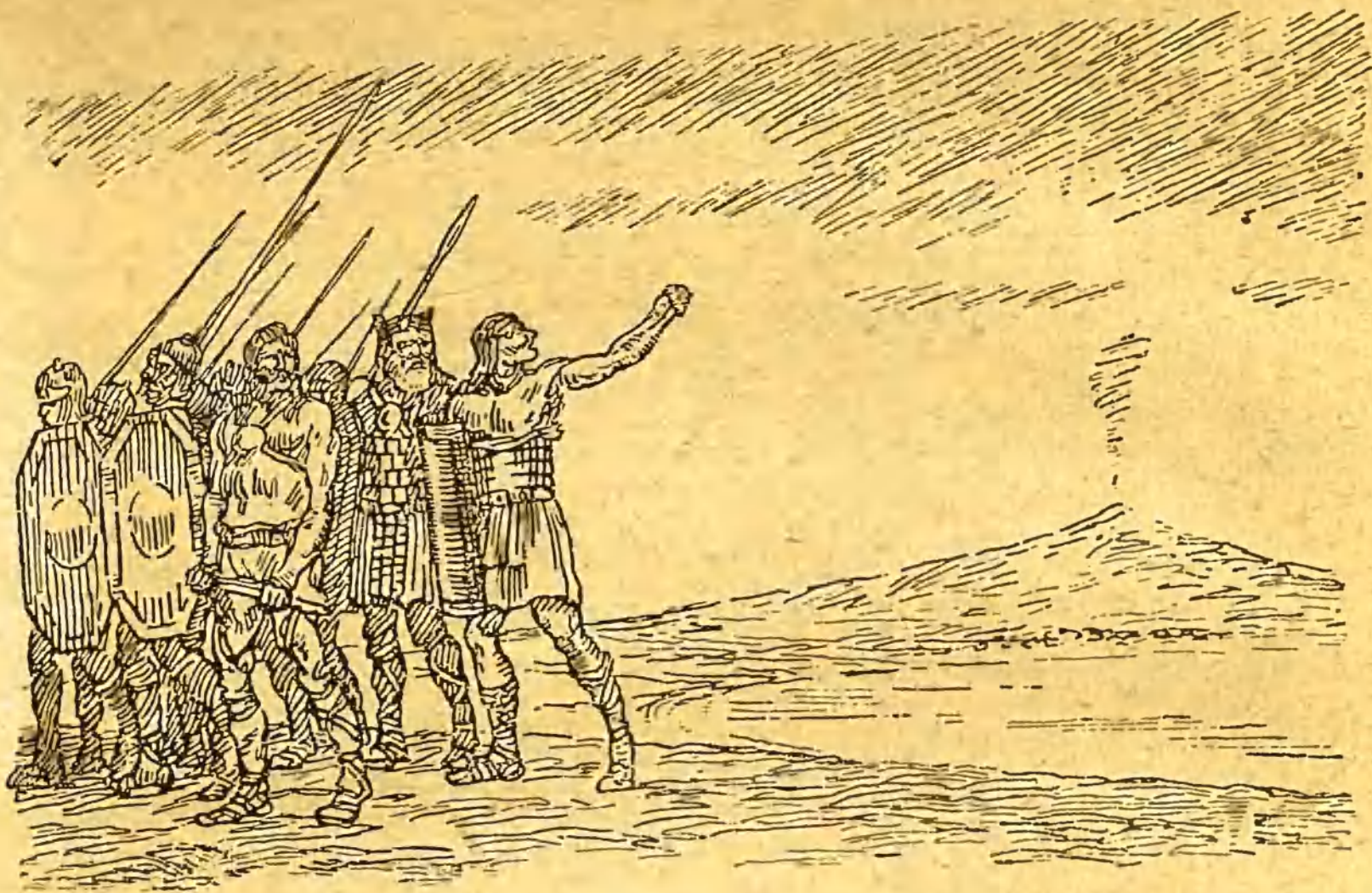
— Беги, Спартак! — воскликнули гладиаторы. — Мы останемся здесь с Окномао.

Слезы показались на глазах Спартака, и, пожав руку германца, он сказал:

— Прощайте... Я жду вас на Везувии...

И, сопровождаемый своим отрядом, он исчез в лабиринте тропинок, ведущих к городской стене, между тем как Окномао приказал оставшимся с ним выбрасывать из соседних домов скамейки, кровати и другую мебель, которыми они забаррикадировали улицу, подготовив таким образом сопротивление приближавшимся римским когортам.

ГЛАВА XI

От Капуи до Везувия

Около полуночи небольшой отряд гладиаторов, бежавших из школы Лентула, остановился возле виллы Корнелия Долабеллы, приблизительно в восьми милях от Капуи.

Спартак несколькими ударами в ворота разбудил собак и привратника, старого фессалийца-раба, который сперва не хотел открывать и только после угроз со стороны Спартака отодвинул засовы и впустил неожиданных гостей.

Едва гладиаторы прошли по широкой аллее, Спартак велел закрыть ворота и оставил здесь на страже отряд из пяти человек.

Затем он произвел смотр своим товарищам, которых оказалось семьдесят восемь.

— Эх, Борторикс, — сказал Спартак молодому галлу, стоявшему возле него, — если счастье улыбнется нам в нашей отваге, эта кучка сумеет поднять большую войну,

и — кто знает! — не оставлено ли на страницах истории этим семидесяти восьмью место рядом с тремястами у Фермопил?.. Кто знает!

Между тем вызвали управителя виллой, и Спартак обещал ему, что гладиаторы не сделают никакого вреда его хозяину, не учинят ни грабежа и никаких насилий.

Он попросил только управителя снабдить отряд продовольствием. Управитель согласился. Гладиаторы получили немедленно пищу и вино и продовольственных запасов на три дня. Спартак не имел отдыха уже несколько дней и больше тридцати часов ничего не брал в рот, однако, он поел очень немного и выпил лишь глоток вина. На вилле среди рабов нашелся врач, который вправил ему вывихнутую руку и посоветовал подкрепить силы сном, предупредив, что в противном случае он рискует схватить горячку. Спартак согласился лечь, предварительно дав подробные инструкции Борторикусу. Борторикс, по совету врача, не будил его, и Спартак проснулся на другое утро очень поздно, но зато с восстановленными силами.

Первым делом он собрал всех рабов Долабеллы на площади перед домом, а сам, в сопровождении домоправителя и тюремщика, пошел к тюрьме.

Тюрьмы для рабов существовали на всех виллах, во всех деревенских домах римлян. Узники в них содержались закованными и должны были работать с железными кольцами на руках и лодыжках. Освободив более двадцати несчастных, Спартак присоединил их к собранным на площади. В понятных словах он рассказал этой толпе о деле, которое он задумал и которому посвятил всю свою жизнь.

— Кто из вас желает освобождения и предпочитает этой жалкой жизни раба почетную смерть на поле битвы с оружием в руках, кто из вас чувствует себя смелым, сильным и готовым вынести все трудности и опасности

войны, кто из вас чувствует весь позор ненавистных цепей, пусть возьмет в руки любое оружие и последует за нами.

Горячие слова Спартака произвели сильное впечатление. Свыше восьмидесяти человек захватили топоры, косы и трезубцы и вступили тут же в Союз угнетенных.

Немногими мечами и копьями, найденными на вилле, вооружились Спартак, Борторикс и самые храбрые из гладиаторов. Спартак рядом с каждым гладиатором мудро разместил рабов Долабеллы для того, чтобы гладиаторы видели в новичков силу и мужество. Построив в строгом порядке свою когорту, в которой теперь уже оказалось свыше ста пятидесяти человек, Спартак за два часа до полудня вышел из виллы, направляясь через поля и виноградники по глухим тропинкам к Неаполю. По пути он останавливался на каждой вилле, добывал, где мог, оружие и везде призывал рабов к восстанию.

Таким образом маленький отряд за одни сутки вырос до трехсот человек. На рассвете гладиаторы подошли к Везувию. Приблизительно в двух милях от Помпеи Спартак остановился, заняв несколько садов, лежавших по сторонам дороги, укрыл воинов за рядами душистых акаций, мирт и розмаринов и решил ожидать здесь восхода солнца.

Скоро на вершине горы появились сероватые тучки; они напоминали легкие волны дыма над пожаром, внезапно возникшим на склонах соседних Апеннин.

Тучки становились розовыми, потом пурпурными, потом появилась тончайшая пленка сверкающего золота, и на гору, которая до того представляла собой огромную черную массу, внезапно пролились потоки яркого света, озарившие ее величественные контуры: и верхушки, покрытые темными, густыми лесами, и мрачные пропасти, зиявшие меж пластов серовато-пепельной лавы, и цветущие

щие склоны, которые, сбегая на много миль кругом, казалось, расстилали у подошвы гордого гиганта чудесный разноцветный ковер, сотканный из цветов и зелени.

В это время Везувий имел форму, сильно отличавшуюся от теперешней, и не был грозным, как ныне. Извержения Везувия происходили в отдаленнейшие времена, о которых даже память не сохранилась в эпоху Спартака. О них свидетельствовали только слоистые отложения лавы вокруг горы. На этой вулканической почве были построены города Стабия, Геркуланум и Помпея.

Но с незапамятных времен огонь, kloкочущий в жерле вулкана, не возмущал благоденствия этих чудных мест, и жители их были прославлены поэтами как обитатели преддверия к Елисейским полям. Действительно, ни в каком другом месте на земле поэты не могли найти столько прелести, столько чарующих качеств, соответствующих входу в Элизium.

Только подземные толчки и землетрясения нарушали спокойствие жителей Кампании, но толчки бывали так часто и в то же время были настолько безвредны, что к ним здесь привыкли и мало думали о них. Вся нижняя часть склонов Везувия была сплошь покрыта садами, виноградниками, рощами, оливковыми и фруктовыми деревьями, виллами и дворцами.

Зрелище, которое представляли в это утро под блистающими лучами восходящего солнца Везувий и Неаполитанский залив, было великолепно. Гладиаторы созерцали в изумлении эту чарующую панораму.

Спартак же, всматриваясь в склоны Везувия, старался определить, доходит ли дорога, по которой шел отряд, до самой вершины. Но густые леса, чем выше, тем больше закрывали склоны. Спартак решил отправить на разведку Борторикса с тридцатью проворными людьми.

Разведчики вернулись часа через три, и Борторикс

сообщил Спартаку, что дорога подымалась еще приблизительно на две мили по склону, а потом переходила в обрывистую узенькую тропинку, ведущую через леса к вершине; тропинка пропадала среди скал и пропастей. Доступ к вершине был довольно затруднителен.

— Ах! — воскликнул обрадованный Спартак. — Идем же туда, где орлы и дикие звери находят верное убежище. Судьба при всем желании не могла нам предоставить более удобного места!

Отряд двинулся к вершине Везувия, а Спартак отозвал девять человек из школы Лентула и, снабдив их деньгами, приказал отправиться троим в Рим, троим в Равенну и троим в Капую; они должны были сообщить гладиаторам, находившимся в школах этих городов, что Спартак с пятью сотнями стоит лагерем на Везувии, и предупредить, чтобы туда в одиночку, манипулами, легионами, как им удобней, как можно скорей все явились для борьбы за свободу.

Направляя разведчиков по трое в каждый из городов, Спартак рассудил, что, в худшем случае, если некоторые будут захвачены, по крайней мере трое попадут по назначению.

Дав подробные инструкции и наказав быть как можно осторожнее, Спартак проводил их и отправился догонять остальных. Скоро прекратились сады и виноградники, дорога пропала, и гладиаторы вступили в леса. Местность была пустынна, изредка только встречался одинокий пастух с немногими козами, бродившими по скалам.

После двух часов тяжелого подъема когорта Спартака достигла широкой площадки, расположенной на несколько сот шагов ниже вершины Везувия, покрытой, точно огромной простыней, широким слоем вечного снега.

Здесь Спартак остановил своих солдат и, пока они отдыхали, обошел площадку. С одной стороны площадки

вилась по скалам крутая тропинка, по которой поднялись сюда гладиаторы; с другой — вертикально высились неприступные скалы; с третьей — крутые обрывы срывались в лесистые пропасти; спуск и подъем здесь были еще тяжелее, почти недоступны.

Наконец, с южной стороны площадка оканчивалась глубокой, страшной пропастью, окруженной огромными обвалами, придававшими этой пропасти вид колодца, по внутренним стенам которого не могли бы вскарабкаться не только люди, но даже и козы. Это ущелье, в которое через расщелины скал проникал скудный свет, оканчивалось пещерой в виде тоннеля, неожиданно дававшей выход на роскошный, цветущий склон, который тянулся вплоть до равнины.

Внимательно осмотрев площадку, Спартак убедился, что более подходящего места для лагеря нельзя было бы и придумать. Прежде всего он приказал одной из манипул, вооруженной топорами и секирами, нарубить дров и зажечь костры для защиты от ночных заморозков, которые на этой высоте в середине февраля были очень резкими.

Затем он выставил немногочисленную охрану с почти неприступной восточной стороны площадки и другой отряд, численностью в половину манипулы, — со стороны Помпей, откуда они поднялись. Кроме того, он приказал забаррикадировать тропинки стволами деревьев и камнями.

Едва спустилась ночь, гладиаторы, утомленные работой, погрузились в сон.

Спартак бодрствовал, и его атлетическая фигура, стройная и неподвижная, полусвещенная кострами, выделялась в сумраке, точно призрак одного из гигантов, которые, по мифическим сказаниям, объявили войну Юпитеру и разбили лагерь на Флогрейских полях возле Везувия, чтобы здесь взгромоздить горы на горы и штурмовать небо.

Так он долго стоял, устремив глаза на море, и глядел,

не отрываясь, па свет, сиявший на одном из кораблей в гавани Помпеи.

Внезапно Спартак вздрогнул и, насторожившись, повернул голову в сторону тропинки.

— Однако... Это солдаты поднимаются в гору... так скоро!.. Я не ожидал.

Через несколько секунд в тишине ночи слышался громкий и ясный голос часового:

— Кто идет?

И возглас:

— К оружию!

Проснувшиеся гладиаторы уже вооружались и выстраивались в боевой порядок.

Но в ответ на окрик часового прозвучал лозунг:

— Постоянство и победа!

На тропинке появился Окномао, а за ним подымался целый отряд гладиаторов.

Спартак бросился через насыпь навстречу Окномао, и оба горячо обнялись. Окномао при этом старался не задеть вывихнутую руку друга.

— О, Окномао, я не надеялся так скоро увидеть тебя!

— И я также, — ответил германец, целуя Спартака в лоб.

После приветствий Окномао рассказал, как его отряд больше часа сопротивлялся римским когортам, как двадцать товарищей пали в этой ночной битве, как остальные согласно его приказу рассеялись поодиночке, выбрались из Капуи, собрались в условленном месте под акведуком и как несколько часов назад недалеко от Везувия встретили одного из гонцов Спартака, который указал им дорогу в лагерь.

Пришедших тем временем накормили, и они улеглись у костров.

На рассвете зазвучали рожки, воины выстроились в

боевой порядок, и Спартак с Окномао произвели смотр. Сменили караулы, отрядили часть людей за продовольствием и дровами, а остальным было приказано собирать камни для метания и делать пращи из веревок.

В этой работе прошел весь день. На заре следующего дня гладиаторы были разбужены криками часовых, призывавших к оружию. На этот раз тревога оказалась не ложной: со стороны Помпеи подходили две когорты римлян, численностью около тысячи человек, под начальством трибуна Тита Сервилиана.

Энергичный Сервилиан на следующее утро после расправы с гладиаторами явился в капуанский сенат и заявил, что больше сотни гладиаторов ночью убежали, что к ним ежечасно присоединяются рабы из окрестных вилл, что во главе их стоят способные вожди, что, если восстание не ликвидировать сейчас же, оно может разрастись и стать действительно опасным. Поэтому необходимо, не теряя ни минуты, настигнуть бежавших, изрубить их в куски, а головы их, насаженные на пики, выставить в школе Лентула Батиата на страх остальным.

Сенат принял предложение Тита Сервилиана и опубликовал декрет, которым назначалась награда в два таланта за головы Спартака и Окномао. Оба вождя вместе с их товарищами были приговорены к распятию на крестах; под угрозой суровых кар воспрещалось свободным и рабам оказывать бунтовщикам какую-либо помощь.

Другим декретом сенат поручал трибуну Титу Сервилиану не медля ликвидировать восстание, дав для этой цели две когорты под его команду.

Тит Сервилиан, не теряя ни минуты, во главе тысячи двухсот человек, кратчайшим путем двинулся к Везувнию, узнал от местных жителей, где укрепились гладиаторы, и решил немедленно на них напасть.

На рассвете, после краткой и горячей речи к солдатам,

он стал подыматься к вершине и, когда солнце взошло, был возле лагеря.

Как ни осторожно продвигались римские когорты, часовой гладиаторов заметил их раньше, чем они подошли на расстояние выстрела из самострела.

Крик тревоги прозвучал среди скал и был повторен многократным эхом в пещерах.

Гладиаторы тотчас начали строиться в боевой порядок, когорты же Сервилиана пустились бегом, с криком, подобным реву волн в бурю, знаменитым „криком слона“, с которым римские легионеры обычно бросались в атаку.

Несмотря на тучу камней, падавших на них сверху, римляне достигли насыпи и пустили в дело оружие, кидая дротики в тех гладиаторов, которых не защищала насыпь.

Спартак, наблюдавший с высоты скалы, на которой стояло его войско, сразу понял грубую ошибку начальника римлян: Сервилиан повел своих солдат сомкнутым строем по тропинке, где нельзя было развернуть фронта и где их плотная и густая масса была поставлена под град камней. Спартак выдвинул своих солдат вперед, расположил их в два ряда во всю ширину площадки с той стороны, откуда началась атака, и приказал кидать камни.

— Через четверть часа, — сказал рудиарий, — римляне обратятся в бегство, и мы, преследуя их по пятам, совершенно уничтожим всех.

Действительно, скоро колонна нападавших стала колебаться и приходить в расстройство. Напрасно Сервилиан уже хриплым голосом требовал от солдат, чтобы они твердо выдерживали ураган камней; передние ряды отступали, напирая на задние. Началась давка. Отступление приняло характер панического бегства.

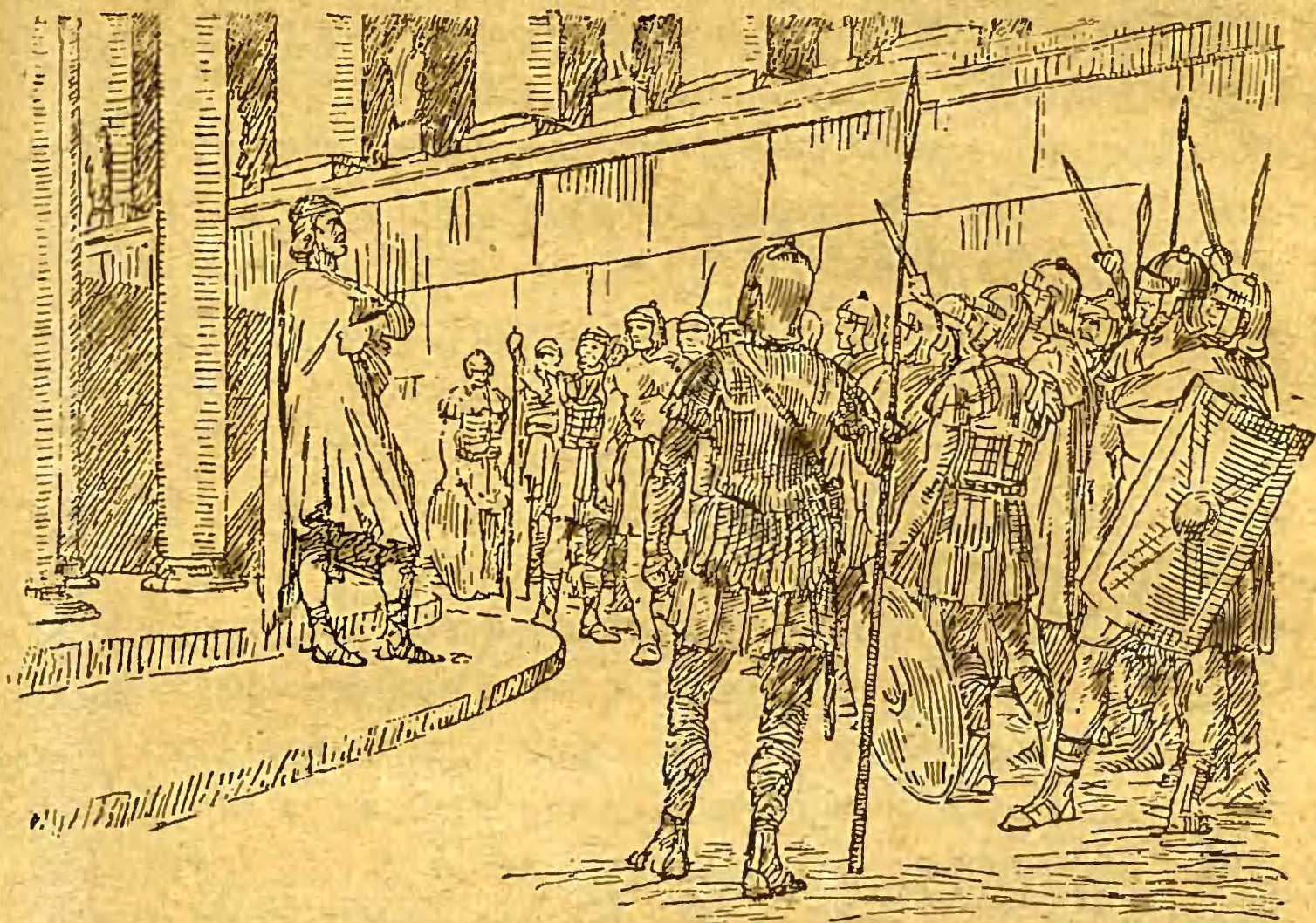
Тогда гладиаторы стали преследовать римлян, избивая арьергард и увеличивая панику. Наконец, там, где

тропинка расширялась из ущелья в долину, Сервилиан попытался собрать опытных старых легионеров и организовать сопротивление. Скоро, однако, он пал от руки Спартака, а его ветераны были изрублены.

Поражение римских когорт было окончательным: более четырехсот легионеров пали мертвыми, свыше трехсот попали в плен и, обезоруженные, были, по приказу Спартака, отпущены на свободу. У победителей было только тридцать убитых и около пятидесяти раненых.

И гладиаторы, одевши шлемы и латы, отнятые у неприятеля, вернулись в свой лагерь, нагруженные добычей, унося огромное количество оружия, для того чтобы снабдить им товарищей, которые, конечно, не замедлят к ним явиться.

ГЛАВА XII

Как Спартак довел число своих бойцов до десяти тысяч

Весть о поражении римских когорт распространилась с быстротой молнии по всей Кампанье и вызвала большое волнение. Все близлежащие города — Нола, Геркуланум, Байи, Неаполь, Мизен, Кумы, Капуя — готовились к обороне. Одна только Помпея, не имевшая стен, покорно принимала гладиаторов, приходивших туда запасаться провиантом и удивлявших жителей своей дисциплинированностью.

Несчастный Либеон, трусливый префект провинции, отправлял гонцов за гонцами в римский сенат, умоляя о немедленной помощи.

В Риме, однако, никто, кроме Катилины и Юлия Цезаря, знавших личные качества Спартака, не придавал серьезного значения этому восстанию. К тому же Рим был занят в то время гораздо более серьезными войнами: в Испании поднял восстание Серторий, умный и мужествен-

ный вождь, которого не могли сломить ни храбрость юного Помпея, ни тактика старого Метелла; на востоке снова выступил против римлян Митридат. Консул Лукулл, который готовился к походу против него, берег для этой цели каждый легион. Он послал поэтому против гладиаторов трибуна Клодия Глабра всего с шестью когортами, то есть меньше чем с тремя тысячами легионеров.

Спартак, хорошо изучивший строевой порядок греческих фаланг, фракийской милиции, войск Митридата и римских легионов, в рядах которых он сражался, убедился в преимуществах римской тактики и боевого строя римского легиона. Он решил организовать свое войско по римскому образцу. Он заказал в Помпее значок для первого гладиаторского легиона — копье, на острие которого, вместо римского орла, была помещена красная шапка, какой обычно господин покрывал голову раба, когда желал отпустить его на волю. Под шапкой он приказал прикрепить бронзовое изображение кошки — самого свободолюбивого из животных. Каждая центурия также получила свой значок — две бронзовых руки, соединенных вместе над такой же красной шапкой, символом освобождения.

Первый свой легион Спартак разделил на две когорты по пятьсот человек в каждой, а каждую когарту на пять манипул по сто человек. На каждые десять человек он назначил декана, а на каждую манипулу — двух центурионов, низшего и высшего.

По этому образцу должны были строиться и следующие легионы гладиаторского войска.

Спартак не сомневался, что к нему придут все гладиаторы Италии, и под его командой будет много легионов.

Сознавая себя хозяином на Везувии и прилегающих равнинах, Спартак ежедневно заставлял свои отряды подолгу упражняться в тактических маневрах: разворачивать ряды, смыкать, сходиться в намеченном пункте, де-

лать обходные движения, поворачиваться направо и налево, строиться в колонну и в три боевые линии и из третьей, перейдя вторую, занять место в первой линии и т. д. Из труб и бубнов, отнятых у легионеров Сервилиана, Спартак организовал небольшой духовой оркестр, который учился играть утреннюю зорю, сбор и сигналы к атаке.

Благодаря дисциплине, введенной в гладиаторском легионе, Спартак в короткое время завоевал расположение всех пастухов в окрестности. Уже за день до прибытия Клодия он знал не только о его приближении, но и о количестве его войск и понял, что с тысячью двумястами человек нельзя выступить в открытом поле против трех тысяч римских легионеров. Спартак отступил в свой лагерь на Везувий и здесь ожидал атаки неприятеля.

Удостоверившись в том, что гладиаторы находятся в своем лагере, Клодий, хорошо знавший эту местность, потер себе руки и воскликнул с улыбкой удовлетворения:

— Мышь в ловушке! Через пять дней они будут в наших руках.

Задумав взять гладиаторов измором, он разделил свою войско на две части: тысячу человек оставил на широкой консульской дороге у подошвы горы под начальством центуриона Марка Валерия Мессалы Нигра, а сам повел остальные четыре когорты вверх по дороге на Везувий, вплоть до места, где начинались леса и знакомая уже нам извилистая тропинка. Здесь он велел разбить лагерь. Затем он приказал Валерию Мессале обойти подошву горы и стать лагерем на противоположном склоне Везувия, на дороге, ведущей к городу Поле.

На заре следующего дня Спартак, обходя по своему обыкновению площадку, увидел отряд Мессалы, расположившийся под скалами, выходящими на Полю. Заподозрив что-то неладное, он, призвав к оружию две манипулы, стал во главе их и спустился по тропинке, ведущей к Помпее.

Но не успел он пройти и двух миль, как перед его глазами предстал лагерь Клодия Глабра во всей своей грозной мощи.

Спартак вернулся на площадку и призвал к себе Окномао, Борторикса и самых проницательных и решительных командиров. Он объяснил крайнюю опасность их положения и спросил, что делать. Окномао, вдохновляясь нетерпеливым своим мужеством, закричал:

— Клянусь эриниями! Что другое нам остается сделать, как не броситься с яростью диких зверей на тот или другой римский лагерь и тысяче умереть, а двумстам спастись?!

— В первый момент я подумал точно так же, — отвечал ему Спартак. — Но понял ли ты, что оба лагеря врагов заперли нам выход на открытое место, что ни с той, ни с другой стороны мы не сможем развернуть наши силы больше, чем на десять рядов? Чем же нам поможет, что нас тысяча двести, если мы сумеем сражаться не более чем по двадцати?

Окномао опустил голову. Другие стояли молчаливые и подавленные.

— Продовольствия у нас имеется только на пять или шесть дней, — продолжал Спартак, — ну... а потом? Впрочем, обойдем хорошенько еще раз площадку, посмотрим, нет ли способа выйти из этой могилы.

И в сопровождении товарищей Спартак приступил к обходу лагеря.

Когда начальники гладиаторов дошли до обрывистых скал со стороны Сорренто, они остановились у края площадки, чтобы на-глаз измерить глубину пропасти. И все отвели взгляды в ужасе перед этой головокружительной бездной.

— Здесь, — заметил один, — только камни могут достигнуть дна.

Недалеко от начальников пятнадцать-двадцать гладиаторов-галлов, сидя на земле, сплетали с большим искусством щиты из толстых ивовых прутьев, покрывая их сверху кусками твердой кожи. Глаза Спартака машинально остановились на этой работе. Один из галлов сказал ему улыбаясь:

— Видишь ли, щитов из металла и кожи у нас в лагере не более семисот, и вот мы хотим сделать для всех остальных такие плетеные щиты с кожаной покрывкой, на сколько у нас хватит кож.

— Гез и Тетуан вас щедро вознаградят в будущей жизни! — воскликнул Спартак, тронутый такой заботливостью.

Нагнувшись, он набрал в горсть ивовых прутьев, гибких и прочных. Вдруг лицо его просветлело, и он воскликнул:

— Клянусь Юпитером всеблагим! Мы спасены!.. Видите вы эти прутья? Мы сделаем из них лестницу! Если ее прикрепить к этой скале, можно спуститься вниз, на дно пропасти, и оттуда через ущелье выйти на открытое место, зайти в тыл римлян и устроить им хорошую бойню.

Улыбка недоверия показалась на лицах командиров. Окномао, покачивая головой, сказал:

— Спартак, ты бредишь!..

— Лестницу в восемьсот или девятьсот футов длиною? — спросил Борторикс.

— Кто сильно желает, для того нет невозможного. У нас тысяча двести человек. За три часа мы сплетем эту лестницу.

И он не медля приказал, чтобы четыре манипулы вооруженных топорами гладиаторов тотчас отправились в соседние леса рубить ивовые прутья. Собрали все веревки и ремни и разместили всех остальных гладиаторов на площадке в два ряда. Меньше чем через час посланные

в лес легионы вернулись с огромными охапками ивняка. Спартак первый начал связывать прутья. Скоро одни подготавливали, другие вязали, третьи складывали готовые звенья.

За два часа до захода солнца лестница длиною почти в девятьсот футов была готова. Спартак сам осмотрел и ощупал каждую ее часть. Тогда к одному из концов лестницы прикрепили два огромных камня и осторожно стали спускать ее этим концом в пропасть.

Камни, прикрепленные к лестнице, были тяжелее самого тяжелого из гладиаторов — Окномао. Когда они достигли дна пропасти, лестница, прикрепленная сверху, перестала качаться, установилась прочно и неподвижно.

Окномао, самый тяжелый, первый приступил к опасному спуску.

Перед спуском германец шутя проговорил:

— Клянусь всеведением и всемогуществом Вотана, даже самая легкая из валькирий не чувствовала бы себя удобно при таком путешествии.

С этой шуткой его гигантская фигура исчезла меж скал.

Спартак, склонившись над пропастью, с глазами, устремленными вниз, вздрагивал при каждом колебании, при каждом дрожании лестницы. Его лицо побледнело. Казалось, вся жизнь его висела на этих колеблющихся ивовых прутьях. Гладиаторы, сгрудившись у края обрыва, напряженно следили за волнообразными движениями лестницы. Прошло три минуты, показавшихся тремя олимпиадами, тремя веками. Наконец, колебания прекратились. Послышался глухой голос:

— Смирно! Внимание!

Это был условный сигнал. Окномао достиг дна пропасти. Вдох облегчения вырвался из всех грудей.

Тогда с лихорадочным нетерпением и с большой осторожностью гладиаторы стали спускаться один за другим.

Тридцать шесть часов продолжался этот спуск, и только на рассвете второго дня все оказались внизу на равнине.

Оружие спустили связками на веревке. Последними оказались внизу Спартак и Борторикс. Гладиаторы окружили Спартак в шумном восторге, но он призвал их к молчанию и приказал до наступления ночи скрываться в лесу. Когда стемнело, Спартак разделил свой легион на два равных отряда и один из них, под начальством Окномао, направил к лагерю Клодия Глабра, а сам во главе другого двинулся туда, где стоял со своими когортами Мессала.

В безмолвии приближался отряд Спартак к римскому лагерю. Наконец, они подошли так близко, что часовой услышал топот их шагов.

— Кто идет? — закричал легионер и, не получив ответа, дал сигнал к тревоге.

Но гладиаторы бегом спустились в ров, поднялись по другому склону его и с неслыханной быстротой взобрались на насыпь. Спартак пронзил часового своим мечом.

Римский лагерь вмиг наполнился криками, проклятиями, мольбами, паникой, смятением и убийством. Это было не сражение, а бойня. За полчаса свыше четырехсот легионеров простились с жизнью. Остальные бежали очертя голову.

Окномао, напав на лагерь Клодия Глабра, также одержал полную победу менее чем в час и обратил в паническое бегство остатки римского войска.

Так, благодаря проицательности Спартак, тысяча гладиаторов победила три тысячи римлян, треть которых погибла, а оружие, значки, имущество и оба лагеря достались гладиаторам.

День спустя оба отряда гладиаторов соединились в лагере Клодия Глабра.

Вспоминая шутку Глабра: „Мышь в ловушке“, гладиаторы сочинили веселую песню:

Жил кот когда-то старый,
Мышей противник ярый,
Решил он мышь поймать.
Он спящим притворился,
Над поркой притаился
И начал ожидать.

Но враг, проворный, ловкий,
Из этой мышеловки
Коту на спину — скак!
Кот думал о победе,
О лакомом обеде —
И вот ему урок!

Веревку мышь достала,
Бубенчик привязала
К хвосту врага скорей...
Ужасный звон раздался,
Кот струсил и умчался
Под дружный смех мышей.

Между тем в Капуе из школы Лентула Батиата гладиаторы убежали толпами. Ежедневно, даже ежечасно, приходили в лагерь на Везувий сотни новых борцов, так что в течение двадцати дней после победы Спартака над Клодием Глабром их явилось свыше четырех тысяч.

Поражение Глабра вызвало в Риме некоторый шум: сенату и римскому народу казалось позорным, что победителей мира разбила „толпа подлейших гладиаторов“.

„Подлейшие“ между тем в один прекрасный день явились у стен Нолы, богатого и многолюдного города, потребовали свободного входа, обещая уважать жизнь и имущество горожан.

Граждане Нолы собрались на форум и после долгого обсуждения решили обороняться. В то же время они послали гонцов в Неаполь, Брундизиум и Рим за помощью.

Но все гонцы попали в руки Спартака, державшего под наблюдением не только большие дороги, но и проселки

и тропинки. Оборона Нолы, проводимая плохо вооруженными и малосведущими в военном деле горожанами, длилась лишь два часа. Гладиаторы, имевшие в распоряжении много лестниц, быстро, с ничтожными потерями овладели стенами, проникли в город и, раздраженные сопротивлением, начали избивать граждан и предались грабежу. Спартак, с присущей ему энергией, мог прекратить резню и хищения только через несколько часов.

Букцины и трубы протрубили по улицам сбор, и легион гладиаторов выстроился на городском форуме. Спартак, поднявшись на ступеньки храма, повернул бледное и грозное лицо к своим солдатам. Среди глубокой тишины раздался его могучий голос:

— Итак, кляпуть всеми богами ада, вы, дикие и преступные люди, добиваетесь имени грабителей, славы разбойников и убийц? Разве это та свобода, которую мы приносим рабам, та дисциплина, при помощи которой мы пытаемся стать людьми, достойными отнятых у нас прав, те благородные поступки, которыми мы хотим расположить к нам жителей Италии? Вам недостаточно иметь против себя величие и могущество римского имени, вы еще желаете поднять на себя гнев, проклятья и месть всех народов?

В Италии смотрят на нас с боязнью, с подозрением, с недоверием, и кто нам не открытый враг, тот уж во всяком случае и не друг; и наше святое дело и наше знамя — самое высокое, которое когда-либо развевалось на полях сражения, — не пользуется пока никаким сочувствием. Чтобы завсезать это сочувствие, у нас есть лишь одно средство — дисциплина.

Дисциплина железными петлями создает непроницаемую и непобедимую броню римских легионов; и не потому, что римляне сильнее и храбрее всех на свете, но потому, что не было и нет ни одной армии более дисциплиниро-

ванной, чем римская, — вот почему до сего дня римляне побеждают всех врагов. Ничем не помогут вам сила ваших рук и ваше мужество, если подобно тому, как вы переняли строевой порядок от римлян, вы не изучите и не будете проводить на деле их дисциплину.

Если вы желаете иметь меня своим вождем, я требую, чтобы вы подчинялись мне и умели сдерживать себя, так как в порядке, в повиновении, в сдержанности — сила войска.

Каждый своими богами должен клясться, все вы должны поклясться мне своей честью, что с этого часа никогда вы не совершите даже самого незначительного проступка против дисциплины.

Необходимо, чтобы я в себе находил силу, как это сделал консул Манлий Торкват со своим сыном, отрубить голову самому дорогому из друзей, если он окажется виновным в малейшем нарушении установленных нами законов; необходимо, чтобы вы могли вести себя так, как, по рассказам восхищенных историков, вели себя римские легионы, разбившие лагерь возле яблони: после снятия палаток яблоня осталась покрытой плодами в том же количестве, как в день разбивки лагеря.

Лишь при таком условии мы станем достойны свободы, которой мы так страстно добиваемся; лишь при таком условии мы сумеем одержать победу над самыми сильными и доблестными в мире войсками.

По мере того как Спартак говорил, гул одобрения нарастал в рядах, а когда он кончил, раздались бурные и единодушные рукоплескания.

Затем Спартак вывел свою армию из Нолы, вблизи которой на одном из холмов он разбил лагерь, и провел здесь свыше двух месяцев, непрерывно производя ученья и маневры. Число его солдат дошло до восьми тысяч, так что он смог составить из них два полных легиона.

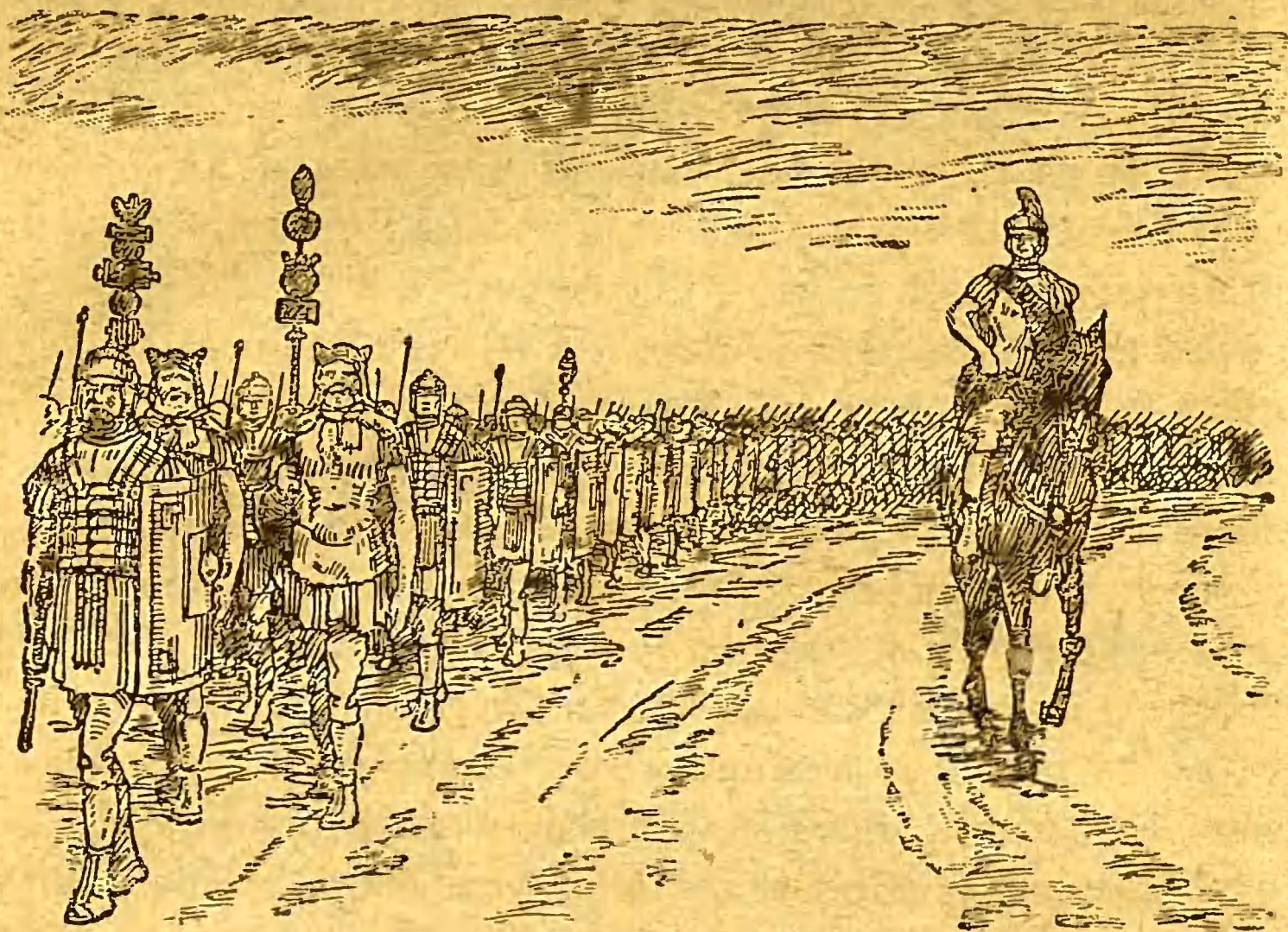
Между тем в Риме решили послать против гладиаторов претора Публия Вариния с легионом, состоявшим в большинстве из новобранцев, так как ветераны и легионеры, прошедшие боевую школу, были посланы против Сертория и Митридата в Испанию и в Африку.

За несколько дней до того, как Публий Вариний двинулся из Рима, в лагерь под Нолой явилось свыше двух тысяч человек, из которых многие были вооружены как попало — лопатами, трезубцами, топорами, серпами, другие — только заостренными кольями и лишь немногие — копьями и мечами. Это были гладиаторы из школ Акциана, Юлия Рабедия и других ланист Рима. Во главе их отряда находился Крисс, сподвижник и друг Спартака, когда-то спасшего ему жизнь на арене Большого римского цирка.

Все они были немедленно вооружены и распределены равномерно по двум легионам, из которых первым командовал Окномао, а второй был поставлен под начальство Крисса. Спартак под единодушные клики был провозглашен верховным вождем всей армии.

Через два дня после прихода Крисса разведчики донесли Спартаку, что по Аппиевой дороге движется быстрым маршем Публий Вариний. Вождь гладиаторов приказал сняться с лагеря и ночью тайно выступил навстречу врагу.

ГЛАВА XIII

От битвы при Казимине до битвы при Аквине

Публий Вариний, плебей по происхождению, достиг звания претора благодаря тому, что обладал всеми качествами римского солдата: умеренностью в пище и питье, ограниченностью в своих желаниях, выносливостью, дисциплинированностью и храбростью. Однако, у него не было высокого ума, равного благородству его души, и не было культуры, равной его мужеству, так что, будучи великодушным солдатом, он далеко не был выдающимся командиром.

Итак, в восемнадцатый день перед июльскими календами (14 июня) 680 года Вариний направился против гладиаторов по Аппиевой дороге во главе шести тысяч легионеров, тысячи велитов (легковооруженная пехота), шестисот пращников, которые были присоединены к легиону по настоянию претора и благодаря вмешательству Лукул-

ла, ввиду необходимости для подобной кампании в легковооруженных частях, и трехсот человек конницы, в общем, восьми тысяч молодых, сильных и отлично вооруженных бойцов. Квестором у него был Кней Фурий, человек тридцати пяти лет, мужественный, умный и прекрасно знающий военное дело, но погрязший в кутежах и дебошах.

В три дня Публий Вариний дошел до Гаэты, города, лежащего от Нолы на расстоянии пяти дневных переходов.

Здесь он расположился лагерем и выработал следующий план действий: он решил разделить свои силы и, наступая по двум почти параллельным дорогам против лагеря гладиаторов, напасть на них одновременно с двух сторон. Этим тактическим маневром он рассчитывал добиться окончательной и полной победы.

Итак, он дал квестору Кнею Фурию около трех тысяч солдат с приказом идти по Аппиевой дороге вдоль морского берега, а сам с остальными силами намеревался двинуться по дороге, проложенной ближе к Апеннинам. Этот план был бы хорош при условии, если гладиаторы стали бы ожидать римлян у Нолы, не двигаясь с места; в этом Вариний, считавший Спартака не человеком, а чем-то вроде нечистого животного, нисколько не сомневался.

Спартак, наоборот, как только узнал, что претор вышел против него и что он уже в Гаэте, немедленно выступил по той же дороге, по которой шел Кней Фурий. Он сразу понял, что претор Вариний совершил глупость, разделив свое войско, полностью разгадал его план и с остротой мысли, свойственной только величайшим умам, сейчас же сообразил, что надо было делать: проникнуть между обеими частями неприятельского войска и разбить последовательно обе, бросившись с молниеносной быстротой сперва на одну, а потом на другую.

Одним из высоких военных качеств Спартака была

быстрота, с какой он разгадывал планы противника, принимал свое решение и осуществлял его. Он изучил и перенес в свое войско военный порядок и дисциплину римлян, но не перенял от их полководцев традиционной тактики, запрещавшей уклоняться от определенных правил и навыков, а приспособлял решения, движения и диверсии к местности, к условиям и к позиции неприятеля; он разработал и ввел в практику самую простую и в то же время самую логическую и выгодную тактику быстроты, применявшуюся Каем Марием. Позже подобная тактика доставила Юлию Цезарю победу над всем миром.

В этой войне Спартак решил уничтожить римские силы по частям, начав с Фурия. Фурий же, узнав от разведчиков, что Спартак движется ему навстречу, сошел с указанной ему Варинием дороги и направился к городку Казимишу.

Казимин, веселый и многолюдный город, был расположен на правом берегу реки Вольтурна, в семи милях от Капуи. Для Спартака было в высшей степени важно завладеть этим местом, откуда он господствовал бы над обоими берегами и всей долиной Вольтурна. Спартак в свою очередь свернул с Аппиевой дороги, чтобы пропустить Фурия и затем ударить ему в тыл. Он прошел мимо Капуи и тоже двинулся к Казимину.

Жители Казимина, испуганные внезапным появлением гладиаторов, послали навстречу Спартаку представителей городской власти и впустили его в город без сопротивления.

За время, протекавшее между поражением Клодия Глабра и выступлением Публия Вариния, Спартак успел сформировать конный отряд в шестьсот человек, во главе которого в качестве префекта он поставил храброго Борторикса. Эта конница была нужна Спартаку, главным образом, для разведки.

Действительно, через два дня после занятия Казими-

мина конная разведка с Борториксом во главе обнаружила колонны Кнея Фурия недалеко от города.

Спартак немедленно стал готовиться к бою. Он вывел из лагеря первый легион и расположил его в две линии в боевом порядке. Впереди рассыпались две тысячи велитов и пращников, за этой первой линией выстроилась вся остальная масса тяжеловооруженных бойцов.

Второй легион, разделив его на две части, он послал через поля и виноградники, одну — направо, другую — налево, с приказом отойти подальше и спрятаться.

Солнце недавно встало, золотя окружающие холмы, зеленеющие виноградники, желтоватые жнивья и цветущие дуга, когда авангард римлян появился на виду у гладиаторских велитов, рассыпавшихся в цепи и встретивших неприятельскую конницу градом камней и свинцовых шаров. Римские всадники сейчас же повернули обратно и сомкнутым галопом поспешили предупредить квестора Фурия о продвижении Спартака. Спартак проделал этот поход пешком, наравне со своими товарищами. Но в резерве, на случай боевых действий, у него был великолепный, сильный черный конь. Желая папасть возможно быстрее, он вскочил на коня и велел трубачам дать сигнал идти в атаку скорым маршем, чтобы не дать неприятелю времени выстроиться в боевой порядок.

Кней Фурий, подходя к Казимину, неожиданно для себя узнал от своего авангарда, что здесь находится войско Спартака.

Избежать сражения уже было невозможно.

Не теряя присутствия духа, Фурий остановил свои колонны и приказал велитам и пращникам сейчас же растянуться цепью, как можно более удлиняя свой фронт: он боялся, что противник, превышая его числом, может окружить его когорты, которым он приказал занять позицию на примыкавшем к дороге холме. Они должны были

выстроиться в боевую линию, пока велиты и пращники сдерживают первый натиск гладиаторов.

Но еще не были закончены эти маневры, как легковооруженные велиты и пращники Спартака бросились уже на фронт римских пращников. Те, храбро защищаясь, все-таки были вынуждены отойти к подошве холма под давлением огромного числа противников, и Фурий едва мог развернуть свои четыре когорты в боевую линию. Трубы и букцины затрубили сигнал к атаке. Легионеры под предводительством Фурия с такой силой ударили на велитов Спартака, что те в свою очередь должны были отступить, метнув последние дротики в римлян. Но в это время уже гладиаторские когорты с громким криком „бар-ра!“ бросились на римлян.

Вскоре ничего не было слышно, кроме оглушительного звона щитов, лязга мечей и диких криков бойцов.

Около получаса сражались с одинаковой яростью, с равной доблестью; но римлян было слишком мало по сравнению с гладиаторами, и они не могли долго сопротивляться бешеному натиску последних. Скоро, преследуемые, теснимые, одолеваемые со всех сторон, легионы Фурия начали подаваться, и как раз в этот момент вышел из засады Крисс со вторым легионом. Римляне, атакованные с флангов и тыла, обратились в бегство, но, сжатые в этом кольце мечей, почти все, и в числе первых Фурий, нашли здесь почетную смерть. Не дав даже отдохнуть своим воинам, Спартак повел их против Вариния и через несколько дней разбил его в кровопролитной битве.

Свыше двух тысяч римлян было убито, большая часть раненых попала в руки победителей, но Спартак, обезоружив их, отпустил на свободу: он понимал, что содержать пленных в лагере было рискованно.

Публий Вариний убежал в городок Алифу, где и узнал о полном разгроме своего квестора. Он собрал за

ночь, сколько мог, беблецов, вывел остатки своего войска из Кампании и укрылся в Бовиануме, одном из городов Самниума.

Эти две победы сделали имя Спартака настолько грозным, что он решил испробовать маневр, при помощи которого надеялся освободить из Капуи пять тысяч гладиаторов, остававшихся еще в школе Лентула Батиата.

Спустя три дня после сражения с Варинием Спартак во главе своих десяти тысяч солдат явился под стенами Капуи и через посла потребовал от префекта и сената, чтобы все гладиаторы школы Лентула были выпущены из города; в противном случае он угрожал взять город штурмом, предать грабежу и огню и перерезать всех граждан без различия возраста и пола.

Меций Либеон, с искаженным от страха лицом, заикаясь, доложил сенату требование Спартака. Сенаторы, не менее чем префект дрожащие, молча смотрели друг на друга, и ни один не решился говорить.

Воспользовавшись этой нерешительностью, военный трибун, командовавший четырьмя когортами, присланными уже несколько месяцев тому назад римским сенатом для защиты Капуи, попросил слова. Он, единственный не поддавшийся панике, доказывал, что заявления Спартака являются лишь дерзкими угрозами, что гладиатор не может взять город: Капуя слишком хорошо защищена своими стенными укреплениями (гласисами), чтобы войско, не имеющее скорпионов, таранов, катапульт, балист и стеновых кос, могло идти на штурм.

Но страх, обуявший капуанских сенаторов, от которого в первый момент слова застыли у них на устах, теперь расшевелил их, заставил вскочить со своих сидений, как будто их укусила тарангул; и все вместе они стали в смятении кричать, что трибун сошел с ума, что Цола была взята гораздо более слабым отрядом гладиато-

ров всего в два часа, что в ней были сожжены все дома и вырезаны все жители, что они для удовлетворения честолюбивого каприза трибуна не желают быть изрубленными, что высылка из города пяти тысяч гладиаторов является мудрым мероприятием, так как таким образом будет устранена постоянная опасность восстаний и резни. Трусливые речи сенаторов нашли поддержку в собравшемся на площади народе, который громко требовал, чтобы согласились на предложение Спартака и спасли этим город.

В результате требование Спартака было принято почти единогласно, и пять тысяч гладиаторов, запертых в школе Лентула, были выпущены из города и пришли к Спартаку, расположившемуся лагерем вблизи Капуи. Вновь пришедшие были приняты с криками радости, немедленно полностью вооружены и составили третий легион, начальство над которым было дано Борториксу, передавшему свои обязанности начальника конницы Брезовиру.

Между тем римский сенат послал Варинию восемь когорт, составленных из ветеранов, и дал ему полномочия собрать на месте еще шестнадцать когорт, так чтобы он мог составить два легиона, необходимых для окончания войны с гладиаторами.

Тем временем Спартак из-под Капуи вернулся в Нолу. Здесь его ожидал ряд приятных сюрпризов. Самым приятным было прибытие гладиатора Граника, который привел с собою свыше пяти тысяч галлов, германцев и фракийцев из школ Равенны. Теперь войско гладиаторов, разделенное на четыре легиона, достигло уже цифры в двадцать тысяч человек. Вторым сюрпризом, не менее радостным для Спартака, было присутствие в лагере его сестры Мирзы, которой Валерия дала свободу, и галла Арторикса, любимого друга Спартака.

Мирза рассказала Спартаку про Валерию. Матрона жила теперь в своей деревенской вилле близ города Ту-

скулума. Она очень грустила, и только маленькая дочь, родившаяся после смерти Суллы и потому названная Постумней (рожденная после), утешала ее в постоянной печали и тревоге. Услышав этот рассказ, он долго ходил вокруг палатки, чтобы скрыть слезы, которые против его воли текли из глаз.

Однажды, когда Спартак беседовал с сестрой, вошел в палатку начальник его стражи и доложил, что какой-то молодой воин, прибывший из Рима, желает его видеть.

Спартак вышел на преторий. Палатка Спартака была поставлена на самом возвышенном месте лагеря, и перед ней была расположена просторная площадка — место, называемое римлянами преторием, а позади его палатки находилась другая палатка, где сохранялись знамена; возле нее стояли на страже десять солдат со своим деканом.

Мальчик лет четырнадцати в изящном, даже роскошном вооружении стоял на претории. Туника, связанная из маленьких колец блестящего серебра, спускалась почти до колен его гибкой и тонкой фигуры. Этот панцырь был стянут кожаным пояском, отделанным серебром и осыпанным золотыми гвоздиками.

Ноги были защищены железными латами, завязанными позади икр кожаными ремнями; правая рука была покрыта нарукавником, тоже железным; на левой висел маленький круглый легкий щит из бронзы, на выгнутой поверхности которого были вычеканены фигуры и узоры изумительной работы. С правого плеча на левый бок свисала вместо перевязи длинная золотая цепь, на которой висел небольшой, легкий меч. Маленький серебряный шлем, на задней стороне которого вместо нашламеника подымалась золотая змейка, покрывал голову мальчика, а из-под шлема выглядывали локоны тончайших рыжих волос, обрамлявшие прелестное лицо, совершенно детское и белое, как алебастр. Большие глаза миндалевид-

ной формы, цвета морской воды, ярко блестели и придавали этому женственному лицу выражение смелости и решительности.

Спартак посмотрел на мальчика с изумлением и сказал:

— Так это ты желаешь меня видеть? Кто ты? Что тебе нужно?

Лицо мальчика покраснело, потом побледнело.

— Да, я, Спартак. Разве ты меня не узнаешь?

Спартак вглядывался в эти прелестные черты, тщетно стараясь что-то припомнить.

— В самом деле... мне кажется, я тебя видел, но где?... когда? Ты римлянин?

Мальчик отрицательно покачал головой и улыбнулся:

— Твоя память не так сильна, как твоя рука, доблестный Спартак.

При этой улыбке точно молния осветила память фракийца.

— Может ли это быть? Клянусь Юпитером Олимпийцем!.. Это ты, Эвтибида?

— Да, я Эвтибида, — отвечал мнимый мальчик. Перед Спартаком действительно стояла гречанка в одежде воина. — Разве я не была рабыней? Разве я не лишилась отечества? Не была доведена до положения низкой куртизанки?

Эти слова девушка произносила со сдержанным гневом.

— Я понимаю тебя... — сказал Спартак. Он подумал о своей сестре.

На мгновение он замолчал, а потом поднял голову и с глубоким и скорбным вздохом прибавил:

— Но ты — женщина... с слабыми мускулами... привыкшая к удобствам... к удовольствиям изнеженной жизни. Что ты хочешь здесь делать?

— Ах! — воскликнула с гневом девушка. — Ах! Пусть Аполлон Дельфийский просветит его разум... Он ничего

не понимает!.. Клянусь фуриями-мстительницами... я хочу отомстить за моего отца, за моих братьев, за мою порабощенную родину, за мою юность, за мою честь, затоптанную в грязь, за мою жизнь, осужденную на вечный позор! И ты меня спрашиваешь, что я хочу делать в этом лагере!

Страстная энергия, прозвучавшая в этих словах, тронула Спартака. Он протянул гречанке руку и сказал:

— Пусть так... Оставайся в лагере, участвуй в наших походах, если ты можешь маршировать, сражайся вместе с нами, если ты умеешь сражаться...

— Я могу делать все, что я хочу, — сказала Эвтибида и судорожно пожала протянутую ей руку.

Но это прикосновение как будто отняло у нее всю энергию. Она вздрогнула, побледнела и почувствовала, что у нее подгибаются колени. Спартак схватил ее другую руку, чтобы поддержать ее и помешать ей упасть.

— Что с тобой? — спросил он участливо.

— Я хочу целовать твои славные руки, — прошептала она, склоняясь к рукам гладиатора и покрывая их поцелуями.

Спартак быстро отдернул руки и строго сказал:

— Благодарю тебя, храбрая девушка, за помощь делу угнетенных, благодарю тебя за выражение восхищения. Но мы, желающие искоренить рабство, должны начать с уничтожения рабских привычек...

Эвтибида сконфузилась и опустила голову.

Спартак деловым тоном спросил ее:

— К какой части нашего войска ты желала бы приписаться?

— С того дня, как ты поднял знамя восстания, я с утра до вечера обучалась фехтованию и верховой езде... У меня три прекрасных скакуна, — сказала, успокаиваясь, куртизанка. Она подняла, наконец, глаза на Спар-

така ли спросила: — Ты хочешь иметь меня при себе в качестве твоего ординарца?

— У меня нет ординарцев, — ответил вождь гладиаторов.

— Однако, если ты устроил свое войско по римскому образцу, то теперь, когда это войско выросло до четырех и в короткое время вырастет до восьми — десяти легионов, было бы полезным, чтобы и его вождь, как консул у римлян, окружил себя штабом для поддержания своего авторитета. С завтрашнего дня тебе нужны будут ординарцы, так как на фронте, где сражается войско в двадцать тысяч человек, ты не обойдешься без них для передачи твоих приказов начальникам легионов.

Спартак, с удивлением смотря на нее, прошептал:

— Ты необыкновенная девушка...

— Скажу так: у меня горячая и упорная душа мужчины и слабое тело женщины. У меня твердое сердце и наблюдательный ум. Я владею греческим и латинским языками. Я сумею оказать серьезные услуги делу, которому я принесла в дар все свои богатства — около шестисот талантов — и которому с этой минуты торжественно посвящаю мою жизнь.

Повернувшись к главной лагерной улице, она пронзительно свистнула, и тотчас появился раб с лошадью, на спине которой лежало два небольших мешка. В них заключалось золото Эвтибиды.

Изумленный Спартак ответил, что ее с радостью примут в лагерь гладиаторов, что вечером соберется штаб Союза для обсуждения вопроса о ее благородном пожертвовании. Относительно же просьбы быть зачисленной в его ординарцы он ничего не обещал.

Еще раз поблагодарив Эвтибиду, он попрощался с ней и вернулся в палатку.

В этот же вечер Спартак созвал штаб Союза угнетен-

ных. Было решено сумму, предложенную в дар гречанкой, принять и на эти деньги оружейникам соседних городов заказать оружие, щиты и панцыри. Гречанке было дано почетное звание ординарца, и в этой должности, вместе с другими девятью юношами, ее причислили к главной квартире, которую признали необходимым учредить при верховном вожде. Двести из шестисот талантов Эвтибиды было решено употребить на покупку коней для того, чтобы увеличить кавалерию.

Часть своих войск под начальством Крисса Спартак поставил на отдых под Нолой, где они и устроили лагерь. Сам же он с остальными легионами разбил в нескольких стычках вновь сформированные отряды Вариния и, наконец, встретился с главными его силами, подкрепленными свежими, присланными из Рима частями. При городе Аквине гладиаторы нанесли римлянам полное поражение после длительной и кровопролитной битвы. Вариний отчаянно боролся за честь римского имени и долго сопротивлялся. Раненный Спартаком, он должен был оставить в руках врага своего коня и благодарить богов за чудесное спасение жизни. Свыше четырех тысяч римлян погибло, а гладиаторы овладели оружием, обозами и знаменами неприятельских легионов, захватили также и ликторов, которые по обычаю шли впереди претора в качестве его почетной стражи.

ГЛАВА XIV

в которой рассказывается о разных чувствах и о самолюбии ликтора Семплициана

После поражения при Аквине претор Вариний собрал остатки своих легионов, около десяти тысяч человек, и устроил лагерь с таким расчетом, чтобы прикрыть Аппиеву дорогу.

Он стал бояться, что проклятый гладиатор, который перевернул все правила тактики, нарушил все традиции военного искусства, осмелится двинуть свои бунтовские легионы на Рим.

Спартак, однако, прекрасно понимал, что тридцать тысяч гладиаторов не могут рисковать походом на Рим. Нужно было заботиться о дальнейшем росте и укреплении армии.

После блестящей победы при Аквине он послал курьера в лагерь под Полей с известием о поражении Вариния, поставил на отдых свои легионы в бывшем лагере римлян,

передал командование над ними Окиномао, заставив его поклясться честью, что он не двинется из лагеря, пока сам Спартак не вернется.

В два часа после полуночи Спартак во главе отряда из трехсот кавалеристов ускакал с целью, известной только ему одному.

Между тем в лагерь под Нолой ежедневно стекались рабы и гладиаторы такими толпами, что Крисс мог сформировать еще три легиона по пять тысяч человек. Новые легионы, согласно приказу Спартака, ежедневно упражнялись в фехтовании, производили строевые учения и тактические маневры с большой охотой и старанием.

Сознание, что они свободны, что они — воины святого знамени, подымало в солдатах чувство собственного достоинства; жажда мести за пережитые оскорбления возбуждала в их сердцах желание померяться мечами с угнетателями.

Когда в ноланский лагерь пришло известие о победе при Аквине, радость была единодушной, шумной и пылкой. По всему лагерю слышались веселые песни, праздничные клики и оживленные разговоры.

Спартак между тем во главе своих трехсот кавалеристов во весь опор мчался по направлению к Риму. Не желая рисковать при дневном свете на Аппиевой дороге, Спартак двигался только ночью.

Днем они укрывались или где-нибудь в лесу или на уединенных виллах.

На третий день в полночь они достигли окрестностей города Тускулума. Спартак поместил своих всадников в тайном и безопасном месте и приказал ожидать его в течение двадцати четырех часов.

В случае, если он не вернется, он дал им распоряжение возвращаться без него в аквинский лагерь. Сам же один верхом отправился по дороге в Тускулум.

В двух милях от этого города Спартак спросил у встречного крестьянина, где находится вилла Валерия Мессалы, вдовы Суллы, и поскакал в указанном ему направлении. Достигнув виллы, он слез с коня, опустил на лицо забрало и позвонил у ворот.

Сонный привратник не сразу открыл решетку и ни за что не хотел будить домоуправителя. Когда, наконец, домоуправитель появился, Спартак назвал себя солдатом из армии консула Лукулла, сражавшегося тогда во Фракии, и сказал, что он привез важные известия от Валерия Мессалы, двоюродного брата госпожи, бывшего трибуном у Лукулла. Однако, управитель не соглашался тревожить среди ночи свою госпожу. Тогда Спартак решил прибегнуть к хитрости.

— Ну, хорошо, добрый человек, разбираешь ли ты по-гречески?

— Я не знаю греческих букв. Я плохо разбираю даже латинские...

— Но, может быть, среди рабов найдется хоть один грек, который сумеет прочесть рекомендательное письмо, с которым направил меня трибун Мессала к своей двоюродной сестре?

Домоуправитель с глубоким вздохом, печально покачивая головой, ответил:

— Все рабы сбежали с этой виллы, греки и не греки, в лагерь гладиатора... — И, понизив голос, прибавил: — Подлого гладиатора! Гнусного и проклятого... Да испепелит его всевышний Юпитер!

Тогда Спартак, облегченно вздохнув, написал по-гречески на покрытой воском дощечке строчки из Гомера: „Я издалека пришел, о женщина, милая сердцу, с тем чтобы пылко обнять твои, о царица, колени“.

Подавая домоуправителю дощечку, он сказал:

— Распорядись, чтобы эту дощечку сейчас же пере-

дали служанке твоей госпожи, и пусть та разбудит ее немедленно.

Записка была в конце концов отправлена.

А мнимый солдат, дожидаясь ответа, продолжал разговор с управителем.

— Скажи мне, старик, что худого сделал тебе Спартак, за что ты так сильно его ненавидишь?

— Ты спрашиваешь, что он мне сделал?

— Насколько я слыхал, этот мошенник объявил свободу для всех рабов. А ты ведь тоже раб и по справедливости должен бы сочувствовать этому плуту, если только ты не притворяешься!

— Я притворяюсь? О, пусть Минос будет милосерд к тебе в день суда! Почему ты думаешь, что я притворяюсь? Мои два сына ушли в лагерь гладиатора, и уже три месяца я не имею от них известий... и — кто знает? — живы ли они...

И старик разразился рыданиями, растрогавшими Спартак.

— Итак, ты думаешь, что Спартак скверно делает, желая свободы для рабов? Ты думаешь, что плохо сделали твои сыновья, уйдя к нему?

— Клянусь всеми богами, покровителями Самниума! Конечно, плохое дело — восстать против Рима. И о какой свободе говорит этот глупый гладиатор? Я родился свободным в горах Самниума. Пришла гражданская война. Наши вожди кричали: „Желаем приобрести права гражданства, какими уже пользуются жители Лапиума!“ И мы восстали, мы сражались и рисковали жизнью... А потом я, свободный пастух Самниума, стал рабом семейства Мессалы. И хорошо еще, что я попал к этому благородному и великодушному семейству. И жена свободного самнита стала тоже рабой и родила сыновей в рабстве. Безумие! Мечты! Фантазия! И в погоне за

ними бесплодно проливается кровь наших сыновей. Что значит для меня, что рабы станут свободными, если ради этого будут убиты мои сыновья? Что я сделаю с этой свободой? Я буду свободно проливать слезы! Допустим, что мои сыновья не умерли, все идет великолепно и завтра я и они будем свободны! Ну, хорошо! А дальше? Теперь мы у нашей добрейшей госпожи имеем все, что нам нужно, и даже больше — имеем лишнее. Завтра мы, свободные, пойдем работать на чужих полях за низкое вознаграждение, на которое не сумеем приобрести даже самое необходимое... Свобода умереть от голода! О, как мы будем тогда счастливы!

Горячие слова старика навели Спартака на тяжелые и грустные мысли.

Наконец, вернувшись из дома, рабыня сообщила, что госпожа проснулась и желает увидеть гонца. С трепетом сердца последовал за ней Спартак. Рабыня проводила его до кабинета матроны. Спартак вошел, поднял забрало и упал к ногам Валерии.

Без слез, без крика она обвила руками его шею и долго не могла оторваться от него. Наконец, откинув голову, она стала смотреть в его лицо.

— Ты пришел! Скажи мне, как ты попал сюда? Ты не подвергаешься опасности здесь? Может быть, ты ведешь свое войско на Рим? Когда окончится эта война, заставляющая меня дрожать каждый час? Ты добудешь свободу и сможешь вернуться во Фракию, в эту счастливую страну, где жили некогда боги, и я могу последовать за тобой и жить с тобой, не разлучаясь более?

Гладиатор грустно усмехнулся и, целуя ее, проговорил:

— Долгой и жестокой будет война... И я назову себя счастливым, если мне удастся увести рабов свободными, в их родные страны... А чтобы установить справедливость

и равенство в мире, понадобится еще война народов, которые восстанут не только против Рима, властителя мира, но каждый народ пойдет против ненасытных патрициев, против привилегированной касты в собственной стране.

Глубокая печаль слышалась в его словах. Очевидно, мало надеялся он увидеть результат великого дела.

Нежной лаской старалась Валерия прогнать печаль и работу с его лица.

Принесли маленькую Постумию. Спартак залобовался изысканной красотой своей дочери, ее большими черными глазами, похожими на глаза Валерии, и густой массой тончайших волос, белокурых, как у него. Лукавый смех Постумии, ее забавная болтовня и шаловливость сделали Спартака совершенно счастливым.

А время шло, давно наступил день, и быстро в счастливом забвении протекали дневные часы.

Сумерки начали спускаться на землю, и вместе со светом стала исчезать радость Спартака. Нужно было сказать Валерии, что он может остаться с ней лишь несколько часов, что долг вождя вынуждает его вернуться этой же ночью к покинутому войску. Но отчаяние, с каким встретила она его слова, заставило его отложить свой уход.

Давно унесли спать Постумию, а Спартак все еще не решался покинуть несчастную женщину. Среди поцелуев и нежных ласк он говорил ей слова надежды, смеялся над ее предчувствиями и страхом, но улыбка его была напряженной, а слова с трудом сходили с уст.

Наконец, вода, капавшая в стеклянном шаре клепсидры, дошла до шестой черты, обозначавшей шестой час ночи. Тогда Спартак встал с ложа, вырвался из объятий Валерии, готовясь надеть латы, шлем и меч.

— Нет, Спартак, не уходи, из сострадания, ради твоих богов! Дело гладиаторов идет хорошо... У них храбрые па-

чальники... А ты... остаься... Моя безграничная любовь, моя беспредельная преданность наполнят радостью твою жизнь.

— Валерия, неужели ты хочешь, чтобы я потерял свою честь? Чтобы я изменил тем, кого я сам призвал к оружию? Не побуждай меня сделаться презренным.пусти меня... Я не могу, я должен ехать!..

Тогда, не помня себя, Валерия упала перед дверью.

— Я больше не увижу тебя! Не уезжай сегодня! Заклинаю тебя ради нашей дочери! Ты поедешь завтра... на заре... когда солнце встанет среди благоухающих полей, среди веселого щебетания птиц... после того, как ты обнимешь меня... после того, как ты поцелуешь маленькую Пестумию... Вот я повешу тебе на шею цепочку с медальоном. В нем спрятаны черный локон матери и белокурый локон дочери.

Спартак схватил медальон и поднес к губам.

— Носи его под латами, под туникой, прямо на груди.

Внезапно звон оружия и громкие голоса раздались на площадке перед домом.

Оба напрягли слух, сдерживая дыхание.

— Что случилось?

— Вероятно, открыто мое присутствие здесь, — отвечал Спартак, стараясь вырваться из рук Валерии, которая еще крепче обнимала его.

— Не выходи... не двигайся... из жалости ко мне!.. — воскликнула бедная женщина.

— Ты хочешь, чтобы я живым попал в руки врагов? Ты хочешь видеть меня распятым на кресте?

— Ах, нет! Клянусь всеми богами ада!.. — и Валерия, выпустив из своих рук Спартака, отступила в ужасе назад.

Вынув своей правой рукой из ножен огромный испанский меч, висевший на боку у Спартака, она подала его

гладнатору и сказала голосом, которому старалась придать твердость и решительность:

— Спасайся, если можешь... а если должен умереть, то умри с пронзенной грудью и с мечом в руке.

Спартак, схватив меч, сделал шаг, чтобы уйти.

— Спартак, прощай!

— Прощай! — ответил он, сжимая ее в своих объятиях.

Но вдруг губы Валерии, прильнувшие к губам Спартака, стали холодными, и рудий почувствовал, что ее тело, подобно безжизненной массе, повисло на его руках.

Бросив на пол меч, Спартак поднял ее и положил на ложе и, опустившись на колени, стал согревать ее своим дыханием.

Но Валерия оставалась недвижимой.

В эту минуту раздался стук в дверь.

— Милостивая Валерия! Госпожа моя...

С быстротой молнии Спартак поднял меч и подошел к двери.

— Что случилось?

— Пятьдесят конных солдат... сюда... явились, — сказал, дрожа и заикаясь, старый домоуправитель, выпучив глаза при свете факела на Спартака. — Они требуют, чтобы им вернули их начальника, и говорят, что ты... Спартак.

— Ступай и скажи: через минуту я буду с ними.

И он запер дверь перед носом остолебеневшего от изумления старика. В последний раз поцеловав Валерию, Спартак быстро вышел из комнаты. На площадке перед домом стояли пятьдесят кавалеристов его отряда.

— Ну? — спросил он строгим голосом. — Что вы здесь делаете, чего вы хотите?

— По приказу командира Мамилия, — ответил декурин, — мы следовали за тобою издали и боялись...

— На лошадей! — закричал Спартак.

Все пятьдесят, схватившись левой рукой за гривы, а правой опершись о крупы, в один миг вскочили на спины коней, покрытых темносиними чепраками.

В те времена еще не было в употреблении ни стремян, ни седел.

— Приведите моего коня, — приказал Спартак старикам-рабам, стоявшим с факелами.

Вскочив на лошадь, он подъехал к домоуправителю.

— Как имена твоих сыновей?

— О, доблестный Спартак, — ответил плаксиво старик, — не поставь в вину им мои необдуманные слова...

— Рабская душа! — закричал в негодовании фракиец. — Неужели ты меня считаешь таким подлым и трусливым? Я спрашиваю имена твоих славных мальчиков, отцом которых ты недостойн быть, для того, чтобы позаботиться о них.

— Прости меня... доблестный Спартак! Аквиллий и Ацилий их имена... сыновья Либедия... Возьми их под свое покровительство, великий вождь, и да будут тебе благоприятствовать боги и Юпитер.

— В ад низких льстецов! — закричал Спартак.

И, пришпорив коня, крикнул кавалеристам:

— В галоп!

Отряд во весь опор пустился по аллее и быстро выехал за ограду виллы.

Спартак все время пришпоривал коня, как будто, двигаясь с чрезмерной быстротой, он мог уйти от мучивших его забот и избавиться от тревоги, которая с ним вместе мчалась галопом.

Прибыв в Аквий и посоветовавшись с Окномао, Бортриксом и остальными командирами, Спартак решил ликвидировать аквийский лагерь и во главе двадцати тысяч

гладиаторов направился в Нолу, куда прибыл после пятидневного похода.

С торжеством и с радостью двадцать пять тысяч гладиаторов, стоявших лагерем в Ноле, встретили своих братьев, вернувшихся из Аквина. В течение трех дней продолжались песни, музыка, веселье.

Совет верховного штаба Союза угнетенных постановил, чтобы гладиаторские войска перешли на зимнюю стоянку, так как было ясно, что ввиду приближения периода дождей и снега Рим ничего не предпримет против них.

Построили новый лагерь, гораздо бóльший, сильно укрепленный широким и глубоким рвом и высоким валом. В этом лагере расположилась вся армия.

Спартак задумал по-новому организовать свое войско таким образом, чтобы германцы были все вместе, вместе были бы галлы, фракийцы, греки и самниты. Это новое построение представляло некоторые неудобства в том смысле, что могло вызывать споры и ревность между отдельными легионами; но зато каждый легион сделался несравненно более крепким и цельным, охотно подчинялся своему командиру той же национальности, какой были солдаты.

В несколько дней Спартак из пятидесяти тысяч человек (до этой цифры дошло уже число восставших) сформировал десять легионов по пять тысяч человек в каждом и разделил все войско таким образом: два первых легиона, состоящих из германцев, под командой Вильмира и Мероведа, образовали первый корпус под начальством Окномао; третий, четвертый, пятый и шестой легионы, набранные из галлов, под командой Арторикса, Борторикса, Арвиния и Брезовира, образовали второй корпус с Криссом во главе; седьмой, составленный из греков, имел командиром очень храброго эпирота по имени Фессалоний; восьмой, в который были зачислены гладиаторы и пастухи из Самниума, был поставлен под команду Рутилия,

гладнатора из добровольцев; в девятом и десятом были объединены фракийцы. Командиром одного из них был Мессембрий, человек лет пятидесяти, ревностный исполнитель своего долга, а другого — очень молодой, но беззаветно храбрый Артац.

Кавалерию, насчитывавшую до трех тысяч человек, Спартак разделил на шесть звеньев и начальником над ней поставил Мамилия.

Верховным вождем снова был избран под бурные возгласы пятидесяти трех тысяч бойцов самый храбрый и опытный из них — Спартак.

Закончив переустройство легионов, фракиец решил сделать смотр войску, и, когда он появился перед тремя корпусами, одетый в скромные доспехи, верхом на коне, без богатой уздечки, без драгоценного чепрака, единодушный крик, подобный грому, вырвался из грудей пятидесяти трех тысяч гладиаторов:

— Слава Спартаку!

И, когда крики умолкли и оркестры перестали играть песнь свободы, ставшую боевым гимном гладиаторов, Окономао верхом на огромном гнедом коне остановился перед первым корпусом и воскликнул мощным голосом:

— Гладиаторы! Выслушайте меня!

Тишина сразу настала в рядах, и германец продолжал:

— Если наше войско сформировано по римскому образцу, то почему наш верховный вождь не имеет знаков отличия и почестей, которые даются римлянами консулам в их войсках?

— Императорские знаки отличия Спартаку! — закричал Крисс.

— Императорские знаки отличия Спартаку! — повторил, как один человек, пятьдесят три тысячи гладиаторов.

Когда спокойствие восстановилось, Спартак с побледневшим от волнения лицом сделал знак, что хочет говорить.

— Благодарю вас, дорогие товарищи и братья, но я не хочу никакого отличия, никаких почестей, никаких привилегий. Мы обнажаем мечи не для создания верховной власти, не для установления привилегий и отличий, а для завоевания свободы, прав и равенства.

— Ты наш император, — воскликнул Рутилий, — и таковым тебя сделали твоя мудрость, твое мужество, твоя доблесть и необыкновенные качества твоей воли и ума! Ты наш император, и это звание ты заслужил своими победами! Ты наш император, потому что мы единодушно и добровольно тебя таковым провозгласили! Если не ради почета для тебя, то ради нашего достоинства, мы требуем, чтобы ты надел императорскую мантию и имел бы при себе ординарцев и чтобы впереди тебя шли ликторы.

— Мантию Спартаку! Ординарцев и ликторов! — оглушительно закричали легионы.

И Крисс крикнул во всю силу своих легких:

— Пусть римские ликторы, взятые Спартаксом в плен при Аквине, шествуют впереди него со своими фасциями!

При этом предложении раздались крики и рукоплескания, настолько мощные и бешеные, что казалось, земля от них задрожала.

Спартак, всегда скромный и одинаковый как в дни несчастья, так и в дни своих блестящих побед, долго противился желанию своих легионов, однако ему пришлось подчиниться, надеть серебряные латы, ранее заказанные Криссом в Помпее опытнейшему мастеру, шлем, тоже из серебра тонкой работы, и испанский меч с золотой рукояткой. На плечи ему накинули мантию из тончайшей шерсти пурпурного цвета, окаймленную золотой полосой в три пальца ширины.

И вот Спартак появился в императорских знаках отличия, верхом на своем черном коне, простая кожаная сбруя которого была заменена роскошными поводьями, се-

ребриной уздечкой и на спину которого был накинута величественная голубая чепрака с серебряной каймой; шумные рукоплескания отдались эхом, и раздался общий крик: — Привет тебе, Спартак, император!

Вскоре появились ликторы претора Публия Вариния, взятые в плен в сражении при Аквине. Их было шестеро; все выше среднего роста, с длинными волосами, внушительного вида. Сверх лат на них были плащи из грубой темной шерсти, прикрепленные пряжкой на правом плече и спадавшие до колен; в левой руке каждый держал на плече пучок прутьев, из верхнего конца которого торчал топор. Топор помещался внутри прутьев только во время войны. В правой руке у каждого был прут — символ их звания.

Крики торжества раздались при виде римских ликторов.

Тогда вождь гладиаторов соскочил с коня и, предшествуемый ликторами, в сопровождении Крисса, Граника и Окномас стал обходить фронт двух германских легионов, составлявших первый корпус, осматривая солдат и хвали их за хорошо содержимое оружие и за боевую выправку.

Ликторы выступали с покорным видом, склонив головы на грудь, с лицами, то бледными от сдерживаемого гнева, то красными от стыда.

— Какой позор! Какой позор! — произнес один из них по имени Оттаций дрожащим голосом, едва слышным, шедшему рядом товарищу.

— Лучше было умереть при Аквине, — ответил тот, — чем остаться в живых для такого позора.

Ликтор, давший этот ответ, был старик свыше шестидесяти лет, худой, с седыми волосами, со строгим лицом, с рубцом на лбу, орлиным носом, серыми живыми глазами; сразу можно было заметить на этом лице выражение мужественной энергии; имя его было Семплициан.

Каждый раз как ликторы подымали глаза, они читали

на всех лицах радость при виде их унижения, улыбки победителей, высмеивающих побежденного врага.

— О поруганное величие римского имени! — прошептал Оттацилий, повернув к Семплициану лицо, залитое слезами.

— О, боги, покровители Рима, избавят меня от такого мучения! — ответил глухим голосом старый Семплициан, на брюзгливом и строгом лице которого отражалось страдание от испытываемого им стыда.

В течение трех часов Спартак обошел фронт всех легионов, рассыпал по рядам слова похвалы и ободрения, указания относительно соблюдения строжайшей дисциплины — главного условия победы. Смотр закончился демонстрацией атаки и церемониальным маршем.

При постройке нового лагеря гладиаторы воздвигли для Спартака, без его ведома, достойную полководца палатку. И в этот торжественный день был устроен в ней обед для десяти начальников легионов, трех заместителей Спартака и начальника кавалерии. Угощение было скромное, чтобы не доставить неприятности Спартаку, который всю свою жизнь был умерен в пище и крайне воздержан в питье.

На банкете царствовало самое сердечное веселье. В конце обеда встал Рутилий, поднял высоко чашу, полную пенящегося вина, и звучным голосом воскликнул:

— За свободу рабов, за победу угнетенных, за здоровье победоносного Спартака, нашего императора!

Спартак в свою очередь поднял чашу:

— За Юпитера всеблагого, величайшего освободителя! За чистую, непорочную богиню свободы, чтобы она обратила на нас свои божественные взоры и добилась расположения к нам всех богов, обитающих на Олимпе!

Все подхватили этот тост и выпили, хотя галлы и германцы не верили ни в Юпитера, ни в других богов, греческих и римских. Поэтому Окномао чокнулся, призывая

помощь Одина, а Крисс взывал к благосклонности Гезуса. Наконец, эпирот Фессалоний, бывший последователем Эпикура и не веривший ни в каких богов, сказал:

— Я уважаю вашу веру, и я вам завидую, но не разделяю ее с вами. Боги — это призраки, созданные страхом народов. Всякий раз, как нас постигает несчастье, выгодно верить в сверхъестественную силу, выгодно черпать в этой вере силу духа и утешение! Но если убежден, что природа творит и разрушает сама по себе и что, творя, она пользуется всеми своими силами, не всегда нам известными, часто таинственными и непостижимыми, но всегда силами материальными, то как можно верить в так называемых богов? Поэтому позвольте мне, друзья, воздать хвалу нашему делу согласно моим мыслям и убеждениям: за единение душ, за смелость сердец, за крепость мечей в лагере гладиаторов!

Все присоединились к тосту эпикурейца, и снова началась веселая и оживленная беседа.

Когда банкет кончился и друзья Спартака простились с ним, солнце клонилось уже к закату.

По уходе гостей Спартак вышел из палатки, желая осмотреть лагерь. Он медленно шел по дорожке, погруженный в свои думы. Разговор в одной из палаток привлек его внимание.

— Конечно, ты прав, Семплициан, — говорил кто-то на латинском языке. — Позорна наша судьба, но разве мы виноваты в этом несчастье? Не сражались ли мы храбро, не жалея жизни, чтобы спасти претора Вариния от ярости ударов Спартака? Не был ли ты опрокинут на землю? Не был ли я ранен? Не попали ли мы в плен, побежденные численным превосходством неприятеля? Что мы могли сделать больше? Если вышние боги покинут римлян, если боги до сей поры охраняли славных римских орлов от всякой опасности лишь для того, чтобы они позорно обра-

тились в бегство перед подлым когом гладиаторов, то что могли и что сможем сделать мы, простые смертные?

— Ах, клянусь двенадцатью богами согласия, клянусь Юпитером всеблагим, величайшим освободителем, клянусь Марсом, особо покровительствующим народу Квирина! — воскликнул другой голос. — Думал ли я когда-нибудь, что проживу шестьдесят два года для того, чтобы присутствовать при подобном позоре? После того, как в течение двадцати шести лет я выступал впереди всех консулов, начиная с Кая Мария до Луция Лициния Лукулла и Марка Аврелия Котты, занимающих этот пост в текущем году, неужели, клянусь Геркулесом, я должен шествовать впереди презренного гладиатора, которого видел своими глазами на арене цирка? Нет! Клянусь всеми богами, это слишком позорно. Такого позора я не могу перенести.

В голосе старого ликтора было столько достоинства, такая благородная гордость, что Спартак был тронут и заинтересован.

— Ну, хорошо... А что ты можешь сделать против воли богов и решений враждебной судьбы? Придется тебе все-таки, как и всем нам, подвергнуться незаслуженному сраму, — возразил первый голос.

— Нет, клянусь всеми богами неба и ада, нет, я не склоню гордого чела римлянина перед позором; нет, я не подчинюсь самоуправству несправедливой судьбы и как римлянин смертью избавлю себя от поступков, недостойных рожденного по воле богов на берегах Тибра.

В тот же момент Спартак услышал крики жалости и ужаса.

Быстро обойдя кругом, он появился у входа в палатку, где, привлеченные криками, уже толпились гладиаторы.

Гладиаторы почтительно расступились перед вождем. Старый Семплициан лежал на куче соломы, с глубокой раной, которую он нанес себе под левый сосок.

Кровь текла потоком из раны, и на строгом, спокойном лице старого ликтора появилась предсмертная бледность.

— Что ты сделал, мужественный старик? — спросил умирающего Спартак. — Почему ты не попросил избавить тебя от шествия впереди меня с ликторскими знаками, если тебе это было так тяжело? Храбрые понимают храбрых, и я бы понял тебя, и я бы...

— Рабы не могут понимать свободных, — сказал слабеющим голосом умирающий.

— О, душа, рожденная великой и ставшая ничтожной из-за твоего воспитания, основанного на гордости и предрассудках! Кто же установил на земле две различные породы людей, разделив их на рабов и свободных? Разве до покорения Фракии я не был свободным, как ты, и разве не стал ты рабом после сражения при Аквине?

— Варвар! Ты не понимаешь, что бессмертные боги дали римлянам власть над всеми людьми... Не омрачай моей агонии своим присутствием...

И тут Семплициан обеими руками оттолкнул товарищей, которые оторванными от туник полосами старались перевязать ему рану.

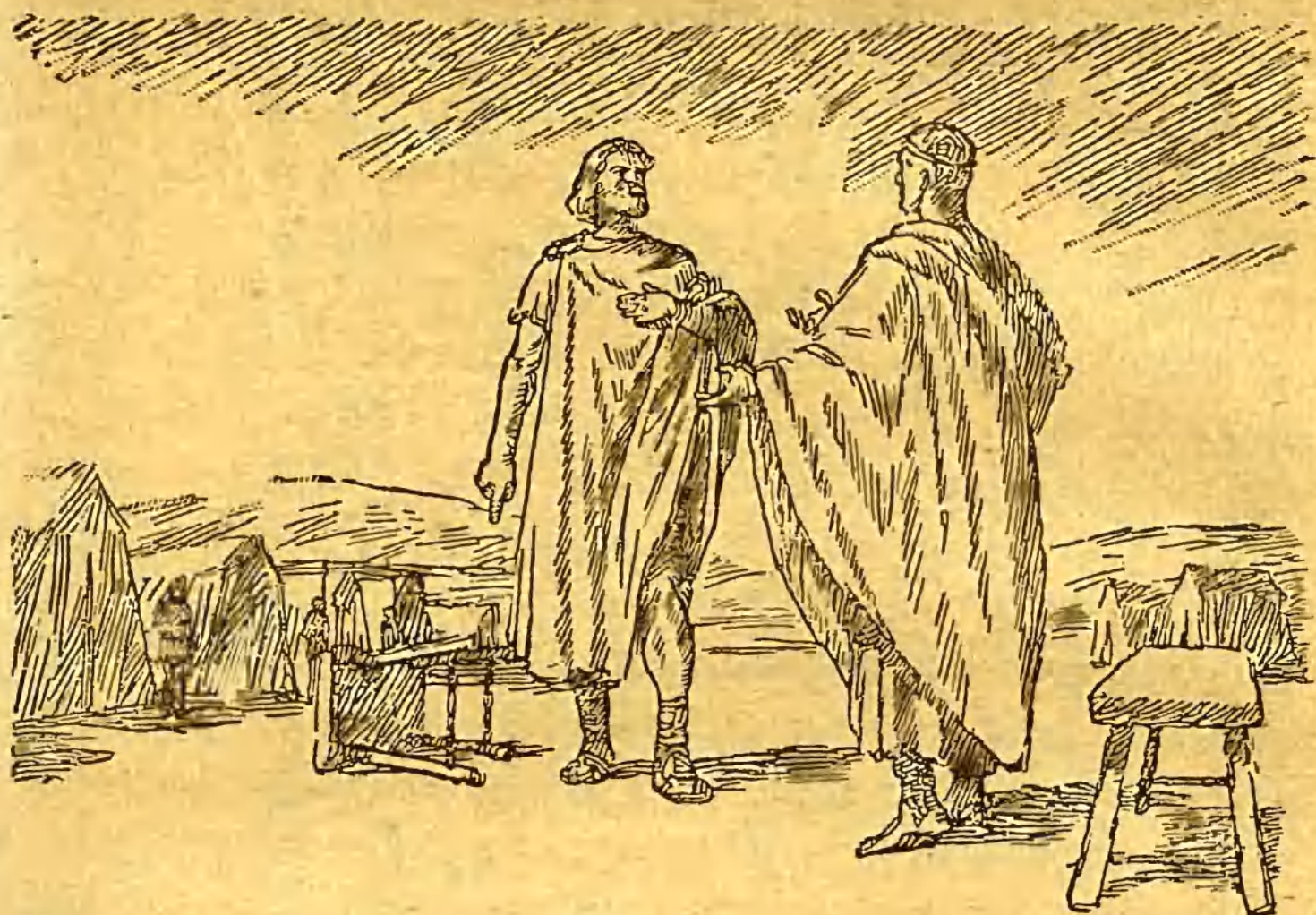
— Бесполезно! Удар был точен... И если бы он был неудачен, завтра я повторил бы его! Бесполезно...

Он умер.

— Вот старый глупец! — вполголоса произнес один гладиатор.

— Старик, достойный уважения! — возразил Спартак.

ГЛАВА XV

*Спартак одерживает победу еще над одним претором и
преодолевают тяжкие искушения*

Тем временем в Риме после вторичного поражения претора Публия Вариния поняли, наконец, что пятьдесят тысяч вооруженных гладиаторов, ставших полными хозяевами Кампанской провинции, являются грозной опасностью.

Поэтому в комициях этого года вместо претора Публия Вариния был выбран почти при единодушном голосовании народа и сената Кай Анфидий Орест, патриций, очень опытный в военном деле, пользовавшийся большим авторитетом за свое мужество и проницательность.

Он собрал войско в тридцать тысяч бойцов и, когда чарующая итальянская весна вступила в свои права, вышел из Лациума и по Аппиевой дороге продвинулся до города Фонди. Там он узнал, что Спартак выступил навстречу и расположился лагерем в местности, на которой

могла лучше всего действовать его кавалерия, достигшая шести тысяч всадников.

Спартак разбил свой лагерь на расстоянии трех часов пути от римского и ожидал, что неприятель начнет наступление; но прошло свыше пятнадцати дней, а Орест, не желая попасть в ловушку, оставался в своем лагере.

Тогда Спартак задумал план, достойный великого полководца. Ночью, сохраняя полнейшую тишину, он вышел с восемью легионами из лагеря, оставив в нем Окномао с его двумя легионами и с кавалерией; всю ночь он шел обходным путем, уводя с собою всех встречавшихся на пути людей: крестьян, рыбаков, женщин, детей, для того чтобы ни одно сообщение о его передвижении не дошло до неприятеля, и к утру раскинул лагерь в тылу у римлян.

Гладиаторские стрелки подошли почти к самому частоклу римского лагеря, и Оресту понадобился весь его авторитет, чтобы удержать от боя своих возмущенных легионеров. Он твердо решил не вступать в сражение. Тщетно прождав еще восемь дней, Спартак решил дать своему плану дальнейшее развитие. В один прекрасный день разведчики донесли Анфидию Оресту, что к востоку и к западу от их стоянки появились еще два гладиаторских лагеря. Действительно, там укреплялись Граник и Крисс, каждый с двумя легионами.

Таким образом вождь гладиаторов совершенно окружил Анфидию Ореста и поставил его перед выбором или сражаться, или сдаться через несколько дней от голода.

И претор оказался на самом деле вынужденным напасть на один из лагерей гладиаторов, чтобы выйти из этого кольца, причем никакой надежды на победу у него не могло быть. На какой бы лагерь он ни напал, меньше чем через три часа подошла бы помощь из ближайшего, а затем и из остальных лагерей гладиаторов, и римляне оказались бы окруженными со всех сторон.

В этом тяжелом положении претор решил прибегнуть к помощи жрецов, к которым, к сожалению, еще часто прибегают слабые духом или умом, а также хитрые люди, пользуясь страхом народа и его потребностью взывать о помощи к сверхъестественным силам.

По всему римскому лагерю было объявлено о больших жертвоприношениях в честь Юпитера, Марса и Квирина, с тем чтобы эти боги вдохновили авгуров в их вещаниях и дали подходящий совет, как спасти римское войско от грозящей ему гибели.

Направо от претория в римском лагере находилось место, назначенное для жертвоприношений. Сюда к украшенному гирляндами роз жертвеннику круглой формы, сложенному из каменных глыб, с углублением наверху, в котором зажигали огонь, и отверстием, куда стекало вино для возлияний, сошлись жрецы трех богов. Все три жреца были одеты в длинные плащи из белой шерсти, заколотые у шеи большой булавкой, а на головах у них были остроконечные белые шапки, тоже из шерсти.

Позади них стояли авгуры в обычных жреческих одеждах, с изогнутыми жезлами, похожими на пастушеские посохи. Далее следовали: служитель, который подводил животных к жертвеннику и убивал их, и другой, который должен был выпускать кровь у мелких животных.

Первый назывался попа, он держал топор, второй — культарий — сжимал в руках широкий отточенный кинжал с рукояткой из слоновой кости. У обоих, как у всех жрецов, были на головах венки из цветов, а на шее банты из белой и красной шерсти. Такие же венки, ленты и банты были на голове и шее жертвенных животных — быка, овцы и борова. Низшие служители культа несли деревянный молоток, которым попа должен был оглушить быка ударом в затылок, священный пирог, серебряную коробочку с фимиамом, амфору с вином и чашу для священных воз-

лияний. Последним шел хранитель священных петухов, несший большую клетку с этими птицами. Замыкали шестые флейтисты. За жрецами двигалось все римское войско, исключая часовых, поставленных для охраны ворот лагеря, рвов и частоколов.

Когда войско с оркестром во главе разместилось вокруг жертвенника, жрецы, совершив предписанные омовения, бросили фимиам в чаши, посыпали жертвенных животных мукой и, по установленному обряду, принесли жертву священным пирогом и возлиянием вина; затем попа с помощью своих прислужников поднял голову быка, оглушил животное сперва молотом в лоб, затем топором убил его; в это время культиарии прикалывали мелких животных, кровью которых вскоре был обогрен весь жертвенник. Часть мяса была тут же положена на огонь, пылавший в углублении жертвенника. Внутренности были аккуратно собраны на бронзовую доску, несколько вогнутую посредине и укрепленную на четырех, тоже бронзовых, подставках. Затем их передали жрецам-авгурам, принявшимся с серьезным видом определять по ним будущее.

Хотя знакомство с греческой философией и быстрое распространение учения Эпикура отвлекло большую часть образованной римской молодежи от верований в божества и лживые фокусы жрецов, в массе народа так сильно вкоренилось преклонение перед богами, что среди тридцати тысяч человек, собравшихся возле жертвенника, ни один звук, ни одно движение не нарушили священного обряда, который продолжался довольно долго. Только через полтора часа авгуры сообщили, что знамения благоприятны для римлян, ибо ни одного зловещего пятнышка нельзя заметить на внутренностях жертв.

После этого авгуры приступили к кормлению священных петухов, которых, вероятно, долго мучили голодом: как только им бросили зерна, они стали жадно клевать

под шумные рукоплескания и веселые крики солдат, увидевших в чрезмерном аппетите петухов явный знак божественного покровительства Юпитера, Марса и Квирина, готовых всей тройцей помогать римскому войску.

Анфидий Орест, воспользовавшись хорошим настроением своих легионов, решил привести в исполнение задуманный им план — вырваться с возможно меньшими потерями из железного кольца, в которое его захватил Спартак.

На следующий день после жертвоприношения пять дезертиров из римского лагеря явились в лагерь Спартака. Приведенные к всеядо гладиаторов, они все по-разному рассказывали одну и ту же историю: претор задумал выйти тайком в эту же ночь из своего лагеря, броситься на гладиаторов, стоявших лагерем возле Формий, разбить их и быстрее маршем прорваться в направлении Капуи. Дезертиры объяснили свое бегство из римского лагеря желанием избавиться от гибели в сражении, в котором Орест, по их мнению, не имеет никаких шансов на успех.

Спартак выслушал с величайшим вниманием рассказы дезертиров и задал им множество вопросов, все время не сводя с них глаз. Этот пристальный взгляд явно смущал дезертиров, которые стали путаться в своих ответах.

Окончив допрос, Спартак сказал ординарцу:

— Флавий, проводи их в палатку и прикажи, чтобы их хорошо стерегли.

Ординарец вышел вместе с дезертирами.

Спартак некоторое время стоял молча, а затем, призвав начальника легиона Артаца, отвел его в сторону и сказал:

— Это — мнимые дезертиры...

— Ну! — воскликнул в изумлении молодой фракиец.

— Они подсланы сюда Анфидием Орестом, чтобы ввести меня в обман; его намерения противоположны тому, что рассказывали эти люди.

— А как, по-твоему, он поступит?

— Вот как. Наиболее разумное и правильное движение, которое в данный момент может предпринять Орест, — постараться прорвать наш фронт со стороны Рима, а не Капуи. Если бы он с войском, ослабленным после боя, укрылся в Капуе, то оставил бы для нас открытым весь Лациум, и мы легко могли бы пройти до ворот Рима. Рим является его операционной базой; в то же время ему необходимо прикрыть Рим от наших атак. Ввиду этого вполне естественно, что он пойдет на отчаянную попытку прорваться именно с этой стороны, а не со стороны Капуи, как он при помощи своих дезертиров хотел меня убедить.

— Клянусь Меркурием, твое разъяснение мне нравится.

— Поэтому мы сегодня вечером оставим этот лагерь и продвинемся ближе к Криссу, против которого, если я не ошибаюсь, завтра будут направлены все усилия римских легионов. Окномао тоже снимется сегодня вечером из своего лагеря и расположится гораздо ближе к неприятелю.

— Таким образом ты еще больше сузишь кольцо, сжимающее врагов, — сказал с восхищением молодой фракийец, поняв план Спартака.

— И, — добавил Спартак, — каков бы ни был путь, который претор захочет выбрать, я буду в состоянии одержать над ним верную победу. Даже если он на самом деле двинется против Окномао, то, так как Окномао подойдет ближе, нам легко будет быстро прийти на помощь германским легионам.

Призвав к себе трех ординарцев, Спартак велел им скакать во весь опор к Гранику и Окномао с приказом подтянуться на шесть миль ближе к лагерю Крисса.

Как Спартак предвидел, так и произошло: на рассвете часовые Крисса предупредили его о наступлении неприятеля.

Орест, желая разбить Крисса до прихода гладиаторов из других лагерей, двинул против двух галльских легионов всю массу своего войска.

Однако, воодушевленные примером и словами мужественного Арторикса и необыкновенной храбростью Крисса, который сражался в первом ряду, галлы противопоставили натиску римлян все силы неукротимого мужества, так что сражение стало весьма упорным. Но зато Крисс понял, что не мужество и бесстрашие, а только численность могла решить исход этого сражения и что через полчаса он будет совершенно окружен и его десять тысяч человек будут неминуемо уничтожены.

Придет ли за эти полчаса Спартак ему на помощь? Крисс этого не знал, а потому он приказал обоим своим легионам, сохраняя строй, отступить в лагерь.

Чтобы совершить отступление без паники, не превращая его в бегство, две когорты, то есть тысяча галлов, повернувшись лицом к неприятелю, стойко выдерживали его натиск.

Они жертвовали собой, чтобы своей смертью спасти остальных.

В короткое время свыше четырехсот из них погибли.

Когда легионы Крисса скрылись за вал лагеря, Орест велел дать отбой и, спешно построив свои растрепанные легионы, быстрым маршем направился по дороге в сторону Рима.

Но не сделал он и двух миль, как с левого фланга появилось войско Спартака, бросившееся с величайшей яростью на римские легионы, а через полчаса справа подошел Окномао со своими силами.

И Крисс, выстроивший снова свои поредевшие легионы, ударил по римскому тылу.

Орест совершенно пал духом. Окруженные с трех сторон, его солдаты обратились в паническое бегство, но

наткнулись на легионы Граника, который, предвидя бегство римлян, вышел им по диагонали наперерез и докончил разгром легионов Ореста.

В этом сражении, тянувшемся свыше пяти часов, римляне потеряли больше семи тысяч убитыми и около четырех тысяч попавших в плен; но и гладиаторам победа стоила недешево: у них было убито две тысячи и столько же ранено.

Несколько дней спустя Спартак собрал военный совет, и, когда все начальники единодушно признали абсолютно невозможным предпринять поход против Рима, было решено обойти Самниум, а потом Апулию и поднять в этих провинциях многочисленных рабов.

Между тем в Риме известие о поражении претора Ореста посеяло ужас в сердцах граждан, и сенат, собравшись на секретное совещание, поставил вопрос, каким образом положить конец этому восстанию, которое, начавшись в виде смехотворного бунта, теперь приняло масштаб серьезной войны.

Что решили сенаторы, никто не знал, и только одно стало известным: что той же ночью консул Марк Теренций Варрон Лукулл в сопровождении немногих преданных слуг, без знаков отличия, без ликторов, под видом частного лица выехал верхом через Эсквилинские ворота, направляясь по дороге в Самниум.

В это время Спартак находился в лагере возле Венузии в Самниуме и занимался обучением двух новых легионов, составленных из перешедших к нему за эти тридцать дней рабов. Однажды ему доложили, что в лагерь прибыл посол от римского сената.

— Клянусь молниями Юпитера! — воскликнул Спартак. — Значит, так низко пала гордость латинян, что римский сенат не стыдится войти в переговоры с презренным гладиатором! — И, накинув свой плащ темного цвета,

сел на скамейку перед палаткой и сказал декану: — Веди сюда сенатского посла.

Посол явился на преторий в сопровождении четырех слуг; всех пятерых вели гладиаторы, так как по обычаю глаза у прибывших были завязаны.

— Вот ты, римлянин, на претории нашего лагеря, перед нашим вождем, — сказал декан тому, что называл себя послом.

— Привет тебе, Спартак, — сказал внушительным и твердым голосом римлянин.

— И тебе привет, — ответил фракиец.

— Мне нужно с тобой поговорить с глазу на глаз, — прибавил посол.

— Хорошо, — сказал Спартак и обратился к декану: — Отведите свиту посла в соседнюю палатку, снимите повязки с их глаз и дайте им подкрепиться.

Когда декан и гладиаторы увели спутников посла, Спартак подошел к последнему, снял повязку с его глаз и сказал:

— Садись. Ты можешь смотреть на лагерь презренных гладиаторов. — И он снова сел, не спуская глаз с патриция, — что посол был патриций, видно было по пурпурной полосе, окаймлявшей его тогу.

Это был человек лет пятидесяти, высокого роста, плотный и даже тучный, с седыми, коротко остриженными волосами, с благородными и выразительными чертами лица; осанка у него была полна величия, даже надменности, скрытой под тонкой любезностью.

— Садись же. Эта скамейка — не курульное кресло, к которому ты привык, но на ней все же будет удобнее, чем на ногах.

— Благодарю тебя, Спартак, — ответил патриций, разглядывая вождя гладиаторов. Потом он обратил свой взгляд на огромный лагерь, который с высоты претория

был виден, как на ладони. — Клянусь двенадцатью богами Согласия... я не видел такого великолепного лагеря, после лагеря Кая Марция у Аквы Сестильского...

— Что ты, — с горькой иронией сказал Спартак, — ведь то был лагерь римский, а мы — подлые гладиаторы.

— Не спорить с тобою, не выказывать к тебе презрение и не навлекать на себя презрение я пришел сюда, — с достоинством сказал римлянин. — Оставь свою иронию, Спартак; вполне искренне восхищен я вашим лагерем.

И он снова долго смотрел вокруг глазами опытного старого солдата.

— Клянусь Геркулесом, Спартак, ты рожден не для того, чтобы быть гладиатором.

— Ни я, ни шестьдесят тысяч несчастных, которых ты видишь в этом лагере, ни миллионы людей, которых вы поработили, не были рождены для того, чтобы быть рабами себе подобному.

— Рабы всегда были, — возразил посол, — с того дня, как один человек замахнулся железом на другого. Человек человеку волк. Поверь мне, Спартак, твоя мечта — мечта благородной души, но мечта неосуществимая. Закон человеческой природы — чтобы были господа и слуги. Так всегда было и так всегда будет.

— Нет, не всегда существовало это различие! — воскликнул Спартак. — Оно появилось с того дня, как человек, рожденный для земледелия, перестал возделывать почву своей родины и этим добывать себе пропитание, с того дня, как справедливость, жившая среди земледельцев, ушла с полей, бывших последним ее убежищем, и скрылась на Олимпе, когда возникли неумеренные аппетиты, безудержные желания, роскошь, кутежи, распри, война и постыдные побоища...

— Итак, ты желаешь вернуть людей в их первобыт-

ное состояние? Сумеешь ли?.. Если бы с тобой объединился сам римский сенат, то и тогда ты не увидел бы торжества задуманного тобою предприятия. Одни только боги могли бы изменить природу человека.

Спартак не отвечал. Наконец, он спросил римлянина: — Зачем ты пришел сюда?

Патриций очнулся.

— Я, Кай Руф Ралла, из сословия всадников, пришел к тебе послом от консула Марка Теренция Варрона Лукулла с двумя поручениями.

На лице Спартака мелькнула легкая улыбка.

— Первое?

— Предложить тебе отпустить за выкуп — о сумме мы договоримся — римлян, взятых тобою в плен в последнем сражении.

— А второе?

Посол, казалось, смутился; он открыл рот для ответа, но в нерешительности остановился и, наконец, сказал:

— Ответь мне сперва на первое предложение.

— Я вам возвращу четыре тысячи пленных за десять тысяч испанских мечей, десять тысяч щитов, десять тысяч панцирей и сто тысяч дротиков, изготовленных в лучших ваших оружейных мастерских.

— Как! — спросил с негодованием изумленный Кай Руф Ралла. — Ты требуешь, чтобы мы сами снабдили тебя оружием, которым ты будешь продолжать с нами воевать?

— Да, и требую, чтобы это оружие было высшего качества, и чтобы в течение двадцати дней оно было доставлено в мой лагерь.

— Нет, — возразил с гневом посол, — оставь себе наших солдат, но оружия ты не получишь. Мы, римляне, от Атtilия Регула научились никогда не делать того, что может быть вредно родине и полезно врагу.

— Очень хорошо, — спокойно сказал Спартак, — через двадцать дней вы пришлете мне это оружие.

— О, клянусь Юпитером! — воскликнул с плохо скрытым бешенством Руф Ралла. — Разве ты не понимаешь, что я тебе говорю? Ты не получишь оружия, повторяю: не получишь. Оставь у себя пленных.

— Хорошо, это мы увидим. Изложи мне теперь второе предложение консула Варрона Лукулла.

И он снова насмешливо улыбнулся.

Римлянин начал спокойно, мягким и почти вкрадчивым голосом:

— Консул поручил мне предложить тебе прекратить военные действия.

— Ого! А на каких условиях?

— Ты любишь благородную римлянку знаменитого рода, вдову Суллы, и любим ею, и сенат, чтобы предотвратить позор, который она может навлечь на себя этой любовью, готов сам просить Валерию стать твоей женой; после соединения с любимой женщиной консул Варрон Лукулл предлагает тебе на выбор два пути: если тебя привлекает воинская слава, ты пойдешь в качестве квестора под начальством Помпея в Испанию; если ты жаждешь покоя и домашнего уюта, тебя пошлют префектом в один из городов Африки по твоему выбору. При этом ты сможешь получить маленькую Постумию, плод твоей преступной любви с супругой Суллы; в противном случае девочка будет передана опекунам Фауста и Фаусты — других детей диктатора, и ты не только потеряешь всякое право на нее, но потеряешь даже надежду когда-либо обнять ее.

Спартак поднялся во весь рост и тихим голосом спокойно спросил:

— А мои товарищи?

— Рабы должны вернуться в свои казармы, гладиаторы — в свои школы.

— И... — сказал, медленно отчеканивая слова, Спартак, — и... все кончено?

— Сенат все забудет и всех простит.

— Спасибо! Как он добр, как милостив, как благороден, этот сенат!

— А что же? — сказал надменно Руф Ролла. — Сенат должен был бы приказать распять всех этих взбунтовавшихся рабов, а он вместо этого их прощает, — разве этого недостаточно?

— Даже слишком! Сенат прощает вооруженного врага, и притом победоносного... Поистине, никогда не было примера такого великодушия! А если гладиаторы не пожелают разойтись, несмотря на мои внушения и советы?

— Тогда... — нерешительно сказал римский патриций, опустив глаза и теребя руками край тоги, — тогда... такому опытному полководцу, как ты... действующему в конце концов только к лучшему для этих несчастных... не может не представиться... всегда представится случай повести войско... в трудное место...

— Где консул Марк Теренций Варрон Лукулл, — сказал Спартак, побледнев от гнева, как мертвец, — будет ждать его со своими легионами, окружит их, и сдача рабов станет тогда неизбежной и произойдет без шума. А консул может даже приписать себе честь легкой победы, не правда ли?

Римлянин еще ниже опустил голову и молчал.

— Не правда разве? — закричал Спартак громовым голосом, который заставил вздрогнуть римлянина.

Посол взглянул на Спартака, но такой гнев пылал в глазах фракийца, что римлянин невольно отступил на шаг.

— Клянусь всеми богами Олимпа! Благодарю богов, твоих покровителей, что презренный и ничтожный гладиатор умеет уважать международное право и гнев не может

затемнить мой рассудок и я не забываю, что ты пришел сюда в качестве посла... Подлый и коварный, как твой сенат, ты пришел предложить мне совершить предательство, самое бесчестное и самое позорное. Ты старался подкупить человека, влюбленного, отца, для того, чтобы обманом добиться победы там, где не можешь одержать ее силой оружия.

— Эй, варвар! — воскликнул с негодованием Руф Ралла. — Кажется, ты забываешь, с кем говоришь!

— Нет, Марк Теренций Варрон Лукулл, столь же бессовестный, сколь презренный консул Рима, это ты забыл, где находишься и с кем говоришь. А ты думал, что я тебя не узнал? Ты пришел сюда под ложным именем, журавкой, чтобы попытаться подкупить мое сердце, которое ты мерил на свой образец, и считал меня способным на подлость, на какую ты способен сам, преступнейший человек... Уходи... возвращайся в Рим... Собери новые легионы и приходи сразиться в открытом поле; там, если ты осмелишься стать лицом к лицу со мной, как ты стоишь сейчас, там я тебе дам ответ, достойный твоих гнусных предложений.

— Так ты надеешься, несчастный глупец, жалкий безумец, — сказал с нескрываемым презрением консул Варрон Лукулл, — что ты в состоянии еще долго держаться против наших легионов? Ты льстишь себя надеждой одержать окончательную победу над могуществом и счастьем Рима...

— Я надеюсь увести в их родные земли эту массу несчастных рабов, и там, в наших странах, я надеюсь возбудить против вас негодование всех угнетенных вами народов и положить конец вашему гнусному и беззаконному господству.

И повелительным жестом руки он приказал консулу удалиться.

Величаво запахнувшись в свою тогу Варрон Лукулл и, уходя, сказал:

— Мы увидимся на поле сражения.

— Да позволят боги... Но я этому не верю.

Консул уже уходил, как вдруг Спартак снова позвал его:

— Послушай, римский консул... Так как я знаю, что немногие мои солдаты, попавшие пленниками в ваши руки, были распяты, и вижу, что по отношению к нам, гладиаторам, вы, римляне, не признаете международного права, я тебя предупреждаю: если в течение двадцати дней я не получу сюда, в мой лагерь, оружия и доспехов, которых я требую, четыре тысячи ваших солдат, взятых мною в плен, будут также распяты.

— Как! Ты осмелишься? — Консул побледнел от гнева.

— Все дозволяется против такого народа, как вы, у которых нет ничего святого и которые ничего не уважают... С вами — позор за позор, убийство за убийство, бойня за бойню... Иди.

По зову Спартака явились декан и гладиаторы. Он приказал проводить римского посла и его слуг до ворот лагеря. Потом он вызвал к себе Крисса, Граника и Окномао и сообщил им о посещении лагеря консулом Теренцием Варроном Лукуллом и о предложениях, сделанных им, за исключением той части, которая касалась его любви к Валерии.

Все три начальника горячо одобрили благородное поведение Спартака и ушли, восхищенные своим доблестным другом и верховным вождем.

Спартак вернулся в палатку, когда уже настала ночь, и, поговорив с Мирзой, которая, заметив, что он расстроен, окружила его нежной заботой, удалился в свое отделение, где находилось его ложе из свежего сена, покрытого бараньими шкурами.

Он долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок, стонал, вздыхал и заснул очень поздно, забыв погасить лампу.

Он спал около двух часов и во сне сжимал данный ему Валерией медальон, который всегда носил на шее, как вдруг был разбужен поцелуем. Он проснулся, сел на постели и воскликнул:

— Кто это? Кто здесь? — И он увидел стоящую на коленях перед его ложем Эвтибиду, которая, сложив свои маленькие руки в знак мольбы, шептала:

— Пожалей меня, пожалей, Спартак, я умираю от любви...

— Эвтибида? Ты здесь? Каким образом?

— Уже столько ночей я скрываюсь в этом углу, ожидаю, пока ты уснешь, становлюсь на колени у края ложа и смотрю на твое лицо и тихо плачу. Я тебя обожаю, Спартак, как обожают богов. Вот уже пять долгих лет, как я тебя люблю безнадежно, как безумная. Отвергнутая тобой, я тщетно стараюсь изгнать твой образ из сердца... Я искала душевного покоя, уехала из Рима, где я тебя узнала, но в Греции ты был перед моими глазами, как в Риме; и даже вид родной земли, воспоминания о моей невинной юности, звук родной речи — ничто не могло изгнать тебя из моего сердца... Я люблю тебя так, что никакие слова не могут передать... Сжалось надо мной... не отталкивай меня, не прогоняй меня! Я буду твоей служанкой, твоей рабой; если ты еще раз отвернешься от меня с презрением, ты сделаешь меня способной на все, на самые дикие и бесчестные поступки.

Так умоляла Эвтибида, покрывая руку Спартака горячими поцелуями. Спартак все крепче сжимал медальон с локоном Валерии. Наконец, он мягко отнял свою руку у Эвтибиды и почти с отеческой добротой сказал:

— Успокойся, сумасшедшая... Я люблю другую жен-

щину, она меня сделала отцом, а ты знаешь, что у Спартака одна только вера. Он отдал свою жизнь на дело угнетенных и умрет за него. И он не полюбит никогда другую... Брось всякую мысль обо мне и перестань говорить о любви невозможной...

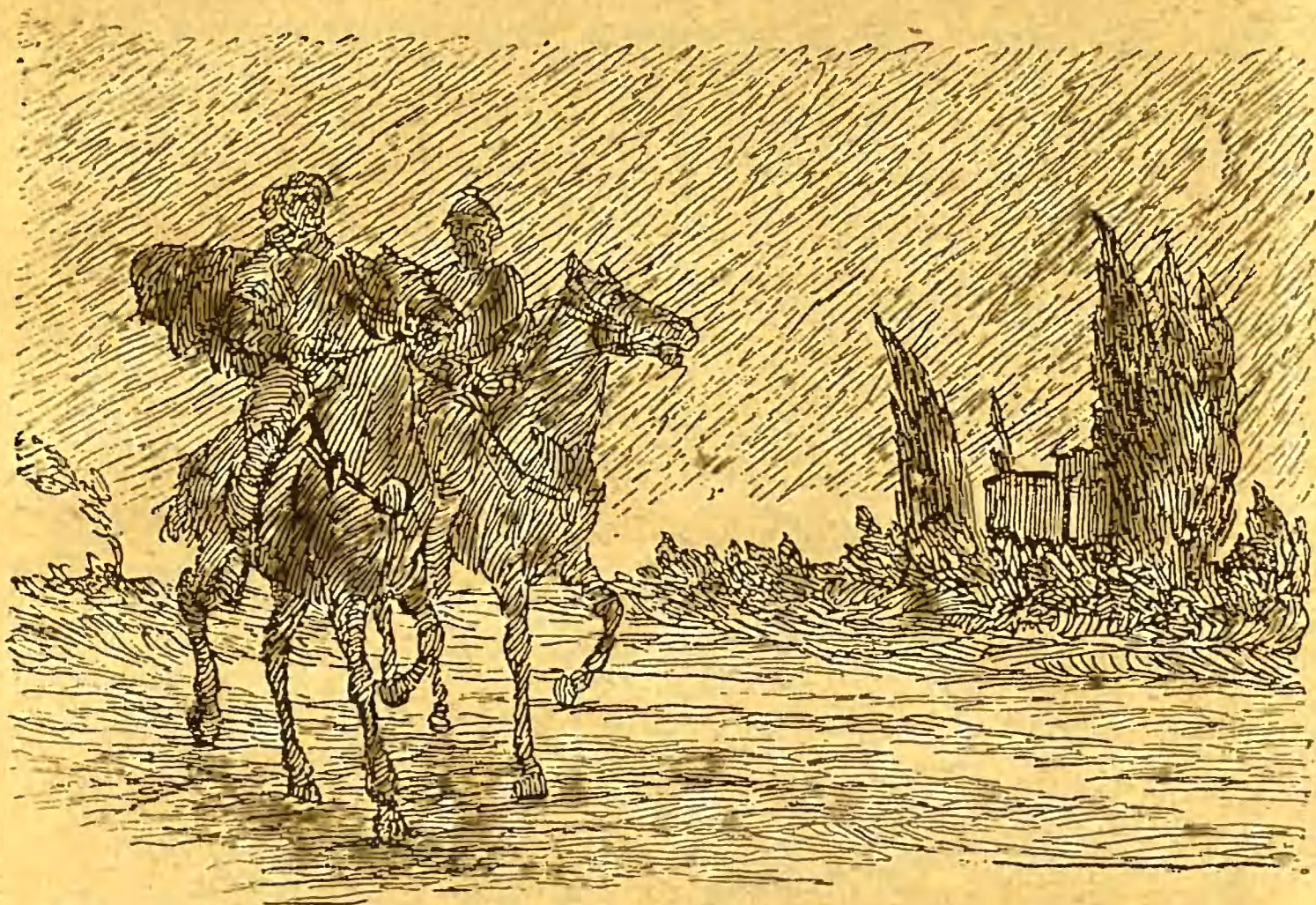
— Клянусь божественными эриниями! — воскликнула глухим голосом Эвтибида. — Валерия, проклятая Валерия!.. Она отрывает тебя от моих ласк...

— Девушка! — лицо Спартака стало мрачным и грозным. — Уходи из моей палатки. Завтра ты отправишься в штаб Окномао, ты больше не состоишь моим ординарцем.

Куртизанка с опущенной головой, кусая руки, чтобы заглушить рыдания, медленными шагами вышла из палатки.

Спартак открыл медальон и поцеловал две пряди спрятанных там волос.

ГЛАВА XVI

Лев у ног девушки Убийца, понесший наказание

Эвтибида вышла из палатки вождя с лицом искаженным, сверкающими глазами, с краской негодования, с отчаянием в сердце.

Она долго бродила по молчаливому лагерю, страдая безмерно. Ей необходима была месть, месть жестокая, длительная, кровавая.

Утренний ветер, резкий и пропизывающий, возвратил ее к действительности. Она завернулась в пеплум, осмотрелась и направилась к своей палатке.

На следующий день Спартак сообщил Окномао, что посылает к нему на службу одного из своих ординарцев.

Германец был изумлен, когда увидел прибывшую к нему Эвтибиду, красотой которой он не раз восхищался и которую он считал возлюбленной Спартака.

Конечно, такой женщине, как Эвтибида, нетрудно было

завлечь в свои сети грубого и простодушного германца. Очень скоро она добилась полной и безграничной власти над ним.

Между тем в лагере у Венузии Спартак продолжал неутомимо обучать два новых легиона. Спустя восемнадцать дней после беседы Спартака с консулом Марком Теренцием Лукуллом были доставлены в лагерь гладиаторов десять тысяч панцирей, щиты, мечи и дротики — цена выкупа за четыре тысячи пленных. Как только были вооружены два последних легиона, Спартак оставил свой лагерь в Венузии и вступил в Апулию, дойдя сперва до Бариума, а потом до Брундизиума, самого важного и большого военного порта, имевшегося у римлян на Адриатическом море.

В конце августа Спартак, не пытаясь взять сильно укрепленный Брундизиум, расположился лагерем близ города Гнатия в надежном месте, которое он еще более укрепил окопами; он решил перезимовать в этой провинции, где плодородные почвы и обилие пастбищ и скота обеспечивали его войску продовольствие.

Здесь Спартак созвал в самом секретном порядке военный совет, на котором обсуждалось, что нужно предпринять для дальнейшего ведения войны. Очевидно, было принято очень важное решение, так как в лагере гладиаторов никому не удалось проникнуть в тайну этого совещания.

Совещание закончилось к вечеру. А ночью Эвтибида позвала к себе в палатку Окномао, который должен был сильно нагнуть голову, чтобы проникнуть в храм Венеры, как он в шутку называл палатку Эвтибиды.

Войдя, гигант опустился на колени перед гречанкой и, взяв обе ее руки, поднес их к губам со словами:

— О, моя божественная Эвтибида!

— Долго вы разговаривали на совещании? — спросила

Эвтибида, благосклонно и ласково смотря на огромного германца, простертого у ее ног.

— Долго, к сожалению, — ответил Окномао, — и я тебя уверяю, мне надоели все эти совещания: я — человек оружия, и, клянусь молниями Тора, все эти собрания ничего не дают моей душе.

— Но ведь Спартак тоже человек действия, и, если к мужеству прибавить осторожность, это будет гораздо лучше для торжества нашего дела.

— Будет... не отрицаю, но я предпочел бы идти прямо на Рим.

— Безумная мысль! Лишь тогда, когда нас будет не менее двухсот тысяч, мы сможем сделать эту смелую попытку. — И вы, — спросила как будто рассеянно Эвтибида, — обсуждали серьезные и важные дела на сегодняшнем совете?

— Да... серьезные и важные дела. Говорили Спартак, Крисс и Граник.

— Конечно... вы обсуждали план военных действий для весенней кампании?

— Не совсем... Но то, что мы решили, почти прямо относится к этому. Обсуждали... Ах! — он внезапно остановился. — Мы ведь связали друг друга священной клятвой не говорить никому о том, что было решено. А я сейчас чуть не выболтал тебе все с самого начала.

— Но ты ведь не врагу говоришь о ваших планах?..

— О, моя обожаемая Венера... и ты можешь думать, что я не доверяю тебе?

— Ну! — воскликнула с негодованием гречанка. — Клянусь Аполлоном Дельфийским! Нехватало бы еще, после того как я отдала делу угнетенных все мои богатства и оставила ради него все удовольствия роскошной, полной наслаждений жизни, чтобы ты осмеливался заподозрить мою преданность!

— Да избавит меня от этого Один... Я тебя люблю безумно; я тебя уважаю и почитаю так, что, несмотря на данную клятву, для меня ничего не значит сообщить тебе, о чем...

— Ах, нет, не нужно, — сказала, представляясь еще более рассерженной, девушка. — Что мне за дело до ваших секретов!.. Я не хочу ничего знать. Совсем не хочу.

— Ну, вот, ты сердишься. Чем я тебя обидел, моя обожаемая? — сказал, почти плача, Окномао. — Послушай... прошу тебя... Знай, что...

— Молчи, я не хочу, чтобы ты нарушил свою клятву. Если бы ты верил в меня... если бы ты уважал меня... если бы любил, как ты говоришь, ты понимал бы, что эта клятва связывает тебя по отношению ко всем, но не ко мне. Ведь ты говоришь, что я — душа и мысль твоей жизни. Но, к сожалению, ты любишь во мне только мою несчастную красоту, ты жаждешь только моих поцелуев... и любовь чистая и глубокая, которую я надеялась найти в тебе, была только обманом, только сном...

Голос Эвтибиды казался взволнованным, и под конец она разразилась притворно-безудержным рыданием.

Гигант в невыразимой тревоге стал просить прощения. Он уверял, что любит ее больше, чем себя, что чтит ее, как святую, обожает, как богиню.

В конце концов он рассказал ей, как Спартак убедил их в необходимости привлечь на свою сторону римскую молодежь, готовую на мятеж, как было решено отправить завтра верного посла к Катилине с просьбой принять командование над гладиаторским войском и как это поручение добровольно взял на себя Рутилий.

Эвтибида казалась растроганной, успокоенной и нежной. Как только Окномао ушел, она тоже вышла и направилась в палатку, где находились при ее лошадях двое преданных ей слуг.

„О-о... неплохо придумано. Нет! Поставить Катилину во главе шестидесяти тысяч рабов — это значит облагородить и войско и само восстание. С ним пришли бы знатные и смелые патриции Рима, с ним, вероятно, восстала бы вся чернь на берегах Тибра... И восстание рабов превратилось бы в опаснейшую гражданскую войну, которая, возможно, имела бы своим последствием полное изменение устройства государства... И нечего надеяться, что при Катилине, верховном вожде, Спартак потеряет влияние; Катилина слишком умен, он поймет, что без Спартака он не смог бы и единого дня руководить этими дикими толпами. Нет... нет... Это не входит в мои планы... и доблестный Спартак на этот раз ничего не добьется“.

Так размышляя, она подошла к палатке, позвала своего верного Ксенократа и тихим голосом по-гречески стала говорить с ним.

На рассвете следующего дня по большой консульской дороге быстрой рысью верхом на резвом гнедом коне апулийской породы ехал статный, сильный юноша в простой тунике из грубого сукна, в широком темном плаще на плечах и в суконной шляпе. По одежде и по внешности его можно было принять за зажиточного землевладельца, направляющегося на базар в Бариум.

Проехав три часа, путник остановился на почтовой станции, чтобы подкрепиться и дать отдых коню.

Толстый и краснолицый хозяин, словоохотливый и любопытный, как все люди его профессии, посмотрел на лошадь путешественника и сказал:

— Видно, что твой благородный и прекрасный апулиец проделал большой путь.

— Он бежит уже шесть часов, — ответил путешественник. И вдруг прибавил: — Тебе нравится мой апулиец?

— Клянусь крыльями божественного Пегаса, я не видел никогда более прекрасного коня.

— Бедняга! Кто знает, до какого состояния он дойдет через месяц! — сказал со вздохом путешественник, входя в дом станции.

Хозяин предложил ему сесть за один из столов, стоявших в комнате.

— Ты хочешь чего-нибудь поесть? Желаешь ли ты старого формийского вина? Оно поспорит с нектаром Юпитера. И почему твой конь через месяц окажется в плохом виде? Не зажарить ли тебе заднюю часть барашка? Барашек нежный и сладкий, как молоко, которым его кормила мать... Я могу предложить тебе отличного масла и свежего сыра, искрящегося слезой, как роса на свежей травке.

Болтовня хозяина была прервана прибытием нового путешественника. Дымящиеся ноздри его коня и пена, покрывавшая уздечку, показывали, что он пробежал длинный путь.

Новый путешественник был высоким плотным человеком лет сорока, с крепкими мускулами. По одежде его можно было принять за слугу или отпущенника богатой семьи.

Хозяин снова принялся болтать, пока, наконец, оба путешественника не потребовали, чтобы он дал им поесть.

— Мигом подам жареного барашка, нежного, как трава, на которой паслась его мать, и старого формийского, ароматного, как нектар Юпитера. — И хозяин ушел, наконец, хлопотать об обеде.

— Хвала Юпитеру, — сказал землевладелец, — что он избавил нас от невыносимой болтовни этой префики.

— Действительно, надоедливый человек, — ответил отпущенник, и на этом разговор прекратился.

В то время как отпущенник, повидимому, был погружен в свои мысли, апулийский землевладелец рассматривал его пронизательными глазами.

Наконец, хозяин принес обещанное жаркое из барашка. Оба путника принялись за него с большим аппетитом, запивая еду прославленным формийским вином.

Утолив голод, апулиец обратился к хозяину с вопросом:

— Так тебе нравится моя лошадь?

— Клянусь Геркулесом! Конечно, нравится. Это конь настоящей апулийской породы, стройный, резвый, с тонкими первыми ногами, с красивым изгибом шеи. У него все качества этой породы... Согласитесь, что я, состоя больше двадцати лет хозяином почтовой станции, знаю много в лошадях, особенно нашей, апулийской, породы...

— Ты дал бы мне взамен моего коня одного из твоих двадцати?

— Из сорока, гражданин, из сорока, так как моя станция первоклассная...

— Так не дашь ли ты одного из сорока, из ста, из тысячи твоих лошадей, имеющих у тебя в конюшнях?! — закричал раздраженный апулиец. — Пусть Эскулап пошлет тебе опухоль на язык.

— Ах, обменять знакомую мне лошадь на другую, которая красива, но которой я не знаю!.. — возразил, почесывая за ухом, хозяин. — Это меня не очень устроило бы... Лет пять тому назад со мной случилось как раз...

— Но я вовсе не желаю тебе отдать моего коня, которого я не променяю на лучшего из твоих. Я хочу оставить его в залог.... Ты мне дашь одну из твоих лошадей, чтобы доехать до первой станции, где я оставляю ее и возьму другую, и так буду делать, пока доеду... пока не приеду, куда мне нужно. На обратном пути я заберу своего Аякса, так зовут моего гнедого.

— Это другое дело, я на это согласен. Ты найдешь своего коня сытым, лоснящимся, здоровым. Я знаю, как надо содержать лошадей, и... не сомневайся. А ты, оче-

видно, очень спешишь и должен ехать далеко? Вероятно, в Беневентум?

— Может быть, — сказал, улыбаясь, апулиец.

— Или, может быть, даже в Капую?

— Может, в Капую.

— И, кто знает, может быть, ты спешишь доехать до самого Рима?

— Может быть.

Оба замолчали.

— Выпей-ка лучше из чашки дружбы, — сказал, улыбаясь, землевладелец, предлагая добряку свою чашу, наполненную вином.

— За счастливое твое путешествие и за твое благополучие, — ответил хозяин, выпил два-три глотка вина и затем подал чашу апулийцу.

Последний не взял ее и сказал:

— Предложи ее другому путешественнику да выпей раньше и за его здоровье.

И, обращаясь к путешественнику, добавил:

— Мне кажется, что ты отпущенник...

— Верно, — почтительно ответил тот, — отпущенник семейства Манлия Гордого...

— Знаменитый и древний род, — заметил хозяин, — один из его предков был консулом, а другой...

— Я как раз еду в Рим рассказать Титу Манлию об убытках, причиненных его вилле возле Брундизиума приходом восставших гладиаторов.

— А, гладиаторы! — сказал хозяин вполголоса. — Не говори о них... ради Юпитера Статора. Натерпелся я страха два месяца тому назад, когда они прошли здесь, направляясь в Брундизиум.

— Да будут они прокляты со своим подлым вождем! — воскликнул апулиец, ударив кулаком по столу. Затем спросил у хозяина: — И они причинили тебе много убытку?

— По правде, немного... И, если хочешь знать, они отпеслись с уважением ко мне и моей семье... Они взяли у меня сорок лошадей, но заплатили за них прекрасными золотыми монетами.

— Хотя в конце концов, — сказал отпущенник, прерывая хозяина, — они были в полном праве увести с собой лошадей, не заплатив тебе ни полушки.

— Конечно. Но нужно согласиться, что эта война позорна для римских граждан, — сказал хозяин. — Надо было видеть, когда они проходили здесь. Что за огромное войско! Ему не было конца... И какие стройные легионы! Если бы не было позорно сравнивать наших славных солдат с этими разбойниками, я бы сказал, что их легионы ни в чем не отличались от наших.

— Скажи прямо, — прервал его отпущенник, — пусть это позорно, но все же Спартак — великий полководец.

— Ах!.. Клянусь римскими богами Согласия! — возразил с негодованием апулийский землевладелец. — Как, гнусный гладиатор разграбил виллу твоего господина и благодетеля, а ты, подлец, осмеливаешься защищать его поступки и восхвалять его доблесть?..

— Да не допустит всевышний Юпитер, чтобы ты так думал, — ответил смиренно и почтительно отпущенник. — Я вовсе не так сказал... Кроме того, знай, что гладиаторские легионы вовсе не разграбили нашу виллу...

— Почему же ты сказал, что едешь в Рим сообщить Титу Манлию Гордому о серьезных убытках, причиненных ему гладиаторами?

— Но убытки причинены бегством пятидесяти рабов. Они все были освобождены гладиаторами, и им предложили следовать за знаменами восставших. И из шестидесяти только шесть стариков и инвалидов остались со мною на вилле, другие все ушли в лагерь Спартака. Поэтому, что же, это малый убыток?.. Кто теперь будет

работать, пахать, сеять? Кто будет подрезать виноградники, кто соберет урожай?

— К Эребу Спартака и гладиаторов! — сказал свирепым и презрительным тоном землевладелец. — Выпьем за их уничтожение и за наше процветание.

Затем он заплатил по счету и поднялся, чтобы пойти в конюшню выбрать себе лошадь.

— Подожди минутку, дорогой гражданин, — сказал хозяин, — пусть никогда не скажут, что хороший человек побывал на станции Азеллиона и не унес с собой таблички гостеприимства.

И он вышел из комнаты. Отпущенник заметил:

— Кажется, хозяин действительно хороший человек.

— Несомненно, — ответил апулиец и, подойдя к двери, выходящей на улицу, стал на пороге, заложив руки за спину, раздвинув ноги, и, раскачиваясь то на носках, то на пятках, начал напевать песенку в честь бога Пана, очень популярную среди пастухов и землевладельцев.

Между тем хозяин написал на деревянной дощечке свое имя: „Азеллион“ и, разломив ее пополам, дал апулийцу половинку, на которой от подписи оставалось: „лион“, говоря ему:

— Эта половина дощечки поможет тебе приобрести расположение хозяев других почтовых станций; показывай ее и будь уверен, что тебе сразу дадут лучшую из лошадей.

— От души благодарю тебя за твою любезность. Хотя ты и болтлив, но знай, что Порций Мутилий, гражданин Гнatii, будет всегда помнить о твоей доброте и сохранит к тебе искреннюю дружбу.

— Порций Мутилий, — сказал Азеллион, — очень хорошо... Сейчас я запишу твое имя в книгу моих воспоминаний, чтобы не забыть его... Столько людей проходит здесь ежедневно!

В этот момент прибыл еще один проезжий, который, судя по одежде, был слугой. Он повел свою лошадь в конюшню, где Порций Мутилий наблюдал, как конюх седлает выбранного им коня.

Поздоровавшись обычным „Salvete“ (здравствуйте) с Порцием и хозяином, прибывший поставил свою лошадь в одно из стойл, на которые была разделена конюшня, к мраморной кормушке, расположенной вдоль стены, снял с лошади уздечку и сбрую и положил перед ней мешок с овсом. В это время в конюшню вошел отпущенник Манилия Гордого. Он посмотрел свою лошадь и стал ее ласкать, обменявшись незаметно для Порция Мутилия и хозяина быстрым взглядом с прибывшим.

Приехавший, покончив с заботами о лошади, направился к выходу и, проходя мимо отпущенника, притворился, что только что его увидел.

— А! Клянусь Кастором! Лафрений...

— Кто там? — сказал тот, повернувшись. — Кребрик! Ты здесь? Откуда приехал?..

— А ты куда едешь? Я еду из Рима в Брундизиум.

— А я из Брундизиума в Рим.

Порций Мутилий стал исподтишка наблюдать за слугой и отпущенником. Те, заметив, что он за ними подглядывает и прислушивается к их беседе, продолжали разговаривать шопотом. Однако, Порций смог услышать:

— Возле колодца...

Затем слуга вышел из конюшни, а отпущенник продолжал ласкать свою лошадь. Порций тоже вышел, напевая тихонько слова песенки гладиаторов:

Но враг проворный, ловкий...

Из этой мышеловки

Коту на спину — скак!

Встретившему его хозяину он сказал:

— Подожди меня здесь, я сейчас вернусь.

И побежал к колодцу, находившемуся позади станции, спрятался за круглой его стеной, обращенной к огороду. Отпущенник и вновь прибывший слуга подошли к колодцу с другой стороны.

— Какие новости? — спросил отпущенник.

— Я узнал, — ответил вполголоса слуга, — что мой брат Марбрик тоже ушел в лагерь к братьям, и я убежал из виллы господина, чтобы отправиться туда же.

— А я, — сказал Лафрений, — еду в Рим, забрать моего сына, которого не хочу оставлять в руках наших угнетателей; с ним я убегу в лагерь нашего доблестного вождя.

— Ну, прощай, чтобы нас не заметили. Тот апулиец смотрел на нас подозрительными глазами...

— Мне тоже показалось, что он наблюдал за нами. Прощай и желаю удачи.

— Постоянство...

— И победа.

Порций Мутилий слышал, что слуга и отпущенник уходят. Тогда он покачал головой и посмеиваясь вернулся на станцию. Попрощавшись еще раз с хозяином, он вскочил на лошадь и отправился по направлению к Бариуму.

На следующий день к вечеру апулиец Порций Мутилий, в котором легко было узнать Рутилия, начальника гладиаторов, догнал ускокавшего вперед отпущенника, встретившегося с ним на станции Азеллиона.

— Здравствуй, Лафрений! — окликнул его Рутилий.

— Кто это? — повернулся отпущенник. Узнав Рутилия, он сказал с облегчением: — А, это ты, уважаемый гражданин! Да сопутствуют тебе боги.

Рутилию пришла мысль сыграть шутку с этим бедным отпущенником, собирающимся вместе с сыном убежать в лагерь гладиаторов. Строгим голосом он сказал:

— Так ты едешь в Рим забрать своего сына из дома твоих господ и благодетелей, чтобы увести его в лагерь

отвратительного и гнуснейшего Спартака? Да? Я все слышал. Коварный и неблагодарный слуга! Я в первом же городе прикажу тебя арестовать, и ты под пыткой должен будешь сознаться в своем предательстве...

Лафрений остановил лошадь, Рутилий сделал то же.

— Я ни в чем не признаюсь, — сказал глухим голосом отпущенник. — Я знаю, как спастись.

— Ну, как? — спросил, будто бы в изумлении, Рутилий.

— Убивши доносчика! — вскричал Лафрений. Подняв короткую дубинку, он прищиприл коня и бросился на Рутилия. Тот разразился громким смехом.

— Стой! Эй, брат!.. Постоянство и...

Лафрений остановил коня.

— И?.. — спросил Рутилий, требуя ответной части шароля.

— И... победа! — пробормотал тот, еще не оправившись от изумления.

Тогда Рутилий протянул ему руку и, троекратно пожав указательным пальцем правой руки ладонь левой отпущенника, удостоверил свою личность. Сам же он совершенно успокоился насчет своего товарища по путешествию, признав в нем без колебаний члена Союза угнетенных.

Оба всадника поехали рядом.

Между тем наступила ночь. Во мраке въехали они в лес; дорога, окаймленная широкими рвами, подымалась в гору. Вдруг лошадь Лафрения, испугавшись чего-то, встала на дыбы и, сделав два-три прыжка, упала в ров.

На крик Лафрения Рутилий остановил коня, соскочил и побежал к спутнику. Но не успел он различить, в чем дело, как почувствовал сильный удар в спину. Рутилий упал, второй удар обрушился на его плечо.

Тогда Рутилий понял, что попал в сети, расставленные предательской хитростью, и, выхватив из-под туники кинжал, бросился на своего убийцу:

— А, презренный предатель! Ты побоялся напасть на меня открыто.

Он ударил Лафрения в грудь, но у убийцы под туникой оказался панцырь. Последовала короткая и отчаянная борьба между покрытым ранами Рутилием и Лафрением.

Потом послышался глухой шум упавшего тела и слабый голос простонал:

— О, подлый предатель!..

Лафрений стал на колени и приложил ухо, чтобы убедиться, действительно ли Рутилий мертв; затем, выйдя на дорогу, он направился к лошади Рутилия.

— Клянусь Геркулесом! — воскликнул он вдруг, чувствуя, что теряет сознание. — Что же это такое?..

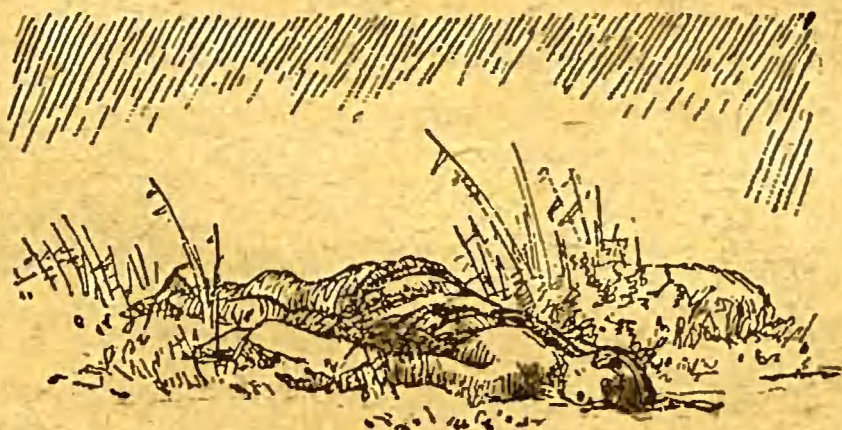
И он зашатался.

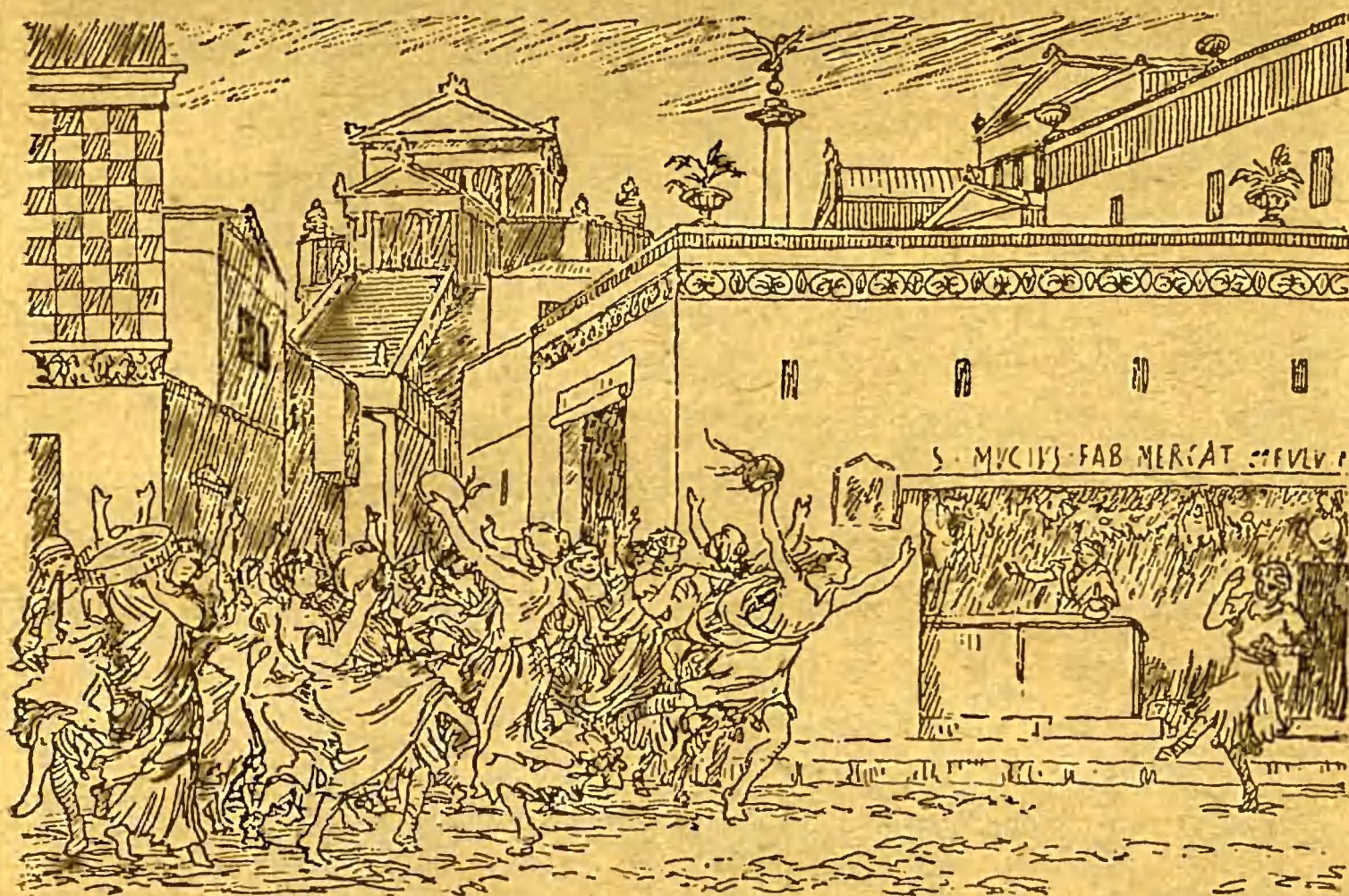
— Мне больно здесь... — пробормотал он слабеющим голосом, поднял правую руку к шее, но сейчас же отнял ее, покрытую горячей кровью.

— О, клянусь богами!.. Он ударил меня как раз в единственное место, где не было панцыря.

И, обливаясь кровью, он упал.

И вот на пустынной дороге, среди ночной тишины, в отчаянных усилиях подняться, в тщетных попытках вызвать помощь, человек, назвавшийся Лафрением, а в действительности бывший слугой Эвтибиды и орудием ее мести, в мучительной агонии испустил последнее хрипение. А в нескольких шагах от него во рву, покрытый ранами, лежал труп несчастного Рутилия.

ГЛАВА XVII

Арторикс-фокусник

В четырнадцатый день до январских календ 681 года римляне праздновали сатурналии. Праздник должен был продолжаться три дня, в течение которых, по древнейшему обычаю, давалось подобие свободы слугам и рабам, которые вместе с сенаторами, всадниками и гражданами обоего пола и разного возраста сидели открыто за столами и все три дня по-своему развлекались.

Из трех миллионов жителей Рима два с половиной миллиона было рабов. Кроме того, в дни сатурналий все обитатели пригородных деревень и соседних городов тысячами стекались в Рим. На переполненных толпами улицах со всех сторон раздавались оглушительные крики: *Jo bona Saturnalia!* — „Да здравствуют веселые сатурналии!“

В первый день сатурналий молодой фокусник в сопровождении собаки, с ручной лестницей, несколькими веревками и железными кольцами на спине, с маленькой

обезьянкой на левой руке входил в Рим через Эсквилинские ворота.

Это был Арторикс, молодой галл, любимый друг Спартака и начальник одного из галльских легионов в гладиаторской армии.

Даже до отдаленных кривых улочек, примыкавших к городской стене, доносились крики праздничных толп: *Jo bona Saturnalia!* — „Да здравствуют веселые сатурналии!“

Дойдя до первой большой улицы, он сразу увидел пеструю праздничную толпу, впереди которой шли музыканты и цитристы, бешено пляшущие и распевающие во все горло гимны в честь Сатурна.

Фокусник отступил в сторону, держась как можно ближе к стене, чтобы пропустить эту людскую волну, в которой ангустиклава всадника смешалась с серой туникой лишенного прав и рядом с белой столой матроны виднелась красная куртка раба. Он старался не привлекать внимания этих людей, но его тотчас заметили, узнали в нем фокусника и стали кричать ушедшим вперед, чтобы они остановились.

— Да здравствует фокусник! — кричали вокруг него.

— Дай нам представление!

— Почти Сатурна!

— Посмотрим, что умеет делать твоя обезьяна!

— Заставь прыгать твою собаку!

— Дайте ему свободное место!

— Шире круг!

Но вместо того, чтобы расступиться и освободить место, все еще больше толпились и наваливались друг на друга, и Арторикс был так притиснут к стене, что не мог уже сделать ни одного движения.

Один ласкал собаку, другой обезьянку, третий трогал лестничку, веревки и железные кольца.

Кто-то крикнул:

— Поведем его к курии Каринской!

— Да, да, к курии Каринской! — закричали сотни голосов.

— К курии Каринской! К курии Каринской!

И, увлекая с собой фокусника, толпа направилась к курии Каринской.

Возрастая по пути, толпа добралась до обширной площади, на которой стояла третья из тридцати римских курий, называемая Каринской. Здесь толпа разлилась подобно бурному потоку, доставив немало неприятностей тем, которые уже сидели за столами и были заняты поглощением яств и вина.

Известие, что здесь на площади фокусник даст представление, вызвало большую радость. Все стали проталкиваться вперед, образуя круг, приподымались на носки, становились на скамейки, на столы, на ступеньки, взбирались на железные решетки окон в нижних этажах соседних домов. Вскоре все замерли в глубокой тишине и в нетерпеливом ожидании, устремив глаза на Арторикса, который стал приготовляться к представлению.

Через несколько минут, разложив на земле разные предметы своего ремесла, молодой галл подошел к одному в толпе и подал ему шарик из слоновой кости.

— Передай вкруговую.

Затем он дал другой шарик какому-то подвыпившему рабу.

— Пусти по рукам.

Потом он вышел на середину свободного пространства и обратился к своему большому эфирскому псу черно-белой масти, который сидел, повернув морду и зеленые умные глаза к хозяину:

— Эндимитон!

Пес вскочил и замахал хвостом, смотря в упор на фокусника.

— Ступай поищи белый шарик...

Собака немедленно бросилась в ту сторону, где белый шарик переходил из рук в руки.

— Нет, найди красный шарик, — приказал Арторикс.

И Эндимион, быстро повернувшись туда, где стоял раб, получивший красный шарик, стал пробираться к нему между ногами зрителей.

Но Арторикс закричал, как бы отдавая команду:

— Стой!

Пес моментально остановился.

Затем, обращаясь к толпе, фокусник сказал:

— Те, в руках которых находятся шарики, пусть не передают их дальше: моя собака пойдет и заберет их.

Шопот любопытства и недоверия пробежал по толпе. С напряженным вниманием все следили, как Арторикс, скрестив руки, командовал:

— Пойди и принеси мне белый шарик!

Эндимион, простояв секунду с поднятым вверх носом, решительно направился к тому месту, где находился человек, державший белый шарик, и, положив обе лапы ему на грудь, казалось, просил своими выразительными глазами отдать ему шарик.

Тот — по пурпурной полосе, украшавшей его туник, видно было, что это патриций, — вынул шарик из-под тоги и подал собаке, которая, взяв его в рот, побежала к хозяину.

Возгласы одобрения перешли в оглушительные крики и рукоплескания, когда с той же ловкостью собака разыскала державшего красный шарик.

Тогда Арторикс раздвинул свою ручную лестницу, поставил и укрепил ее на земле, достал веревку, надел на нее три больших железных кольца, привязал один ее конец к верхней части лестницы, взял другой конец в руку и, отойдя немного, стал держать веревку натянутой на вы-

соте четырех футов от земли. Затем поставил обезьянку на веревку и обратился к ней:

— Психея, покажи славным сынам Квирина твою ловкость и умение.

В то время как обезьяна, ставши на задние лапы, пошла очень ловко по веревке, Арторикс повернулся к собаке, внимательно на него смотревшей:

— А ты, Эндимион, покажи знаменитым жителям города Марса, как ты умеешь влезать на ручную лестницу.

Пока обезьянка шла по веревке, собака стала с большим трудом перепрыгивать с одной ступеньки лестницы на другую под рукоплескания толпы; рукоплескания стали шумными и общими, когда обезьянка, дойдя до первого железного кольца, спустилась на него, сделала несколько оборотов, снова вскочила на веревку, дошла до второго кольца, повторила те же штуки и пошла дальше.

За это время собака добралась до верхушки лестницы. Тогда Арторикс, обращаясь к ней, сказал:

— Теперь, бедняга Эндимион, как же ты слезешь отсюда?

Собака глядела на хозяина, оживленно помахивая хвостом.

— Забраться сюда, хоть и не без труда, ты, конечно, забрался, а вот я не знаю, что ты сделаешь, чтобы спуститься?

Собака одним прыжком оказалась на земле и, смотря с победоносным видом на толпу, важно уселась на задние лапы. Единодушные рукоплескания встретили этот легкий способ разрешения трудной задачи.

Между тем обезьяна, дойдя до верхней ступеньки лестницы, тоже уселась там под шумные возгласы зрителей.

— Дай мне твою шляпу, — сказал Арториксу один всадник, выйдя из толпы, — я соберу денег для тебя и для твоих замечательных животных.

Арторикс протянул шляпу всаднику, который первый бросил в нее сестерций и пошел по кругу, собирая монеты. Мелкие монеты посыпались со всех сторон.

Фокусник тем временем вынул из-под туники две маленькие игральные косточки и деревянную кружку:

— Теперь сыграйте партию в кости, Психея и Эндимион, и покажите этим благородным и великодушным зрителям, кто из вас ловчее и кто счастливее.

Под громкий смех зрителей собака и обезьяна, усевшись друг против друга, начали игру.

Эндимион первый бросил кости, сильно ударив лапой по кружке, поднесенной ему хозяином, и опрокинул ее так, что кости покатались очень далеко, почти к ногам зрителей; некоторые наклонились, чтобы увидеть количество очков, выброшенных Эндимионом, и многие сразу закричали, хлопая в ладоши:

— Венера! Венера! (Так называлось наибольшее количество очков.) Молодец Эндимион!

Собака, казалось, понимала, что она сделала удачный удар, и весело помахивала хвостом.

Арторикс собрал кости, вложил их снова в кружечку и подал ее Психее.

Обезьяна взяла кружечку своей лапкой, потрясла и помахала ею и выбросила кости на землю.

— Венера! У нее тоже Венера! — закричали зрители. — Да здравствует Психея, молодец Психея!

Тогда зверек поднялся на задние лапки и передними стал посылать поцелуй публике при неистовом смехе толпы.

В это время всадник, производивший сбор денег в пользу фокусника, подал ему шляпу, почти полную мелких монет. Арторикс переложил их в кожаную сумку, висевшую у него на поясе, и поблагодарил патриция.

Но когда галл собирался еще раз заставить своих животных кинуть кости, внимание толпы внезапно было привле-

чено громкими криками: компания мимов и шутов в чудовищных масках, прыгая и танцуя под звуки труб и гитар, в сопровождении огромной толпы двигалась к курии Каринской.

Вскоре все, окружавшие фокусника, устремились на встречу маскам, и галл остался один на площади. Тогда он собрал свои принадлежности, взял на руку обезьяну, позвал собаку и вошел в трактир, неподалеку от курии.

Тем временем актеры, поднявшись на ступеньки курии, начали представлять пантомиму под взрывы смеха и громкие крики толпы.

Артирикс воспользовался удобным моментом, вышел из трактира и потихоньку стал пробираться сквозь толпу. Спустя четверть часа ему удалось попасть на улицу, которая вела к Большому цирку.

Пока он движется по этой улице, полной праздничной толпы и веселого шума, объясним вкратце, как и зачем Артирикс под видом фокусника прибыл в Рим.

На следующий же день после убийства бедного Рутилия отряд гладиаторской конницы, проникший в поисках фуража вплоть до Барнума, узнал о таинственном происшествии накануне на Гнатской дороге, где недалеко друг от друга были найдены трупы двух неизвестных людей, — один, повидимому, зажиточный землевладелец, другой отпущенник.

Кавалеристы, к своему изумлению, узнали в одном из трупов храброго Рутилия, переодетого — они не могли понять зачем — апулийским землевладельцем. Они известили об этом Спартака, который стал подозревать, что какой-то предатель скрывается, очевидно, в самом лагере и противодействует его планам. Но он не мог точно установить, произошла ли смерть Рутилия в расставленной ему ловушке или была результатом случайной ссоры.

После почетных и торжественных похорон, устроенных

погибшему, надо было подумать о другом после в Рим к Катилине. Спартак решил, что для выбора человека нет необходимости созывать военный совет, и поручил это деликатное дело, без чьего-либо ведома, самому дорогому для себя человеку — Арториксу.

Арторикс, готовясь к такому предприятию, разыскал настоящего фокусника и под большим секретом в своей палатке научился разным штукам, которые потом он показывал на площади в Риме.

Направляясь к Большому цирку, Арторикс вскоре дошел до курии Салиарской; там вокруг столов, среди оживленных криков, веселых возгласов и непрерывного шума сидело за едой много людей разного сословия и состояния.

Излюбленным угощением во время сатурналий была свинина, из которой приготавлились разные блюда.

— Итак, да здравствует Сатурн! — кричал какой-то раб-каппадоконец колоссального роста, около которого очутился Арторикс. — Да здравствует Сатурн и превосходные сосиски, приготовленные трактирщиком Курионом, ни с кем не сравнимым в приготовлении кушаний из свинины!

— О, да избавят боги от того, чтобы я хвастался этим! — возразил Курион, человечек низенького роста, жирный и круглый. Он ставил в это время на стол большое блюдо дымящихся сосисок. — Но я могу во всеуслышание сказать, что таких сосисок, вымени и потрохов, какие подаются у меня, не найдется даже за столом у Лукулла и Марка Красса, клянусь черными волосами Юноны, покровительницы моего дома!

— *Je bona Saturnalia!* Да здравствуют веселые сатурналии! — проревел в ответ опьяневший раб, который объединял всех собутыльников за столом. — Да сделают вышние боги так, чтобы вернулось царство Сатурна и исчез с земли всякий след рабства!

— Но ведь тогда ты не ел бы этих отличных сосисок Куриона и не пил бы этого отличного цекубского?

— Ну, так что ж? — закричал с негодованием каппадокийец. — Разве необходимы для жизни сосиски и вино? Разве мало воды в источниках моих родных гор, чтобы утолить жажду свободного человека?

— Вода хороша для омовения и купания, — возразил другой раб, — но для утоления жажды я предпочитаю вино.

— И розги тюремщика! — добавил каппадокийец. — О, Гипезий, о, выродившийся афинянин, как тебя принизило продолжительное рабство!

Арторикс остановился выпить стакан тускуланского вина и внимательно вслушивался в беседу.

— Ого!.. — воскликнул один гражданин, обращаясь к каппадокийцу, — милейший, мне кажется, что, прикрываясь сатурналиями, ты ведешь пропаганду революции среди рабов на пользу Спартаку.

— К Эребу подлого гладиатора! — закричал один патриций, услышав это имя.

— Да будет он проклят! — закричало еще шесть-семь сидевших за столом каппадокийца.

— Ах, доблестные, ах, храбрейшие люди! — сказал с спокойной иронией каппадокийец. — Не мечите попусту ваши дротики: подлый гладиатор далеко отсюда.

— Клянусь богами, покровителями Рима! Этот подлый раб осмеливается оскорблять нас, римских граждан, защищая гнуснейшего варвара.

— Потише, не кипятитесь, я никого не оскорбляю, и меньше всего вас, знаменитые патриции и граждане, один из которых к тому же мой господин. Я не последую, как не последовал до сих пор, за Спартаком; в успешный исход его дела я не верю: против него — счастье этого города, любимого богами. Но я не считаю себя обязанным ненавидеть и проклипать его, как это делаете вы, за то,

что он хочет завоевать свободу себе и своим товарищам и мужественно сражается против римских легионов. Я так говорю, пользуясь той свободой действий и речей, которая предоставляется нам, рабам, в эти три дня обрядами сатурналий.

Раздался громкий ропот неодобрения, и гражданин, бывший как раз господином каппадокийца, воскликнул в крайнем гневе:

— Ну, клянусь белыми повязками богини Целомудрия, какие речи мне приходится слышать! Ты бы меньше меня оскорбил, дерзкий раб, если бы выказал презрение ко мне, к жене моей и к чести моего дома! Проси, проси твоих богов, чтобы я не вспомнил этих твоих безумных речей после окончания сатурналий!

— Защищать гладиатора!

— Хвалить его подлые дела!

— Превозносить тнуснейшего разбойника!

— Клянусь Геркулесом! Какая дерзость!..

— Да еще сегодня, именно сегодня, когда мы сильнее чувствуем гибельный вред его восстания! — воскликнул владелец каппадокийца. — Сегодня, когда по его вине в Риме нет даже ста, даже десяти гладиаторов, чтобы зарезать их в цирке в честь бога Сатурна!

„Какое несчастие!“ подумал Арторикс, который попивал свое тускуланское маленькими глотками.

— А между тем существует древний обычай, всегда свято соблюдавшийся, — сказал патриций, — чтобы Сатурну приносились в жертву люди, так как Сатурн по происхождению божество ада. И, клянусь всеми богами, добрый Сатурн получит свои человеческие жертвы! Я первый подам пример и передам жрецам одного раба для заклания его на алтаре бога; и найдутся набожные люди в Риме, которые последуют моему примеру.

— Да! Это хорошо! — воскликнул печальным голосом

господни каппадоккийца. — Но кто нам даст любимое зрелище — бой гладиаторов?

— Кто нам это даст? — повторили многие печально.

Арторикс закрыл лицо руками из-за охватившего его чувства стыда за то, что и он принадлежит к человеческому роду.

— Это нам дадут наши доблестные консулы Геллий Публикола и Кней Корнелий Лентул Клодиан, которые оба двинутся весной против гладиаторов с двумя армиями по тридцать тысяч солдат в каждой, — сказал патриций. — И мы увидим, клянусь Геркулесом-победителем, сумеет ли этот варвар, грабитель скота, оказать сопротивление консульским легионам, их вспомогательным частям и союзникам!

— Как будто легионы, разбитые им при Фонди, — иронически заметил каппадокиец, — не были консульскими легионами.

— О! Между преторским войском и двумя консульскими имеется разница, которой ты, варвар, не можешь понять! Клянусь божественными мечами бога Марса, гладиаторы будут быстро разгромлены, и все, которые попадут в наши тюрьмы, пойдут тысячами в цирк! Как я жажду насладиться муками этих издыхающих разбойников!

Арторикс дрожал от гнева. „Хорошо, что я узнал это“, подумал он.

Уплатив за выпитое вино, он выбрался со своими животными из толпы и направился к Палатину, где находился дом Катилины.

• В портике этого дома сидело за пирушкой множество клиентов, ютпущенников и рабов Катилины, предаваясь обжорству и пьянству. Появление фокусника вызвало бешеные рукоплескания, и он должен был немедленно повторить перед этой толпой пьяниц представление, которым он три часа тому назад развлекал народ у Каринской курии.

Пока один из гостей Катилины, обходя присутствующих, собирал плату для него, Арторикс подошел к управителю дома и спросил, где его господин.

Управитель окинул фокусника пренебрежительным взглядом и презрительно ответил:

— Моего господина нет дома. Если хочешь повидать Катилину, спустись к форуму, там ты его, наверно, найдешь...

Как только Арториксу удалось избавиться от новых поклонников его искусства, он спустился с Палатина и поспешно пошел на форум.

Здесь давка была особенно сильна. Образовался настоящий круговорот людских толп. Одни шли в храм Сатурна, другие возвращались оттуда.

Впереди каждой группы выступали мимы, трубачи, певцы и цитристы; все пели гимны в честь великого отца Сатурна, и все, как одержимые, выкрикивали его имя.

Этот оглушительный шум еще усиливался криками тысяч продавцов игрушек и кушаний, бесчисленных мимов, паяцев и разносчиков.

С трудом двигаясь в сплошной массе народа, Арторикс пробивался к храму. Его собака, бежавшая рядом, по временам взвизгивала от боли. Бедное животное двигалось ловко и осторожно, но среди давки ему все время наступали то на одну, то на другую лапу.

На несколько шагов впереди Арторикса шли двое юношей и старик. По одежде старика, хотя она была роскошная и дорогая, Арторикс сразу узнал мима. На безбородом лице его, испещренном морщинами, плохо скрытыми под гримом, отражались все гнусные и низменные страсти. Двое юношей, шедшие рядом с мимом, принадлежали к классу патрициев — это было видно по их туникам, окаймленным пурпуром. На бледном лице одного было меланхолическое выражение, лицо другого отражало твердую волю.

Старик был Метробий, юноши — Тит Лукреций Кар и Кай Лонгин Кассий.

— Клянусь славой моего бессмертного друга Луция Корнелия Суллы, — говорил комедиант своим спутникам, продолжая беседу, — я давно не видел женщин красивее этой Клодии.

— Как она божественно хороша! Я, кажется, теряю голову! — сказал Кассий.

— Ты заметил, как она похожа на своего брата?

— Как две половинки одного и того же ореха... И если бы Клодия надела мужское платье, то было бы трудно отличить брата от сестры.

В этот момент толпа остановилась, и Арторикс мог увидеть невдалеке, возле одной из колонн портика храма Весты, женщину, на которую Кассий бросал влюбленные взгляды. Ей было около двадцати лет; она была высокого роста и изумительно сложена. Густые мягкие якорыжные волосы красиво оттеняли ее лицо, белое, как алебастр, оживленное дерзкими и смелыми взглядами голубых сверкающих глаз.

— Да, Венера или Диана, как их представляет себе лежковерный народ, не могли бы быть красивее, чем она! — воскликнул Кассий.

— А все-таки, — заметил Метробий, — я видал женщину более красивую, чем Клодия, а именно гречанку-куртизанку Эвтибиду!..

— Эвтибида! — сказал, вздрогнув при этом имени, Лукреций. И прибавил с легким вздохом: — Красивая девушка Эвтибида! Где она теперь?

— Ты не согласишься, но факт, что она в лагере гладиаторов!

— Однако, если Эвтибида и находится в лагере этих разбойников, то лишь для того, чтобы заставить одного из них полюбить ее: она безумно влюблена в Спартака...

— Клянусь Геркулесом, теперь она имеет любовника, достойного ее!..

— Ничего подобного, — Спартак с презрением отверг ее.

— Знаешь ли ты, — продолжал Метробий, обращаясь к Лукрецию, — красавица Эвтибида неоднократно предлагала мне отправиться в лагерь гладиаторов?

— А зачем? — спросил изумленный Лукреций.

— Чтобы там пьянствовать, — заметил Кассий. — Но, кажется, ты это так хорошо делаешь в Риме, что...

— Вот вы оба смеетесь, но я бы пошел туда.

— Куда?

— В лагерь Спартака. Я переменял бы имя и одежду, я приобрел бы его расположение, разведал бы его планы и мероприятия и тайком обо всем сообщил бы консулам.

Оба патриция разразились громким смехом.

Метробий обиделся:

— А, вы смеетесь? Однако, разве не я предупредил консула Луция Лициния Лукулла два года тому назад о близком восстании гладиаторов? Разве не я открыл заговор в лесу богини Фуррины?

„Хорошо, будем знать“, подумал Арторикс, бросив злобный взгляд на Метробия.

В этот момент толпа достигла храма Сатурна, величественного здания, в котором хранились законы и государственная казна. Здесь толкотня и давка были еще больше, движение толпы было еще медленнее.

— Клянусь богами, покровителями Рима, — сказал Кассий, — здесь можно задохнуться!

— И даже наверняка, клянусь плющевым венком Вакха Диониса! — простонал Метробий.

Наконец, потолкавшись еще четверть часа, почти задавленные, Метробий, Лукреций и Кассий, а за ними и Арторикс проникли в храм, где увидели бронзовую статую

бога Сатурна, изображенного с садовым ножом в руке, готового к срезыванию плодов и окруженного земледельческими орудиями — аллегориями пастушества и полевых работ. Статуя была полая и наполнена оливковым маслом — символ изобилия.

У входа в храм раздались еще более резкие крики в честь Сатурна.

— Что это еще за шум? — спросил Метробий.

Все повернули головы. Толпа мрачных худых субъектов, каждый из которых держал в руке железную цепь, несла на руках городского претора.

— А! Это преступники, сидевшие в Мамертинской тюрьме. Они, согласно обычаю, получили помилование, — сказал Лукреций.

— И пришли сюда повесить цепи, которыми до этого были скованы их руки, на алтарь божественного Сатурна, — пояснил Метробий.

— Посмотрите, посмотрите, вот Катилина! — показал в сторону жертвенника Кассий.

Увидав Катилину, который, погрузившись в созерцание красивых весталок, стоял возле жертвенника, Арторикс стал изо всех сил пробиваться сквозь толпу, чтобы подойти к патрицию. Получив, наконец, возможность стать рядом с Луцием Сергием, он прошептал ему на ухо:

— Свет и свобода.

Катилина вздрогнул, стремительно повернулся, нахмурился и спросил строго, почти грозно:

— Что это значит?

— От Спартака, — сказал тихим голосом Арторикс. — Я пришел из Апулии к тебе, Катилина, переговорить об очень серьезных делах.

Патриций еще раз быстро взглянул на молодого галла.

— Хорошо. Я тебя выслушаю. Следуй за мной, пока не доберемся до укромного места! — И, пролагая дорогу

мощными локтями, Катилина быстрее всех достиг выхода и пробрался в портик, находившийся впереди храма, а затем на улицу. Меньше чем в полчаса он выбрался из давки и направился на скотный форум, к храму Геркулеса. Там в отдаленном и пустынном углу он остановился и сказал следовавшему за ним Арториксу:

— Я тебя слушаю.

Арторикс изложил Катилине предложение Спартака, описал мощь гладиаторских легионов, сумел искусно польстить гордости Катилины, доказал, насколько бы сила этих шестидесяти тысяч рабов, уже испытанных во многих сражениях, возросла, если бы их вождем стал Луций Сергий Катилина, как в короткое время удвоилось бы их число, каким образом, переходя от победы к победе, он мог бы в течение одного года оказаться с непреодолимыми силами у ворот Рима.

Кровавым огнем зажглись глаза Катилины.

Когда Арторикс кончил, он, задыхаясь, отрывисто ответил:

— Соблазнительно твое предложение, юноша, но я от тебя не скрою, что мне, римлянину и патрицию, внушает непобедимое отвращение мысль стать во главе войска рабов... пусть и мужественных, но все же рабов и бунтовщиков. Во всяком случае мысль иметь в своем распоряжении такое сильное войско, повести его лично к победе... мне, рожденному для великих дел и не имевшему ни разу случая совершить высокие подвиги, эта мысль....

— Не воспламенит твоего мозга, не помрачит твоего разума до того, чтобы забыть, что ты римлянин, что ты родился патрицием и что если требуется свергнуть олигархию, властвующую над нами, то следует раздавить ее руками свободных граждан и римским оружием, а не помощью варваров-рабов.

Так сказал патриций, лет за тридцать, благородной

осанки, с надменным лицом, высокого роста, который вышел в эту минуту из-за угла храма.

— Лентул Сура! — воскликнул пораженный Катилина. — Ты здесь?

— Да. Я заподозрил личность этого человека и пошел за тобой; я предсказывал тебе не раз предначертания судьбы, что три Корнелия будут властвовать в Риме. Корнелий Цинна и Корнелий Сулла, уже властвовали, ты третий избранник судьбы; и я хочу помешать тебе сегодня сделать ложный шаг, который, вместо того чтобы приблизить к цели, отдалит тебя от нее.

— Значит, ты, Лентул, думаешь, что когда-нибудь представится еще раз столь же благоприятный случай? Ты думаешь, что позже под нашей командой будет войско, подобное войску гладнаторов?

— Я думаю, что, пользуясь ими, мы навлечем на себя ненависть римского народа и отвращение всей Италии и по существу будем сражаться не на благо римского плебса, не в интересах лишенных наследства, лишенных прав и должников, но исключительно на пользу варваров, врагов римского народа. Когда, благодаря влиянию и поддержке наших друзей, эти варвары станут хозяевами Рима, думаешь ли ты, что они будут связаны какими-либо законами или какой-либо уздой? Думаешь ли ты, что они оставят нам власть? Всякий римский гражданин в их глазах будет врагом, и они вовлекут нас в резню и убийства, которые мы с излишним простодушием думаем обратить только на головы олигархов и их друзей.

По мере того как Лентул говорил, пыл, которым сначала был охвачен Катилина, постепенно угасал, и, когда Сура кончил свою речь, Сергей опустил голову с глубоким вздохом:

— Твоя логика режет начисто, как хорошо отточенный испанский клинок.

Арторикс намеревался сказать что-то Лентулу, но последний с повелительным жестом обратился к нему:

— А ты иди, вернись к Спартаку и скажи, что мы восхищаемся вашим мужеством, но мы — римляне прежде всего; и все распри утихают на Тибре, когда общей родине угрожает опасность. Скажи ему, чтобы он воспользовался благоприятно сложившимися обстоятельствами и повел вас за Альпы, каждого в свою страну. Дальнейшая война в Италии будет для вас роковой. Иди, и да сопутствуют тебе боги.

И с этими словами Лентул Сура, взяв под руку Катину, повел его по направлению к центру города.

Арторикс долго стоял, следя глазами за удалявшимися патрициями. Наконец, Эндимион стал прыгать и лизать ему руки; тогда мнимый фокусник медленно пошел к ближайшим городским воротам.

Он был так погружен в печальные мысли, что не заметил, как за ним уже порядочное время следит Метробий. Только когда Арторикс вышел на площадь, он обратил внимание на мима, которого сразу узнал, и сильно встревожился, опасаясь, что Метробий тоже узнал его.

Он ускорил шаги в надежде, что Метробий очутился здесь случайно и что среди густой толпы легко скрыться от него.

У двери одного патрицианского дома толпились многочисленные клиенты; каждый из них держал в руке большую свечу. Свечи, согласно обычаю, они принесли в подарок своему патрону по случаю сатурналий.

Смешавшись с толпой клиентов, Арторикс вошел в дом. Привратнику, который спросил, зачем он пришел, он объяснил, что явился к господину с предложением дать представление клиентам, в благодарность за принесенные ими дары.

Привратник пропустил его в атриум. Арторикс, зная-

ший, что дома богатых римлян построены все на один образец, посмотрел, есть ли по ту сторону атриума другой выход. Выход действительно был.

Тогда в праздничной суматохе, дарившей в доме, он прошел незаметно через атриум, затем через крытую галерею; отсюда через коридор проскользнул в садик, перебежал его, добрался до выхода с задней стороны дома; здесь другому привратнику он сказал, что дал представление в присутствии его господина, спешит по своим делам и, не имея возможности терять время, просит выпустить его в эту дверь, потому что главный вход весь забит людьми. Привратник нашел просьбу фокусника уважительной, открыл дверь и, попрощавшись, выпустил его на улицу.

Между тем начинало темнеть, и Арторикс торопился до ночи выйти за городские ворота. Скоро он попал на длинную улицу, тянувшуюся вдоль левого берега Тибра и упиравшуюся в так называемые „тройные ворота“.

Удаленная от центра города, эта улица была почти безлюдна, и тишина, дарившая на ней, нарушалась только плеском воды в реке.

Арторикс прошел уже около трехсот шагов, когда ему показалось, что за ним кто-то быстро идет. Он остановился и прислушался. Шаги приближались. Он вытащил кинжал из-под куртки и, воспользовавшись поворотом, который делала улица, спрятался за толстый ствол одного из каменных дубов, обрамлявших набережную.

Скоро он услышал тяжелое дыхание и увидел лицо проходившего человека.

Это был Метробий.

Метробий, не видя больше перед собой Арторикса, остановился и, оглянувшись, спросил сам себя:

— Куда это он пропал?

— Вот я, мплейший Метробий, — сказал, выходя из-за своей засады, Арторикс.

Метробий отступил в сторону, где низкая стена в полувысоту человеческого роста отделяла улицу от реки, и сказал вкрадчивым голосом:

— А! так это действительно ты, милый гладиатор... Я тебя узнал и пошел догнать тебя. Мы познакомились с тобой на куманской вилле Суллы... Я хочу, чтобы ты со мной пообедал... Выпьем хорошего фалернского вина...

— На обед в Мамертинскую тюрьму хотел бы ты повести меня, старый предатель, — тихо проговорил Арторикс, приближаясь к комеднанту.

— Ничего подобного! Что ты выдумал! Пусть Юпитер поразит меня своей молнией, если я не желаю угостить тебя превосходным фалернским... — Метробий, говоря это, постепенно отступал назад.

— Пет, мутной воды желтого Тибра ты напьешься, подлый пьяница, сегодня вечером! — И, отшвырнув лестницу и веревку, спустив на землю обезьяну, он бросился к старому комеднанту.

— Караул! На помощь! Друзья! Он меня убива... Помогите!.. Сюда бегите! — кричал комеднант, убегая, но Арторикс, с кинжалом в зубах, догнал его и схватил сильными руками за горло.

— А! К обеду, который ты мне предлагал, ты пригласил еще друзей!

В самом деле, в конце улицы показалась освещенная факелами толпа рабов и клиентов из того дома, откуда недавно убежал Арторикс, посланная, по настояниям Метробия, по следам гладиатора.

Тогда Арторикс ударил несколько раз Метробия кинжалом в грудь и сказал:

— Они не успеют спасти тебя и схватить меня... мерзкий мошенник. — Подняв уже полумертвого мима обеими

руками, он бросил его в реку. — Это будет, старый пьяница, первая и последняя вода, которую ты выпьешь...

Послышался всплеск воды и крик Метробия, который исчез в грязных волнах.

Гладиатор скинул плащ и, схватив Эндимиона, бросил его в реку, а затем, вскочив на стену, сам спрыгнул в воду.

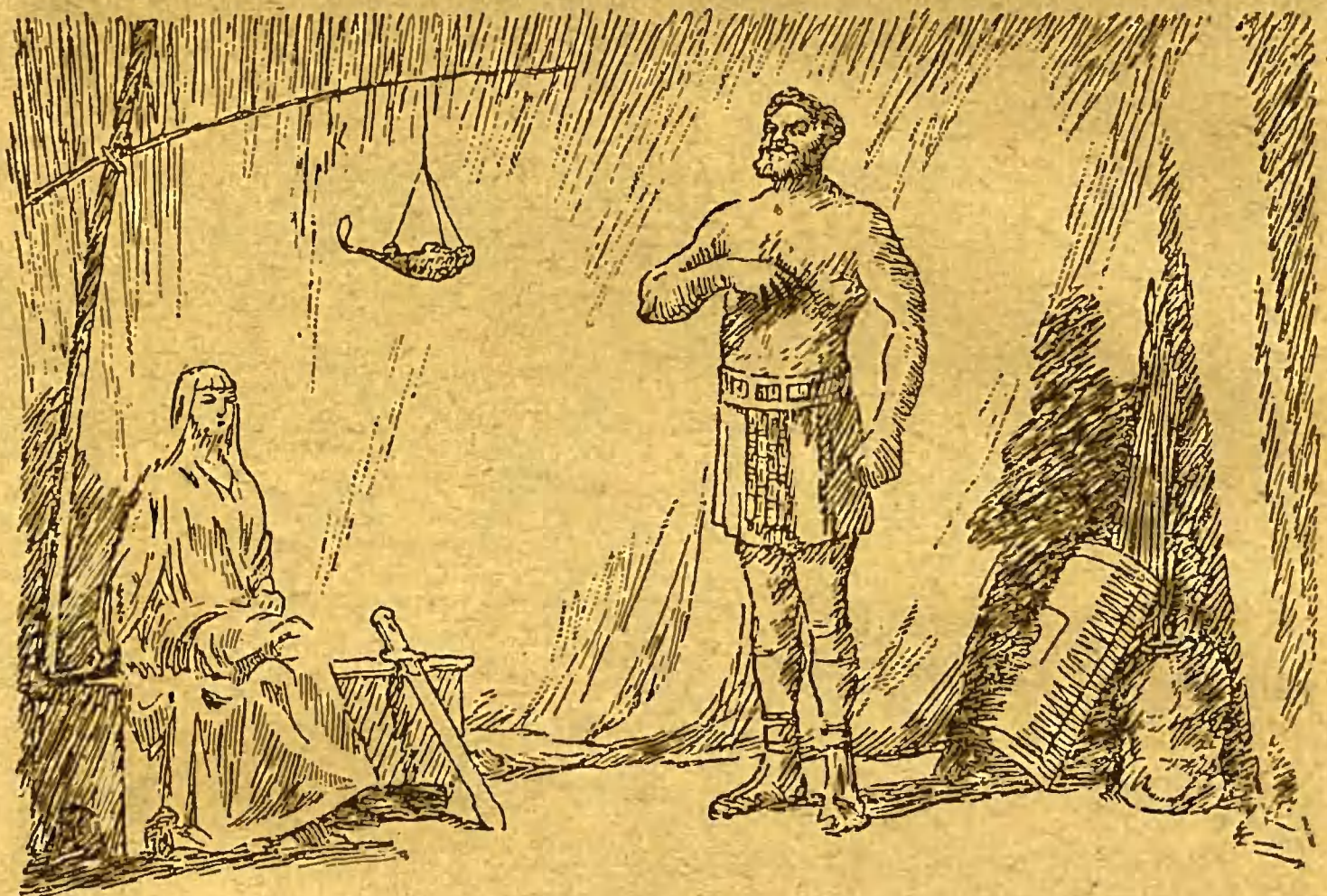
— На помощь! Умираю!.. — еще раз раздался крик Метробия.

Бежавшие на помощь добрались до места, где произошла кровавая драма, стали бросаться туда и сюда вдоль стены. Все кричали, но никто ничего не делал, чтобы спасти комедианта.

Арторикс плыл наперерез течению по диагонали, направляясь к другому берегу.

Пока на берегу посылали ему проклятия и оплакивали судьбу Метробия, он благополучно достиг другого берега и скрылся во мраке, все более сгущавшемся над вечным городом.

ГЛАВА XVIII

Консулы на войне. Сражение под Камерином.

Смерть Окномао

После того, как исчезла всякая надежда иметь вождем Луция Сергия Катилину, гладиаторы приняли предложение Спартака: ближайшей весной двинуться по направлению к Альпам, после перехода через Альпы войско восставших распустить, каждому вернуться в свою страну, где стараться поднять население против римлян. Спартак, обладавший прозорливостью, понимал, что продолжительная война с Римом в Италии не может окончиться иначе, как полной победой квиритов.

Поэтому в конце февраля 682 года Спартак двинулся из Апулии с двенадцатью легионами по пять тысяч человек в каждом, с пятью тысячами велитов и восемью тысячами кавалеристов — в общем, свыше чем с семидесятью тысячами солдат, великолепно обученных и прекрасно во-

оруженных. Он вел армию по направлению к Самниуму, держась ближе к морю.

После десятидневного похода фракиец узнал, что консул Лентул Клодиан организует в Умбрии армию приблизительно в тридцать тысяч человек, чтобы отрезать ему дорогу к реке Падусу (По), в то время как с тыла двинется из Лациума другой консул, Геллий Публикола, с такими же силами, чтобы отнять у него возможность возвратиться в Апулию.

Действительно, сенат, который уже не только стыдился этой войны, но и понимал всю ее опасность, послал против Спартака, как в труднейший поход, обоих консулов и предоставил в их распоряжение две громадные армии, дав им поручение раз навсегда покончить с гладиатором.

Однако, опыт этой войны и поражения, понесенные претором Варинием, квестором Коссинием и самим Орестом, ничему не научили ни Лентула, ни Геллия, которые не подумали о совместных действиях против Спартака и, то ли из взаимного соперничества и из стремления каждого к славе, то ли из-за принятого ими неправильного тактического плана, выступили каждый со своей армией отдельно.

Спартак решил сперва напасть на Геллия, который должен был выйти ему навстречу из Лациума; но от рабов из окрестных городов, не имевших мужества убежать в лагерь гладиаторов и помогавших им своим шпионажем, он узнал, что Геллий все еще находится в городе Анагин в ожидании своей кавалерии и не двинется оттуда ранее чем через пятнадцать дней.

Тогда вождь гладиаторов решил идти вперед, надеясь встретить Лентула, двигавшегося из Умбрии, и разбить его, после чего он мог бы вернуться немного назад и разгромить Геллия или же вовсе пренебречь сражением с ним и направиться прямо к Альпам.

Дойдя до Аскулума и получив известие о приближении Лентула, Спартак расположился лагерем на удобной позиции и, значительно укрепив ее, стал ожидать здесь консула.

В эти дни Спартак решил вызвать на решительное объяснение Окномао, который с того времени, как Эвтибида была прикомандирована к нему в качестве ординарца, стал мрачен, раздражителен и держал себя вызывающе по отношению к Спартаку.

Как честный и благородный человек, Спартак даже не подумал, что в непонятном поведении германца могла играть какую-нибудь роль Эвтибида. Эвтибида старательно избегала встречи с верховным вождем и добилась того, что он почти забыл о ней.

Спартак приказал одному из ординарцев вызвать Окномао. Ординарец встретил Окномао по дороге.

Германец сам шел к вождю и явился в палатку на-супившись. Он остановился перед Спартаком и сказал:

— Приветствую тебя, верховный вождь гладиаторов! Мне нужно с тобой поговорить и...

— И мне с тобой, — прервал его Спартак, встав с места и сделав знак ординарцу выйти.

— Добро пожаловать, брат мой Окномао. Говори, что ты хотел мне сказать.

— Я хотел... — начал грозным тоном, но опуская глаза, германец. — Мне надоело, и я устал служить забавой для твоих капризов. Я предпочитаю рабство у римлян... я хочу сражаться и не хочу никому служить.

— Но да помогут тебе боги! Что это за капризы мои, и когда я пытался сделать себе игрушку из тебя или из кого-либо другого?

— Я не говорю этого... — Окномао снова опустил глаза и продолжал с явным замешательством: — Я не знаю, ты ли... но я знаю, что в конце концов я человек...

— Конечно, и честный и мужественный, каким ты был в прошлом и каким можешь быть в будущем, — сказал Спартак, впиваясь испытующим взглядом в глаза Окномао. — Но откуда это необъяснимое, непонятное отношение ко мне? Чем я тебя оскорбил? В чем я провинился перед тобою лично или перед нашим общим делом, которому целиком отдал свою жизнь?

— Оскорбил... по правде... ты меня не оскорбил... ты ни в чем не виновен пред нашим делом... напротив, способный вождь, ты это доказал, в конце концов... мне не за что жадоваться на тебя...

Так ответил Окномао, речь которого, сперва угрюмая и дерзкая, стала постепенно мягкой и покорной и закончилась дружелюбным тоном.

— Но почему же ты так переменялся? Почему у тебя такая злоба? Разве меня избрали верховным вождем не против моего желания? Разве я не держал себя со всеми моими товарищами и в особенности с тобой всегда, как брат, как друг и как соратник?

Так сказал Спартак с сожалением и печалью.

— Нет, Спартак, не смотри так на меня, — ответил Окномао, с трудом сдерживая волнение. — Я не имел намерения сказать...

— Если я боролся за решение вернуться в наши страны, то потому, что после долгого и зрелого размышления я увидел, что, сразясь в Италии, мы не сумеем победить Рим. Рим! Завоевать Рим и уничтожить его могущество, разве ты не знаешь, что при этой мысли сердце сильнее бьется у меня в груди? Разве ты не понимаешь, что эта мысль мучит меня в сновиденьях и нарушает покой моих ночей? Быть более великим, чем Пирр и Аннибал! Добиться того, чего не удалось совершить этим славным полководцам! Но Рим, на который нападают в Италии, — это Антей; и поверженный на-

земь Геркулесом, он подымается вновь еще более сильным, чем раньше. После разгрома одного войска Рим в несколько дней выставит другое, за другим — третье и в конце концов пошлет войско в шестьдесят — семьдесят легионов, которое совершенно уничтожит нас. Чтобы победить Антея, божественный Геркулес больше не бросал его на землю, но задушил в своих могучих руках. Чтобы победить Рим, мы должны поднять все угнетенные им народы, окружить Римскую империю, двинуться со всех сторон против Италии и, все более суживая наше кольцо вокруг стен Сервия Туллия, вторгнуться в количестве шестисот — семисот тысяч, задушить навсегда этот отмеченный судьбой народ и этот роковой город. Вот единственный способ победить Рим, вот единственный путь к уничтожению его власти. Если это не удастся нам, то будет сделано нашими внуками, правнуками, но только так. Всякая иная война бесполезна. Митридат потерпит поражение, как потерпел поражение Аннибал; народы Рейна, парфяне будут разгромлены, как были разгромлены карфагеняне, греки и иберийцы. Ничто, кроме единодушного союза всех угнетенных против единого угнетателя, не сможет дать победу над этим гигантским спрутом, который протягивает медленно, постепенно, но непреодолимо свои чудовищные щупальцы по всей земле!

Спартак говорил вдохновенно и страстно. Окномао, который был в сущности честный и искренний человек и в глубине души был предан Спартаку, чувствовал, как под влиянием этой речи угасает в его сердце гнев, зажженный бесчестными ухищрениями Эвтибиды. И, когда Спартак кончил, он промолвил в восхищении:

— Прости меня, Спартак, ты не человек, ты полубог!

— Нет, я самый счастливый из людей, так как в тебе я нахожу снова брата! — воскликнул растроганный фракийец, открыв объятия Окномао.

II, побеседовав дружески, оба направились к палаткам германцев.

По пути они встретили Арторикса, которого за три дня до этого вождь гладиаторов послал на разведку, чтобы получить сведения о войске Геллия.

— Привет тебе, Спартак! — сказал он. — К Геллию уже пришла часть его конницы, и он двинулся в путь. Он нападет на нас самое позднее через пять дней.

Обмениваясь мыслями о предстоящем сражении, Спартак вошел в палатку Окномао.

Окномао усадил Спартака за стол вместе со своими ординарцами. Среди них не было только одного, а именно — Эвтибиды. Она имела слишком много оснований, чтобы не показываться Спартаку.

За дружеской беседой и за терпким, но благородным вином быстро протекли часы.

Была уже глубокая ночь, когда Спартак вышел из палатки германца.

Едва только фракиец простился с Окномао, Эвтибида, бледная, с распущенными волосами, появилась из-за занавески и, скрестив руки на груди, остановилась против предводителя германцев.

— Итак? — спросила Эвтибида с жестом негодования, ненависти и презрения. — Значит, Спартак снова поведет тебя, куда ему вздумается, как свою лошадь, и снова будет пользоваться твоей силой и храбростью, чтобы возвыситься самому?

— А! Опять! — сказал глухим и грозным голосом полупьяный германец, свирепо взглянув на девушку. — Когда же ты прекратишь свои подлые клеветы? Когда ты перестанешь вливать в мою кровь яд твоих подозрений? Ты злее, чем проклятый волк Фенрис, трижды проклятая женщина!

— Хорошо! Клянусь всеми богами Олимпа! Теперь, грубый и дикий человек, глупый, лишенный разума,

ты злишься на меня, которая любит тебя, хотя должна была бы презирать. Хороший урок для меня!

— А зачем ты заставляешь меня ненавидеть Спартака, самого благородного, великодушного и самого умного из людей?

— И я была введена в заблуждение его мнимыми добродетелями и верила, что он не человек, а полубог; и я долгое время думала, что его сердце преисполнено самыми благородными чувствами; но я против своей воли убедилась, что Спартак лгун и подлый притворщик и что один только огонь воспламеняет его грудь — огонь честолюбия.

— Эвтибида! — голосом, похожим на львиный рев, прорычал германец.

— Я не боюсь твоих угроз! Лучше бы мне не верить словам твоей любви, тогда бы я могла возненавидеть тебя, а теперь презираю...

— Эвтибида! — Окномао поднялся в бешенстве с грозно поднятыми кулаками.

— Ну, что же, смелее! — сказала она, толнув ногой, надменным тоном. — Ну, вперед, храбрец, бей, души своими звериными лапами бедную девушку... Это принесет тебе больше славы, чем убийство твоих соперников в цирке... Ну, смелей!

Окномао бросился на нее, но, подойдя, поднял вверх руки и, тяжело дыша, сказал:

— Уходи отсюда... Уходи, ради твоих богов... пока я не потерял еще последнюю каплю рассудка.

— И это все, что ты можешь сказать женщине, которая любит тебя, единственному человеку на земле, кто тебя любит? Это благодарность за любовные заботы, которыми я тебя окружаю? Это награда за то, что я думаю только о тебе, о твоей славе? Хорошо! Пусть будет так... Но ведь не могла я не думать о тебе? Не могла я не тревожиться за твою славу? Должна была я идти навстречу

твоему дикому гневу, чтобы спасти тебя от гнусных интриг, которые замышляют против тебя? Или лучше было дать тебе погибнуть? По крайней мере мне не пришлось бы сегодня пережить это горе, более тяжелое, чем смерть... Ты оскорбляешь меня, ты, которого я так люблю, который мне дороже жизни... Ах! Этого я не заслужила! — И она разразилась рыданиями.

Коварная игра гречанки совершенно сбила с толку бедного Окномао, ярость которого мало-по-малу испарялась. И когда Эвтибида, закрыв лицо руками, направилась к выходу, он загородил ей дорогу.

— Прости меня, Эвтибида, я не знаю, что мне делать... Не покидай меня так, прошу тебя!

— Отойди, ради богов, покровителей Афин! — сказала куртизанка, гордо поднимая голову. — Оставь меня в покое и дай в другом месте пережить мой позор, мое горе и воспоминания о разбитой любви.

— Никогда! Я не допущу тебя так уйти! Выслушай меня! Прости меня, Эвтибида, прости, если я тебя обидел. Это не я говорил, это обуявший меня гнев...

— А для чего мне надо еще выслушивать твою ругань? Позволь мне уйти, Окномао, чтобы не увидеть, как ты снова бросишься на меня, чтобы не умереть от твоих рук...

— Выслушай же меня, Эвтибида, или, клянусь священной гигантской змеей Мидгард, я перережу себе глотку сейчас, в твоём присутствии.

И он схватил кинжал.

— Ах, нет! Клянусь молниями Юпитера! — воскликнула, притворившись испуганной, куртизанка, с мольбой протягивая свои маленькие руки к гиганту.

— Твоя жизнь мне слишком дорога... мой обожаемый Окномао.

— О, Эвтибида! Прости же мне мой глупый гнев!

— О, золотое сердце, благороднейшая душа! — сказала, притворяясь растроганной, Эвтибида, и все лицо ее осветилось улыбкой. — Я тоже должна просить прощения за гнев, с которым я накинулась на тебя, довела тебя до бешенства... — И она обвила руками шею гиганта, упавшего к ее ногам. — Я слишком люблю тебя! Я бы не могла жить без тебя! Простим друг друга и забудем нашу размолвку. Вернешь ли ты, что я тебя люблю?

— Я верю этому, как верю в всемогущую силу Одина.

— В таком случае, клянусь золотыми стрелами Дианы, можешь ли ты думать, что я не желаю тебе добра?

— Но я никогда в этом не сомневался!

— А если ты не сомневаешься, почему ты отклоняешь мои советы? Почему ты больше веришь ложному другу, который тебе изменяет, чем женщине, которая любит тебя больше себя самой?

Окномао поднялся и начал кружить по палатке.

Эвтибида тихо разговаривала сама с собой:

— И может быть, я предупреждаю его из-за какой-либо выгоды для себя... тем, что я остерегаю его от слепой доверчивости, свойственной его открытому характеру; тем, что показываю ему сети, в которые черное предательство запутывает его и несчастных гладиаторов?

— Но кто хоть раз подумал об этом? — сказал Окномао, останавливаясь перед девушкой.

— Ты! — воскликнула куртизанка.

— Я?!

— Да, ты. Одно из двух: или ты веришь, что я тебя люблю и желаю тебе добра, тогда ты должен верить, что Спартак вас предает, или ты веришь, что Спартак честный человек, и тогда ты должен думать, что я притворищица и изменяю тебе.

— Но нет, нет!.. — воскликнул, почти плача, бедный германец.

— Скажи мне, легковерный человек, не сам ли Спартак сказал после победы над Орестом, что консул Варрон Лукулл являлся к нему с предложением высоких постов в испанской армии или префектуры в Африке, если он согласится покинуть вас?

— Да, он сказал это, но ты ведь знаешь, как Спартак ответил консулу...

— А ты, несчастный глупец, знаешь, почему он так ответил? Потому что сделанные ему предложения не соответствовали той услуге, которую от него требовали.

Окномао, поникнув головой, снова стал молча ходить по палатке.

— Потому что ему недостаточно было чина квестора и должности префекта...

Окномао молчал и ходил.

— Теперь предложения были возобновлены, удвоены, утроены, и он вам об этом ничего не сказал.

— А откуда ты знаешь? — спросил Окномао, останавливаясь перед Эвтибидой.

— Но Рутилий, отправившийся под видом апулийского землевладельца в Рим, чтобы предложить Катилине командование гладиаторским войском? Неужели ты веришь, что он отправился только для этого?

— Но если...

— Это вы можете верить хитрейшему и коварнейшему человеку, но я отлично поняла, что посланец отправился в Рим, чтобы возобновить переговоры, начатые с самим консулом.

Окномао возобновил свое безмолвное хождение.

— И если бы это было не так, то почему посылать Рутилия, именно Рутилия, латинянина и свободнорожденного?

Окномао ничего не ответил.

— И почему после таинственной смерти Рутилия, ни-

кому из вас не говоря ни слова, Спартак послал своего верного Арторикса, переодетого фокусником? Почему именно Арторикса? Почему не другого? И почему, едва Арторикс вернулся из Рима, он пожелал, чтобы вы решили во что бы то ни стало покинуть Италию и вернуться во Фракию, в Галлию, в Иллирию и Германию?

Окномао остановился и стал смотреть неподвижным взором на одно из железных колец, прикреплявших полотнища палатки к крюкам, вбитым в пол.

— Разве все это было правильно и честно? Как! Рим, исчерпавший все силы, не может более найти легионов для того, чтобы оказать сопротивление победоносному Серторию в Испании, победоносному Митридату в Азии, а мы в этот страшный для Рима момент, имея семьдесят тысяч хорошо обученных, превосходно вооруженных человек, победителей во многих сражениях, вместо того чтобы идти на неприятельский город, бежим от него? Разве это логично? Разве естественно?

Окномао все стоял неподвижно и только медленно качал головой.

— Лентул, Геллий, две армии... Выдуманные Спартаком басни, для того чтобы оправдать, объяснить каким-либо образом это позорное и непонятное бегство, чтобы скрыть от глаз обманутых людей слишком очевидное предательство... Геллий... Лентул... и их армии!.. — продолжала как бы сама с собой рассуждать девушка. — Но почему на разведку о движении предполагаемого войска Лентула он сегодня лично отправился с тысячей всадников и почему для наблюдения за воображаемым войском Геллия он послал опять Арторикса? Почему он не послал кого-либо из вас?

— Ты права... к сожалению... ты права, — прошептал едва внятно Окномао.

— О, клянусь всеми богами небесных сфер! — вскри-

чала Эвтибида. — Проснись же, наконец, от рокового сна, в который тебя погружает предательство! Проснись ради всех богов, открой глаза и взгляни на край ужасной бездны, в которую тебя готова ввергнуть рука неверного друга. И если ты желаешь еще других доказательств предательства и других причин его измены, вспомни, что он безумно любит римскую патрицианку, Валерию Мессалу, вдову Суллы, и, ради своей любви, он предаст вас всех римскому сенату, который в благодарность даст ему в жены любимую им женщину, а вместе с нею и виллы и богатство, почести и величие...

— Правда! Это правда!.. — закричал Окномао, пораженный последним изображением и окончательно убежденный этими роковыми уликами, явно доказывавшими предательство фракийца. — Измена Спартака очевидна... Пусть чудовищный мерзкий пес Манигармор раздирает вечно в безднах Нифльгейма его проклятое тело!

Эвтибида подошла еще ближе и задыхающимся голосом воскликнула:

— Скорей! Чего ты еще ждешь? Разве ты хочешь, чтобы тебя с твоими верными германцами завлекли в какое-нибудь горное ущелье, где вы поневоле должны будете позорно сложить оружие, не имея возможности сражаться, а затем чтобы вас распяли или отдали на съедение диким зверям на арене цирка?

— Ну, шет! Кляпуть всеми молниями бога Тора! — воскликнул в ярости германец, схватив сложенные в одном углу палатки гигантские латы и надевая их. — Нет! Я не позволю ему предать меня! Немедленно я уйду из лагеря измены с моими легионами.

— И завтра все остальные последуют за тобой; с тобой пойдут таллы, иллирийцы и самниты, а с ним останутся только фракийцы и греки; и ты станешь верховным вождем, и ты, ты один покроешь себя славой за

осаду и взятие Рима... Иди... Устрой, чтобы твои бесшумно поднялись... Устрой, чтобы без шума разбудили и галльские легионы. И слушайся советов той, которая тебя любит!

Спустя несколько минут будины германских легионов затрубили зорю, и меньше чем в час десять тысяч солдат Окномао собрали палатки и выстроились в боевой порядок для выступления из лагеря.

Окномао сообщил пароль декану, командовавшему охраной главных ворот, и таким образом вывел без шума свои легионы. Однако, трубный сигнал разбудил галлов, из которых одни, думая, что все войско должно было выступить, другие — что неприятель подошел к лагерю, вскочили, поспешно вооружились, вышли из палаток, и без чьего-либо приказа их трубачи протрубили зорю. Таким образом, в короткое время с одного конца до другого весь лагерь гладиаторов был на ногах, и все легионы схватились за оружие среди суматохи и беспорядка, которые всегда возникают даже в самом дисциплинированном войске при неожиданном появлении неприятеля.

Спартак, вскочив с ложа, бросился к выходу из палатки, спросил у солдат, несших охрану на претории, что случилось.

— Повидимому, подходит неприятель, — ответили ему.

— Но как? Откуда? Какой неприятель?.. — спросил он, еще более изумленный.

Он сейчас же побежал внутрь палатки, предполагая, что один из консулов подошел форсированным маршем по не известным ему дорогам, поспешно вооружился и, выйдя, направился к центру лагеря.

Там он узнал, что Окномао со своими легионами уходит из лагеря и что остальные легионы, тоже вооруженные, готовятся следовать за ним в уверенности, что приказ о выступлении исходил от Спартака.

— Что же это? Неужели он... — воскликнул фракиец. — Но нет!.. Это невозможно!

И при свете пылавших там и сям факелов он направился быстрым шагом к указанным воротам.

Когда он туда подошел, второй германский легион почти весь был уже вне лагеря, но Спартак успел перегнать последние ряды и бегом достиг того места, где Окномао верхом на лошади ожидал, пока не закончится прохождение его второго легиона.

Какой-то человек тоже в полном вооружении перегнал Спартака в его беге; это был Крисс. Подбежав к Окномао, он закричал:

— Окномао, что же ты делаешь? Что случилось? Почему ты поднял весь лагерь на ноги? Куда ты направляешься?

— Подальше от лагеря изменника, — ответил своим громовым голосом германец. — И ты, если не хочешь быть жертвой обмана, если не хочешь вместе с твоими легионами быть подло преданным в руки врагов, иди тоже со мной, и мы вместе двинемся на Рим.

Крисса эти слова ошеломили. Спартак, подойдя к Окномао, сказал ему:

— О каком изменнике говоришь ты, Окномао? На кого ты намекаешь?

— О тебе я говорю и тебя имею в виду. Я воюю против Рима и хочу идти на Рим. Я не желаю идти к Альпам, чтобы попасться, — по несчастной случайности, конечно, — среди горных ущелий в когти неприятеля!

— Клянусь всеблагим, всемогущим Юпитером! — воскликнул вне себя от гнева Спартак. — Если ты шутишь, то я должен тебе сказать, что это самая скверная шутка, какую может себе представить человеческий ум!..

— Я не шучу, клянусь Фреей!.. Я не шучу, я говорю как нельзя более серьезно и в полном рассудке!

— Ты меня считаешь изменником? — Спартак задыхался от негодования.

— Не только считаю тебя таковым, но уверен в этом и объявляю это во всеуслышание.

— Ты лжешь, дикий пьяница!.. — заорал Спартак и, вынув из ножен свой меч, бросился на Окномао, который, также обнажив меч, погнал лошадь на Спартака.

Но Крисс, стоявший перед ним, схватил за узду лошади и посадил ее назад с криком:

— Окномао! Если ты не сошел с ума, как это доказывают твои поступки, то я утверждаю, что ты предатель, подкупленный золотом и наущениями римлян, и...

— Что ты говоришь, Крисс?.. — сказал, дрожа от ярости, германец.

— Клянусь всемогуществом лучей Белена, — воскликнул галл в сильном раздражении, — только один из римских консулов, если бы он был на твоем месте, мог бы поступить, как ты поступаешь!

Спартак, удерживаемый Граником, уже преодолев свой порыв гнева, подошел к Окномао и спокойно, вложив меч в ножны, сказал:

— Что твоими устами говорит одна из эриний, я не сомневаюсь... Ты, Окномао, мой товарищ в опасном переходе из Рима в Капую и во всех страшных тревогах и радостных событиях с самого начала нашего восстания, не мог бы говорить так, как ты говорил только что. Я не знаю и не понимаю... Но, вероятно, ты и я являемся жертвами гнусной интриги, идущей из Рима и проникшей, я не могу понять каким образом, в наш лагерь. Дело теперь не в этом: если бы кто-нибудь другой произнес слова, которые ты сказал только что, он был бы теперь мертв... Уходи, однако... Бросай дело твоих братьев и оставь наши знамена... Я клянусь здесь, перед твоими легионами и твоими братьями, прахом моего отца, памятью

моей матери, жизнью моей сестры, всеми богами неба и ада, что я не запятнал себя никакими подлостями, о которых ты говоришь. И если я хоть на одно мгновение нарушил самое малое из моих обязательств как брата и вождя, пусть меня порази́т молнией и испепелит Юпитер, и пусть мое имя перейдет к самым отдаленным потомкам с клеймом предателя!

Эта клятва, произнесенная Спартакoм твердым, торжественным голосом, казалось, произвела сильнейшее впечатление, поколебала, повидимому, даже дикое упрямство Окномао.

Но вдруг звук бухчин третьего легиона (первого галльского) послышался поблизости от главных ворот и привлек в эту сторону внимание всех присутствующих.

— Кляпуть богами ада! — воскликнул Спартак, бледное лицо которого стало мертвенным. — Значит, уходят и галлы?

Все побежали к воротам вала.

Тогда Эвтибида, которая до сих пор оставалась с опущенным на глаза забралом, подъехала к Окномао, схватила за повод его лошадь и потянула ее за собой на дорогу, по которой уже удалились оба германских легиона.

— Проклятые дезертиры! — воскликнул Крисс.

— И пускай консул Геллий изрубит вас в щепки! — прибавил Спартак в припадке гнева.

Спартак и Крисс скоро дошли до ворот галльского лагеря, где Арторикс и Борторикс, умоляя и ругаясь, удерживали солдат третьего легиона, желавших последовать за германцами.

Галлов удержал Крисс, который на их родном языке произнес речь, полную устрашающих слов, называя их подлым сбродом, сборищем разбойников и толпой предателей. Он закончил свою речь клятвой Гезусу, что, как только настанет день, он разыщет и велит предать

распятию подкупленных подстрекателей этого позорного бунта.

Галлы тихо и послушно, как ягнята, вернулись в свой лагерь.

На рассвете следующего дня, согласно намеченному плану, Спартак приказал своим легионам сняться с лагеря и направился навстречу консулу Лентулу. Не особенно опытного в военном деле, насквозь пропитанного латинской гордостью патрицию казалось невозможным, чтобы четыре римских легиона, насчитывавшие двадцать четыре тысячи человек и подкрепленные двенадцатью тысячами вспомогательных войск, не разбили меньше чем в двадцать четыре часа сборище из семидесяти тысяч гладиаторов, плохо вооруженных, без чести, без веры и без дисциплины, которые если и разгромили войска преторов, то не по доблести своей, а лишь благодаря невежеству последних.

Поэтому, заняв выгодную позицию у подножья холмов, он на следующий же день вступил в сражение со Спартаком, напутствуя своих солдат гордыми и хвастливыми словами.

Спартак с обычной для него мудрой предусмотрительностью воспользовался численным превосходством своего войска и меньше чем в три часа окружил со всех сторон консула.

Римские легионы сражались мужественно, но они вынуждены были отступить, чтобы не подвергнуться нападению с тыла.

Спартак искусно воспользовался колебанием неприятеля.

Появляясь в разных местах сражения, он так поднимал дух гладиаторов своей храбростью, что они стремительно атаковали римлян, прорвали их ряды и разгромили их, захватив лагерь и обоз.

Но, несмотря на эту новую блестящую победу, одержанную над самим консулом, Спартака сильно беспокоила мысль о Геллии, втором консуле, который мог за это время напасть на Окномао и уничтожить его войско.

На следующий день после битвы он велел собрать палатки и повернул обратно, выслав, как обычно, вперед многочисленную конницу. Двигаясь далеко впереди, она доставляла ему все время сведения о неприятеле.

И действительно, вечером к Спартаку явился Мамилий, начальник кавалерии, с сообщением, что Геллий, узнав об уходе германцев, спешно выступил против Окномао.

Дав отдохнуть своим легионам только шесть часов, Спартак повернул назад, к лагерю германцев.

За это время консул Геллий Публикола с двадцатью восемью тысячами солдат пришел туда ночью и на заре стремительно атаковал Окномао, который необдуманно принял этот неравный бой.

Жестокой и кровопролитной была битва, и в течение свыше двух часов римляне не могли добиться успеха. Но вскоре Геллий, растянув фронт своего войска, окружил оба германских легиона. Германцы оказались сжатыми в кольцо смерти. Увидев бесполезность всякой попытки спастись, они решили погибнуть смертью храбрых, и, яростно сражаясь свыше двух часов, все пали, причинив огромные потери римлянам.

Последним среди павших был Окномао.

Так закончилось это сражение, в котором Геллий уничтожил десять тысяч германцев до последнего человека.

Но едва прекратилась битва, как хриплый звук бубна, сигнал к атаке, предупредил победителей о приближении нового неприятеля.

Это был Спартак, только что прибывший к месту сражения. Несмотря на то, что его легионы были утомлены тяжелым переходом, он построил их в боевой порядок и,

воодушевляя пламенными словами к битве, чтобы отомстить за избиение братьев, готовился атаковать расстроенные войска консула Геллия.

Последний употребил все усилия, чтобы как можно быстрее перестроить фронт.

И началось сражение, еще более яростное, чем первое.

Так как новое сражение отвлекло римлян в другую сторону, то место побоища германцев осталось покинутым, и среди этого огромного поля трупов слышались только слабые стоны раненых и умирающих.

Кровь лилась из многочисленных ран Окномао, но сердце его еще не перестало биться. Он в своем предсмертном хрипении призывал имя Эвтибиды. Эвтибида ввиду неожиданного нападения Геллия не успела ни дезертировать к римлянам, ни удалиться от места сражения и была вынуждена остаться в свалке; при первой полученной ране она сочла самым безопасным упасть между трупами и притвориться мертвой.

Сквозь застилавший его глаза туман Окномао вдруг увидел Эвтибиду всю в крови и принял ее за умирающую. Но зловещий блеск ее глаз и быстрота, с которой она поднялась и пошла, топча и опрокидывая ногами мертвецов, убедили его в том, что она была только легко ранена. Страшное подозрение пронзило его мозг.

— О, Эвтибида!..

— Я спешу, — ответила гречанка, проходя мимо умирающего и бросив на него равнодушный взгляд.

— А! Молния Тора да ослепит тебя! — закричал Окномао; приподнявшись и собрав остатки сил, он воскликнул: — Теперь я понимаю.... Подлая куртизанка... Спартак ни в чем не виновен... Ты чудовище злодейства... будь проклята!..

И он упал.

Эвтибида произнесла, протянув маленькую запачканную кровью руку в сторону германца:

— В ад!.. И как я тебя увидела умирающим в отчаянии, так пусть дадут мне вышние боги увидеть последний вздох Спартака...

Она направилась в сторону, откуда доносился отдаленный шум новой битвы.

ГЛАВА XIX

Битва при Мутине. Мятежи. Марк Красс действует

Эвтибида, приблизившись к месту сражения между Спартаком и Геллием, мрачно смотрела на постепенный разгром консульского войска и напряженно думала, что ей дальше предпринять. Осматриваясь вокруг, она увидела белую лошадь с голубым чепраком и изящной сбруей. Животное металось туда и сюда, спотыкаясь о трупы павших. Так как у Эвтибиды среди трех ее коней был один тоже белый, она решила воспользоваться этой лошадью для своих коварных планов. Прищелкивая языком и пальцами, она стала манить ее, но благородное животное в страхе убегало все дальше, пока не упало, споткнувшись о труп.

Гречанка подбежала к ней и, схватив за повод, стала ласкать ее, пока лошадь не успокоилась. Сражение подходило к концу. Римляне, окруженные все увеличивающейся массой гладиаторов, отступали в беспорядке к

полю, где утром они бились с германцами. Ряды гладиаторов смыкались все теснее вокруг неприятеля. Наконец, началось паническое бегство римлян. Гладиаторы преследовали их с яростью мстителей.

Эвтибида, все время держа за уздечку белую лошадь, направилась к месту, где лежал уже холодный и безжизненный Окномао. Здесь она остановилась и, вынув из ножен маленький меч, вонзила его в грудь несчастного коня. Когда раненное насмерть животное в страшных конвульсиях испустило последнее дыхание, гречанка легла возле него на землю и подложила одну свою ногу ему под шею так, как будто всадника и лошадь здесь пали, пораженные неприятелем, — первая тяжело раненная, вторая — бездыханная.

Тем временем войска Геллия подверглись страшному избиению: было убито свыше четырнадцати тысяч римлян; сам консул, раненный, спасся лишь благодаря быстроте своего коня.

Радость, которую доставила эта блестящая победа гладиаторским легионам, была омрачена печалью о гибели германцев, и Спартак приказал, чтобы не праздник победы, как при счастливых событиях, а глубокий траур соблюдало войско в этот день.

На следующий день после этого двойного сражения гладиаторы приступили к сожжению трупов своих павших братьев: вокруг поля битвы было разложено много костров, на которых сотнями сжигались тела убитых гладиаторов. Вокруг костра, предназначенного для трупа Окномао, собрались молчаливые и грустные командиры, и в каре выстроились легионы.

Тело храброго германца, покрытое двадцатью семью ранами, обмыли и умастили мазями и благовониями, завернули в белый саван из тончайшей шерсти и, покрыв цветами, возложили на костер. Спартак в глубокой печали

произнес речь, прерываемую рыданиями. Он напомнил о храбрости покойного, о его неукротимом мужестве и честнейшем сердце. Затем, взяв факел, первый поджег костер, который вскоре запылал среди облаков ароматного дыма тысячью красных языков.

Прах Окномао, собранный в ткань из нитей огнестойкого асбеста, был пересыпан в небольшую бронзовую урну, которую Спартак с того дня хранил, как самую дорогую для него реликвию.

Из десяти тысяч германцев только пятьдесят семь было найдено на поле битвы еще живыми, хотя и ранеными, и из них только девять остались в живых, и между ними Эвтибида.

Велико было восхищение храброй гречанкой среди гладиаторов. Сам Спартак пожаловал гречанке гражданский венок и лично преподнес его ей под рукоплескания всех легионов.

Эвтибида приняла этот знак отличия с сильнейшим волнением, которое, как ни старалась, не смогла преодолеть. Гладиаторы приписали ее взволнованность скромности. В действительности это было только результатом угрызений преступной совести.

Получивши награду за самоотверженность и храбрость, Эвтибида, хотя еще не совсем оправившаяся от раны, заявила о своем желании идти с войском и попросила, как чести, быть зачисленной в ординарцы к Криссу.

Восстановивши силы своего войска, Спартак двадцать пять дней спустя после сражения с Геллнем снова двинулся к реке Падусу, через которую он намеревался переправиться, чтобы попасть в Галлию.

В четырнадцать дней он дошел до Равенны, где расположился лагерем в нескольких милях от города, чтобы составить три новых легиона из пятнадцати тысяч рабов и гладиаторов, сбежавшихся к нему за это время.

Начальниками новых легионов были поставлены: свободнорожденный гладиатор Кай Канникчий, галл Каст и фракиец Идомей, отличившийся необыкновенной храбростью в последних двух сражениях.

С войском в семьдесят пять тысяч человек Спартак предпринял поход по направлению к Падусу.

Кай Кассий, претор Галлии Цизальпийской, узнав о поражениях, понесенных консулами Лентулом и Геллием, и о грозном приближении Спартака, поспешно собрал двадцать тысяч солдат и с этим войском переправился через Падус у Пьяченцы, чтобы помешать дальнейшему продвижению гладиаторов.

Тем временем последние в два перехода дошли до Боломьи и, как обычно, раскинули лагерь возле города. Здесь Спартак решил задержаться несколько дней, пока не получит точных сведений о состоянии неприятельского войска и о намерениях его начальника.

В громадном лагере гладиаторов шла напряженная работа по обучению военному строю непрестанно прибывающих новых борцов.

На улочках, отделявших один ряд палаток от другого, обучались военному строю пять тысяч галлов, из которых был составлен в последнее время четырнадцатый легион, набранный в сеннонской провинции.

Против каждого нового солдата стоял ветеран, вооруженный деревянным мечом; он обучал новичка фехтованию.

Раздавалась команда:

— В позицию!

— Щит вверх!

— Ниже острие меча!

— Смотри прямо мне в глаза!

— Выше голову!

— Смотри смело!

— Отбей удар в голову щитом!

— Быстрее, ради Тараны! Что у тебя в руках, прялка, что ли, вместо меча!

— Шаг вперед!.. Шаг назад!.. Быстро, проворней, ради Гезуса!

— В позицию!

— Отбей удар острием по голове!

— Прыжок направо!

— Удар снизу!

— Полоборота налево!

— В позицию!

— Прыжок назад!

— Живо! Вперед!.. Нападай на меня!.. Вперед!..

Среди этого делового шума в палатке начальника пятого легиона, галла Арвиния, шел горячий спор.

— В конце концов, — кричал один из собеседников, Орзиль, начальник одиннадцатого легиона, состоявшего из нумидийцев и африканцев, — мы не бараны, чтобы нас пастух гнал таким образом!..

— А без нас, — воскликнул Кай Канникчий, начальник тринадцатого легиона, — чем он был бы?

— Простым человеком... даже меньше, чем человеком... был бы презираемым и жалким гладиатором! — сказал с раздражением Брезовир.

— Я со своими африканцами в Галлию не пойду, клянусь Ваалом! — сказал Орзиль.

— Прав был Окномао! — закричал Каст, начальник четырнадцатого легиона, — тех пяти тысяч галлов, которые в этот момент обучались фехтованию.

— Бедный Окномао! Жертва явного предательства Спартака! — сказал Онаций, самнит, преемник Рутилия по командованию восьмым легионом.

— Ах! Клянусь всемогущей силой материи! — воскликнул в гневе мощным голосом эпирот Фессалоний, коман-

дир седьмого легиона. — Спартак предатель? Ну, это слишком! Это слишком!

— Да, он и вместе с ним Крисс и Граник продают нас римскому сенату...

— Все вы, желающие повести нас по ту сторону Альп и подальше от Рима, изменники!

— На Рим, на Рим мы хотим идти!..

И семь или восемь голосов одновременно с силой воскликнули:

— На Рим! На Рим!

— Я верю Спартаку, самому благородному и честному из всех людей, я верю Криссу и Гранику, и я с моим легионом, который мне доверяет, пойдем за ними, а не за вами.

— И я, — сказал Борторикс.

— Ну и идите с ними, а мы с нашими семью легионами, — сказал Кай Канникчий, — завтра повернем снова на Равенну и двинемся на Рим.

— О! Без Спартака вы совершите великие и славные подвиги! — сказал с иронией Борторикс.

— Вас изрубят в куски первый претор, который встретится с вами, — добавил Фессалоний.

— И эти люди взялись за оружие, чтоб завоевать свободу! — воскликнул Кай Канникчий. — Они стали рабами человека, подобного им, если только этот обожаемый Спартак не ниже их!

— Если вы под свободой подразумеваете беспорядок, смятение, безначалие, то такой свободы мы не хотим! — закричал Фессалоний. — Мы предпочитаем дисциплину и порядок и будем с тем, кто больше чем за два года войны показал себя мудрым и доблестным вождем.

Спор начальников был прерван сигналом тревоги, раздавшимся в третьем легионе и в короткое время повторенным всеми оркестрами лагеря.

Солдаты бросились к своим палаткам и, взяв в руки оружие, выстроились во взводы, манипулы и когорты.

Новый сигнал передал приказ о том, чтобы свернуть палатки.

И через два часа лагерь был убран, и все легионы были готовы в поход. Тогда третий сигнал созвал начальников легионов к верховному вождю для получения приказов.

Все начальники, пришпорив своих коней, поспешили к преторию, где Спартак сообщил им, что претор Кай Кассий движается против них, что он придет в Мутины в этот же день вечером, что необходимо немедленно выступить в поход, чтобы напасть на него завтра же, раньше чем с ним соединятся другие отряды, преграждая гладиаторам желанную переправу через Падус.

Когда Спартак закончил свою речь, наступило молчание. После нескольких секунд колебания Кай Канникчий, опустив глаза в землю и в явном замешательстве, произнес вполголоса:

— Мы, конечно, будем сражаться против Кассия, но что касается Падуса, то мы его не перейдем.

— Как? Что ты сказал?

— Он сказал, что мы не последуем за тобой по ту сторону Падуса, — ответил нумидиец Орзиль, дерзко глядя на Спартака.

— Что семь легионов, — сказал Кай Канникчий, — не желают возвращаться в свои страны, а хотят идти на Рим.

— О! — воскликнул гневно Спартак. — Снова бунт?.. Разве вам недостаточно, несчастные, примера бедного Окномао?

Лишь шевнятный ропот раздался в ответ на его слова.

— Клянусь всеми богами, вы безумцы или предатели!

Мятежные начальники молчали. Фракиец продолжал:

— Сейчас перед нами неприятель, и вы все будете мне повиноваться, пока мы не разобьем Кассия; затем мы устроим совещание и решим, что следует сделать для нашего общего блага. А теперь ступайте.

И повелительным жестом он отпустил начальников.

В то время как они готовились отъехать к своим легионам, он прибавил внушительным тоном:

— Чтобы не было ни малейшего неповиновения в походе и в сражении. Клянусь всевышним Юпитером, первый, кто позволит себе мятежное слово или движение, погибнет от моего меча, который никогда не наносил неудачного удара!

Начальники в молчании отправились к своим постам.

Армия гладиаторов двинулась к Мутиге, куда, промаршировав всю ночь, пришла за час до рассвета. Кассий был уже там. Он занял своим лагерем два высоких холма и укрепил его частоколом и широким рвом.

Около полудня Спартак с шестью легионами двинулся в атаку. Меньше чем в два часа войско претора было разбито. Теснимое со всех сторон, оно обратилось в бегство и подверглось полному разгрому под все усиливающимся напором гладиаторов.

Почти десять тысяч римлян легли в этой битве, а остальные рассеялись по окрестности. Весь лагерь и военное снаряжение римлян попали в руки победителей, потери которых в этом сражении были очень невелики.

На следующий день после этой победы, по счету третьей, которую Спартак одержал над римлянами менее чем за один месяц, гладиаторские легионы были собраны в строевой порядок и расположены в четыре ряда в виде квадрата на равнине на берегу реки Панаруса. Нужно было решить, следует ли двигаться дальше, переправиться через Падус и разойтись по своим странам или же повернуть на Рим.

Спартак начал говорить. Он описал гладиаторам целесообразность первого плана и вредные последствия, неминуемо вытекавшие из второго; напомнил об услугах, оказанных им святому делу освобождения угнетенных. Он напоминал об этом не из тщеславия: этим он хотел убедить своих товарищей по войне, по лишениям и победам в том, что его совет покинуть Италию исходит из уверенности, что эта страна неминуемо станет могилой для гладиаторов, как она стала могилой для галлов Бренна, для греков Пирра, для карфагенян, кимвров, тевтонов, наконец, для всех чужеземцев, которые вторгались в Италию и пытались вести войну в ее пределах.

Он торжественно поклялся, что только благо гладиаторов побуждает его защищать этот план; пусть они решают, он подчинится воле большинства. Как вождь или солдат он будет всегда сражаться рядом с ними, и, если так написано в книге судеб, он с радостью умрет с ними.

Сильные рукоплескания раздались после речи Спартака, и, вероятно, если бы сейчас же после нее было голосование, его предложение было бы принято огромным большинством. Но победы, одержанные за два истекших года, поднимали дух гладиаторов и делали их самоуверенными, а многие из командиров с неудовольствием переносили железную дисциплину, введенную Спартаком, которая запрещала грабежи и мародерство. Так возникло недовольство сперва среди отдельных лиц; постепенно оно проникло во многие легионы.

Пример погибших германцев, вместо того чтобы вызвать спасительное раскаяние, зажег во многих сердцах сильнее, чем когда-либо, желание идти на Рим. Одни стремились отомстить за уничтоженные легионы, другие — предаться грабежу богатой добычи.

Этими настроениями воспользовался Кай Канникций, который до того, как продал себя в гладиаторы, терся

на форуме и умел красноречиво говорить. Взяв слово после Спартака, он много распространялся о его доблести и прозорливости, чтобы никто не подумал, будто он питает злые чувства против Спартака. Он в живых красках обрисовал печальное положение римлян и неспособность их в данный момент сопротивляться нападению страшного гладиаторского войска силою в семьдесят тысяч доблестных мечей. Он убеждал легионы не упускать такой удобный случай овладеть Римом и закончил предложением завтра же двинуться по направлению к Тибру.

— На Рим! На Рим! — раздавался, подобно удару грома, крик пятидесяти тысяч голосов после речи Канникция. — На Рим! На Рим!

Когда перешли к голосованию, то получился следующий результат: семь легионов единогласно приняли предложение Канникция, остальные шесть отклонили его слабым большинством, и только кавалерия почти единогласно поддержала предложение Спартака; таким образом, свыше пятидесяти тысяч гладиаторов желали идти на Рим, между тем как число желавших последовать совету фракийца не доходило до двадцати тысяч.

Спартак долго стоял мрачный, подавленный и безмолвный; наконец, подняв лицо, бледное и грустное, сказал Криссу, Гранику и Арториксу, которые стояли молча, потрясенные, вокруг него:

— Клянусь богами Олимпа! Немного сторонников набрал я среди гладиаторов после всех трудов, жертв и опасностей, перенесенных ради них! — Потом, обращаясь к легионам, безмолвно ожидавшим, сказал громко: — Хорошо, я подчиняюсь вашему решению: вы пойдете на Рим, но под начальством другого. Я с этого момента отказываюсь от звания верховного вождя, которое вы дважды мне давали и которое теперь нужно передать другому, более достойному, чем я.

— Нет! Ради богов! — закричал Ливий Грандений, самнит, начальник двенадцатого легиона. — Ты всегда будешь нашим верховным вождем, так как нет никого среди нас равного тебе.

— Да будет Спартак снова утвержден в звании верховного вождя! — закричал во всю силу голоса Борторикс.

— Спартак — верховный вождь! Спартак — верховный вождь! — ответили, как один человек, семьдесят тысяч гладиаторов, подымая высоко щиты.

— Нет! Я против похода на Рим и не желаю вести вас! Выберите одного из тех, которые уверены в победе.

— Ты — вождь! Ты — вождь! Спартак! Ты — вождь! — снова раздались тысячи голосов.

Когда шум стал утихать, Крисс подал знак, что хочет говорить:

— Пусть вас будет сто тысяч гладиаторов под оружием! Пусть вас будет двести тысяч, но лишь один может и должен быть вашим полководцем... Да здравствует Спартак — император!

Отлушительный рев раздался по всей равнине.

— Да здравствует Спартак — император!

Возмущенный фракиец отказался принять это звание, но, уговариваемый, осаждаемый и вынуждаемый всеми начальниками легионов и прежде всего Арвинием, Орзилом и Каем Канникчием, всеми трибунами, всеми деканами и всем войском, он в конце концов, явно растроганный этим блестящим доказательством любви и уважения со стороны товарищей, только что выказавших непокорность, сказал:

— Вы этого хотите? Пусть будет так. Я согласен, ибо понимаю, что избрание другого приведет вас неминуемо к столкновениям и раздорам; я согласен сражаться рядом с вами и умереть во главе наших рядов.

И в то время, как все его благодарили и иные цело-

вали его одежду и руки, превознося его доблесть и заслуги, он прибавил с печальной улыбкой:

— Я не сказал, что обещаю повести вас к победе; в этой необдуманной войне я не надеюсь на успех. Во всяком случае, пойдем на Рим. Завтра мы выступаем в Болонью.

Таким образом, Спартак был насильно вынужден взяться за дело, которое он считал неосуществимым.

Однако, ослабление дисциплины и неповиновение проникли в ряды гладиаторов, и это войско, одержавшее столько блестящих побед, начало разлагаться.

То один, то другой легион, то сразу несколько предавали полному разграблению города сеннонов, через страну которых они проходили. Эта разнузданность лишала гладиаторские легионы качеств хорошо организованного войска и превращала их в дикие орды разбойников, возбуждая против них гнев и проклятия среди населения; в то же время постоянные остановки замедляли быстроту передвижения, в которой до сих пор, главным образом, заключался секрет побед Спартака.

В конце концов Спартак был поставлен в невозможность продолжать навязанный ему поход на Рим из-за наглого поведения и неповиновения тех самых легионов, которые так шумно требовали вести их туда. Поэтому он задержался почти на месяц в Ариминуме, где вновь отказался от командования, на много дней заперся в своей палатке и оставался непреклонным, пока все войско, собравшись перед преторием на коленях, оплакивая свое гнусное поведение и прося прощения, не заставило его выйти из палатки.

Когда фракиец появился перед гладиаторской массой, он был очень бледен, и на его открытом лице были заметны следы страданий. Вид его был изнуренный и разбитый; веки красны от долгих слез.

Тогда раздались еще более громкие крики, слышались уверения в любви и слова раскаяния.

Он сделал знак, что желает говорить; воцарилась глубокая тишина. Спартак суровым голосом, в горьких словах порицал поведение легионов, которые показали себя самыми подлыми разбойниками. Он оставался непреклонным в своем решении не идти дальше с ними, если они не предоставят ему полную и неограниченную власть подвергнуть примерному наказанию подстрекателей к грабежам.

Легионы единодушно согласились на его требование. Спартак снова принял командование над армией гладиаторов и начал суровыми мерами восстанавливать в их рядах угасшее чувство долга и строгую дисциплину.

Он присудил к смертной казни нумидийца Орзиля, самого дикого среди начальников, который запятнал себя гнусным грабежом, и в присутствии всех легионов приказал его же нумидийцам распять его на кресте.

Он приказал побить палками и выгнать из лагеря двух начальников легионов — галла Арвиния и самнита Кая Каппикчия — и предать распятию свыше двухсот гладиаторов, которые больше других отличались зверскими поступками во время грабежей.

После этого он распустил все легионы и перестроил их не по национальностям, но, наоборот, вливая в каждую манипулу и в каждую когарту соразмерное число солдат, принадлежавших к различным народностям, так что каждая манипула составила из сорока галлов, тридцати фракийцев, двадцати самнитов и десяти иллирийцев, греков и африканцев.

Таким образом, организованное войско было разделено на четырнадцать легионов, которые Спартак распределил по трем корпусам: первый, состоявший из шести легионов, он поставил под команду Крисса; второй, состоявший из

четырех легионов, получил в командиры Граника; третий, образованный из четырех последних легионов, был отдан под начальство Арторикса.

Начальником кавалерии, состоявшей из восьми тысяч человек, остался Мамилий.

Тем временем в Рим пришли известия о поражениях обоих консулов и претора Галлии Цизальпийской и, в довершение охватившего римский народ и сенат смятения, весть о принятом гладиаторами решении идти на Рим. К этому прибавились преувеличенные слухи о совершенных гладиаторами грабежах среди сенаторов. Волнение и ужас усилились. Народные трибуны стали во всеуслышание кричать на форуме, что пришло время позаботиться о спасении отечества.

Собрался сенат; пока одни сожалели, что отцы-сенаторы из-за неспособности посланных раньше для ликвидации этого дела полководцев вынуждены серьезно обсуждать вопрос о смехотворном сначала мятеже гладиаторов, превратившемся в страшную войну и в тягчайшую угрозу для самого Рима, другие кричали, что пришло, наконец, время подняться против гладиаторов всем силам государства.

Сенат специальным декретом решил не поручать больше ведение этой войны консулам, а послать опытного полководца с безусловной полнотой власти и самыми неограниченными полномочиями. Формально это дело поручалось претору Сицилии, которого как раз предстояло избрать.

При известии о таком решении все кандидаты на должность сицилийского претора исчезли, испугавшись тяжести возлагаемой сенатом задачи.

Друзья Юлия Цезаря побуждали его выдвинуть свою кандидатуру, обещая исходатайствовать для него у сената и народа восемь легионов и доказывая ему, что с сорока

восемью тысячами легионеров и двадцатью тысячами легковооруженных и кавалерии из вспомогательных частей он легко справится с гладиаторами.

Но Цезарь, которому мешали спать триумф и победы Помпея, все же решительно отказался. Победа над Спартаком не дала бы победителю не только триумфа, но даже почетной овации, так как нельзя было допустить, чтобы римская гордость оказала презренным гладиаторам честь считать их равноправной воюющей стороной.

— Если я возьмусь вести войну, то лишь такую, которая доставила бы мне триумф, — так Цезарь отвечал своим друзьям.

Возможно, что у него было и более сильное основание к такому отказу. Он прекрасно понимал, что взявшиеся за оружие гладиаторы, рабы, присоединившиеся к последним, и жалкие пастухи Самниума, следовавшие за их знаменами, представляли как раз те три класса неимущих и угнетенных, на которых он хотел опереться, чтобы сломить навсегда тираническую власть олигархов. Он понимал: для того, чтобы привлечь симпатии и любовь этих обездоленных классов, было бы очень не к стати предстать пред ними в качестве карателя, покрытого кровью несчастных гладиаторов.

В результате в день комиссий на форум вместо Цезаря явился в белоснежной одежде Марк Лициний Красс и выставил свою кандидатуру на должность претора в Сицилии. К этому шагу его поощряли наиболее влиятельные сенаторы, бесчисленные его клиенты, а больше всего — его собственное честолюбие.

Марку Лицинию Крассу было в то время около сорока лет. Первый в Риме по богатству, он в разное время сражался под начальством Суллы в итальянской войне и во время гражданских мятежей и выказал твердость духа, воинскую доблесть и большую проницательность.

Конечно, Красс был избран единогласно. Ему было предоставлено право набрать шесть легионов с соответствующим количеством вспомогательных войск и поручено из остатков войск Лентула и Геллия составить еще четыре легиона. Таким образом, Красс получал в свое распоряжение всего восемьдесят четыре тысячи человек — огромнейшее войско, больше которого не видали со времен войны Суллы с Митридатом.

Красс с лихорадочной энергией занялся формированием войск, выбрал себе квестора и трибунов среди наиболее известных в военном деле людей, не обращая внимания ни на их положение, ни на их сословие. На должность квестора он назначил Публия Элия Скрофу, простого земледельца, который после участия в одиннадцати войнах и ста тридцати сражениях, получив двадцать две раны, вернулся к мирной жизни. Красс не счит ниже своего достоинства лично просить его согласия поступить к нему на службу. Скрофа, тронутый посещением Красса, охотно согласился быть квестором в его войске. Через одиннадцать дней после своего избрания претором Красс выступил во главе четырех легионов, составленных из старых солдат, и направился в Отриколум, город, находившийся между землями эквов и умбров. Там один из заместителей Красса, Авл Муммий, набирал два других легиона и вспомогательные части.

В первом легионе Красса были две когорты, около тысячи человек, составленные целиком из юношей самых видных семейств, пожелавших следовать за Крассом в качестве простых солдат. Среди этих юношей были Марк Порций Катон, Тит Лукреций Кар, Кай Лонгин Кассий, Фауст, сын Суллы, и сотни других из консульских фамилий и из семейств сословия всадников.

Спартак в это время стоял лагерем в Аредиуме, заканчивая боевую подготовку своих легионов.

Когда наступило подходящее время, он в одну бурную ночь, воспользовавшись бушевавшим ураганом, вывел войско из лагеря и быстрыми переходами двинулся вдоль восточного склона Апеннинского хребта на Рим. Он рассчитывал как можно дольше сохранить свои передвижения втайне от Красса и подойти к Риму в то время, как этот последний будет еще далеко. Однако, Красс скоро разгадал маршрут Спартака и повел свою армию к Риму кратчайшим путем — вдоль западного склона Апеннинских гор и со всей возможной быстротой. Один переход Красса равнялся трем переходам Спартака. В то же время он приказал Авлу Муммию с двумя легионами и шестью тысячами вспомогательных частей нагнать Спартака и задержать его, но строжайше запретил принимать бой, пока он, Красс, не подойдет и не атакует Спартака с тыла.

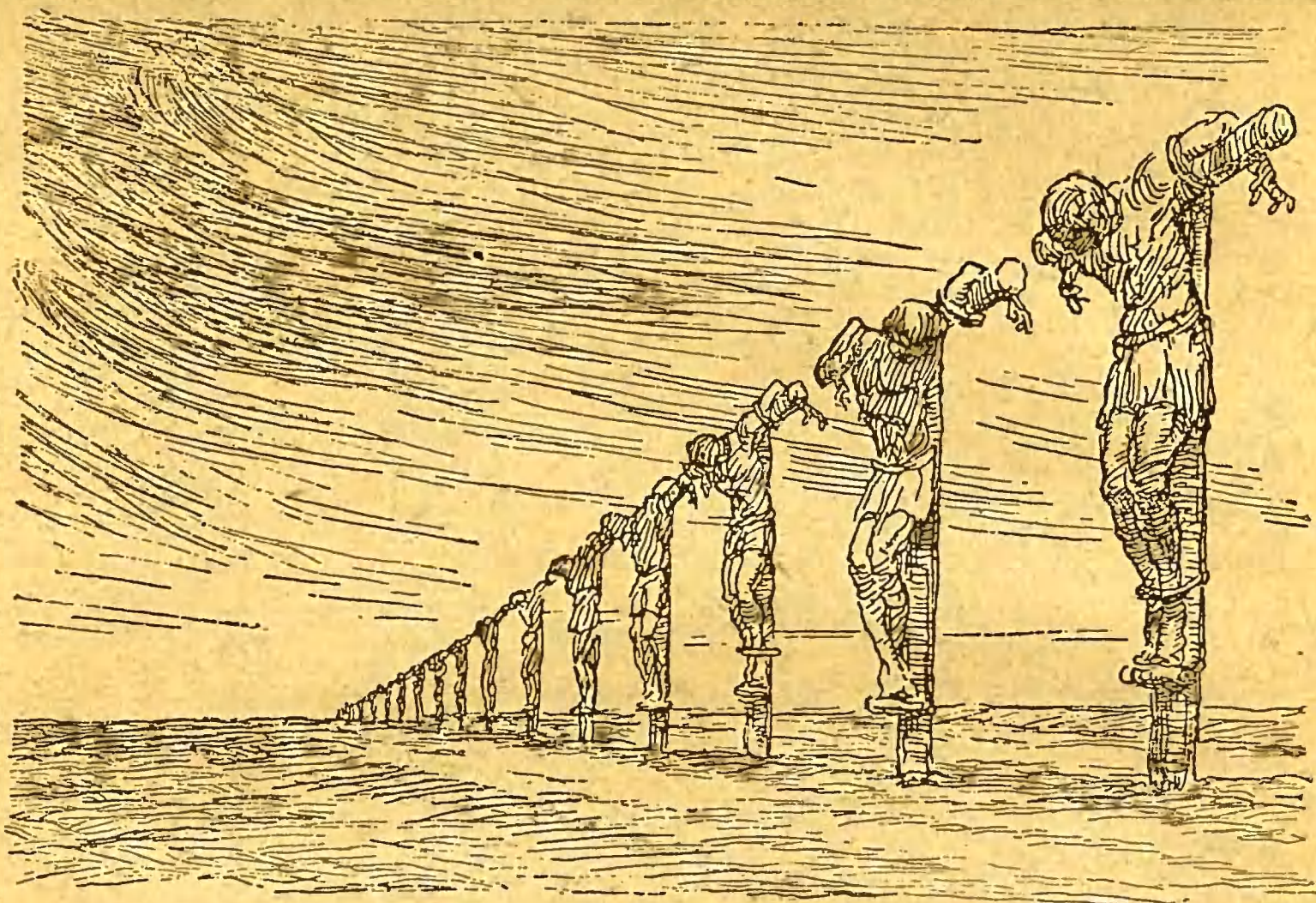
Муммий после двухдневного марша нагнал гладиаторскую армию между Фуцинским озером и Реатой и занял очень сильную позицию у Субиака на склонах обрывистой горы с намерением двинуться отсюда на следующий день.

Но его трибуны стали уговаривать его не отступать больше перед неприятелем, а воспользоваться благоприятной позицией и разбить Спартака без помощи Красса; в окружающих горных ущельях гладиатору не могло принести пользы его численное превосходство.

Муммий увлекся мыслью о верной победе и на следующий день при появлении Спартака вступил с ним в бой. Фракиец увидел, что на этой позиции он не может развернуть своих четырнадцати легионов. Пока тринадцатый и четырнадцатый легионы сражались с врагом, он, собрав в один корпус всех велитов и стрелков из остальных легионов, приказал им взобраться на вершины окружающих гор и с тыла ударить по римлянам, обрушивая на них огромные камни и поражая их стрелами.

Легковосоруженные отряды с большим рвением повиновались приказу Спартака, и спустя едва три часа после начала битвы римляне увидали с изумлением и ужасом, что все близлежащие вершины покрыты неприятельскими пращниками и стрелками, которые обрушивали на них град метательных снарядов всякого вида, а потом начали спускаться вниз, окружая их с флангов и с тыла. В панике римляне повернули и обратились в стремительное бегство, бросая оружие и щиты. Их было убито здесь свыше семи тысяч.

ГЛАВА XX

От сражения при горе Гарганской до похорон Крисса

Однако, эта победа не дала Спартаку преимущества над Крассом. Но и Крассу не удалось здесь захватить Спартака. Конная разведка Спартака обнаружила позади главную армию Красса. И Спартак понял, что, имея в тылу Красса, идти на Рим уже невозможно.

Тогда он направил свое войско в Кампанию, минуя Рим.

Красс же узнал о разгроме Муммия только на другой день и был вне себя от возмущения опрометчивостью Муммия.

Беглецы из разбитой армии Муммия, добравшись до Рима, вызвали там сильнейшую панику, которая, впрочем, несколько утихла, когда получено было донесение Красса, что разбита лишь небольшая часть его армии.

Красс, возмущенный поведением легионеров Муммия, просил сенат немедленно отослать к нему всех беглецов.

Когда беглецы вернулись в лагерь, Красс, собрав вокруг претория все свое войско, расположил его в виде каре, внутри которого поставил беглецов, обезоруженных, унылых и сгорающих от стыда.

Затем Красс, обладавший даром краспоречия, в суровых и резких словах заклеил их малодушие: они убежали подобно трусливым бабам, побросав оружие, то оружие, которым их предки в гораздо более тяжелых условиях, в гораздо более опасных испытаниях завоевали весь мир. Он доказал необходимость задушить в корне этот глупый страх, позволявший в течение трех лет свободно хозяйничать в Италии сборищу презренных рабов; гладиаторы, говорил он, оказались сильными и храбрыми не вследствие своей доблести, но из-за трусости римских легионов, некогда знаменитых своей непобедимой мощью, ныне же ставших предметом презрения и насмешки всего мира.

Он заявил, что пришло время доблестных дел и громких побед, и если для воинов потеряла значение честь римского имени, то он заставит их быть храбрыми под страхом самых жестоких наказаний.

— Я введу в силу, — сказал в заключение Красс, — казнь каждого десятого, к которой в редких случаях прибегали наши отцы. Почти два века не приходилось прибегать к этой печальной необходимости, но так как вы позорно бросаете свое оружие перед таким ничтожным врагом, то, клянусь богами Согласия, я применю к вам это наказание. И, начиная с сегодняшнего дня, ему будут подвергнуты девять тысяч трусов, которые в позорном виде стоят перед вами со слезами слишком позднего раскаяния.

Несмотря на просьбы трибунов и патрициев, бывших в его лагере, он остался непреклонным и приказал до вечера привести в исполнение этот суровый приговор.

Тогда осужденные стали бросать жребий, и из каждых десяти солдат один вытянувший жребий передавался ликторам. Ликторы сперва секли его розгами, потом отсекали ему голову.

Так за несколько часов были обезглавлены девятьсот солдат.

Это страшное наказание, которое осуждало на смерть некоторых сражавшихся очень храбро и не имевших за собой никакой вины, произвело глубокое и тяжелое впечатление в лагере римлян. Пятеро или шестеро самых достойных из легионеров Муммия, храбрость которых была известна всем сражавшимся под Субиаком, понесли наказание за чужую трусость. Среди них один двадцатилетний юноша по имени Эмилий Глабрион, который до конца сопротивлялся натиску гладиаторов, получил две раны, не покидая своего поста, и был захвачен бежавшими и перенесен вдале от лагеря. Все это знали, все громко заявляли об этом, но неумолимый жребий пал на него, и он должен был умереть.

Среди общего плача этот доблестный юноша со спокойствием и твердостью, достойным Муция Сцеволы и Юния Брута, стал перед претором и мужественно сказал:

— Наказание каждого десятого, примененное тобою, необходимо для блага республики. Судьба оказалась враждебной ко мне, и я должен умереть; но так как ты, Марк Красс, знаешь, как знают все мои товарищи по оружию, что я не был трусом и не бежал, но сражался даже раненый, как подобает римлянину, то я прошу у тебя милости: пусть розга ликторов не оскверняет моей спины, пусть они нанесут мне удар, но только топором.

Все со слезами стали умолять претора, и тот, очевидно сам растроганный, ответил:

— Я согласен исполнить твою просьбу, мужественный юноша, — мне очень жаль, что суровость закона на-

ших предков запрещает сохранить тебе жизнь, как ты этого заслуживаешь...

— Умереть на поле сражения от руки врага или же здесь, на претории, под топором ликтора, — это одно и то же, так как я жизнь отдаю за отечество; мне достаточно уже того, что все узнают, узнает моя мать, узнает народ, узнает сенат, что я не был трусом... Смерть ничто, раз я спас свою честь.

Тогда один солдат, выйдя из рядов легионов Муммий и подбежав к претору с глазами, полными слез, громко крикнул:

— Славный Красс, я — Валерий Атал, римский гражданин и солдат третьей когорты третьего легиона, одного из тех, которые были разбиты под Субиаком. Я был рядом с этим мужественным юношей и видел, как он сражался раненый и сопротивлялся в то время, когда мы обратились в бегство, в которое и он оказался невольно втянутым. Так как ликтор должен поразить одного из каждых десяти бежавших, пусть он поразит меня, который бежал, а не этого, во имя богов, покровителей Рима, который вел себя, как римлянин древнего рода!

Поступок солдата, который в бою поддался панике и бежал, а теперь проявил благородство души, усилил общее волнение. Но Красс был непреклонен, и Глабриона предали в руки ликтора.

Тогда раздались крики сочувствия и сострадания не только среди двух подвергнутых наказанию легионов, но и среди остальных. Глабрион, повернувшись к ним, сказал:

— Если вы верите, что я умираю без вины, если случай со мной вызывает у вас искреннюю жалость, если вы желаете утешить мою душу в Элизии, то поклянитесь богами Согласия, поклянитесь, что вы все умрете, но никогда не повернете тыл перед гнусными гладиаторами!

— Именем богов клянемся! — закричали одновременно шестьдесят тысяч голосов.

— Вышние боги да защитят Рим! Я умираю с радостью! — воскликнул юноша.

И он подставил обнаженную шею под топор ликтора, который быстрым и верным ударом отрубил его благородную голову.

Марк Красс отвернулся, чтобы скрыть слезы, катившиеся по его щекам.

По окончании экзекуции Красс приказал раздать беглецам оружие и выразил надежду, что они больше никогда не побегут перед врагом.

На следующий день он снялся с лагеря и пустился в погоню за Спартак. Спартак же пересек с крайней быстротой Кампанию и Самниум и снова повел свое войско в Апулию, желая завлечь туда Красса и вдали от Рима вступить в генеральное сражение с ним, совершенно уничтожить его легионы и после этого вновь повернуть на Рим.

Но если Спартак передвигался быстрым маршем, то не менее быстро шли легионы Красса, после вышеописанного наказания стойко переносившие все трудности и жаждавшие новых сражений. В пятнадцать дней претор нагнал гладиатора близ Сипонтума и ждал удобного случая завязать с ним сражение.

Три дня оба войска стояли друг против друга, как вдруг в тихий час ночи Красс был разбужен одним из своих ординарцев, сообщившим о прибытии посланца-гладиатора, который, по его словам, должен переговорить с претором об очень важных делах.

Красс немедленно встал и приказал ввести гладиатора.

Последний был мал ростом и одет в роскошные доспехи. Подойдя к Крассу, он поднял забрало и показал претору свое бледное женственное лицо.

— Ты не узнаешь меня, Марк Лициний Красс?

— Эвтибида! — воскликнул пораженный Красс. — Клянись молниями Юпитера! Эвтибида! И как ты здесь? И почему в этот час? В этом вооружении?..

Сразу почувствовав недоверие, он продолжал суровым голосом:

— Если ты пришла поймать меня в сети, я тебя предупреждаю, что ты пришла напрасно, потому что я не Клодий, не Вариний, не Анфидий Орест...

— Это не мешает тебе быть тупоумным, бедный мой Красс, — ответила с насмешливой и дерзкой улыбкой гречанка. — Ты самый богатый, но не самый умный среди римлян...

— Но что ты хочешь? К чему ты клонишь? Говори кратко.

И Эвтибида изложила Крассу причину своей неугасимой ненависти к Спартаку, рассказала об избиении при ее содействии десяти тысяч германцев; открыла претору, как после сражения она приобрела славу доблестной и храбрейшей женщины у гладиаторов, которые с того времени питают к ней самое полное доверие. Наконец, закончила, что, пользуясь этим доверием, она устроилась ординарцем у Крисса для того, чтобы помочь римлянам уничтожить войско гладиаторов.

Красс выслушал слова Эвтибиды с большим вниманием. Когда она кончила, он медленно и спокойно ответил:

— А если вся эта твоя болтовня — только хитрость, чтобы завлечь меня в ловушку, приготовленную Спартак-ком? Что ты скажешь на это, прекраснейшая Эвтибида? Кто мне ручается за искренность твоих слов и намерений?..

— Я сама, отдающая мою жизнь в твои руки.

— А если и это какая-то хитрость?.. А если ты пожертвуешь своей жизнью, лишь бы дело рабов восторжествовало?..

— Клянусь твоими богами, Красс, ты более недоверчив, чем это позволяет разум.

— А не думаешь ли ты, — сказал медленно претор, — что лучше быть излишне недоверчивым, чем слишком доверчивым?

Эвтибида, бросив на Красса испытующий взгляд, сказала:

— Кто знает!.. Может быть, ты и прав. Во всяком случае выслушай меня, Марк Красс. Я, как я уже тебе сказала, пользуюсь полным доверием Спартака, Крисса и остальных начальников гладиаторов. Например, я знаю, что задумал на твою гибель гнусный фракеец.

— Ты не лжешь? — спросил Красс. — Ну, что он задумал?

— Завтра, среди дня, и с возможно большей оглаской, для того чтобы к тебе пришло поскорее известие об этом, два корпуса под командой Граника и Арторикса, силой в восемь легионов, с кавалерией, в общем сорок тысяч человек, под руководством Спартака, выйдут из Сипонтума, направляясь к Барлетте, а Крисс со своим корпусом в тридцать тысяч человек останется у Сипонтума, распуская слух среди окружающего населения, что он отделился от Спартака из-за непримиримых разногласий, возникших между ними обоими. Как только ты узнаешь об уходе Спартака, ты бросишься на Крисса, но, когда тот завяжет с тобой сражение, Спартак, который укроется со своим войском в соседних лесах, быстро вернется обратно, обрушится на тебя с тыла, и твое войско, как бы храбро оно ни было, будет изрублено вконец.

— Посмотрим, попаду ли я в ловушку!

— Без моего предупреждения, поверь мне, Красс, ты бы попал в нее. Не желаешь ли ты поймать их в те самые сети, которые они раскинули для тебя, не же-

лаешь ли ты разбить и уничтожить тридцать тысяч солдат Крисса и затем обрушиться на Спартака?

— Ну, хорошо... Что я должен сделать для этого?

— Выступить завтра на восходе солнца и направиться к Сипонтуму; ты дойдешь туда, когда Спартак будет на пятнадцать или двадцать миль оттуда. Он будет ждать, чтобы я — так как мне будет доверено это деликатное поручение — доставила ему известие о твоём выступлении. Я, наоборот, скажу ему, что ты не двинулся из своего лагеря. Тем временем я вернусь к Криссу и передам ему, что Спартак приказывает ему отправиться к горе Гарганской и там защищаться до смерти, в случае, если ты нападёшь на него. Едва Крисс удалится на значительное расстояние от Спартака и достигнет склонов Гаргана, ты на него нападёшь и уничтожишь его легионы гораздо раньше, чем Спартак сумеет прийти к нему на помощь.

Красс слушал с удивлением, глядя на это коварное существо, предлагавшее ему такой продуманный и точный план.

— Клянусь Юпитером-освободителем, ты ужасная женщина!

— Такой меня сделали римляне, клянусь всеми богами! — ответила она с горькой улыбкой. — Но что ты скажешь по поводу моего плана?

— На самом дне ада нельзя было бы составить более ужасного... Только, повторяю, я не верю тебе и...

— Хорошо, послушай. Чем ты рискуешь, выступив завтра за два или три часа до полудня? В худшем случае, допуская, что я тебя обманула, ты очутишься лицом к лицу со всем гладиаторским войском. Но разве ты здесь не для того? Разве ты не жаждешь вступить в решительный бой?

— Ладно, я тебе верю... или, вернее, предпочитаю ве-

рить. И я тебе обещаю, что если все произойдет так, как ты говоришь, ты получишь большую награду от меня и еще большую от сената, который я поставлю в известность о важных услугах, оказанных тобою римскому народу.

— Что мне до ваших наград? Что мне за дело до римского народа? — сказала с презрительной миной гречанка. — Ведь не ради тебя и не ради римлян я предлагаю тебе победу, но ради моей мести! Лишь бы мне услышать предсмертное хрипенье Спартака, умирающего среди перебитых товарищей! На что мне нужны твои дары? К чему мне награда сената?!

Лицо Эвтибиды в этот момент было так ужасно, что Красс содрогнулся от отвращения и страха.

Эвтибида, вскочив на коня, тихонько выехала из римского лагеря и, пустив горячее животное крупной рысью, направилась к лагерю гладиаторов.

На рассвете Красс велел снять палатки и, пустив вперед конницу, выступил по направлению к Сипонту.

Тем временем Спартак действительно выступил с семью легионами и кавалерией по направлению к Барлетте. Красс же остался со своими шестью легионами в Сипонте. По окрестностям раздался слух, что войско восставших, вследствие сильной ссоры, возникшей между Спартаком и Криссом, разделилось на две части.

Этот слух сейчас же был сообщен Крассу его разведчиками.

„Повидимому, Эвтибида нас не обманула“, подумал начальник римлян.

Следующей ночью, когда войско Красса притаилось в густом лесу в ущельях Гарганских гор, в четырех милях от Сипонтума, Эвтибида во весь опор мчалась к Барлетте с донесением Крисса Спартаку, что неприятель попал в ловушку и что он, Красс, ожидает немедленного выступления Спартака к Сипонту.

Гречанка, явившись к Спартаку, передала ему ложное известие. Она сообщила, что, по сведениям разведчиков Крисса, римляне еще не двинулись из своего лагеря.

— Клянусь богами, — воскликнул фракиец, — этот Красс умнее и хитрее, чем я думал! Возвращайся к Крису и скажи ему, чтобы он не двигался из лагеря, что бы ни случилось, а когда Красс подойдет и начнет с ним сражение, немедленно пошлите ко мне трех ординарцев через четверть часа одного за другим. Из трех один во всяком случае доберется до меня. Мне кажется, это нежелание Красса использовать благоприятный случай разбить нас, меня и Крисса порознь, является дурным предзнаменованием для нас.

И фракиец несколько раз провел правой рукой по лбу, как бы желая прогнать мрачные мысли.

— Сколько часов ты ехала из вашего лагеря?

— Меньше двух часов.

— Ты мчалась во весь опор?

— Можешь убедиться по состоянию моего коня.

— Возвращайся тоже во весь опор.

Эвтибида, повернув лошадь, пустила ее галопом по направлению к Сипонтуму.

Явившись туда, она передала Крису, что Спартак приказал ему выступить из Сипонтума, направиться к подошве горы Гаргана и постараться занять там неприступную позицию.

До рассвета было еще два часа.

Крисс приказал потихоньку собрать палатки, и, раньше чем взошло солнце, его войско было уже на пути к Гаргану.

Через четыре часа оно дошло до подошвы горы. За ней оно увидело Адриатическое море. Рыбачьи паруса белели среди волн. В то время как Крисс, находившийся

на крайнем отроге Гарганской горной цепи у самого моря, отдал приказ разбить лагерь, внезапно раздались восклицания:

— Римляне! Римляне!

Это были легионы Красса, явившиеся по указанию предательницы.

Крисс не растерялся при этом неожиданном нападении, но со спокойствием и твердостью доблестного полководца расположил в боевой порядок свои войска, применяясь к неровностям почвы. Четыре легиона он развернул открытым фронтом к неприятелю и, для того чтобы иметь возможно более длинную линию фронта, протянул ее направо от холма, на котором предполагал разбить лагерь и который охраняли пятый и шестой легионы, стоявшие здесь в резерве; левую сторону фронта он протянул по обрывистым и неприступным скалам, о которые с тихим рокотом разбивались морские волны.

Скоро шесть римских легионов сомкнутым строем бросились на гладиаторов.

Дикие крики сражавшихся и оглушительный шум ударов мечей и щитов нарушали вековой покой пустынного лесного места, и эхо повторяло от пещеры к пещере, от скалы к скале эти необычные звуки.

Так как римляне атаковали сплошным строем, левое крыло легионов Крисса не было окружено; благодаря этому свыше трех тысяч человек из четвертого легиона стояли здесь в бездействии, пассивными зрителями боя. Тогда самнит Оначий, командир легиона, сам поспешил стать во главе этих трех тысяч и, скомандовав: „Поворот направо“, обрушил их на правое крыло римлян с таким напором, что римский легион, составлявший крайний правый фланг, сразу пришел в полное расстройство.

Тогда квестор Скрофа приказал начальнику римской кавалерии, Кшею Квинту, ударить с шестью тысячами

коней на левый фланг гладиаторов, который Оналий покинул незащищенным.

Началось страшное избиение.

Красс одновременно послал два легиона и шесть тысяч стрелков охватить правый фланг Крисса.

Таким образом, гладиаторы, позади которых простиралось море, были охвачены римскими легионами, и, несмотря на чудеса храбрости, тридцать тысяч, теснимые восьмьюдесятью тысячами врагов, не пытались спастись, сражаясь подобно львам, все пали с честью в трехчасовом бою.

Красс, сражавшийся до конца со свойственным ему мужеством и до конца надеявшийся на приход Спартака, увидел, что большая часть его товарищей погибла, остановил коня — это был третий: два были убиты под ним, — устремил взор на ту точку горизонта, откуда должен был прийти Спартак, и воскликнул:

— О, Спартак! Ты же придешь во-время, ни чтобы спасти нас, ни чтобы отомстить за нас! Ах! Что будет с тобою, когда ты увидишь такую жалкую гибель тридцати тысяч твоих доблестнейших товарищей!

Крупные слезы текли по его щекам. Повернувшись к своим ординарцам, — среди них с самого начала сражения уже не было Эвтибиды, — он сказал спокойным и звучным голосом:

— Братья! А теперь пора умирать!

И, подняв меч, весь красный от крови убитых им римлян, он прищипорил коня и с силой обрушился на маненулу пеших врагов, окруживших восемь или десять гладиаторов, которые, покрытые ранами, еще сражались. И, вращая мечом, закричал громовым голосом:

— Эй, вы! Храбрые римляне! Вы смелы, когда вас трое против одного! Держитесь! Я иду умирать!

Четверо ординарцев вместе с ним врезались в непря-

тельские ряды, начали валить на землю, топтать лошадьми и убивать мечами римлян. Legionеры пришли в расстройство и начали отступать. Но подходили двое, четверо, десятеро новых и смыкались вокруг пяти гладиаторов.

Один за другим падали ординарцы Крисса, и, наконец, упал он сам. Падая, он повернулся к римлянину, поразившему его в спину, и пронзил его своим мечом, увлекая за собой в своем падении.

Так закончилось сражение у горы Гарганской, в котором погибло десять тысяч римлян и были изрублены тридцать тысяч гладиаторов.

Только около восьмисот из последних, большей частью раненые, были взяты в плен и, по приказу Крисса, распяты вдоль дороги, пройденной римлянами в течение прошлой ночи.

После полудня Крисс приказал трубить сбор, сжигать трупы римлян, а после этого заняться разбивкой лагеря и укреплением его широкими рвами.

Между тем Спартак в невыразимой тревоге весь день и всю ночь ожидал ординарцев Крисса, которые должны были прибыть с сообщением о приближении римлян. И, так как никто не являлся, он на рассвете послал двоих из своих ординарцев, каждого с сотней кавалеристов, через полчаса одного за другим к Сипонтому, собрать сведения о неприятеле и о Криссе.

Первый ординарец, прискакав в Сипонтум, нашел лагерь Крисса покинутым. В изумлении и нерешительности остановился его отряд, когда примчались на тяжело дышащих лошадях два ординарца Крисса, посланные им к Спартаку при появлении римлян.

Тогда, расспросив друг друга, они поняли предательский замысел Эвтибиды и то ужасное положение, в котором очутился Крисс со своими легионами. Им оста-

валось только одно: во весь опор мчаться и уведомить обо всем Спартака.

— Клянусь богами ада! — проревел Спартак, побледнев, как мертвец, при известии о подлой измене, страшные последствия которой он сразу понял. — В поход, немедленно в поход к Сипонтому!

Он позвал Граника и, садясь на коня, голосом, в котором слышались слезы, сказал ему:

— Поручаю тебе вести форсированным маршем восемь легионов. Пусть у каждого солдата вырастут крылья на ногах... Это день несчастий для нас, и пусть у каждого сердце будет тверже алмаза... Летите! Летите! Крисс гибнет! Наши братья умирают, зверски избиваемые. Я иду на помощь вперед с кавалерией... Ради всего для нас святого спешите, летите...

И он во главе восьми тысяч всадников помчался по дороге в Сипонтум.

За полтора часа он прибыл туда на дымящихся и обессиленных конях и увидел нескольких гладиаторов, окровавленных и задыхавшихся, которые чудом спаслись от побоища у Гарганской горы. Они сказали ему:

— Мы разбиты! Мы уничтожены! От наших шести легионов ничего не осталось.

— О, мои несчастные братья! Мой любимый Крисс! — Спартак разразился безудержными рыданиями.

Растерянность и тревога охватили всех. Тогда Мамиллий, начальник конницы, дрожащим от слез голосом сказал:

— Будь мужествен в несчастье, Спартак! Подумай о том, как спасти остальные восемь легионов.

Спартак поднял мокрое от слез лицо.

— Надо отступать! — сказал он, наконец. — После такой кровопролитной битвы легионы Красса не будут в состоянии двинуться от Гарганской горы ранее чем через

восемь — десять часов; нам необходимо воспользоваться этим временем. — И, обращаясь к одному из ординарцев, добавил: — Поезжай к Гранику и передай ему, чтобы он остановился и ждал нас.

Через полчаса отдыха, предоставленного измученным лошадям, он повернул со всей кавалерией навстречу восьми легионам Граника, остановившимся на полпути.

Здесь, призвав Граника, он приказал ему идти со всем войском на юг, избегая большой дороги, через поля и виноградники, сам же с тремястами всадников решил отправиться к горе Гарганской, чтобы подобрать тело Крисса.

Граник пытался отговорить Спартак от этого намерения, указывая на опасности, которым он не имеет права подвергать себя как вождь и душа святого и трудного дела.

— Я не погибну и догоню вас — я в этом уверен — через три дня в Апеннинах; но даже если бы мне пришлось погибнуть, то у тебя, храбрый и доблестный Граник, имеется достаточно опытности, влияния и прозорливости, чтобы продолжать энергично и стойко войну против наших угнетателей.

И, взяв с собой отряд кавалерии, он обнял Граника и Арторикса и двинулся в путь.

К вечеру Спартак добрался до окрестностей Сипонтума и приказал людям сойти с лошадей и вести их под уздцы. Они вошли в лес, окаймлявший дорогу. Нужно было мечами прорубать путь лошадям в этом девственном лесу.

На уединенной поляне, окруженной дубами и елями, они провели ночь, сохраняя полную тишину и коченя от холода. Едва пропели первые петухи, гладиаторы услышали гул шагов пехоты, топот лошадей и голоса римского войска.

Когда затих шум последней римской манипулы, Спар-

так со своими кавалеристами выехал из лесу и быстрым галопом помчался на поле битвы.

Сжалось сердце и потемнело в глазах у него при виде страшного побоища, при виде тридцати тысяч убитых. Еще не погасли гигантские костры, от которых поднимался дым и разносился острый запах горелого мяса, — на них были только что сожжены тысячи трупов римских воинов.

Тогда, сойдя с лошади и приказав половине отряда следовать за собою, а остальным дожидаться у лошадей, он стал обходить это зловещее поле. На каждом шагу он видел бледные, обезображенные лица павших друзей.

В одном месте он увидел тело бедного Фессалония, жизнерадостного и благородного эпикурейца, покрытое сотней ран; его рука еще сжимала меч.

С трудом он узнал Брезовира, грудь которого была пронзена десятью ранами и череп совершенно растоптан копытами лошадей. В другом месте он наткнулся на труп храброго и смелого Ливия Грандения, начальника шестого легиона, почти погребенного под трупами убитых им врагов; далее он увидел труп самнита Онация, а еще дальше попался ему живой, хотя и покрытый ранами Каст, галл, начальник третьего легиона, который слабым голосом звал на помощь. Его подняли, перевязали, как могли лучше, и окружили самыми сердечными заботами.

Проблуждав более двух часов с безутешным отчаянием в душе, Спартак, наконец, нашел окровавленный и изрубленный в куски труп Крисса, у которого только лицо осталось нетронутым и еще сохранило выражение гордости и отваги.

При этом зрелище Спартак почувствовал, как сердце у него сжимается от скорби и нежности, и, упав на землю, он стал покрывать поцелуями лицо друга.

— Жертвой черного предательства ты оказался, род-

ной мой Крисс. Погиб без меня, и я не мог прийти к тебе на помощь. И ты пал, не отомщенный... О, благородный, любимый мой Крисс!

И он прижал к груди правую руку убитого.

— Здесь клянусь и призываю в свидетели моей клятвы всех богов: чтобы умиловить твою душу, я принесу в жертву у твоего костра триста римлян, самых знаменитых и славных.

Затем, взяв на руки тело Крисса, он в сопровождении солдат отнес его на берег моря, где, сняв с тела изрубленные доспехи и окровавленную одежду, погрузил его в волны и тщательно обмыл; потом, скинув с себя темную тогу, завернул в нее труп и приказал отнести туда, где стояли в ожидании кавалеристы и лошади.

А Каста, которого в его тяжелом состоянии нельзя было везти на лошади по крутым и обрывистым дорогам, он поручил заботам управителя соседней патрицианской виллы, всем сердцем сочувствовавшего восставшим. Затем, положив труп Крисса на лошадь, которую сам повел за собой, он пустился со своим отрядом в обратный путь.

Но едва они проехали милю, страшное зрелище представилось их глазам: на деревьях, вдоль дороги, висели трупы гладиаторов, взятых в плен Крассом.

Среди повешенных Спартак заметил окровавленное и сплошь покрытое ранами тело мужественного своего соотечественника, фракийца Мессембрия. При виде его Спартак закрыл глаза и заскрежетал зубами.

— А, Марк Красс, ты вешаешь пленных! Ты не хочешь обременять себя обузой в походах! Клянусь богами, у вас, римлян, славных в военном деле, всему надо учиться. И всему я научился... Теперь мне осталось научиться и этому... Хорошо! К крестам я прибью взятых в плен твоих солдат, Марк Красс... Нас, гладиаторов, рим-

ляне ставят вне закона. Мы для них дикие звери, мерзкие пресмыкающиеся, убойное мясо. Нашего достоинства уважать не нужно, мы не люди. Пусть будет так! Клянусь пожирающим пламенем Тартара, и мы, гладиаторы, поставим римлян вне закона, и мы будем обращаться с ними, как с грязными животными! Слезы за слезы, кровь за кровь, резня за резню!

Спартак, не жалея лошадей, всю ночь гнал рысью по суровым тропинкам и прибыл к своим легионам в полдень следующего дня на совершенно измученных лошадях.

Войско гладиаторов расположилось лагерем возле Аскулума Апулийского. В ту же ночь Спартак повел их быстрыми переходами к вершинам гор. Там, говорил он, придется устраивать лагерь в неудобных местах и терпеть холод и лишения, чтобы не быть застигнутыми Крассом.

Полководец римлян в это время набирал солдат, чтобы составить по крайней мере еще легион для возмещения тех десяти тысяч, которые погибли в сражении при Гарганской горе.

Он послал в сенат донесение об одержанной победе. Преувеличивая ее значение, он извещал сенат, что теперь гладиаторы, упавшие духом, отступают в землю луканов, где он предполагает раздавить их между двумя корпусами своего войска.

Спартак после двух дней отдыха послал свою конницу собрать сведения о неприятеле и, получив их, еще через два дня вышел ночью из лагеря. Передвигаясь весь день и всю ночь, дав солдатам только шесть часов отдыха, он неожиданно обрушился на Красса, который полагал, что гладиаторы далеко. В трехчасовом бою Спартак разбил его легионы, уничтожив шесть тысяч римлян и взяв три тысячи в плен.

Через восемь часов после битвы Спартак выступил по направлению к Фуриям, приказав вдоль дороги по-

весить две тысячи шестьсот римских пленных и оставив в живых под стражей лишь четыреста пленников, принадлежавших к патрицианским семействам Рима.

Одного из них он отослал к Крассу, чтобы тот рассказал, как Спартак, подражая жестокому примеру римского полководца, поступил с пленниками и будет поступать впредь. Кроме того, Спартак поручил молодому патрицию предложить Крассу в обмен на сто из четырехсот оставшихся пленников выдать ему гречанку Эвтибиду, которая, как Спартак был уверен, скрывалась в римском лагере.

Город Фурии Спартак взял приступом и укрепился там, решив набрать и составить новые легионы из рабов.

За восемь дней к нему явилось свыше шестнадцати тысяч рабов, которых он спешно стал обучать строю. Таким образом, общее число бойцов под его знаменем поднялось снова до пятидесяти шести тысяч человек пехоты и восьми тысяч кавалерии.

Закончив перестройку войска, он вывел его из Фурий и расположил легионы кольцом на обширной равнине. В центре он приказал воздвигнуть высокий костер, на который велел положить тело Крисса, умащенное мазями и ароматными эссенциями.

Затем, приказав привести триста пленных римлян, половина из которых была одета в доспехи фракийских гладиаторов, а другая — в доспехи самнитов, он велел выстроить их перед собою. Сам он, бледный, с горящими глазами, с дрожащими от гнева губами, в императорском одеянии, занимал возвышенное место около костра.

Лица молодых римлян были бледны от негодования, одни опустили головы от стыда, а многие молча проливали слезы горя и бешенства.

— Ну, благородные юноши, — сказал Спартак с горьким сарказмом, — вы происходите из самых знатных

семейств Рима; предки ваши прославили свое имя как знаменитые разбойники благородным предательством, великодушными грабежами, великими обманами, великолепными подлостями, высокими гнусностями, покоряя народы, сжигая города, разоряя население. На слезах, на крови, избиением всех народов они возвеличили бессмертный Рим. Славные юноши, вы покинули азиатскую негу вашего сладострастного города, взяли своими нежными руками за слишком тяжелое оружие, чтобы сражаться против гнусных и презренных гладиаторов, которых вы считаете животными. Знатные юноши, вы, которые забавлялись в амфитеатрах и цирках вашей прекрасной родины кровавыми боями гладиаторов — бедных диких зверей в образе человеческом; вы, которые смеялись с таким наслаждением над смешной бойней слепых 'андобатов и, опустив большой палец, требовали неистовыми криками смерти рутария, упавшего под мечом мирмиллона; вы, которые опьянялись видом предсмертных судорог, мучительным хрипением фракийцев и самнитов, резавших друг друга, — теперь вперед! Дайте теперь нам доказательства вашего пресловутого мужества, позабавьте хоть раз тех, которые вас забавляли уже столько лет. Смелее! Сразитесь друг с другом, убивайте и умрите достойно у костра этого презренного гладиатора, гнусная и отвратительная душа которого желает быть умиловлена благородной и чистейшей римской кровью.

Неистовый, мощный рев вырвался из глоток гладиаторов, глаза которых засверкали от радости, если и жестокой, то все же справедливой, так как в этот день в этом зрелище они получили отомщение за унижения, за презрение, за бойни, которые для увеселения римского народа устраивались в цирке над их братьями.

Мысль Спартака была грандиозной: подняться из грязи, в которую они были незаслуженно ввергнуты; отомстить за поправное человеческое достоинство, низвергнув своих

палачей до состояния диких зверей; любоваться в течение часа зрелищем взаимной резни тех, которые до этого времени ушивались резней между ними; переменить на миг роли и из рабов стать господами и наблюдать гордых и надменных господ в роли рабов; слушать их предсмертное хрипение, стоны и крики. Это была месть. Это была месть, достойная всемогущих богов.

Триста римлян, из которых более тридцати принадлежали к сословию сенаторов, а более ста — к сословию всадников, стояли безмолвно и неподвижно.

— Итак, смелее, славные потомки, знаменитые отпрыски Флавиев, Фузиев, Деиллиев, Генуциев, Фавниев, Ливиев, Муциев, Проциллиев! Вперед! Мечи в руки и сражайтесь... Я зажигаю костер! Сражайтесь! Клянусь богами, мы желаем развлечься!

С этими словами Спартак, взяв факел из рук ординарца, поджог кучу дров, и все начальники, трибуны и центурионы последовали его примеру.

Сухие смолистые дрова, из которых был сложен костер, быстро запылали. Римляне оставались на месте, не думая сражаться и не желая добровольно подчиниться этому позору.

— А! — воскликнул Спартак. — Вам правится только смотреть на бои гладиаторов, а быть на месте гладиаторов вам не по вкусу! Хорошо, — добавил он, обращаясь к легионам, — пусть выйдут лорарии и силой заставят этих людей сражаться.

По приказу Спартака девятьсот лорариев, вооруженных железными раскаленными копьями, вышли из рядов легионов и, став позади трехсот римлян, принялись колоть их и жечь, подталкивая друг на друга.

Римляне, подгоняемые раскаленным железом, должны были броситься друг на друга и начать жестокую и кровопролитную схватку.

Дикий рев, жестокий смех, бешеные рукоплескания свидетельствовали о радости удовлетворенной мести. Через полтора часа костер превратился в пепел, а триста римских юношей лежали изрубленные и умирающие в луже крови около пепла от костра.

— Ах, как справедлива и как невыразимо сладка месть! — воскликнул Спартак, не пропустивший ни одного движения в этой кровопролитной схватке.

ГЛАВА XXI

Спартак в Луканнии. Сеть, в которую попал сам ловец

Гладнаторы расположились лагерем в земле лукапов. Вместе с новыми пришельцами их пехота выросла до семидесяти двух тысяч бойцов.

Вскоре разведчики донесли Спартаку, что Красс со всем войском движется на него.

Спартак готовился к генеральному сражению. Спустя два дня в полдень показались легионы Красса.

С обеих сторон прозвучали сигналы. Войска сошлись, и вскоре началась страшная схватка. Свыше четырех часов длился бой. К заходу солнца левое крыло восставших, руководимое Арториксом, начало подаваться, так как оно состояло в значительной части из новичков.

Взбешенный, примчался сюда Спартак и громовым голосом закричал:

— Неужели поражения, которые вы до сих пор наносили римлянам, превратили их в отважных львов, а вас в трусливых кроликов?.. Остановитесь, клянусь Марсом Гиперборейским!.. Следуйте за мной и сражайтесь рядом со мной... Покажите себя героями, и мы обратим их в бегство, как делали это уже столько раз.

С этими словами, швырнув свой щит в наступавших врагов и взяв в левую руку меч убитого гладиатора, он бросился на римлян с двумя мечами, как это практиковалось в гладиаторских школах.

Видя это, гладиаторы воспрянули духом и с новым пылом бросились в бой, в то время как Спартак обходил ряды соседнего легиона, возбуждал мужество и исправлял положение.

Тем временем все усилия Красса были направлены против центра гладиаторского войска. Красс лично повел туда свой любимый шестой легион, составленный исключительно из ветеранов Мария и Суллы.

И здесь ряды гладиаторов пришли в расстройство, заколебались и начали отступать.

Спартак с левого крыла увидел печальное зрелище центра. Он бросился к кавалерии, стоявшей в резерве, позади центра, вскочил на коня и приказал всадникам выстроиться и двигаться двенадцатью отрядами; таким образом он образовал вторую боевую линию, через которую в промежутки могли уйти в лагерь приведенные в расстройство легионы, оркестрам которых он приказал трубить отбой.

Но все эти мудрые распоряжения не могли помешать отступлению легионов центра и левого крыла в большом беспорядке и с огромными потерями. Только правое крыло, твердо руководимое Грапиком, отступило, сохраняя строй.

Чтобы задержать натиск победителей, Спартак лично

повел вперед кавалерию и с яростью обрушился на римские когорты, которые в пылу преследования разорвали свои ряды. Они должны были быстро отступить и построиться в круги, каре и треугольники, чтобы не быть изрубленными вконец гладиаторской конницей. Потери римлян в результате этой конной атаки были огромны.

Красс хотел ввести в дело свою кавалерию, но наступившая ночь заставила его отказаться от этого. Обе стороны протрубили отбой, и оба войска отступили на свои стоянки.

В этом бою римляне потеряли пять тысяч, а гладиаторы восемь тысяч человек и, кроме того, тысячу двести, попавших в плен к неприятелю.

Спартак, вернувшись в свой лагерь, тотчас с помощью всех начальников, трибунов и центурионов принялся приводить в порядок свои легионы. Он приказал зажечь, как обычно, костры и задолго до полуночи потихоньку выступил из лагеря. Он решил переброситься на землю бруттов.

Его нагнал гонец Красса, который, раньше отказавшись от обмена ста пленных римлян на Эвтибиду, теперь предлагал обменять их на тысячу двести пленных гладиаторов.

Спартак ответил на это согласием.

В пути разведчики Спартака наткнулись на вооруженный отряд, который сперва приняли за римлян, но то оказались пять тысяч рабов, собранных Каем Канникчием. Он вел их к Спартаку.

Канникчий клялся, что будет теперь настолько же соблюдать дисциплину, насколько раньше он был своеволен.

Спартак по-братски принял самнита и его солдат, которых велел немедленно вооружить, и распределил отдельными группами по двенадцати легионам. Начальником одного из легионов снова был назначен Канникчий.

Через пять дней после этого вернулся посланный для обмена пленных Мамилий с тысячью двумястами вырученных из римского плена. Спартак в присутствии всего войска обратился к ним с краткой, но резкой речью. Он сказал, что не всегда найдутся в лагере сто юношей из римских патрицианских семейств, которые своей жизнью спасли гладиаторов, давших себя взять живыми, что без этой счастливой случайности все они теперь висели бы на деревьях вдоль дороги и их клевали бы вороны и коршуны апеннинских лесов. Поэтому раз неминуема смерть, лучше умереть в бою, чем быть позорно повешенным врагом.

Красс между тем опять занялся формированием новых частей. Он написал письма во все муниципии южных провинций с требованием дать солдат; он напоминал о вреде, причиненном гладиаторами Спартака, и доказывал, как выгодно полное уничтожение этих разбойников.

В результате Красс за пятнадцать дней составил еще четыре легиона, так что армия его почти достигала ста тысяч человек.

Спартак между тем занял приморский город Темезу и начал переговоры с киликийскими пиратами, грабившими берега Тирренского моря. Он просил их перевезти его войско в Сицилию, обещая за эту услугу тридцать талантов, — это была вся казна гладиаторов.

Но пираты, согласившись и даже получив от Граника, который вел эти переговоры, десять талантов в задаток, в ночь накануне посадки гладиаторов, вероятно устрешенные мыслью о мести со стороны римлян, тайком ушли из Темезы, обманув, таким образом, надежду Спартака.

В то время как начальники гладиаторов смотрели из своего лагеря на удалявшиеся паруса пиратских кораблей, разведчики примчались в лагерь с сообщением о приближении Марка Красса.

Гладиаторы бросились к оружию и, выстроившись в

боевую линию, ожидали неприятеля. Прежде чем римские легионы построились для сражения, первая линия войска Спартака, составленная из шести легионов, напала с яростью на римлян.

Во второй линии фракиец расположил четыре легиона, а по краям правого и левого крыла поместил по четыре тысячи кавалеристов.

Два легиона оставались в Темезе, куда Спартак, в случае неудачи, решил укрыться со всем своим войском.

Прежде чем повести войско в бой, Спартак предупредил начальников шести легионов, из которых состояла первая линия, чтобы в случае отступления они дали сигналы бубинами, а трибуны, центурионы и деканы на словах приказали бы солдатам отступать за вторую линию через промежутки последней.

Несколько часов продолжалась схватка без результата, но в час пополудни Граник, командовавший боем, дал приказ к отступлению, чтобы избежать охвата с флангов. Отступление совершилось очень быстро и с самым ничтожным расстройством рядов через промежутки во второй линии. Первая линия прошла в тыл, и римские легионеры очутились перед новой линией свежих войск, обрушившихся на них с сильнейшим натиском и принудивших их отступить в большом беспорядке и с тяжелыми потерями.

Марк Красс был вынужден трубить отбой, двигать другие восемь легионов и начать новое и еще более упорное сражение.

Введя еще два легиона, один — с правого фланга, а другой — с левого фланга, он рассчитывал обойти гладнаторский фронт, но кавалерия Спартака, выступив с той и другой стороны, разрушила замыслы римского полководца.

Тем временем Граник собрал и вновь выстроил в

боевой порядок шесть первых легионов, и, когда Красс приказал двинуться своей кавалерии, Спартак мог отступить в полном порядке за первую линию, которая оказалась снова боеспособной и приняла натиск римских легионов.

Таким образом, сражаясь и отступая двумя линиями, гладиаторы отошли к вечеру под стены Темезы, и Марк Красс не мог извлечь никакой пользы из своего численного превосходства. Приказав войскам покинуть поле битвы и остановившись у подошвы окружавших Темезу холмов, он сказал своему квестору Скрофе:

— Презренный гладиатор, подлый гладиатор, но надо признать, что у этого распроклятого Спартака есть все качества великого полководца.

— Скажи прямо, — ответил с болью в душе Скрофа, — что Спартак доблестный, мужественный, проницательный, — безусловно превосходный полководец.

Сражение, длившееся свыше семи часов, стоило гладиаторам шести тысяч, а римлянам семи тысяч убитых.

И все-таки Красс, ввиду того что Спартак отступил и укрылся в Темезе, объявил себя победителем и написал сенату, что он надеется закончить войну в двадцать — тридцать дней, так как запер гладиаторов и они уже не сумеют спастись.

Между тем Спартак, еще раньше окопавший стены города широкими рвами, принимал все меры к обороне. Но втайне он обдумывал, как бы вырваться из этих тисков.

Он настрого запретил жителям выходить из города, ворота и стены которого постоянно охранялись гладиаторами.

Это распоряжение испугало жителей Темезы, увидевших в нем признаки длительной осады, и городские власти явились к Спартаку с просьбой удалиться из города, за-

явив о своей готовности снабдить его оружием, провиантом и большой суммой денег.

Спартак ответил, что у них есть только один способ избавиться от ужасов осады и голода: собрать все большие и малые рыбацкие барки, лодки и шлюпки и доставить их возможно скорее на берег, где стояли лагерем кавалерия и три легиона, прислать сколько есть в городе мастеров, умеющих строить барки и лодки, доставить одновременно весь имеющийся строительный лес, чтобы соорудить флот для перевозки войска в Сицилию.

Согласие было дано, и вскоре на берегу моря сотни рабочих, совместно с тысячами гладиаторов, дружно принялись за постройку небольших, но многочисленных судов.

Между тем Красс, заняв наиболее важные позиции для преграждения выхода неприятелю, отправил гонцов в ближайшие города с требованием, чтобы они снабдили его немедленно осадными орудиями, так как без таранов, катапульт и балист осада затянулась бы надолго.

Тем временем Эвтибида одиноко бродила по римскому лагерю с сердцем, жаждущим мести, и, наконец, задумала осмотреть окрестности города; ей хотелось разузнать, нет ли какого-нибудь доступа к стенам и нельзя ли попытаться неожиданно проникнуть в город.

Приказав рабыням приготовить мазь каштанового цвета, она натерла ею руки, лицо и шею; она стала совершенно неузнаваемой и очень походила на эфиопку. Одевшись в платье рабыни и собрав свои рыжие косы под широкую темную повязку, которая наполовину закрыла лоб и уши и которую она завязала узлом на затылке, она в один прекрасный день до рассвета вышла из лагеря с кувшином в руке и направилась к холму, на вершине которого подымались стены Темезы и на склоне которого находился источник.

Мнимая эфиопка осторожно пробиралась в темноте и вскоре услышала тихое шуршание и звон оружия и поняла,

что на страже у источника, очевидно, стоял отряд гладиаторов. Тогда, повернув налево, она потихоньку пошла вдоль холма, чтобы ознакомиться с местностью.

Сделав около полумили, Эвтибида заметила среди темной массы деревьев какое-то здание, которое стояло на значительном расстоянии от городских стен. Она всмотрелась и убедилась, что это был небольшой изящный храм дорического стиля, посвященный Геркулесу.

Гречанка подошла к нему и заглянула внутрь. Храм казался пустым, и она, обойдя кругом его, намеревалась уже уйти, как вдруг увидела старика в одежде жреца, стоявшего возле жертвенника, перед которым возвышалась великолепная мраморная статуя Геркулеса с палицей из оливкового дерева, так называемого Геркулеса Оливария.

Гречанка подошла к жрецу, сказала ему на латинском нарочно испорченном языке, что она рабыня одного местного землевладельца и пришла набрать воды из источника.

Жрец вызвался проводить Эвтибиду к источнику и по дороге завел с ней разговор о последствиях этой войны, особенно печальных потому, что пришла в упадок религия. Теперь, говорил он, пренебрежение к богам, насмешки над жрецами и эпикуреизм распространялись среди большинства населения, и за такое печестие оскорбленные боги шалагают тяжкую и заслуженную кару; по мнению доброго жреца, все мятежи, войны, погромы, повергнувшие Италию в горе за последние тридцать — сорок лет, были проявлением небесного гнева.

Особенно жаловался старик на запрещение выхода из Темезы: никто больше не приходит приносить жертвы богу, никто, даже если бы хотел, не мог отдавать положенную десятину и дары, и это сильнее всего огорчало старика. Ведь каждое жертвоприношение Геркулесу оканчивалось пирушкой, а жертвы и дары переходили к жрецам.

Жрец тех времен, как и священник нашего времени, как и служители культа всех эпох, всех религий, всех народов, прислужник лицемерия и предрассудков, судил о религиозном пыле глупых, отупевших и обманутых людей по количеству и качеству приносимых в храм даров.

— Впрочем, — добавил жрец, — набожность еще живет в сердцах женщин. И даже за эти двадцать дней осады два раза сюда приходила для жертвоприношений одна девушка, я думаю — гречанка из войска гладиаторов, благочестивая и набожная девушка и очень привлекательная.

— А!.. — произнесла Эвтибида, стараясь скрыть свое волнение. — Ты сказал, что красивая девушка приходила из вражеского лагеря?

— Да, девушка, которая носит панцырь и на поясе меч и которую оба раза сопровождала негритянка, как ты, немая, бедняжка.

Эвтибида сказала с наружной простотой и добродушием:

— Вот даже у врагов, — мой господин говорит, что это наши враги, — у врагов есть благочестие. Завтра я снова приду сюда до рассвета, так как я боюсь гладиаторов, и если не сумею убедить хозяина прислать дары непобедимому Геркулесу Оливарию, то принесу сюда свою лепту.

Жрец похвалил ее за благочестие, обещая покровительство Геркулеса, а прощаясь, показал тропинку, по которой легче было спускаться и подыматься незаметно.

Радостная, спускалась Эвтибида с холма. Она нашла союзника гораздо лучшего, чем могла надеяться. Продажность и жадность жреца были очевидны; его легко можно было подкупить и, может быть, с его помощью найти какой-нибудь тайный подступ к стенам. Во всяком случае, если никаким другим способом не удастся уничтожить Спартака, она причинит ему смертельное горе — убьет его сестру Мирзу.

Две ночи подряд Эвтибида приходила в храм, принося деньги и дары жрецу. Открывшись, что она не эфиопка, а римлянка из лагеря Красса, она сказала, что Красс щедро вознаградит его, если он укажет место в городской стене, где легче было бы произвести нападение.

Жрец сообщил, что знает тропинку, которая ведет через обрывистые и крутые склоны к одному месту, где городские стены почти разрушены и откуда нетрудно ворваться в город.

Эвтибида обещала ему десять талантов вперед и щедрую награду Красса после выполнения задуманного.

На следующую ночь, сняв с лица бронзовую окраску, она оделась в свой военный костюм, явилась в храм Геркулеса и передала десять талантов жрецу, который, однако, не мог сообщить ей ничего нового.

— А Мирза, сестра гладиатора, когда она придет в храм?

— Я твердо не знаю, — ответил нерешительно жрец, — вероятно, она придет послезавтра, в день праздника Геркулеса. Сестра фракийца сказала мне, что она намерена совершить жертвоприношение с целью испросить покровительства бога оружием восставших рабов и в особенности своего брата.

— Юпитер, ты справедлив! Справедлив и ты, Геркулес! Справедливы всевышние боги Олимпа! — подняв глаза к небу с выражением жестокой радости, воскликнула гречанка. — Я отомщу, и месть моя будет еще ужаснее, чем до сих пор.

И она, сняв с себя золотую цепь, серебряный шлем, украшенный драгоценными камнями меч, подала все это жрецу, который жадным взглядом оценивал стоимость даров.

— Завтра я принесу еще десять талантов непобедимому Геркулесу, если ты поможешь ночью двум моим

рабам схватить сестру гладиатора, унести ее в лагерь римлян.

Эвтибида узнала, что Мирза приходит в храм на рассвете.

Около полуночи, вооружившись, она вышла из лагеря в сопровождении двух рабов, каппадокийцев огромного роста, принадлежавших самому Крассу.

В эту ночь в Темезе окончили снаряжение многочисленной флотилии, и готовилась посадка на суда пятнадцати тысяч гладиаторов — больше флотилия не могла поднять.

В этот вечер солнце зашло за тучи. Ночь наступила темная.

Спартак приказал трем легионам тихо собрать палатки и погрузиться на суда. Назначив Граника командиром флота, он дал ему все необходимые инструкции. И, распустив паруса, гладиаторская флотилия в глубокой тишине вышла из Темезы, держа курс в открытое море.

Ветер с берегов Африки, сирокко, дул так сильно, что, несмотря на все усилия гребцов, гнал их обратно к берегу.

Отчаянно работая веслами, гладиаторы все же продвинулись на несколько миль вперед, но море становилось все более бурным, а ветер свирепел. Наконец, по совету рыбаков из Темезы, которые управляли судами, Граник повернул к берегу и высадил гладиаторов на пустынном месте. Он немедленно послал легкое суденышко с сообщением об этом Спартаку.

Между тем оба каппадокийца, приведенные Эвтибидой, были укрыты в роще.

— Значит, Ерзидан, — говорил шепотом один раб другому, — нужно взять эту молодую амазонку живьем.

— Сделаем, Аскубари, — ответил Ерзидан, — если только сумеем...

— Я тоже говорю, — если сможем.

— Сказать откровенно, если она будет защищаться мечом или кинжалом, я убью ее двумя ударами. Ты слышишь отсюда голоса в сторожевом отряде гладиаторов? Они-то наверно услышат крик, который поднимет эта плакса.

— Клянусь Юпитером, это начинает меня беспокоить. И оба замолчали.

Вдруг сквозь шелест листьев, поднятый ветром, они услышали шум шагов в кустарниках, совсем недалеко от роши, в которой они скрывались.

— Кто там? — спросил приглушенным голосом Аскубари, вынимая из ножен меч.

— Кто там? — повторил Ерзидан, подражая своему товарищу.

— Молчите! — произнес женский голос. — Это я, Эвтибида... Я обхожу окрестности... Не заботьтесь о том, что происходит позади вас, наблюдайте за дорогой.

И гречанка скрылась в кустарниках.

Вскоре снова стал слышен только шум ветра.

Аскубари и Ерзидан молчали довольно долго; наконец, первый тихо произнес:

— Ерзидан.

— Ну?

— Знаешь, дело будет потруднее, чем казалось сначала. А я обдумал, как нам выйти с честью из него и сохранить свои шкуры.

— Как же? Скажи, пожалуйста.

— Когда маленькая амазонка подойдет, ты и я тихонько возьмем наши луки и в двенадцати шагах пустим в нее две хороших стрелы, одну в шею, другую в сердце. Ручаюсь, что она тогда уже не закричит. Что ты скажешь?

— Ловко, Аскубари! Неплохо придумано.

— А той, другой, мы скажем, что она пыталась сопротивляться.

— Превосходно!

— Решено?

— Решено!

И оба, приготовив луки, стали смотреть на дорогу, прислушиваясь к малейшему шуму.

Между тем Эвтибида в беспокойстве и нетерпении ожидала рассвета, когда Мирза должна была явиться к храму. Часы казались ей вечностью. Пять или шесть раз подымалась она на холмы, доходила до конца рощи, чуть не к самому аванпосту гладиаторов. Наконец, сирокко, бушевавший всю ночь, стал затихать.

Тучи, покрывавшие небо, начали слабо окрашиваться в бледно-оранжевый цвет.

Тогда она еще раз вышла на дорогу, ведущую к храму, и осторожно направилась к аванпосту. Но едва сделала двести шагов, как приглушенный голос остановил ее:

— Кто там?

Это был патруль гладиаторов, который вышел до рассвета из аванпоста осмотреть окрестности.

Эвтибида, повернувшись спиной к патрулю, молча, быстро и бесшумно побежала в сторону леса.

Патруль, не получив ответа, двинулся в ту же сторону, куда побежала Эвтибида.

Скоро убегавшая и преследователи приблизились к роще, на опушке которой с натянутыми луками стояли, спрятавшись, оба каппадокийца.

— Слышишь шум шагов? — спросил Аскубари у Ерзидана.

— Слышу.

— Будь готов

— Я готов.

Первые проблески зари рассеивали густой мрак. В пред-

рассветных сумерках оба раба заметили маленького воина, быстро к ним приближавшегося.

— Это она, — сказал чуть слышным голосом Аскубари.

— Да... На ней панцырная туника... шлем... и она такого малого роста... Это — женщина.

— Это она!

И оба прицелились. Со свистом пролетели две стрелы. Одна вонзилась в белую шею, а другая, пробив серебряный панцырь, в грудь Эвтибиды.

Раздался пронзительный крик. Аскубари и Ерзидан услышали шум многих шагов и громкий голос:

— К оружию!

Они стремглав побежали к римскому лагерю, а декан и четыре гладиатора, составлявшие патруль, увидели Эвтибиду, которая лежала на дороге среди лужи крови, вытекавшей главным образом из раны на шее, где стрела задела сонную артерию.

Эвтибида стонала и хрипела и не могла выговорить ни слова.

Между тем совсем рассвело. Гладиаторы, положив Эвтибиду на краю дороги и прислонив ее спиной к стволу дуба, сняли с ее головы шлем.

Увидав распутившиеся по плечам рыжие волосы, они воскликнули:

— Женщина!

И, наклонившись, чтобы разглядеть ее лицо, уже покрытое предсмертной бледностью, они сейчас же ее узнали.

— Эвтибида!..

В эту минуту к дубу подошла манипула гладиаторов.

— Раз она ранена, значит, кто-то должен был ее ранить, — сказал центурион. — Пусть пятьдесят из вас нагонят ее убийц, которые не могли убежать далеко.

Пятьдесят гладиаторов бегом направились к храму Геркулеса.

Остальные, окружив умирающую, стояли с мрачными лицами и в глубоком молчании смотрели на агонию этой несчастной, причинившей им столько бед.

Куртизанка, с посиневшим лицом и полузакрытыми глазами, беспокойно двигала головой, выпускала стоны и судорожно открывала рот, как бы желая что-то сказать.

— Проклятая предательница! — воскликнул суровым голосом центурион. — Что ты тут делала... в этот час? Кто тебя ранил? Я угадываю какой-то новый злодейский замысел, жертвой которого тебя сделал, может быть, случай, а может быть, само предательство, повернувшееся против того, кто его задумал.

Эвтибида испустила стон и руками стала отгонять гладиаторов.

— Нет! — закричал центурион. — Ты своим предательством погубила сорок тысяч наших братьев, и, напоминая тебе о твоих преступлениях, усиливая твои муки, мы умилюстивим их неотомщенные тени.

Голова Эвтибиды опустилась, и только тяжелые прерывистые стоны показывали, что она еще жива.

В это время пятьдесят гладиаторов, посланных вдогонку убийцам, вернулись, ведя за собой Ерзидана. Он упал, раненный в ногу, и был взят в плен. Аскубари удалось убежать.

Каппадокиец рассказал, что ему было известно. Тогда гладиаторы поняли, как все произошло.

— Что такое случилось? — спросил женский голос.

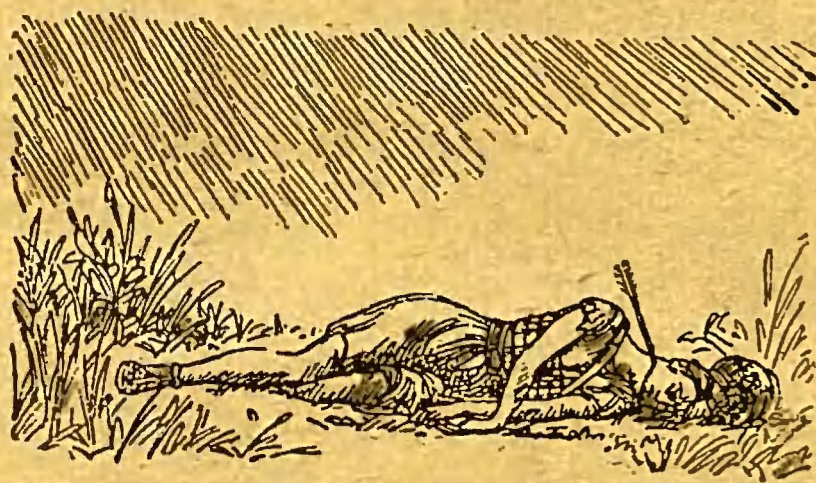
Это была Мирза, вооруженная, как воин, и шедшая к храму Геркулеса.

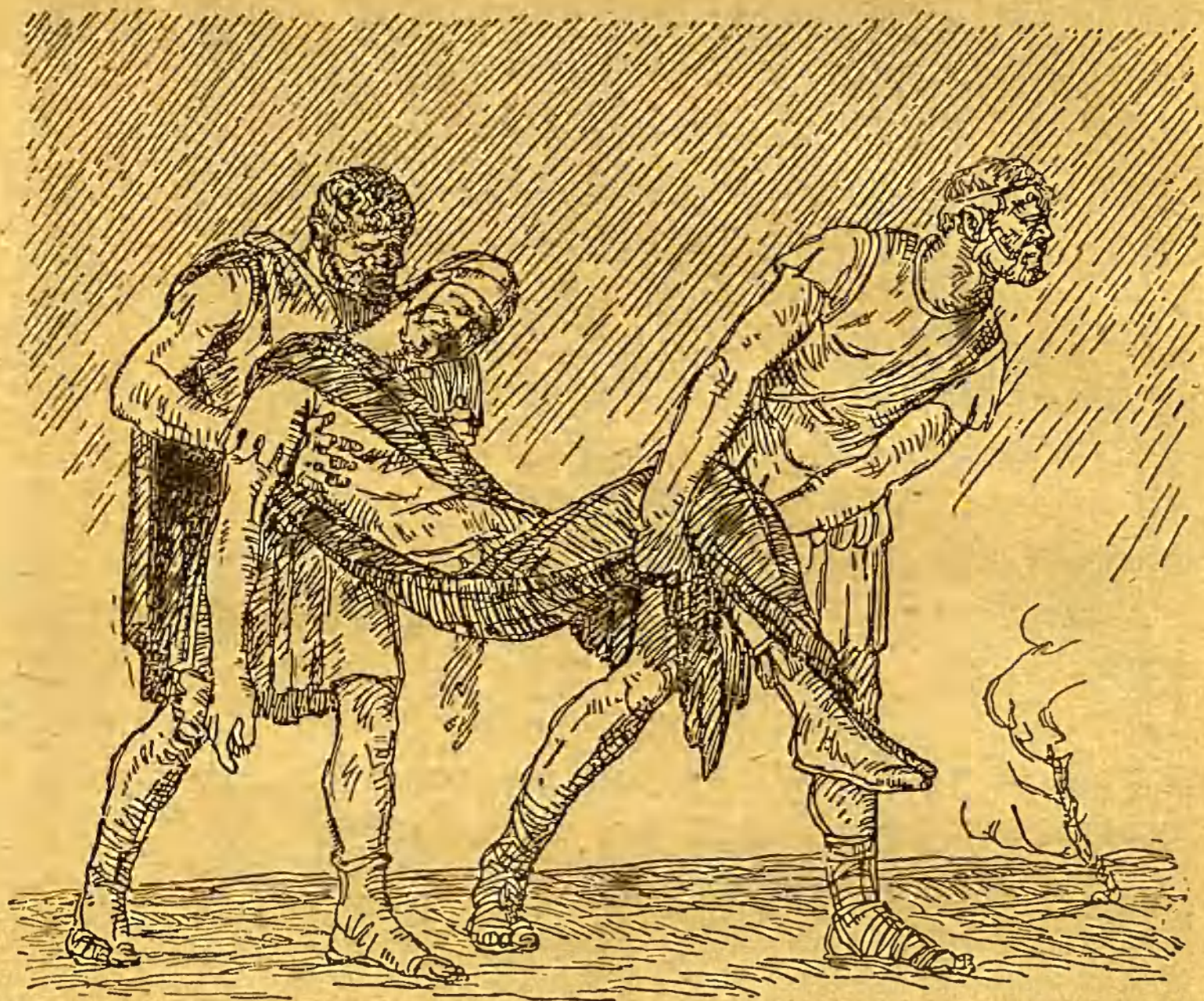
— Стрелы, которые гнусная Эвтибида приготовила для тебя, благодаря вмешательству Геркулеса настигли ее самое, — ответил центурион, уступая Мирзе дорогу.

Услыхав голос Мирзы, Эвтибида подняла голову. В широко раскрытых ее глазах сверкали ненависть и отчаяние.

Скривив губы, она протянула руки к сестре Спартака, будто желая схватить ее, рванулась вперед, испустив последний стон, закрыла глаза и ударилась безжизненной головой о ствол дерева.

— Наконец, в этот раз сеть поймала самого ловца! — воскликнул центурион.

ГЛАВА XXII

Последние сражения. Поражение при Браданусе. Смерть

В то время когда Эвтибида умирала на глазах Мирзы, пришло в порт суденышко с донесением от Граника.

Когда Спартак узнал о неудаче Граника, он долго размышлял, как поступить дальше. Наконец, он сказал Арториксу:

— Ладно. Переправим туда, где находится Граник, морем все войско и там возобновим военные действия.

Он отослал лодку обратно к Гранику с приказом, чтобы следующей ночью флот вернули порожняком в Темезу.

В течение восьми ночей фракиец переправил все войско, а в то же время четыре его легиона делали вылазки, чтобы

отвести глаза римлянам, которые думали, что Спартак и не помышляет уйти из Темезы.

Как только флот, увозивший последней кавалерию и самого Спартака, отплыл на несколько миль от берега, темезишцы поспешили уведомить Красса о случившемся.

Полководец римлян был взбешен. Он разразился проклятиями против горожан, побоявшихся послать к нему гонца, чтобы предупредить о бегстве гладиаторов.

Он наложил большой штраф на жителей Темезы в наказание за трусость и на следующий же день повел войско догонять Спартака.

А Спартак на рассвете этого дня двинулся по направлению к Региуму, призывая по пути рабов к оружию. Здесь, остановившись на узком полуострове, он занял сильные позиции и в течение трех суток заставил гладиаторов работать над устройством рва и ограждений лагеря, так что, когда Красс прибыл, он сразу увидел, что лагерь гладиаторов неприступен.

Тогда Красс затеял то колоссальное, чисто римское сооружение, которое, если бы только о нем не свидетельствовали Плутарх и римские историки, казалось бы совершенно невероятным.

Красс по характеру местности сразу понял, что ему необходимо делать: он принялся строить стену через перешеек, избавляя этим, с одной стороны, от безделья своих солдат, а с другой — отнимая у неприятеля возможность получения продовольствия. Грандиозная и трудная была работа! В короткое время он выкопал ров от одного морского берега до другого длиною в триста стадий, шириной и глубиной в пятнадцать футов. На краю рва он воздвиг стену поразительной прочности и большой высоты.

Пока сто тысяч римлян трудились над этой титанической работой, Спартак организовал и обучил еще два легиона из одиннадцати тысяч сбежавшихся к нему рабов.

В то же время он обдумывал, как уйти из этой ловушки, обманув все надежды Красса и сделав бесполезными все его труды.

— Скажи, Спартак, — спросил его на двенадцатый день Арторикс, — разве ты не видишь, что мы в ловушке?

— Ты думаешь?

— Но когда я смотрю на стену, которую они кончают строить, мне кажется, что мы попались

— И на Везувии бедняга Клодий Глабр думал, что он меня поймал в мышеловку.

— Но через десять дней у нас не будет больше продовольствия.

— У кого?

— У нас.

— Где?

— Здесь.

— А!.. Но кто тебе сказал, мой милый Арторикс, что через десять дней мы еще будем здесь?

Арторикс замолчал, сконфузившись, что вздумал давать советы этому предусмотрительнейшему мастеру войны.

Спартак похлопал его по плечу.

— Ты хорошо сделал, что предупредил меня, Арторикс, но не бойся, мы оставим Красса в дураках с разинутым ртом перед его стеной.

— Однако, надо сознаться, что Красс опытный полководец...

— Самый опытный из всех, которые сражались за эти три года против нас, — ответил Спартак и добавил: — Хотя он нас еще не победил.

— И пока ты жив, не победит.

— Я, Арторикс, ведь только человек.

— Нет, ты — идея, ты — мощь, ты — знамя. В тебе воплощена и живет мысль: восстание угнетенных, счастье обездоленных, свобода рабам. Ты покоряешь самых буй-

ных. Ты всех воспламеняешь верою в себя. Пока ты жив, они будут проходить по тридцать миль в день, выносить всякие лишения, терпеть голод, сражаться, как львы. Если же, к несчастью, ты погибнешь, вместе с тобой погибнет наше знамя, и через двадцать дней война закончится полным нашим уничтожением... Да сохранят тебя боги надолго, чтобы мы достигли окончательной победы.

Спартак, качая печально головой, сказал:

— Нет, Арторикс, мы не сможем ее добиться, потому что из десяти миллионов рабов, которые стонут в цепях в Италии, менее ста тысяч примкнуло к нам, потому что наша идея не проникла в массы угнетенных и не зажгла их сердца, потому что тирания Рима еще недостаточно истощила долготерпение покоренных народов, потому что Рим еще слишком силен, а мы слишком слабы... Вот почему мы не можем победить и не победим. Если и была надежда на победу, то она была вне Италии; здесь же мы должны будем погибнуть. Но наша кровь, пролитая за святое дело, не пропадет даром. Она даст благородный пример нашим внукам.

В этот момент Спартаку сообщили, что три тысячи прашников — далматов и иллирийцев, — убежавших от Красса, подошли к воротам лагеря гладиаторов с просьбой принять их в ряды их братьев.

Спартак подумал немного, отправился к воротам лагеря и сказал перебежчикам:

— Покидать свои знамена — дело, заслуживающее порицания и недостойное настоящего солдата; покровительствовать дезертирам и принимать в свои ряды беглецов из вражеского лагеря — это дело, не подходящее для истинного полководца; этим он дает пагубный пример для своих же солдат, которые должны были бы принять в свою среду людей, изменивших своему знамени.

И он им отказал.

Через семь дней после этого происшествия, вечером, деканы и центурионы сообщили от имени Спартака по палаткам гладиаторов, чтобы все, не дожидаясь трубных сигналов и соблюдая полнейшую тишину, приготовились покинуть лагерь.

А тем временем кавалеристы, по распоряжению верховного вождя, захватив топоры, отправились в соседние леса, чтобы нарубить в огромном количестве стволы и ветвей деревьев, которые они доставили в лагерь ночью на лошадях.

В час первого факела Спартак велел зажечь яркие костры внутри лагеря, затем, воспользовавшись выюгой, которая бушевала уже два дня, выступил, в глубокой темноте, под завывания ветра, к тому месту вырытого Крассом рва, где еще не была воздвигнута стена; здесь он приказал побросать в ров все заготовленные стволы и ветви. А сверху шесть тысяч легионеров уложили на этот лес шесть тысяч мешков с землей.

Заполнив таким образом обширный участок рва, он провел втихомолку свои легионы по этому мосту и безостановочно пошел дальше, не обращая внимания на дождь и снег.

Сам Спартак со своей кавалерией спрятался в лесу близ вражеского лагеря и на следующий день в полдень обрушился на два легиона Красса, которые направлялись за провиантом, в полчаса уничтожил свыше четырех тысяч римлян, а затем умчался к своему войску.

— Клянусь всеми богами ада! — прорычал Марк Красс, узнав о случившемся. — Это не человек! Кто он? Когда я запираю его в железном кольце, он убегает; когда я разбиваю его, он собирает новые войска и нападает на меня еще более сильным; когда я сообщаю в сенат, что война приходит к концу, он разжигает ее еще больше. Это злой призрак. Это вампир, который жаждет крови. Это волк-оборотень, питающийся резней и убийством!

— Нет, это просто великий полководец, — возразил молодой Катон, ординарец Красса.

— Пожалуй, ты прав, смелый юноша. Преследовать его мы можем, но догнать его не в состоянии, так как он передвигается с быстротой борзой собаки или оленя... А если он теперь, имея восемьдесят тысяч солдат, бросится на Рим? Ах, клянусь богами!.. Какая неожиданная опасность! Что делать, чтобы помешать ему? Что делать?

Все начальники высказались за то, что Красс должен обратиться к сенату, не скрывая, что война стала более упорной и грозной, чем раньше, что для быстрой ликвидации ее необходимо послать против гладиатора, кроме армии Красса, также армии Кнея Помпея, победителя в испанской войне, и Луция Лидиния Лукулла, возвращавшегося в Италию из Африки. Только окружив гладиатора тремя армиями в сто тысяч человек каждая, руководимыми знаменитейшими в республике полководцами, можно закончить эту позорную войну.

Хотя Крассу очень неприятно было писать сенату, однако, он отправил в Рим послание, составленное в этом смысле, и, снявшись с лагеря, двинулся со всем войском по следам Спартака.

Между тем в гладиаторском войске начались разногласия. Кай Канникчий, человек упрямого и мятежного характера, поднял бунт, привлек на свою сторону пять легионов, заявляя, что надо разбить Красса, а потом двигаться на Рим. К ним присоединился и Каст. Покинув гладиаторский лагерь, они расположились отдельно в десяти милях от лагеря Спартака.

Спартак послал к ним для переговоров Граника и Арторикса, но мятежники отвечали, что их место очень удобное и что здесь они должны ожидать прихода Красса и завязать с ним сражение.

Опечаленный бессмысленным упорством этих легионов, Спартак, однако, не решился покинуть их на верный разгром и, ожидая их, терял время и все то расстояние, на которое он опередил Красса.

Последний двигался очень быстро. Он догнал на четвертый день Кая Канникчия и Каста и тотчас стремительно атаковал их. Гладнаторы вступили в бой с величайшим мужеством, но без быстрой помощи со стороны Спартака были бы, несомненно, изрублены в куски.

С появлением фракийца сражение стало бурным и ожесточенным, пока сражавшихся не разделила ночь, причем ни та, ни другая сторона не уступили ни пяди пространства.

Но в ту же ночь Спартак, убедив непокорных следовать за собой, ушел из лагеря, преследуемый Крассом, который спустя восемь дней догнал гладиаторов и занял позицию с таким расчетом, чтобы снова запереть Спартака на горе, где последний устроил свой лагерь. Канникчий и Каст снова отделились от фракийца и расположили свои два легиона в шести милях от лагеря Спартака.

Два дня провел Красс, знакомясь с местностью и позициями неприятеля, а затем ночью послал один легион в тыл Канникчия и Каста с приказом напасть на последних лишь тогда, когда Скрофа с тремя легионами атакует их с фронта. Красс думал изрубить эти двенадцать тысяч гладиаторов в течение одного часа, прежде чем Спартак придет к ним на помощь, а затем завязать сражение с самим Спартаком.

Лавий Мамерк, командовавший посланным в засаду легионом, привел своих солдат на указанный холм с такой осторожностью, что Канникчий и Каст ничего не заметили; так как Мамерк предвидел, что блеск оружия на солнце может открыть неприятелю присутствие его солдат, он приказал им покрыть шлемы и латы ветками.

Но случай расстроил планы римлян. У подошвы холма, на котором легион Красса устроил засаду, находился маленький храм Юпитера. Мирза, очень религиозная, не пропуская ни одного случая приносить жертвы богам и помолиться за Спартака, направилась в это время в храм, ведя за собой белого козленка.

Подойдя близко к храму, Мирза увидела по другую сторону холма сидевших на корточках и лежавших в траве римских солдат. Без крика, без лишнего движения она повернула обратно и зашла в лагерь Капникчий и Каста предупредить о засаде; затем побежала уведомить Спартака.

Тогда Кай Капникчий за час до полудня вывел свои легионы из палаток и напал на спрятавшихся в засаде римлян.

Мамерк тотчас послал за помощью к Крассу.

Красс немедленно двинул два легиона. Столько же послал Спартак в подкрепление своим. Так как битва продолжалась много часов, туда подошли все силы как римлян, так и гладиаторов. Началось сражение, более ожесточенное, чем все другие.

Весь день обе стороны бились с необычайной яростью, и только ночной мрак положил конец сражению.

Свыше одиннадцати тысяч было убито римлян, а у гладиаторов двенадцать тысяч триста, в том числе пали Капникчий, Каст и Индутиомар — все трое начальники легионов.

А через четыре часа после сражения Спартак, собрав своих, продолжал путь по крутым тропинкам среди лесов и обрывов к Петелинским горам.

Красс, оставшись хозяином поля битвы, велел сжечь трупы своих и, к величайшему удивлению, как своему, так и всего своего войска, убедился, что из двенадцати тысяч трехсот гладиаторов, павших в этом сражении,

только двое были ранены в спину, все же остальные погибли лицом к врагу, раненные в грудь.

После этого сражения, когда войско Спартака бежало через горы, Красс раскаялся в том, что написал сенату о помощи, и решил покончить с мятежниками до прихода Лукулла и Помпея.

Поставив Скрофу начальником шестидесяти тысяч человек, он приказал ему преследовать Спартака, не давая ему ни отдыха, ни покоя, а сам с остальными двенадцатью тысячами и со всем обозом, двигаясь ночью и днем, направился в Фурии и оттуда в Потенцу, рассылая во все стороны вербовщиков и обещая высокое вознаграждение всем, кто поступит к нему в армию.

Скрофа всячески затруднял отступление Спартака и, часто завязывая схватки с его арьергардом, добивался частичных успехов и захватывал в плен манипулы гладиаторов, которых вешал на деревьях вдоль дороги.

Когда однажды армия Спартака остановилась перед рекой, которая вздулась от дождей и переправа через которую была невозможна, римская кавалерия стремительно напала на хвост колонны гладиаторов.

Спартак пришел в ярость, внезапно повернул фронт, выстроил свои легионы и бросился на неприятеля. Он сказал воинам, что нужно победить или погибнуть. Натиск гладиаторов был так яростен, что за два часа римляне обратились в бегство, и гладиаторы, упорно преследуя их, произвели среди них сильное избиение.

Поражение римлян было очень тяжелое; свыше десяти тысяч из них погибло, а гладиаторов в этой битве пало всего около восьмисот. Римляне в панике бежали до Фурий и спрятались здесь за стенами крепости.

Красс, узнав о поражении, понесенном Скрофой, из Потенцы поспешил в Фурии со своими тридцатью восемью тысячами солдат, ибо до этой цифры вместе с новыми

тремя спешно собранными легионами доходило теперь его войско. Здесь, пригрозив наказанием отступившим легионам Скрофы, он в несколько дней восстановил разбитые легионы и пустился по следам Спартака, который, по уверениям римских разведчиков, расположился лагерем у реки Брадануса, недалеко от Сильвия.

Однажды, дней через десять после боя со Скрофой, к Спартаку прибыли верхом три гладиатора, которые передали ему письмо от Валерии.

Спартак побледнел и приложил руку к груди, чтобы сдержать биение сердца. Он отпустил гонцов, приказав, чтобы о них позаботились.

Затем, развернув папирус, он прочел следующее:

„Непобедимому и доблестному Спартаку

Валерия Мессала.

Славы и здоровья.

Враждебная судьба и враждебные божества не пожелами защищать твое благородное предприятие, которому ты, возлюбленный мой Спартак, отдал все сокровища твоей благороднейшей души. Хотя победа благодаря твоей сверхчеловеческой доблести, проныцательности и прямоте уже три года развеивает твои свободные знамена, но ты не можешь преодолеть враждебный рок и римское всемогущество, так как против тебя вызван из Азии Лукулл и в момент, когда я пишу, Помпей Великий, вернувшись из Испании, выступает со всем своим войском, направляясь в Самниум. Уступи, Спартак, уступи и сохрани свою жизнь для моей пламенной, невыразимой, неугасяемой любви; сохрани себя для нашей милой малышки Постумии, которая останется сиротой без отца, если ты будешь упорно продолжать войну, ставшую теперь безусловно безнадежной.

Женщина, которую любит Спартак, не может, не должна и не будет советовать ему совершить трусливый поступок. Складывая оружие после того, как в течение трех лет ты держал в страхе всю Италию, после того, как ты покрыл свое имя славой и лаврами стольких блестящих побед, ты не

сдаешься из страха перед твоими врагами, ты уступаешь перед роком, перед неведомой тайной, непреодолимой властью. Не было, нет и никогда не будет человеческой силы, которая могла бы состязаться с роком, перед которым разбивались всегда усилия самых могучих людей, каких знала история, — Кира и Пирра, Ксеркса и Аннибала.

Прежде чем на арену войны прибудет Помпей, сдай оружие Крассу. Чтобы не уступить славы победы над тобой своему сопернику, он, наверное, согласится на почетные для тебя условия.

Оставь это предприятие, ставшее теперь неосуществимым, укройся в моей тускуланской вилле, где тебя ожидает любовь, самая чистая, самая нежная, самая пылкая, самая преданная.

О, Спартак, несчастная женщина тебя умоляет, несчастная мать тебя закликает, твоя дочь, слышишь, Спартак, твоя бедная дочь вместе со мной у твоих ног, обнимает твои колени, со слезами умоляет тебя, чтобы ты сохранил для нас свою жизнь, которая дороже нам всех сокровищ мира.

Моя рука дрожит, рыдания меня душат, и горячие слезы текут из глаз на папирус и во многих местах выправляют написанное мною.

О, Спартак, пожалей свою дочь, пожалей меня, слабую, несчастную женщину, которая умрет от отчаянья, от печали, если ты погибнешь.

О, Спартак, пожалей ту, которая тебя так сильно любит, которая тебя боготворит и почитает больше, чем могут быть почитаемы и боготворимы вышние боги, о, Спартак, пожалей меня!..

В а л е р и я".

Спартак плакал, и слезы падали на следы слез, которые проливала Валерия.

Кончив читать, он поцеловал папирус и, сложив его, спрятал у себя на груди. Затем надел панцырь и шлем, опоясался мечом и, взяв щит, позвал ординарца и приказал привести копя и приготовить отряд всадников.

Четверть часа спустя, переговорив предварительно с

Граником, он выехал галопом из лагеря во главе своих кавалеристов.

На другой день ранним утром Марк Красс получил дощечку, переданную ему послом от Спартака. Красс прочел на ней следующее:

*„Марку Лицинию Крассу, императору,
Спартак.
Привет.“*

Мне необходимо переговорить с тобой. В десяти милях от твоего лагеря и в десяти от моего есть маленькая вилла, собственность патриция Тита Оссилия из Вепузы. Я нахожусь на этой вилле с тремястами моих всадников. Желает ли ты прибыть туда же с таким же количеством твоих людей? Я пришел с честными намерениями и во всем доверяюсь твоей чести.

С п а р т а к“.

Красс тотчас приказал всаднику вернуться к Спартаку и передать ему, что через четыре часа он будет в назначенном месте и как Спартак вверяет себя его чести, так и он полагается на честь Спартака.

Через три с половиной часа, за два часа до полудня, Красс прибыл на виллу Тита Оссилия во главе отряда кавалерии.

Его встретили со всеми знаками почтения и провели во дворец виллы, где в маленькой картинной галлерее его ждал Спартак. Сделав своим знак удалиться, Спартак поднес к губам правую руку:

— Привет тебе, славный Марк Красс.

И отступил в глубь комнаты, чтобы дать войти вождю римлян, который вежливо ответил:

— И тебе также, доблестный Спартак, привет.

Оба полководца остановились один против другого, наблюдая друг друга в молчании.

Спартак рассматривал резкие и строгие линии костистого, смуглого, чисто римского лица Красса, короткую шею, широкие плечи и кривые ноги, возле колен слегка выгнутые наружу. Красс любовался величием, гибкостью и совершенной красотой геркулесовых форм Спартака, его высоким лбом, блеском глаз и прекрасным лицом, во всех чертах которого сквозила благородная честность.

И римский полководец, как ни досадовал на самого себя, не мог избавиться от чувства восхищения перед вождем гладиаторов. Первый прервал молчание Спартак:

— Скажи, Красс, не кажется ли тебе, что эта война затянулась слишком долго?

Римлянин минуту поколебался, потом сказал:

— Да, слишком долго.

— Тебе не кажется, что мы могли бы положить ей конец? — спросил снова гладиатор.

— Но каким образом?

— Заключив мир.

— Мир?! — воскликнул в изумлении Красс.

— А почему нет?

— Но... Потому что... Каким образом можно было бы заключить этот мир?

— Клянусь Геркулесом!.. Как заключается всегда мир между двумя воюющими сторонами.

— Ах! — воскликнул Красс с иронической улыбкой. — Как заключают мир с Аннибалом, с Антиохом, с Митридатом?..

— А почему нет? — повторил с тонкой иронией Спартак.

— Потому что, — отвечал с досадой и в то же время со смущением вождь римлян, — разве вы воюющий народ?

— Мы — союз многих народов, воюющих против римской тирании.

— Клянусь Марсом мстителем! — воскликнул иронически Красс. — А я-то думал, что вы наглая толпа презренных рабов, взбунтовавшихся против своего законного господина.

— Да, но с одной только поправкой: мы — не презренные, мы — рабы вашего несправедливого и незаконного самоуправства, если хочешь, но не презренные, нет. Относительно законности вашего права над нами лучше мы не будем говорить.

— Словом, ты хотел бы заключить мир с Римом, как если бы ты был Аннибал или Митридат? Какие провинции ты хочешь? Сколько требуешь за военные издержки?

Искра негодования блеснула в глазах Спартака, но он сдержал гнев. Приложив левую руку к губам, как бы заткнув себе рот, он, проведя правой несколько раз по лбу, ответил:

— Я пришел не спорить с тобой, не оскорблять тебя и не выслушивать твоих оскорблений.

— А не кажется ли тебе, что твое предложение заключить мир с восставшими рабами является оскорблением величия римского народа? Только человек, не рожденный на Тибре, не поймет всего оскорбления, которое заключается в подобном предложении... Ты, к твоему несчастью, рожден не римлянином, — а ты этого заслуживал бы, Спартак, клянусь тебе! — и не можешь оценить в достаточной степени всей тяжести обиды, которую ты мне нанес.

— А тебе твоя чрезмерная гордость латинской расы не позволяет понять оскорбление, которое ты наносишь если не мне, то моим товарищам по оружию, по природе и вышним богам, когда ты рассматриваешь все народы на земле как презренные расы, более подобные животным, чем людям.

И молчание снова воцарилось в комнате.

— Ты уже выбился из сил и неспособен к дальнейшему сопротивлению, поэтому просишь мира. Хорошо, какие твои условия?

— У меня шестьдесят тысяч людей, и ты знаешь, и Рим знает, что они сильны и мужественны... В Италии миллионы и миллионы рабов стонут в ваших цепях и постоянно будут пополнять мои легионы. Война продолжается уже три года и будет продолжаться еще десять и сможет стать пламенем, которое сожжет Рим. Я устал, но не выбился из сил.

— Ты забываешь, что против тебя идут Помпей и Лукулл.

— Лукулл также! — воскликнул Спартак, побледнев при этих словах. — Боги! Какую честь оказывает Рим гладиаторам. И вы, вынужденные послать против них все силы государства, гнушаетесь говорить с ними о мире? — И, помолчав, прибавил: — Если я забыл Лукулла, ты забыл, что, когда Красс, Помпей и Лукулл с тремястами тысяч людей победят меня, слава — если есть слава в победе над гладиатором — будет разделена между Лукуллом, Помпеем и Крассом.

Римлянин закусил губы, потому что фракиец затронул его больное место, и, пересилив самого себя, спросил:

— Послушаем условия, которые ты предлагаешь?

— Войско наше будет распущено. Римский сенат обещает торжественно сохранить жизнь всем моим товарищам по оружию. Все те, которые были раньше гладиаторами, и те, которые не были ими, поступят гладиаторами в школы и цирки Италии. Я и те немногие среди моих товарищей, которые прежде были свободными, и все начальники, кончая центурионами, будут считаться рудияриями.

— Лучше разделить честь победы с Лукуллом и Помпеем, чем принять такие условия.

— Но если ты соглашаешься на какой-либо мир, каковы будут твои условия?

— Ты и сто твоих, по твоему выбору, уйдете свободными. Остальные сдаются безусловно. Сенат решит их судьбу.

— А те... — начал Спартак, но Красс перебил его:

— Или же, если ты устал, то уйди от них: получишь свободу, гражданство, чин квестора в наших войсках. Они без твоего мудрого руководства придут в расстройство и в восемь дней будут совершенно разгромлены.

Пламенем вспыхнуло лицо Спартака, и он ответил голосом, дрожащим от гнева:

— Бегство? Измена? Этим условиям я предпочитаю умереть со всеми моими на поле битвы. — И, направляясь к выходу, сказал: — Будь здоров, Марк Красс.

Но, дойдя до порога, остановился и, обернувшись к римскому вождю, спросил:

— Я увижу тебя в первой схватке?

— Увидишь.

— Сразишься со мной?

— Сражусь с тобой.

— Прощай, Красс.

— Прощай.

И Спартак вышел во двор виллы и галопом помчался к своему лагерю.

Через несколько дней на заре к нему привели римского декурiona, взятого разведкой в плен. Это был гонец от Лукулла; он должен был известить Красса, что войска Лукулла высадились в Брундизиуме и готовы выступить против гладиаторов.

Для Спартака исчезла всякая надежда на спасение. Единственным выходом был отчаянный бой и едва ли возможная победа над Крассом. Он повел войско на-

встречу Крассу и вечером расположился лагерем на левом берегу Брадануса. Римляне стояли на правом.

В течение ночи Красс переправился со своим войском на левый берег реки и расположил свой лагерь всего в двух милях от лагеря гладиаторов.

Занималась заря, и четыре римских когорты были заняты рытьем рва вокруг своего лагеря. Гладиаторы, собиравшие в лесу дрова, увидели их, бросили свою работу и смело их атаковали. Завязалась схватка, в которую с обеих сторон вступали все новые и новые отряды.

Спартак в этот момент свертывал папирус, на котором он написал письмо Валерии; он вручил его одному из трех гладиаторов, присланных ею, и сказал:

— Тебе вверяю, вам троим вверяю это письмо для вашей госпожи, которую вы так любите...

— Мы любим также и тебя, — сказал, прерывая его, гладиатор, получивший письмо.

— Благодарю вас за это, добрые братья, — ответил Спартак и продолжал свою речь: — Уединенными дорожками, глухими тропинками, со всей осторожностью идите днем и ночью и доставьте ей письмо, и если, к несчастью, с одним из вас что-нибудь случится, письмо возьмет другой; сделайте все, чтобы письмо к ней попало. А теперь идите, и пусть боги вам сопутствуют.

И он направился к легионам, которые в это время уже построились в боевом порядке. Обходя фронт, он говорил солдатам:

— Братья, это сражение решит всю войну. В тылу у нас Лукулл, уже высадившийся в Брундизиуме, с правого фланга нам угрожает Помпей, который находится на пути в Самниум, перед нами Красс. Сегодня нужно или победить, или умереть. Необходимо уничтожить войско Красса для того, чтобы потом броситься на Помпея, или же, если мы будем побеждены, умереть всем, как подобает

людям храбрым и одержавшим столько побед над римлянами. Наше дело свято и справедливо и не умрет с нами. Путь к победе ведет по крови: только благодаря самоотвержению и жертвам торжествуют великие идеи. Мужественная и почетная смерть лучше постыдной и гнусной жизни. Погибнув, мы оставим нашим потомкам окрашенное нашей кровью наследство мести и победы, знамя свободы и равенства. Братья! Не отступайте ни на шаг! Победа или смерть!

Так он сказал. В этот момент подвели его нумидийского коня, черного, как эбеновое дерево, на котором он ездил больше года и которого очень любил. Спартак обнажил меч и вонзил коню в грудь, воскликнув:

— Сегодня мне не нужно коня! Как победитель я буду иметь выбор среди коней моих врагов, а побежденному мне никогда уже не понадобится лошадь.

Тут гладиаторы поняли, что этот бой будет последним, и, громко приветствуя вождя, требовали, чтобы он скомандовал атаку.

Тогда, по знаку Спартака, трубы и букцины громко протрубили сигнал.

Как поток, вздувшийся от дождя и снега, бешено низвергается с гор, выступает из берегов и затопляет окрестности, все опрокидывая и разрушая в своем водовороте, так на римлян обрушились гладиаторы.

Легионы Красса заколебались и стали отступать перед этой непреодолимой бурей ударов.

Спартак, заметив колебание неприятеля, приказал протрубить сигнал, уже раньше условленный с Мамиллем, и Мамиллий, который находился позади пехоты со своими восемью тысячами всадников, пустил их в галоп к левому крылу гладиаторов, объехал его больше чем на две стадины вперед, затем развернул свои части и, повернув их направо, во весь опор помчался на фланг римлян.

Однако, Красс, который следил за линией боя и ободрял колеблющиеся легионы, дал приказание Квинту двинуться навстречу вражеской коннице; с изумительной быстротой развернулись десять из пятнадцати тысяч римских кавалеристов, и, когда Мамиллий, достигнув правого фланга Красса, предполагал захватить их врасплох, он увидел вместо этого превосходнейшие силы конницы врага, с которой должен был завязать жесточайшую битву.

В то же время Муммий с четырьмя легионами бросился в обход правого фланга гладиаторов. Граник тотчас же вывел два последних легиона из резерва и напал на Муммия, прикрывая фланг.

Но численный перевес оказался все же решающим в этой отчаянной борьбе пятидесяти семи тысяч против девяноста.

Красс вводил в дело все новые и новые части; оба фланга гладиаторов были обойдены.

Напрасна была вся стойкость гладиаторов, все искусство Спартака. Уже не надежда на спасение, уже не расчет на победу воодушевляли теперь восставших, но жажда продать дорого жизнь, желание мести, решимость отчаявшихся людей.

Граник, увидев, что его легионы разбиты, бросился в самую гущу схватки и, убив своим мечом трибуна, двух деканов и восемь или десять солдат, весь израненный, истекающий кровью, был пронзен двадцатью мечами и умер так же доблестно, как и жил.

Македонянин Эростен, начальник десятого легиона, покрытый ранами, пал рядом с Граником.

Пораженный десятью стрелами, пал доблестный начальник гладиаторской конницы Мамиллий.

Сумерки уже сгущались над полем сражения, а римляне вынуждены были все еще драться. Гладиаторы бились уже не как храбрейшие люди, а как дикие звери.

Взошла луна, чтобы осветить своими бледными лучами эту ужасную сцену резни.

Свыше тридцати тысяч гладиаторов пали мертвыми, и вместе с ними на обширной равнине лежали восемнадцать тысяч римлян. Битва была уже закончена, и пятнадцать или шестнадцать тысяч гладиаторов кучками и целыми манипулами, сумевшие выйти из боя, усталые и обессиленные, направлялись, рассыпавшись в беспорядке, к ближайшим холмам.

Только в одном месте продолжался бой. Там тысяча гладиаторов, окружив Спартака, сражалась с неослабевающей силой.

Еще раньше Спартак приказал увести подальше от сражения Мирзу. Ее увлекли, всю в слезах, чуть не силой. Спартак не хотел быть ни свидетелем смерти сестры, ни чтобы она была свидетельницей его гибели.

— Красс, где ты?.. — кричал Спартак время от времени. — Ты обещал встретиться со мной лицом к лицу. Красс, где ты?

Прошел еще час. Спартак, щит которого был изрешечен дротиками, видел, как падают его два товарища, последние, которые оставались еще на ногах недалеко от него, — Вибсальда и Арторикс; Арторикс, весь израненный, все-таки продолжал сражаться; но, пронзенный стрелой в грудь, упал, наконец, на землю, крикнув с нежностью своему другу:

— Спартак!.. В Элизии... увижу тебя среди...

Один против семисот или восьмисот врагов, сомкнувшихся вокруг него, весь покрытый ранами, среди нагроможденных трупов, вращая с молниеносной быстротой свой страшный меч, Спартак поражал, ранил, валял всех, кто пытался нападать на него. Наконец, дротик, брошенный на расстоянии двенадцати шагов, тяжело поразил его в левое бедро; он упал на колени и, подставляя врагам

щит, мечом не уставал наносить сокрушительные удары, рыча, как лев, подобный Гераклу, окруженному центаврами. Пронзенный, наконец, несколькими дротиками, пушенными ему в спину, он упал навзничь и прошептал одно только слово: „Валерия!“

Римляне, которые видели Спартака с начала битвы и до последнего мгновения, в безмолвном удивлении стояли вокруг него.

Так кончил свою жизнь этот необыкновенный человек, в котором величие чувств, высокий ум, неукротимое мужество, необыкновенные способности, глубокая мудрость — все необходимые качества соединились для того, чтобы он стал одним из наиболее знаменитых полководцев, каких знает история.

Два часа спустя римляне ушли в свои палатки, и мрачное молчание поля битвы прерывалось только стонами раненых и умирающих.

Какая-то тень блуждала по этой равнине, с трудом пробираясь среди тел. Шлем и кольчуга на ней блестели при свете луны; это воин, должно быть, но он странно мал ростом и строен, как женщина... Вот он достиг места, где трупы лежали грудой. Здесь упал Спартак.

Здесь воин остановился. Нагнувшись над телами, он рассматривал их одно за другим. Наконец, он нашел тело Спартака. Он встал перед ним на колени, приподнял его белокурую голову и прислонил к щиту.

Маленький воин, громко рыдая, стал целовать лицо Спартака с трогательной нежностью.

— О, Спартак! Брат мой! Каким я нашла тебя! Что сделали они из твоего прекрасного тела! Никогда не увижу я ясных очей твоих, никогда, любимый брат мой, не увижу твоей нежной улыбки, не услышу больше никогда твоего звучного голоса. О, брат мой!.. Ты не слышишь, не видишь больше... не чувствуешь!

И с безумными рыданиями обняла Мирза холодный труп Спартака.

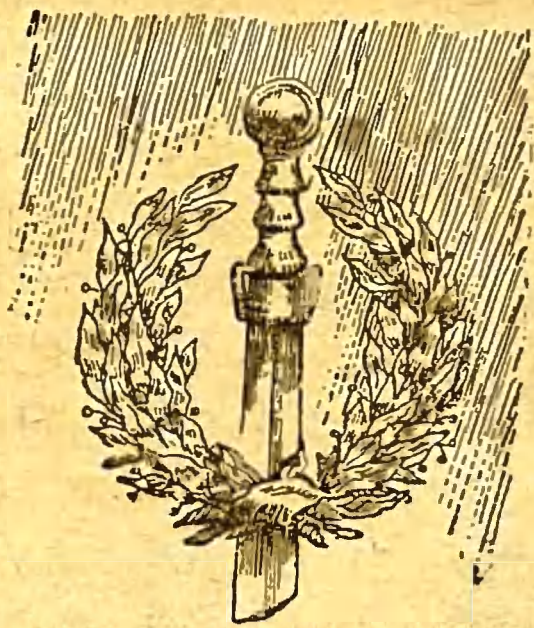
— Что делать мне, несчастнейшей в этом мире, без тебя, без друзей твоих, без братьев твоих по оружию?! Все вы лежите здесь на этом поле, души ваши в Элизии, а дело ваше погибло здесь на земле... Подожди же меня... я хочу соединиться с вами!

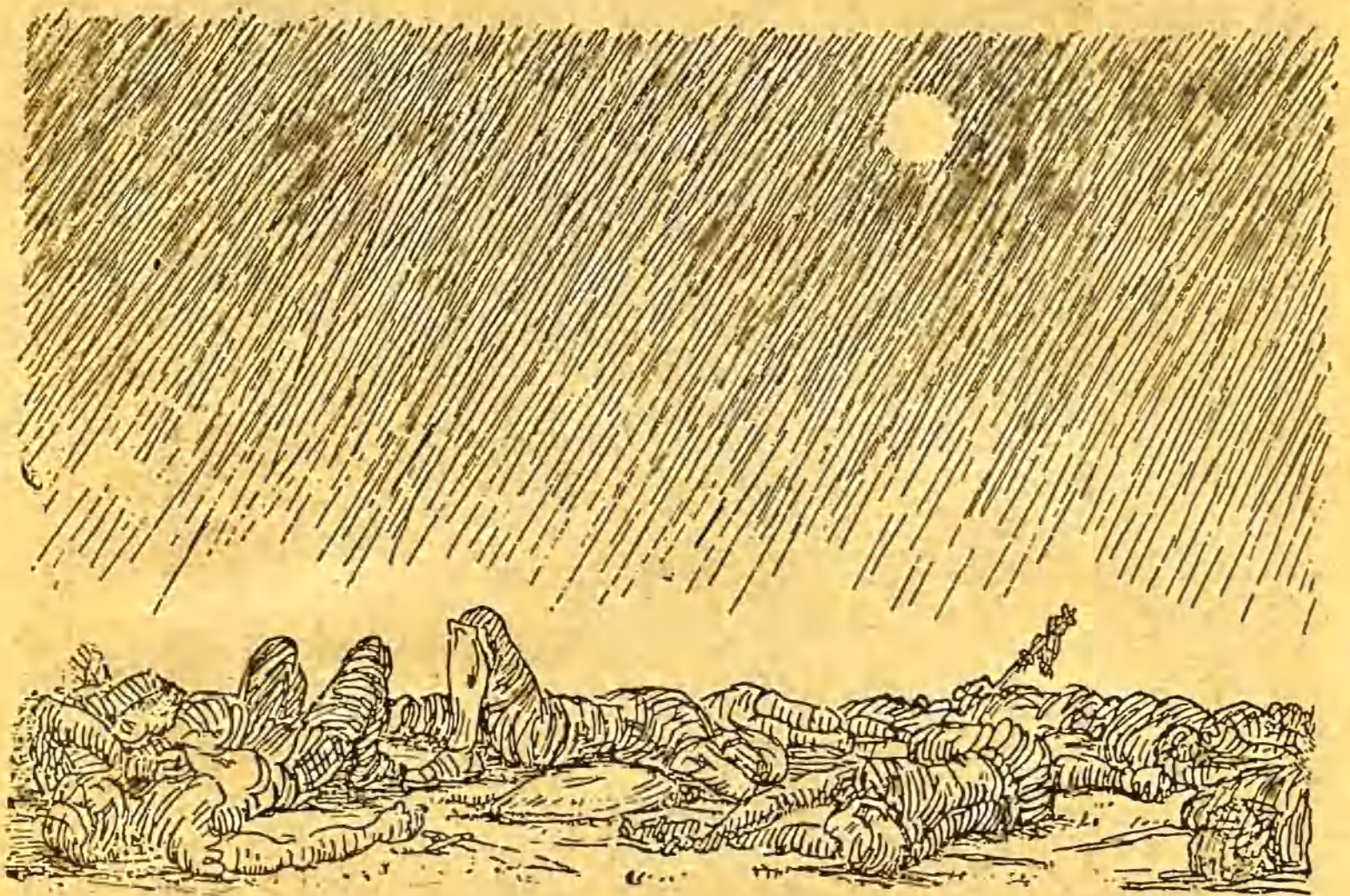
И, выхватив кинжал, она твердой рукой вонзила его себе в шею.

В ту же ночь два гладиатора пришли к месту, где упал Спартак. Они подняли его труп, завернули в большое темное шерстяное одеяло и понесли. В двух милях, у дороги, их ждала деревенская телега, запряженная двумя быками, под присмотром старого крестьянина.

Положив на все тело Спартака, они прикрыли его мешками с зерном. Телега двинулась — и за нею следом оба солдата.

Эти два солдата были близнецы — сыновья Либедия, старого домоуправителя тускуланской виллы Валерии. Они везли останки их погибшего вождя в виллу любимой им женщины, чтобы спасти его тело от позора, которому его, наверное, подвергла бы наглая дерзость победителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После битвы при Браданусе война с гладиаторами была скоро окончена. Те несколько тысяч, которые уцелели от этой резни, рассеянные в горах, без начальников, без связи между собой, преследуемые с одной стороны Крассом, с другой Помпеем, в несколько дней были уничтожены. Только шесть тысяч попали живыми и были распяты на Аппиевой дороге от Капуи до Рима.

Так окончилась эта война, которая длилась почти четыре года и в которой гладиаторы показали себя людьми, достойными свободы и способными к великим делам.

Двадцать два дня спустя после битвы при Браданусе, в то время как Красс и Помпей, обуреваемые обоюдной завистью и ненавистью, приближались со своими армиями к Риму, наперерыв друг перед другом оба приписывая себе честь погашения этого пожара и оба требуя в награду консульства, в конклаве своей тускуланской виллы сидела прекрасная Валерия, одетая в серую траурную одежду.

Дочь Мессалы была бледна, и на ее лице лежала печать глубокого горя. На мраморном столике перед ней стояла по-

золоченная урна. В руке Валерия сжимала папирус. Черные глаза были устремлены на урну. Ее можно было сравнить с Ниобеей, она, казалось, говорила: „Смотрите, есть ли страдание, равное моему?“

Возле этого же столика, одетая в траур, стояла на скамеечке белокурая маленькая Постумия.

Девочка водила своими ручками по украшениям погребальной урны и смотрела умными глазами на мать, точно сердясь за ее долгое молчание.

Валерия вдруг очнулась и снова принялась читать письмо:

„Божественной Валерии Мессале от Спартака.

Привет и счастье.

Ради твоей любви, божественная Валерия, я встретился с Марком Крассом и сказал ему, что сложу оружие. На это я согласился ради тебя и нашей любимой Постумии, но претор Сицилии предложил мне жизнь и свободу ценой предательства. Я предпочел быть неблагодарным по отношению к тебе, быть бесчеловечным к моей дочери, чем предать моих братьев и покрыть мое имя вечным позором.

Когда ты получишь это письмо, вероятно, меня уже не будет: мы накануне большой и решительной битвы, где я сложу свою жизнь.

Так хочет злополучная судьба.

Перед смертью я чувствую необходимость, о моя обожаемая Валерия, просить у тебя прощения за все страдания, которые я причинил тебе.

Будь мужественной и живи; живи ради любви ко мне, живи ради нашей невинной девочки — вот просьба умирающего.

Слезы сжимают мне горло, я задыхаюсь, и меня утешает лишь одна мысль, что я смогу обнять твой бессмертный дух в лучшем мире. К тебе с последним поцелуем летит последняя мысль, последнее биение сердца твоего Спартака“.

Валерия поднесла письмо к губам и зарыдала.

— О, мама, почему ты так плачешь? — печально спросила девочка.

— Бедное создание! — воскликнула Валерия, лаская белокурую головку Постумии.

— С тобой ничего не случилось, а ты плачешь! — ска-

зала Постумия с упреком. — Когда я плачу, ты говоришь, что я гадкая. Сейчас ты гадкая, мама!

— Не говори так. О, если бы ты знала, божество мое, как больно мне от твоих слов!

— Ты, когда плачешь, тоже делаешь мне больно.

— О, как ты мила и вместе жестока, единственная теперь любовь моя.

И, поцеловав снова письмо и пряча его на груди, она протянула руки к Постумии, посадила ее к себе на колени, стараясь удержать слезы.

— Ты права, бедная малютка: я была гадкой... но отныне я буду хорошей и буду думать лишь о тебе.

Вдруг Постумия спросила у матери:

— Скажи мне, мама, что там внутри?

Сдерживая рыдания, Валерия сказала:

— В этой урне, бедняжка, лежит прах твоего отца.

И она снова разрыдалась рыданиями.

ОБЪЯСНЕНИЕ ДРЕВНЕРИМСКИХ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Абола — мужское верхнее платье.

Авгуры — особые жрецы и гадатели, которые, как верили римляне, по полету и крику птиц, по падению молнии, по внутренностям жертвенных животных умели угадывать волю богов и предсказывали счастливый или несчастный исход того или другого предприятия. Римские правители обращались к авгурам во всех важных случаях: перед выступлением войска в поход, перед созывом народного собрания и пр. При неблагоприятном предсказании никакого дела не начинали.

Аграф — застежка, пряжка, крючок.

Аква Секстийская — при акве Секстийской в Галлии римский полководец Марий разбил в 112 г. до нашей эры полчища тевтонов.

Акведук — водопровод.

Акрополь — возвышенная укрепленная часть древнегреческого города, где жители спасались и защищались от неприятеля (то же, что кремль в древнерусских городах).

Александрийский язык (распространенный в Александрии) — греческий язык с примесью еврейского и египетского. Александрия (город в Египте, основанный в 331 г. до нашей эры Александром Македонским) была в течение нескольких столетий (с III в. до нашей эры) центром просвещения. Там была величайшая в мире библиотека. Туда съезжались для расширения своего образования выдающиеся ученые, философы и писатели того времени.

Амфора — высокий глиняный сосуд с длинным узким горлышком и двумя ручками; употреблялся у римлян для воды и для вина.

Ангустиклава — туника с узкой пурпурной каймой.

Антей — по греческим сказаниям — великан, сын богини Земли. Пока он касался земли, никто не мог его победить, потому что он черпал силы у своей матери Земли. Геракл после долгой борьбы победил его, подняв на воздух.

Антиох Великий — могущественный сирийский царь (в начале II в. до нашей эры), который хотел распространить свои завоевания на Европу, но был побежден римлянами.

Аполлон Дельфийский — Аполлон у греков и римлян бог солнца и света, покровитель поэзии, музыки и поэзии. По греческим сказаниям, Аполлон основал в Дельфах (у горы Парнаса) святилище, в котором через оракула открывал людям волю богов.

Аппиева дорога — знаменитая военная дорога от Рима до Капуи, построенная в 312 г. до нашей эры римским цензором Аппием Клавдием. Недаром эта дорога получила название „царицы“ всех дорог, — она была выложена камешными плитами и так прочно построена, что местами сохранилась и до нашего времени.

Арелата — город в Галлии (нынешний Арль).

Асс — мелкая римская монета стоимостью около $2\frac{1}{2}$ копеек золотом.

Атриум — четырехугольный дворик в середине дома, мощенный деревом или камнем, иногда мрамором. Атриум окружали колоннами, в него выходили все комнаты дома. В атриуме находился очаг и священные изображения предков. Посреди атриума часто устраивали небольшой бассейн (имплувия), куда через отверстие в крыше стекала дождевая вода.

Аттический — свойственный жителям Аттики; Аттика (область в древней Греции с главным городом Афины) была известна высоким развитием науки, философии и искусства. Отсюда проявление тонкости ума, развития, остроумия называют аттическим. Аттический язык, как более изысканный и богатый, стал языком образованных классов в Греции.

Аурея — римская золотая монета стоимостью около $8\frac{1}{2}$ рублей.

Ахерон — по греческим верованиям — одна из рек в подземном царстве, через которую перевозчик Харон перевозил души умерших.

Ахилл, или *Ахиллес* — герой Троянской войны, описанной Гомером в Илиаде. Храбрейший из вождей греческого войска. Мать Ахилла, богиня Фетида, чтобы сделать его неуязвимым, искупала его в водах реки подземного мира — Стикса, и только пятка, за которую она его держала, осталась непогруженной в священные воды. Во время битвы при осаде Трои троянский царевич Парис попал своей стрелой как раз в эту незащищенную пятку и убил его. Отсюда выражение „Ахиллесова пятка“, то есть слабое, незащищенное место у человека.

Аякс — греческий герой в Троянской войне. Окончил жизнь самоубийством.

Базилика — большое удлиненное здание, разделенное на несколько частей продольными рядами колонн. В римских городах базилики служили местом для биржи, суда, крытого рынка и пр.

Байи — город в древней Италии, близ Неаполя; славился своими горячими серными источниками. Сюда выезжали на морские купанья знатные римляне.

Балиста — осадная машина у древних народов, служившая для метания камней, стрел, копий.

Балюстрада — перила со столбиками или колонками, ограживающие террасы, галлерей, лестницы, балконы.

Бахус — см. Вакх.

Бруствер — заграждение (вал, стена, насыпь), которое служит защитой от неприятеля и вместе с тем даст возможность защищающемуся стрелять.

Буццины — римский духовой инструмент, вроде современного тромбона.

Ваал — главный бог народов, населявших Ассирию-Вавилонию, Финикию, Карфаген.

Валькирии — по сказаниям древних германцев — прекрасные девы с лебедиными крыльями, носящиеся в золотом вооружении по воздуху; они распоряжаются битвами, посылают по воле бога Одина смерть тому или другому из воинов.

Вакх (Бахус) — бог вина и веселья у римлян.

Вампир — по народному поверью, выходящий из могилы мертвец, который сосет кровь у спящих людей.

Велиты — легковооруженные пехотинцы в римском войске; у них были луки со стрелами и дротики.

Весталки — шесть жриц богини домашнего очага Весты. На форуме (главная площадь в Риме) стоял храм богини Весты. В храме горел неугасимый огонь. Весталки должны были под-

держивать этот огонь. Весталки выбирались из знатных семей еще с детского возраста и все время своего служения богине, в течение тридцати лет, не могли выходить замуж. Нарушившую этот обет казнили жестокой казнью: ее погребали заживо в подземелье. Весталки пользовались большим почетом. Они, наравне с членами правительства, имели право ездить по городу в колесницах, перед ними выступала почетная стража — ликторы. Они могли помиловать встреченного по дороге преступника.

Ветеран (от латинского слова *vetus* — старик) — так назывались воины, отслужившие свой срок.

Волк Фенрис — по германским сказаниям, злое чудовище, которое обитает в царстве мертвых.

Вотан, или *Один* — верховный бог древних германцев; соответствует римскому Юпитеру.

Всадники — вначале так называлось конное войско, набравшееся из богатых людей, потому что снаряжение стоило дорого. К концу республики сословие всадников утратило военное значение. В него входили капиталисты, землевладельцы, фабриканты, ростовщики, работоторговцы, откупщики.

Вулкан — римский бог огня и кузнечного мастерства; изображался с молотком и клещами.

Галлия Цизальпийская (то есть по эту сторону Альп) — так называлась часть Галлии, находившаяся в Северной Италии. Другая часть Галлии, отделенная Альпами, нынешняя Франция, называлась Трансальпийской (то есть по ту сторону Альп).

Галлы — народ, который населял Галлию (нынешнюю Францию и Северную Италию).

Ганнибал (Аннибал) — гениальный карфагенский полководец (область Карфагена занимала нынешний Тунис и Алжир). Жил от 247 до 183 г. до нашей эры. Прославился своим походом против римлян. Он перешел через Альпы и одержал ряд блестящих побед над римскими войсками, но, не получив поддержки из Карфагена, Ганнибал должен был вернуться в Африку, где потерпел поражение от римского полководца Сципиона Африканского. Когда римляне потребовали выдачи Ганнибала, он бежал в Азию и там отравился.

Гез, или *Гезус* — бог войны у древних галлов.

Геркулес (по-римски), *Геракл* (по-гречески) — знаменитый герой греко-римской мифологии. Еще младенцем в колыбели задушил двух змей, посланных враждебной ему богиней, чтобы умертвить его. За свою жизнь совершил двенадцать подвигов:

задушил руками страшного льва, победил девятиголовую гидру, похитил Цербера, семиглавого пса, из подземного царства, победил великана Антея и пр. Гладнаторы считали Геркулеса, как представителя могучей силы и доблести, своим покровителем.

Гиганты, или *титаны* — то есть великашы, наделенные сверхчеловеческой силой, дети Геи, богини земли, которые вступили в борьбу с Зевсом за власть над миром и потерпели поражение. По преданию, эта борьба происходила в окрестностях Везувия.

Гласис — земляная насыпь перед наружным рвом укрепления.

Глашатаи — объявляли на улицах и площадях приказы правителей или сообщали о каком-нибудь важном событии.

Горации — знаменитый римский род. По преданию, в VII в. до нашей эры, когда Рим воевал с соседним городом Альба-Лонгой, было решено кончить спор поединком. От римлян вышли три брата Горации, а от альбанцев — три брата Куриации. Когда два брата Горации были убиты, а три брата Куриации ранены, оставшийся в живых Гораций обратился в бегство. Куриации бросились за ним. Гораций, обернувшись, сразил мечом бежавшего впереди, затем расправился поодиночке и с двумя другими Куриациями.

Гражданский венок — венок из дубовых листьев с жолудями, которым награждали римского воина, спасшего своего товарища и убившего при этом врага.

Гракхи — братья Тиберий и Кай, знаменитые римские политические деятели во II в. до нашей эры. Будучи трибунами, Гракхи хотели провести в пользу крестьянской и городской бедноты реформы: наделение землей, дешевую продажу хлеба, облегчение военной службы и пр. Этими мерами они возбудили против себя знать и сенат. В 133 г. был убит Тиберий, а в 121 г. погиб Кай Гракх.

Двенадцать таблиц — в 451—450 гг. до нашей эры в Риме была образована комиссия из десяти лиц (децемвиры), которые составили законы, ставшие основой древнеримского права. Эти законы были записаны на двенадцати бронзовых досках или таблицах и выставлены на форуме — рыночной площади (центр римской государственной жизни).

Декаи, или *декурион* — десятник, начальник над десятью всишами в римских войсках.

Декрет — постановление высшей власти.

Диана — богиня охоты у древних римлян.

Диктатор — правитель с неограниченной властью, назначавшийся в чрезвычайных случаях, когда государству грозила опасность.

Динарий — древнеримская серебряная монета, стоимостью около 25 копеек золотом. В ней содержалось 15 ассов.

Дионис — древнегреческий бог вина и веселья (у римлян Вакх, или Бахус).

Древнеримская эра — римляне вели летосчисление с предпологаемого года основания Рима, за 753 года до нашей эры. Восстание Спартака началось в 680 году древнеримской эры, то есть в 73 году до нашей эры.

Елисейские поля, или *Элизум* — по верованиям древних греков и римлян, место блаженства, где после смерти пребывали души умерших героев и добродетельных людей.

Иды — так назывался день полнолуния, 1-й день 3-й недели в каждом месяце. По римскому календарю 4 месяца в году имели по 31 дню, а остальные по 29 дней. Каждый месяц делился на 4 недели, но 1-я неделя была короче остальных. В длинные месяцы она состояла из 6 дней, а в остальные из 4. Поэтому и иды приходились не на одно и то же число. В длинные месяцы (март, май, июль и октябрь) днем ид было 15-е число (в 1-й неделе 6 дней и во 2-й — 8 дней), а в остальные месяцы — 13-е число (4 дня в 1-й неделе и 8 дней во 2-й).

Иллирийцы — обитатели Иллирии — области на северо-восточном берегу Адриатического моря. Во II в. до нашей эры Иллирия стала римской провинцией.

Италийские войны — войны Рима с другими областями Италии, в результате которых Рим к III в. до нашей эры объединил под своей властью всю Италию.

Жай Мемний Гемелл — римский деятель I в. до нашей эры. Плебей по происхождению, Гемелл был глубоко образованным человеком; поэт и выдающийся оратор.

Календы — у римлян название первого дня каждого месяца. Слово „календы“ значит „ведущий день“. В этот день на римской площади „возвещали“, то есть объявляли, сколько дней будет в первой неделе этого месяца. По римскому календарю из четырех недель каждого месяца первая была самой короткой, и число дней в ней менялось: в те 4 месяца, которые состояли из 31 дня (март, май, июль и октябрь), в первой неделе было 6 дней, а в остальные месяцы всего 4 дня.

Камилл Марк Фурий — римский полководец и диктатор. В 390 г. до нашей эры спас Рим от нашествия галлов. За свои заслуги получил несколько триумфов и титул второго основателя Рима.

Капитолий — крепость на Капитолийском холме в древнем Риме. В ней находился храм Юпитеру.

Карфаген — государство в Африке, основанное финикийцами. Оно находилось на месте нынешних Туниса и Алжира. Столицей его был город Карфаген. Карфаген вел три знаменитые войны с Римом, так называемые пунические войны, окончившиеся разрушением Карфагена римским полководцем Сципионом Африканским в 146 г. до нашей эры.

Кастор — один из двух братьев-близнецов, сыновей греческого бога Зевса (Кастор и Поллукс), которые были известны своей дружбой.

Катапульта — метательная машина у древних народов, посредством которой бросали в неприятеля камни и стрелы, простые или зажигательные.

Катилина — римский политический деятель, живший в I в. до нашей эры. Известен заговором против консулов и сената. Катилина рассчитывал захватить власть с помощью народных масс, которых он хотел наделить землями, конфискованными у богатых и знатных римлян. В 63 г. до нашей эры заговор Катилины был раскрыт Цицероном. Катилина скрылся со своими сообщниками, но был убит в сражении с высланными против него войсками.

Катон Младший (95—46 г. до нашей эры) — правнук Катона Старшего. Принадлежал к республиканской партии, боровшейся против власти Юлия Цезаря. После того как республиканские войска были разбиты, Катон лишил себя жизни, не желая видеть падения республики.

Катон Старший (237—149 г. до нашей эры) — римский деятель и писатель. Известен как человек неподкупной честности и строгих правил. Будучи цензором, всеми средствами боролся с роскошью, которой окружали себя знатные римляне. Был непримиримым врагом Карфагена. Все свои речи в сенате он заканчивал словами: „Карфаген должен быть разрушен“.

Квесторы — должностные лица в древнем Риме. Одни из них заведывали государственной казной в Риме, другие сопровождали полководца в походе и заведывали военной казной.

Квирилы — так называли в древнем Риме полноправных гражд-

дан — не военных (слово „квириты“ значит сын Квирина, бога, почитавшегося основателем Рима).

Кибела — богиня, почитавшаяся в Малой Азии, Греции и Риме как мать всего живого, „великая мать“.

Кимеры — народ германского племени, живший первоначально на берегах Северного моря. Появились впервые в восточных Альпах в 413 г. до нашей эры. Кимбры разбили римлян, проникли в Галлию, в Испанию, везде успешно боролись с римлянами и вместе с родственным племенем тевтонов ворвались в Италию, но здесь были истреблены Марием в 101 г.

Киприда — прозвище греческой богини любви Афродиты (римская Венера), происшедшее от острова Кипра, который считался ее местопребыванием.

Кир (558—529 г. до нашей эры) — царь Персии. Основатель древнеперсидского царства. Покорил Вавилон, Мидию, Лидию и многие государства малоазийских греков, так что его владения простирались от Индии до Эгейского моря.

Клепсидра — употреблявшиеся в древности водяные часы, устроенные по подобию песочных.

Клиент — см. *патрон*.

Когорта — в римской армии отряд войска в 500 человек. Десять когорт составляли легион.

Комиции — народные собрания в древнем Риме, обсуждавшие новые законы и избиравшие должностных лиц.

Коммлава — комната, в которой римская матрона занималась чтением и принимала близких друзей. Обыкновенно комната эта находилась возле спальни.

Консул — высшее должностное лицо в Римской республике. Обыкновенно избирали двух консулов, вначале исключительно из патрициев, на один год. Политическая и военная власть консула первоначально соответствовала царской, но с течением времени была ограничена; консул лишь созывал сенат и народное собрание и ведал военными делами.

Красс Марк Лициний (115—53 г. до нашей эры) — римский политический деятель. Был сторонником Суллы, нажил огромное состояние грабежом имущества казненных и высланных при Сулле граждан. В 71 г. с большой жестокостью подавил восстание Спартака. Два раза избирался в консулы. В 60 г. образовал с Помпеем и Цезарем первый триумvirат (политический союз из трех лиц) с целью захватить и разделить между собою государственную власть. В 53 г. был вероломно убит в Азии.

во время похода против парфян. Сохранилось предание, что парфянский царь приказал отрубить голову Красса и налить ему в рот расплавленного золота. „Насытлся, — сказал он, — этим металлом, до которого ты был так жадеи при жизни“.

Курия — в Риме, начиная с эпохи царей, все патриции делились на разряды, или курии; каждые десять родов составляли курию. Всего было 30 курий. По куриям граждане подавали голоса в народных собраниях, каждая курия поставляла и войско — определенное количество пехотинцев и всадников. Курией называлось также здание, где происходили заседания сената и народные собрания (комиции).

Куртизанка — возлюбленная знатного лица.

Кургульное кресло — почетное кресло у древних римлян, на котором восседали сначала царь, а потом высшие должностные лица — консул и претор.

Ланиста — учитель гладиаторов, а также содержатель школы гладиаторов, кормивший их, торговавший ими.

Лары — римляне верили, что душа человека не умирает вместе с телом, а продолжает жить в доме, принимая участие в судьбе семьи. Эти души умерших предков назывались ларам, или манами, а также пенатами (потому что они жили во внутренней части дома — по-латыни „пенетралия“). Лары считались гениями, покровителями семьи. Во время важных событий в жизни семьи (при рождении ребенка, во время свадьбы, при отъезде или возвращении из путешествия) ларам приносили жертву. Не только каждая семья, но и каждая местность имела своего лара. На перекрестках стояли небольшие святилища, посвященные ларам.

Латиклава — тога белого цвета с пурпурной полосой — одежда римских сенаторов.

Лациум — область в средней Италии, населенная латинянами. Рим сначала был одним из городов Лациума, но в IV в. до нашей эры подчинил себе всю область.

Легион — самая крупная единица войска в древнем Риме — в пять-шесть тысяч человек. Легион разделялся на десять когорт.

Ливий Друз — римский народный трибун; он хотел восстановить законы Гракхов о наделении крестьян землей, об освобождении от податей при переселении в колонии, об удешевлении цен на хлеб. Он внес также предложение, чтобы римские союзники получили права римских граждан. Но реформы его не были проведены, потому что за несколько дней до голосования их в сенате Друз был убит.

Ликторы — почетная стража высших должностных лиц в Риме. Они шли впереди должностных лиц, расчищая перед ними путь. По их приказанию хватали преступников и подвергали их наказанию. Знаком их должности были связки прутьев с вложенным в середину топором (связка прутьев по-латыни „фасцес“. Отсюда произошло название фашистов).

Лукреций Тит Кар — знаменитый римский поэт, живший в I в. до нашей эры. Он написал большую поэму „О природе вещей“, в которой изложил учение философа Эпикура, последователем которого он был.

Лукулл Люций Лициний — римский полководец, жил в I в. нашей эры, вел удачные войны с Митридатом Понтийским. Последние десять лет жизни провел в своей великолепной вилле, где прославился своей расточительностью, роскошными пирами и всевозможными увеселениями.

Манигармор — по верованиям древних германцев — страшный пес, вроде Цербера у греков, который раздирал в аду (Нифльгейме) тела осужденных на муки.

Манипула — название роты в римском войске. Легион в 4-5 тысяч воинов делился на 10 когорт, когорта на три манипулы.

Марий Гай (156—86 г. до нашей эры) — римский полководец, сын крестьянина. Марий благодаря своим исключительным военным способностям из простого легионера добился высших должностей. Был претором в Испании. Победил нумидийского царя Югурту. Разбил варваров — кимвров и тевтонов. Вел борьбу за власть с Суллой. Был изгнан из Италии. Вернувшись, жестоко расправился со своими противниками и умер через несколько дней после того, как был в седьмой раз избран консулом.

Марс — бог войны у римлян. Вначале почитался за бога весны, покровителя стад; его именем был назван первый весенний месяц март. Весенние празднества в честь Марса сопровождались военными танцами. По древним римским сказаниям, Марс считался родоначальником римского народа как отец Ромула и Рема, легендарных основателей Рима. Одно из его имен было Квирии — отсюда квириты.

Марс Гиперборейский — т. е. северный. Бог войны, почитавшийся у фракийцев.

Марсово поле — посвященная Марсу часть равнины близ Рима, на левом берегу Тибра. Здесь происходили состязания на боевых конях в честь Марса, а также народные собрания.

Марсово поле служило местом погребения славнейших римских деятелей.

Матрона — замужняя знатная римлянка.

Меценат — римский деятель и писатель времен Августа, первого римского императора (I в. до нашей эры). Известен главным образом как покровитель писателей. Отсюда называют „меценатом“ каждого покровителя наук и искусства.

Мидгард — по древнегерманским сказаниям — огромная змея, которую бог Один утопил в море. Она там увеличилась до гигантских размеров и окружила всю землю. Мидгард считалась также божеством ада.

Милиция — так называлось в древнеримской республике войско, которое не составляло постоянной армии, а призывалось только во время войны.

Мим — небольшая народная комедия у древних римлян, состоящая из ряда комических бытовых сценок, очень простая и грубоватая, с грубыми шутками, драками, пощечинами. В повести „Спартак“ мимами называются актеры-комедианты, разыгрывающие эти комедии.

Минерва — у римлян (она же Афина-Паллада у греков) любимая дочь Юпитера, богиня мудрости, знания, непобедимая воительница, защитница городов, богиня ремесл.

Минос — по верованиям древних греков, сын Зевса, царь острова Кипра, ставший после смерти судьей в подземном царстве.

Митридат Великий — царь Понтийского и Босфорского царств (по берегам Черного моря). Жил в I в. до нашей эры. Завоевал Малую Азию и Кавказ. В течение 27 лет вел почти непрерывные войны с Римом, но в 63 г. был разбит Помпеем и после измены сына лишил себя жизни, бросившись на меч.

Мом — у древних римлян бог — покровитель комедиантов, изображавшийся в одежде шута.

Муций Сцевола (левша) — легендарный герой римлян. В 507 г. до нашей эры при осаде Рима этрусским царем Порсеной Муций отправился в неприятельский лагерь, чтоб убить Порсену, но был схвачен и приведен к царю. Когда ему стали угрожать пытками и смертью, он в знак неустрашимости положил руку в огонь и дал ей сгореть. Порсена, узнав от него, что триста таких же римских юношей согласились убить его, снял осаду.

Нектар — напиток богов, делавший их бессмертными.

Нимфы — по верованиям древних греков, божества низшего порядка, прекрасные девы, населяющие моря, реки, озера, горы и пещеры.

Ниобея, или *Ниоба* — по греческим сказаниям, царяда Ниобея оскорбила богиню Латону, назвав ее бесплодной, так как она имела только двух детей, тогда как у Ниобеи было семь прекрасных дочерей и столько же сыновей. В наказание за это дети Латоны — Аполлон и Артемиды — на глазах у Ниобеи поразили своими стрелами всех ее детей. Ниобея с горя превратилась в каменное изваяние.

Нифльгейм — ад, по верованиям древних германцев.

Нума Помпилий — легендарный царь римский, царствование которого римские историки относят к 715—672 гг. до нашей эры.

Олигархия — образ правления, при котором государственная власть находится в руках небольшой группы лиц. Такое олигархическое правление было во время диктатуры Суллы, которого поддерживала немногочисленная партия знати.

Олимп — самая высокая гора Балканского полуострова (2985 метров высоты). Древние греки считали Олимп местом пребывания богов.

Оптиматы — во времена Римской республики консервативная аристократическая партия, которая стояла за господство сената и была против реформ в пользу народа.

Ординарец — воин, состоящий при военном начальнике и исполняющий его поручения.

Остия — древняя гавань Рима при устье Тибра.

Паланкин — особого рода носилки, в которых в древнем Риме путешествовали богатые люди. Такими носилками пользуются еще и теперь в восточных странах, например в Индии.

Палатин, *Палатинский холм* — один из семи холмов древнего Рима. На нем, по преданию, построены были первые жилища города. Позднее на Палатинском холме находились дома и дворцы знатных римлян.

Палла — женская одежда, в виде прямоугольного куска материи, которую знатные римлянки носили поверх тоги. Палла красивыми складками окутывала верхнюю часть тела, а в дурную погоду ею покрывали голову.

Пан — по древнегреческим верованиям, бог лугов, полей, лесов и скота. Его изображали с козлиными ногами, бородой и рогами и с пастушеской свирелью, изобретателем которой его считали. Необъяснимые звуки в лесах и горах, пу-

гавшие людей, древние греки приписывали Пану. Отсюда выражение „панический страх“ для обозначения сильного, безотчетного испуга.

Пантомима — театральное представление, где актеры вместо слов объясняются мимикой и жестами.

Папирус — древнейшие египетские свитки с письменами. Эти египетские папирусы (рукописные свитки) являются как бы родоначальниками теперешней книги. Древнейшие из египетских папирусов появились за 2500 лет до нашей эры. Название свое получили от растения папируса, из стебля которого делались писчие листы. Листы эти склеивались в длинные полосы и свертывались в свитки.

Парапет — ограда на мосту, набережной, галлерее, арке.

Парки — по верованиям древних римлян, три богини, которые управляли жизнью человека. Одна из них начинала прясть нить человеческой жизни, другая разматывала нить, третья обрезала ее. Изображались они с прялкой, веретеном и ножницами.

Патриции — господствующий класс в древнем Риме. Когда в VI в. до нашей эры образовалась Римская республика, патриции завладели всей политической властью над остальной народной массой (слово „патриций“ в переводе на русский язык значит сын знатного отца).

Патрон — так назывался в древнем Риме патриций, от которого находились в зависимости неполноправные римские граждане, называвшиеся его клиентами. Клиенты обязаны были оказывать своему патрону вооруженную помощь на войне и денежную в мирное время, а патрон брал на себя защиту их в суде, так как клиент сам не имел права защищать свои интересы. В романе „Спартак“ Метробий называет своим патроном бога Мома, который, по древнеримским верованиям, считался покровителем комедиантов.

Пегас — у древних греков имя сказочного крылатого коня.

Пеплум, или *пеплос* — перешедшая к римлянам от греков женская одежда в виде плаща, без рукавов, застегивавшаяся на плече.

Пираты киликийские — морские разбойники из Киликии, в древности — горной страны в Малой Азии.

Пирр — царь Эпира, одной из греческих областей. В 280 и 278 гг. при Геракле и Аскулуме разбил римские войска.

Регул Марк Атtilий — римский полководец, одержал в

первую пуническую войну блестящую победу над карфагенянами, но при продолжении войны был взят в плен. Карфагеняне отправили в Рим вместе с посольством для переговоров о мире и пленного Регула. Регул произнес в сенате речь против заключения мира, что было благом для Рима, но гибелью для Регула, который, сдержав данную им клятву, вернулся пленником в Карфаген, где и погиб.

Плебеи — в древнем Риме так назывались неполноправные граждане, которые, хотя и пользовались свободой, но участия в политической жизни не принимали.

Поллукс — см. Кастор.

Помпей Великий — римский полководец и государственный деятель, жил в I в. до нашей эры. Был римским консулом, воевал с Митридатом Понтийским, заключил договор с Крассом и Юлием Цезарем (триумвират — союз трех людей), чтобы вместе управлять государством. Вступив потом в борьбу за власть с Цезарем, он потерпел поражение в битве при Фарсале и бежал в Египет, где был убит в 48 г. до нашей эры.

Помпея, или *Помпеи* — древний городок в Италии, около Неаполя, у подножия вулкана Везувия, служил местом отдыха для римской знати. В 79 г. нашей эры был во время извержения вулкана весь засыпан толстым слоем пепла и лавы. Раскопки Помпеи начались в 1748 г. В настоящее время город почти весь откопан и расчищен. Сохранились многие общественные здания и дома, статуи, рисунки на стенах, по которым можно ознакомиться с древнеримской жизнью. Помпея является замечательным музеем римской древности.

Понтифекс — один из верховных жрецов. При Сулле число их доходило до пятнадцати. Они наблюдали за жрецами и за исполнением обрядов. Юлий Цезарь был избран таким верховным жрецом.

Портик — крытая галлерея, потолок которой поддерживался колоннами. В древней Греции и Риме портики устраивались вокруг торговой площади и перед входом в дома богатых людей. Во время дождя и солнечной жары под портиками собиравшись для бесед и прогулок.

Претор — высшее после консула правительственное лицо в древнем Риме. На нем лежали обязанности судьи. Претор также заменял консула во время отсутствия последнего.

Преторий — походная палатка командующего во время войны; помещалась обыкновенно в середине лагеря.

Префект — начальник. Префектом у древних римлян назывался начальник города, начальник области (провинции), начальник отдельной воинской части, например когитицы.

Префики — плакальщицы-женщины, которые нанимались специально для того, чтобы оплакивать покойника и прославлять его достоинства.

Прозерпина — у древних римлян царица подземного мира, жена Плутона.

Проскрипция — объявление граждан лишеными всех прав и защиты законов. Списки таких граждан вывешивались для всеобщего сведения (проскрипционные списки). В древнем Риме этой мерой пользовались для уничтожения политических противников и отобрания их имущества.

Родопея — родопская, то есть родом из Родоны, области во Фракии.

Ромул и Рем — по римским сказаниям, два брата-близнеца, которые основали город у подножия Палатинского холма. Потом Ромул убил Рема и стал царем нового города, названного по его имени Римом (по-латыни Рома). По преданию, их вскормила волчица. В память этого в Риме на Капитолии до сих пор содержат живую волчицу.

Ростра — ораторская трибуна на площади в древнем Риме (получила свое название оттого, что была украшена носами кораблей, захваченных во время войны; ростра — название носа корабля).

Сабина — область в средней Италии, населенная племенем сабинян.

Самниты — племена, населявшие Самниум, гористую область в древней Италии. После продолжительных войн с римлянами (самнитские войны) самниты окончательно попали под власть римлян (в начале III в. до нашей эры). В I в. до нашей эры они почти целиком были истреблены войсками Суллы.

Сатиры — по древним римским верованиям, лесные и полевые полубоги, спутники бога вина и веселья Вакха. Их изображали с приплюснутым носом и козлиными рогами, ушами, ногами и хвостом и большей частью с флейтой в руках.

Сатурн — по древнегреческим верованиям, бог земледелия, который был изгнан с неба своим сыном Юпитером и поселился в Италии, где научил людей земледелию.

Сатурний Луций Апулей — римский народный трибун, вождь народной партии во время Марка. В 100 г. до нашей эры он

провел выгодные для народа законы — об удешевлении цен на хлеб, о наделении воинов землей в покоренных областях. В 99 г. был убит во время уличной схватки.

Секутор (по латыни „преследователь“) — так назывался гладиатор, вооруженный только мечом и щитом. Противником его выступал гладиатор-сеточник, вооруженный трезубцем и сеткой. Если сеточнику не удавалось опутать противника сеткой, он убегал, и его преследовал секутор.

Сенат — в древнем Риме собрание римских патрициев, вместе с властями управлявшее Римским государством. Получил свое название от латинского слова „senex“ (сепекс) — старец, потому что в члены сената избирались старейшие патриции. Сначала в сенате было 300 человек, в I в. до нашей эры 600, в эпоху Цезаря число сенаторов дошло до 900 человек.

Сервий Туллий — шестой римский царь (в V в. до нашей эры), улучшил положение плебеев.

Сессорское поле — считавшееся позорным местом за Эсквилинскими воротами Рима, где распинали на кресте рабов, признанных виновными по отношению к своим господам.

Сестерций — древнеримская серебряная монета стоимостью около 10 кошек золотом.

Софокл (495—406 до нашей эры) — великий греческий писатель; написал более ста трагедий, из которых до нашего времени сохранились семь — „Аякс“, „Антигона“, „Электра“, „Эдип-царь“ и др.

Стабии — город в древней Кампании (в Италии), разрушенный вместе с городом Помпеей во время извержения вулкана Везувия в 79 г. нашей эры.

Стадия — греческая мера длины, равнявшаяся 125 шагам.

Стикс — по верованиям древних греков, река, семь раз обтекающая подземное царство мертвых.

Стоики — сторонники учения древнегреческого философа Зенона. Назывались так потому, что собирались для научных бесед в портике (по-гречески „стоа“). Стоики считали, что самое главное в жизни человека — это мудрость, научное знание, и равнодушно относились к благам жизни. Отсюда и произошло название „стоический“, для обозначения человека, который твердо, мужественно переносит всякие несчастья и лишения.

Стола — длинная, перехваченная двумя поясами одежда в складках, которую замужние римлянки надевали поверх туники (рубашки-безрукавки).

Субурра — в древнем Риме так называлась часть города, в которой жило беднейшее население.

Сулла Луций Корнелий — римский полководец, родился в 138 г. до нашей эры; был консулом. В 82 г. до нашей эры, одержав победу над Митридатом, царем Понтийским, вернулся в Рим, жестоко расправился путем проскрипций со своими политическими противниками, сторонниками Мариа, и стал диктатором. В 79 г. до нашей эры отказался от власти и через год умер.

Сципион Африканский Старший (Публий Корнелий) (257—183 г. до нашей эры) — знаменитый римский полководец; вел войны с Карфагеном (вторая пуническая война), покорил Испанию, в 202 г. разбил войско Ганнибала при Заме (в Африке).

Талант — в древности название самой большой весовой единицы — около 26 килограммов. Талантом называлась также высшая денежная единица; стоимость серебряного таланта равнялась 1 500 рублям.

Таран — у древних народов орудие для разрушения стен. Оно состояло из подвешенного на цепях или канате толстого длинного бревна с тяжелым металлическим наконечником на переднем конце. Таран раскачивали и ударяли наконечником в стену.

Тартар — по верованиям греков, мрачная бездна в подземном царстве, где мучились грешники.

Тевтоны — древнегерманское племя, которое при вторжении в Южную Европу (Галлию) было уничтожено римским полководцем Маршем в 102 г. до нашей эры.

Термы (от греческого слова „термос“ — теплый) — древнеримские общественные бани. Отличались большими размерами и роскошной отделкой.

Тетуан — божество у древних галлов.

Тибр — река в Италии, протекает через город Рим, впадает в Тирренское море.

Тирренское море — часть Средиземного моря между Италией и островами Корсикой, Сардинией, Сицилией.

Тога — одежда древних римлян, которую они начинали носить, достигнув гражданского совершеннолетия. Тога состояла из длинной шерстяной ткани, которая набрасывалась вокруг тела, начиная с левого плеча, оставляя правую руку открытой.

Тор — по верованиям древнегерманских народов, бог войны.

Триба — все римское население делилось по округам. Населе-

ние каждого округа называлось трибой. На общих собраниях граждане голосовали по трибам.

Трибун воиный — в древнем Риме начальник легиона. Их было шесть, и они командовали по очереди, по два месяца каждый. Трибуны пародные — представители и защитники плебеев, избирались последними и имели право приостанавливать решения должностных лиц, направленные против плебеев.

Триклиний — в древнем Риме название комнаты, служившей столовой. Слово „триклиний“ значит три ложа. Обыкновенно в столовой стояли три ложа, с трех сторон стола. Римляне не сидели, а возлежали во время еды, опираясь левой рукой о подушку.

Трирема — у греков и римлян судно с тремя ярусами гребцов.

Триумфатор — полководцу, одержавшему крупную победу, по постановлению сената оказывали особые почести, называемые триумфом. Триумфатор, в пурпурной тоге, с лавровым венком на голове, въезжал на позолоченной колеснице в Рим. За ним вели пленных и несли военную добычу. Процессия направлялась в Капитолий, где триумфатор приносил жертву Юпитеру.

Туника — у древних римлян белая шерстяная рубашка без рукавов или с короткими рукавами.

Тускуланское вино — так называлось вино из виноградников в окрестностях древнего города Тускулума, находившегося в 24 километрах от Рима и застроенного дачами богатых римлян.

Утика — древний город на севере Африки, близ Карфагена. Здесь лишился себя жизни Катон Младший, который поэтому известен под именем Катона Утического.

Фавн — по древнеиталийским верованиям, бог лесов и полей и покровитель стад, то же, что у древних греков Пан.

Фалернское вино — вино из виноградников Фалернской области в Италии, славилось в древности своим качеством.

Фасции — см. ликторы.

Фермопильский герой — так называли Леонида, царя Спарты (государство в древней Греции), который в 480 г. до нашей эры погиб со всем своим отрядом в неравном бою, защищая проход через Фермопильское горное ущелье против громадных войск персидского царя Ксеркса.

Фортуна — по древнеримским верованиям, богиня счастья и случая. Ее изображали на шаре или колесе с завязанными глазами.

Форум — в древнем Риме площадь, на которой происходили пародные собрания и обсуждались все общественные дела.

Фракия — область в древней Греции. В I в. до нашей эры подчинена была Риму. Фракийцы — воинственный народ, населявший древнюю Фракию.

Фурии — см. Эвмениды.

Харон — по древнегреческим верованиям, старик-лодочник, который перевозил души умерших через реку Ахерон в царство мертвых. Греки поэтому клали в рот умершему монету, чтобы он мог заплатить за перевоз.

Храм Согласия — в повести Варии говорит о храме Согласия, который выстроил в 121 г. до нашей эры консул Луций Оппий, подавивший восстание Кая Гракха. Варии иронически называет его „храмом Раздора“.

Цезарь Кай Юлий — знаменитый полководец и государственный деятель древнего Рима. Родился около 100 г. до нашей эры. Чтобы добиться власти, заключил тайный договор с Крассом и Помпеем (триумвират — союз трех людей) для совместного управления государством. Выбранный консулом, прославился завоеванием Галлии (Галлия занимала значительную часть Западной Европы, начиная с Северной Италии и кончая Германией до реки Рейна). Вступив в борьбу с Помпеем, победил его и сделался диктатором. В 44 г. до нашей эры против него был составлен заговор сторонниками народной партии, и он был убит во время заседания сената. Один из его убийц был Кассий, который упоминается в романе „Спартак“; он в то время был еще мальчиком и присутствовал в цирке, когда сражался Спартак.

Цензор — должностное лицо, которое заведывало оценкой имущества (ценза) граждан для обложения их налогом. На цензоре лежала также обязанность следить за поведением граждан.

Центурион — сотник, командир центурии — отряда в 100 человек, составлявшей часть римской когорты.

Церера — по древнеримским верованиям, богиня земледелия.

Цинна Луций Корнелий — римский консул 87—86 гг., враг Суллы, один из вождей народной партии. В 84 г. до нашей эры был убит во время вспыхнувшего в войсках бунта.

Цицерон Марк Туллий — замечательный римский оратор, политический деятель и писатель; жил в I в. до нашей эры. Он раскрыл заговор Катилины против сената, за что получил от сената титул „отца отечества“. В 43 г. до нашей эры был убит подосланными триумвром Марком Антонием убийцами.

Эвмениды — по древнегреческим верованиям, богини мщения; то же, что эринии и фурии.

Эви — раб, в 136 г. до нашей эры, вставший во главе восстания рабов в Сицилии. Разбив римские войска, он провозгласил себя царем и собрал армию в двести тысяч человек. После ряда побед над римскими войсками в 132 г. Эви был разбит, взят в плен и умер в тюрьме.

Эврипид (480—406 г. до нашей эры) — великий древнегреческий писатель. До нашего времени сохранилось восемнадцать трагедий: „Ифигения“, „Медея“, „Федра“, „Троянки“, „Елена“ и др.

Эдил — выборное должностное лицо в древнем Риме. Сначала эдилы были помощниками народных трибунов, потом на них возложены были полицейские обязанности, заведывание городским благоустройством, рынками, борьба с пожарами, устройство общественных игр.

Экс-диктатор (латинское слово „экс“ значит „из“, „бывший“) — бывший диктатор; здесь говорится о Сулле, который раньше был римским диктатором.

Экседра — гостиная в римском доме.

Элизium — см. Елисейские поля.

Эпикур (341—270 г. до нашей эры) — греческий философ-материалист. Он считал, что не боги создали мир, а вечное движение материи, соединение ее мельчайших частиц. Боги, по его мнению, особые существа, которые не имеют никакого влияния на жизнь людей. Жизнь человека кончается со смертью тела, никакой загробной жизни нет. Счастье состоит в достижении душевной ясности и спокойствия, в освобождении от душевных страданий. Эпикур считал, что философ не должен участвовать в общественной жизни. Из сочинений Эпикура (около 300) до нас дошли только отрывки его главного труда „О природе“. Последователь Эпикура поэт Лукреций изложил его философию в своем сочинении „О природе вещей“.

Эпирот — уроженец Эпира, одной из областей древней Греции.

Эреб — по греческим верованиям, самая мрачная часть подземного царства.

Эскулап — по древнегреческим верованиям, бог врачебного искусства.

Эсхил (525—456 г. до нашей эры) — один из трех великих древнегреческих писателей, писавших трагедии (два других — Эврипид и Софокл). Эсхил первый начал писать трагедии и получил название „отец трагедий“. Содержание для своих трагедий Эсхил обычно заимствовал из древних мифов.

Эфиоп — уроженец Эфиопии. Эфиопией называлась в древности страна в Африке, лежащая к югу от Египта, теперешняя Абиссиния.

Югурта — царь Нумидии (в Африке, ныне Алжир), долго вел войну с Римом (Югуртинская война) и окончательно был побежден римским полководцем Марием в 105 г. до нашей эры.

Юнона — по древнеримским верованиям, жена Юпитера, богиня — покровительница семейной жизни.

Юпитер — по древнеримским верованиям, главный из богов, который управляет небом и землей. Одно из его прозвищ — „Громовержец“.

Юпитер Статор („статор“ значит стойкий) — одно из названий Юпитера, указывающее, что он дает войну стойкость и удерживает его от бегства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Глава</i> I. Щедрость Суллы	5
<i>Глава</i> II. Спартак на арене	19
<i>Глава</i> III. Таверна Венеры Либитины	34
<i>Глава</i> IV. Что делал Спартак, став свободным гражданином	53
<i>Глава</i> V. Столовая Катилины и приемная Валерии	70
<i>Глава</i> VI. Угрозы, интриги и опасности	87
<i>Глава</i> VII. Как смерть опередила Демифла и Метробия	112
<i>Глава</i> VIII. Последствия смерти Суллы	128
<i>Глава</i> IX. Как пьяница думал, что он спас республику	150
<i>Глава</i> X. Восстание	171
<i>Глава</i> XI. От Капуи до Везувия	189
<i>Глава</i> XII. Как Спартак довел число своих бойцов до десяти тысяч	199
<i>Глава</i> XIII. От битвы при Казимине до битвы при Аквине	210

Глава	XIV, в которой рассказывается о разных чувствах и о самолю- бии ликтора Семплициана .	222
Глава	XV. Спартак одерживает победу еще над одним претором и преодолевает тяжкие искуше- ния	239
Глава	XVI. Лев у ног девушки. Убийца, понесший наказание	256
Глава	XVII. Арторикс-фокусник	270
Глава	XVIII. Консулы на войне. Сражение под Камеринном. Смерть Окно- мао	291
Глава	XIX. Битва при Мутине. Мятежи. Марк Красс действует	311
Глава	XX. От сражения при горе Гар- ганской до похорон Крисса .	329
Глава	XXI. Спартак в Лукании. Сеть, в которую попал сам ловец . .	351
Глава	XXII. Последние сражения. Пораже- ние при Браданусе. Смерть .	367
Заключение		389
Объяснения древнеримских и древнегрече- ских имен и названий		392

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Отв. редакт. А. ПОКРОЕСКАЯ.
Худож. редакт. П. СУВОРОВ.
Техн. ред. К. МАСЛЕННИКОВА.
Корректор И. ФИЛИППОВА.
Объяснение древне-римских и древне-греческих имен и названий составили М. И. БРЕЙ и Т. А. ГРИГОРЬЕВА.

Сдано в производство 4/III 1937 г.
Подписано к печати 14/III 1937 г.
Формат 82X110¹/₃₂ до 1 я. 26 печ. л.
(18,45 авт. л.). Индекс Д-9. Детиздат № 1150. Уполномоченный Главлита Б-13651. Тираж 50.310.
Зак. тип. 1304.

Отпечатано с матриц в
1-й Образцовой типографии О. изд.
РСФСР треста „Полиграфкнига“.
Москва, Баловая, 28.